

A black and white photograph of a city skyline across a body of water, with a dark, textured foreground. The skyline features several prominent buildings, including a tall, pointed tower. The water reflects the buildings and the sky. The foreground is dark and appears to be a textured surface, possibly a book cover or a piece of paper.

Zygmunt Miłoszewski

UWIKŁANIE

Annotation

Дело об убийстве в ходе психотерапевтической сессии связывается с преступлением, совершенным службами безопасности Польши почти два десятка лет назад. Книга погружена в реалии современной польской действительности. Возможно, книга будет любопытна тем, кто интересуется «терапией расстановок».

Зигмунт Милошевский

УВЯЗНУТЬ В ПАУТИНЕ

Злых людей нет, есть только увязшие

Берт Хеллинджер

Монике, тысячекратно

ГЛАВА ПЕРВАЯ

воскресенье, 5 июня 2005 года

Сумасшедший успех воскрешенного к жизни Яроцина,^[1] тысячи человек слушало Джем, Армию и TSA. Поколение JP2^[2] участвовало в ежегодном молитвенном собрании на Леднице. Збигнев Релига^[3] объявил, что подаст свою кандидатуру в президенты, и что желает быть «кандидатом национального согласия». На юбилейном, десятом уже авиатикнике в Гурашце появились два истребителя F-16, возбуждая энтузиазм собравшихся. В Баку польская сборная в ужаснейшем стиле разгромила Азербайджан, а тренер азеров^[4] избил судью. В Варшаве полицейские в качестве предостережения вручали водителям ужасные снимки жертв аварий; на Мокотуве^[5] загорелся автобус 122 маршрута, на Киновей перевернулась карета скорой помощи, везущая печень для пересадки. Водитель, медсестра и врач с синяками и ссадинами попали в больницу, печень спаслась и в тот же день была пересажена пациенту клиники на ул. Банаха. Максимальная температура воздуха в столице — 20 градусов, возможны краткосрочные осадки.

— Позвольте рассказать вам сказку. Давным-давно, в небольшом провинциальном городке жил-был себе столяр-краснодеревщик. Люди в городке были бедными, они не могли себе позволить приобрести новые столы и стулья, так что столяр тоже был беден. С трудом он сводил концы с концами, и чем старше становился, тем меньше верил, будто бы судьба может измениться, хотя желал этого, как никто другой на свете, поскольку у него была дочка-красавица, и ему хотелось, чтобы у нее жизнь была получше. Как-то раз, летом в дом столяра пришел богатый сановник. «Столяр, — сказал он, — ко мне приезжает брат, которого я давно уже не видел. Я желаю сделать ему ошеломительный подарок, а поскольку он прибывает из страны, обилующей золотом, серебром и драгоценными камнями, я решил, что подарком станет деревянная шкатулка чрезвычайной красоты. Если тебе удастся изготовить ее до воскресенья после ближайшего полнолуния, ты никогда уже не будешь жаловаться на нужду». Понятное дело, столяр согласился и тут же приступил к делу. Работа была исключительно сложной и трудоемкой, ведь столяр хотел соединить множество пород дерева и украсить шкатулку резными миниатюрами всяких сказочных созданий. Он мало ел, почти что не спал, а только работал. Тем временем, известие о визите сановника и необыкновенном заказе разнеслась по всему городку. Его обитатели очень любили скромного столяра, каждый день кто-нибудь приходил с добрыми пожеланиями и пытался помочь в работе. Пекарь, купец, рыбак, даже трактирщик — каждый из них хватал долото, молоточки и пилочки, желая, чтобы столяр закончил работу в срок. К сожалению, никто из них выполнить его работу никак не умел, и дочка столяра с печалью глядела, как ее отец, вместо того, чтобы, собрав все силы, вырезать шкатулку, поправляет то, что напортили его приятели. Как-то утром, когда до срока оставалось всего четыре дня, а отчаявшийся ремесленник рвал головы с головы, его дочка встала в дверях и гнала каждого, кто приходил с помощью. Весь городишко обиделся на них, никто уже не говорил о столяре-краснодеревщике иначе, как о неблагодарном грубияне, а о его дочке — как о невоспитанной старой деве. Хотелось бы мне сказать вам, что краснодеревщик, пускай и потерял приятелей, зато очаровал сановника своей мастерской работой, только это было бы неправдой. Потому что, когда в воскресенье после равноденствия богач прибыл в дом столяра, он уехал в бешенстве и с пустыми руками. Лишь через много дней столяр закончил шкатулку и подарил ее собственной дочке.

Цезарий Рудский закончил рассказ, откашлялся и налил в кружку кофе из термоса. Трое его пациентов, две женщины и мужчина, сидели с другой стороны стола. Не хватало лишь пана Генрика.

— И какая же из этого следует мораль? — спросил мужчина, сидящий слева, Эузелий Каим.

— Только лишь такая, какую вы сами в этой сказке найдете, — ответил Рудский. — Я знаю, что хотел сказать, но вы лучше меня знаете, что хотите понять, и какой смысл вам сейчас нужен. Сказкам комментарии не нужны.

Каим замолк, Рудский тоже ничего не говорил, поглаживая седую бороду, которая, по мнению некоторых, делала его похожим на Хемингуэя. Он размышлял, следует ли как-то провести связь с событиями предыдущего дня. В соответствии с принципами — ему этого делать не следовало. Тем не менее...

— Пользуясь тем, что пана Хенрика нет, — сказал он, — мне хотелось бы напомнить всем, что мы не комментируем не только сказки. Не комментируем мы и ход психотерапии. Это один из базовых принципов. Даже если какая-то из сессий была столь интенсивная, как вчера. Тем более, нам следует молчать.

— Почему? — спросил Эузебий Каим, не поднимая головы от тарелки.

— Поскольку тогда мы прикрываем словами и попытками интерпретации то, что мы выявили. Тем временем, правда обязана начать действовать. Найти дорогу к нашим душам. Было бы нечестно, по отношению к нам всем, убить эту правду посредством академических дискуссий. Поверьте мне, пожалуйста, что так лучше.

Кушать продолжали молча. Июньское солнце впадало сквозь узкие, похожие на бойницы окна и окрашивало темный зал светящимися полосами. Помещение было очень скромным. Длинный деревянный стол, не покрытый скатертью, несколько стульев, распятие над дверью. Шкафчик, электрический чайник, микроскопический холодильник. Больше ничего. Когда Рудский обнаружил это место — пустынь в самом центре города — он был восхищен. Ему казалось, что церковные помещения в большей мере будут способствовать психотерапии, чем снимаемые до сих пор хозяйства, участвующие в программах зеленого туризма. И он был прав.

Несмотря на то, что в здании размещались костёл, школа, врачебная амбулатория и несколько частных фирм, а рядом проходила Лазенковская Трасса, ^[6] здесь чувствовался глубокий покой. А именно в нем нуждались его пациенты.

Покой имел свою цену. Здесь не было никакой кухонной инфраструктуры; пришлось самому купить холодильник, чайник, термос и посуду. Обеды заказывали в городе. Проживали в кельях на одного, кроме того в их распоряжении имелась небольшая трапезная, в которой сейчас сидели, и такой же небольшой зальчик, в котором проводили сессии. Небольшой такой зал с крестовым сводом, опирающимся на трех толстенных колоннах. Да, криптой Леонарда ^[7] это назвать было нельзя, но, по сравнению с комнаткой, где он сам принимал пациентов — почти.

Но теперь в голову ему приходили мысли, а не выбрал ли он место излишне мрачное, слишком замкнутое. У него складывалось впечатление, что высвобождаемые в ходе сессии эмоции оставались между стенами, отражались от них словно каучуковый мячик и били рикошетом всякого, кто имел такую задачу здесь появиться. Сам он был едва живым после вчерашних событий, радуясь лишь тому, что вскоре все закончится. Ему хотелось уйти отсюда как можно скорее.

Рудский отпил глоток кофе.

Ханна Квятковская, сидящая напротив Рудского женщина тридцати пяти лет, крутила в пальцах ложечку, не спуская с психотерапевта глаз.

— Да? — спросил он.

— Я беспокоюсь, — ответила та деревянным голосом. — Уже четверть десятого, а пана Хенрика нет. Быть может вам следует пойти и проверить, все ли в порядке, пан доктор.

Тот поднялся с места.

— Проверю, — заявил он. — Мне кажется, пан Генрик просто отсыпает вчерашние эмоции.

По узенькому коридорчику (в этом доме все было узким) он дошел до комнаты Генрика. Постучал. Ничего. Постучал еще раз, более решительно.

— Пан Генрик, подъем! — крикнул он в дверь.

Рудский переждал еще секунду, нажал на дверную ручку и вошел вовнутрь. Пусто. Постель застлана, личные вещи отсутствуют. Психотерапевт вернулся в трапезную. Три головы одновременно повернулись в его направлении, словно вырастали из одного туловища, что напомнило драконов с иллюстраций в детских книжках.

— Пан Генрик покинул нас. Только не следует брать это на себя. Не первый и не последний раз пациент довольно неожиданно отказывается от терапии. Тем более, после столь интенсивной сессии, как вчера. Надеюсь, что пережитое на него подействует, и ему будет легче.

Квятковская даже не шевельнулась. Каим пожал плечами. Барбара Ярчик, последняя из троих — совсем еще до недавнего, четверых — его пациентов, поглядела на Рудского и спросила:

— Это конец? Можем ли мы, в таком случае, отправляться по домам?

Психотерапевт отрицательно покачал головой.

— Давайте на полчаса разойдемся по своим комнатам, отдохнем, успокоимся. А ровно в девять встретимся в зале.

Все трое — Эузевий, Ханна и Барбара — кивнули и вышли. Рудский обошел стол, проверил, есть ли в термосе еще кофе, и налил себе полную кружку. Ругнулся под носом, потому что забыл оставить место на молоко. Теперь следовало выбирать: отпить или отлить. Вкуса черного кофе он не терпел. Вылил сколько-то в мусорную корзину, долил молока и встал у окна. Он глядел на проезжающие по улице автомобили, на стадион через дорогу. И как этим мазилам вновь удалось проиграть лигу, подумал. Теперь не будут даже вице-чемпионами, не помог даже унижительный разгром «Вислы» со счетом 5:1 две недели назад. Но, по крайней мере, им хоть кубок взять удастся, завтра первый полуфинальный матч с Гроцлином. С тем самым Гроцлином, с которым за последние четыре года «Легия» ни разу не выиграла. Снова какое-то чертово проклятие.

Он тихонечко рассмеялся. Невероятно, как действует человеческий мозг, если сейчас он еще способен обдумывать футбольные ситуации. Рудский поглядел на часы. Еще тридцать минут.

За несколько минут до девяти он покинул трапезную и отправился в ванную почистить зубы. По дороге разминулся с Барбарой Ярчик. Заметив, что психотерапевт идет в сторону, противоположную залу для сессий, та вопросительно глянула.

— Сейчас буду, — сказал тот.

Он еще не успел выдавить пасту на щетку, когда услышал крик.

Теодора Шацкого разбудило то, что обычно будило его в воскресенье. Нет, это было не похмелье, ни жажда, ни потребность отлить, ни яркое солнце, проникшее сквозь соломенные жалюзи, ни дождь, барабнящий в навес над балконом. Это была Хелька, его семилетняя дочка, которая вскочила на него с таким задором, что диван от Икеи затрещал.

Теодор открыл один глаз, в который тут же сунулась каштановая кудряшка.

— Видишь? Бабуля сделала мне локоны.

— Вижу, — ответил тот и вытащил волосы из глаза. — Жаль только, что она ими тебя не связала.

Шацкий поцеловал дочку в лоб, сбросил ее с себя, поднялся и отправился в туалет. Он уже был в двери комнаты, когда с другой стороны лежанки что-то пошевелилось.

— Щелкни там воду на кофе, — слышалось урчание из-под одеяла.

Концерт по желаниям, как и каждый выходной. Шацкий тут же почувствовал раздражение. Он спал десять часов, но устал невероятно. Когда все это началось, он не помнил. Валяться в постели можно было полдня, и все равно, вставал с неприятным вкусом во рту, песком в глазах и таящейся между висками болью. И без какого-либо смысла.

— Ну почему бы тебе не сказать прямо, чтобы я сделал тебе кофе? — спросил он с претензией.

— Потому что себе я и сама могу сделать, — слова жены были едва различимы, — не хочу морочить тебе голову.

Шацкий в театральном жесте вознес взгляд к потолку. Хелька рассмеялась.

— Но ведь ты же всегда так говоришь, а кофе все равно делаю тебе я!

— Можешь не делать. Я ведь прошу тебя только поставить воду.

Шацкий отлил, заварил жене кофе, пытаюсь не глядеть на кучу грязной посуды в раковине. Это же четверть часа мытья, если желает сделать обещанный завтрак. Боже, как же он устал. Вместо того, чтобы дрыхнуть до полудня, а потом пялиться в телевизор, как все остальные мужики в этой патриархальной стране, он строит из себя супер-мужа и супер-отца.

Вероника вылезла, наконец-то, из постели и теперь стояла в прихожей, критично приглядываясь в зеркале. Теодор и сам присмотрелся к ней критично. Нет, сексуальной та была всегда, но на модель никогда не походила. И все равно, трудно найти объяснение второму подбородку и жирку спереди и сзади. А тут еще эта футболка. Он не требовал, чтобы жена всякий день спала в тюлях и кружевах, но, черт подери, ну чего она все время таскает эту футболку с выцветшей надписью «Disco fun», родом, похоже, из времен посылок с подарками! Он подал жене чашку с кофе. В ответ Вероника поглядела на мужа подпухшими глазами и почесала себя под грудью. Сказала спасибо, инстинктивно чмокнула в нос и отправилась под душ.

Шацкий вздохнул, пригладил ладонью белые, словно молоко, волосы и пошел на кухню.

«Так, а на самом деле, чего мне нужно?» — подумал он, пытаюсь вытащить губку из-под грязных тарелок. Приготовление кофе — это один момент, мытье посуды — момент второй, завтрак — третий. Несчастные полчаса, и все будут счастливы. Еще более устало он подумал о всем том времени, которое проходило для него сквозь пальцы. Стояние в пробках, тысячи пустых часов в суде, бессмысленная трата времени на работе, когда, самое большее, он мог

раскладывать пасьянс, ожидание чего-то, ожидание кого-то, ожидание ожидания. Ожидание — как отмазка, чтобы абсолютно ничего не делать. Вот передовик Гурник отдохнул лучше меня, жаловался он про себя, пытаюсь пристроить в сушилке стакан, для которого там не было места. Ну почему он раньше не убрал сухую посуду? Черт бы ее всю побрал! Неужто для всех остальных жизнь — это тоже такая же мука?

Позвонил телефон. Трубку сняла Хеля. Шацкий слушал разговор, направляясь в комнату и вытирая руки тряпкой.

— Папа дома, но он подойти не может, потому что он моет посуду и жарит всем нам яичницу...

Теодор забрал трубку из руки дочери.

— Шацкий. Слушаю?

— Добрый день, пан прокурор. Не хочу пана беспокоить, только яичницу вы уже сегодня никому не пожарите. Разве что на ужин, — услышал он с другой стороны линии знакомый, говорящий с восточным распевом голос Олега Кузнецова из полицейского участка на Вильчей.

— Олег, умоляю, только не это.

— Это не я, пан прокурор, это город вас призывает.

Огромный, старый ситроен плыл под опорой Швентокшижского моста с грацией, которой ему могли позавидовать многие автомобили, появляющиеся на том же мосту в качестве нахального *product placement* в польских романтических комедиях. Вполне возможно, что этот Пискорский^[8] и махинатор, подумал Шацкий, но два моста ведь стоят. При Селезне никто и подумать не мог, чтобы отважиться принять решение о подобной инвестиции.

Тем более, перед выборами, Вероника была юристом в мэрии и неоднократно рассказывала, как теперь принимаются решения. Так вот: на всякий пожарный их вообще не принимают.

Шацкий съехал на Повисле и — как обычно — облегченно вздохнул. Он был у себя! Уже десять лет жил на Праге^[9] и все еще не мог привыкнуть к смене обстановки. Он старался, но только новая малая родина обладала для него одним достоинством — она располагалась близко от Варшавы. Сейчас же проехал мимо театра «Атенеум»,^[10] где когда-то влюбился в Антигону в Нью-Йорке,^[11] роддом, в котором появился на свет; спортивный центр, где учился играть в теннис; парк у здания парламента, где бесился с братом на санках; бассейн, в котором научился плавать и подцепил грибок. Сейчас он был в центре, в центре собственного города, в центре собственной страны, в центре своей жизни. Самой гадкой, которую только можно представить, *axis mundi* (ось мира — лат.).

Шацкий проехал под рассыпающимся виадуктом, свернул в Лазенковскую и припарковался под домом культуры, тепло подумав о находящемся в паре сотнях метров стадионе, на котором столичные воины только что разнесли в пух и прах «Белую Звезду».^[12] Шацкий не сильно интересовался спортом, но вот Вероника была такой рьяной болельщицей, что, хочешь — не хочешь, он мог на память перечислить результаты всех матчей «Легии» за последние пару лет. А завтра его жена наверняка отправится в трехцветном шарфике на матч. Четвертьфинал кубка.

Теодор закрыл автомобиль и поглядел на дом по другой стороне улицы, одно из наиболее курьезных зданий столицы, рядом с которым Дворец Культуры и микрорайон за Железной Брамой представляли собой пример не тай уж настырной, приглушенной архитектуры. Когда-то здесь был приходской костел Ченстоховской Божьей Матери, полностью уничтоженный во время войны как одно из мест повстанческого сопротивления. Целые десятилетия не отстраиваемый, он пугал мрачными развалинами, культями колонн, открытыми подвалами. Когда, в конце концов, костел воскресили, он стал визитной карточкой хаотичности города. Всякий проезжающий по Лазенковской Трассе видел эту кирпичную химеру: смесь костела, монастыря, крепости и дворца Гаргамеля. Именно в этом месте когда-то появился Злой.^[13] И вот теперь обнаружили труп.

Шацкий поправил узел галстука и перешел на другую сторону улицы. Начало капать. У ворот стояла патрульная полицейская машина и еще одна полицейская машина без особых отметок. Возле них несколько зевак, которые вышли после утренней мессы. Олег Кузнецов разговаривал с техником из столичной криминалистической лаборатории. Он прервал свою беседу и подошел к Шацкому. Оба обменялись рукопожатиями.

— Что, после того собираешься на коктейль на улицу Розбрат?^[14] — съязвил полицейский, поправляя лацканы пиджака приятеля.

— Слухи о связях политики с прокуратурой столь же преувеличены, что и сплетни о дополнительных источниках доходов варшавских полицейских, — отрезал Шацкий. Он не любил, когда над ним смеялись из-за этого костюма. Какая бы ни была погода, на нем всегда были костюм, сорочка и галстук, потому что он был прокурором, а не подвозил продукты в овощной магазин.

— Что тут у нас? — спросил он, вытаскивая сигарету. Первую из трех, которые разрешал себе ежедневно.

— Труп один, подозреваемых четверо.

— Боже, снова какая-то алкогольная поножовщина. Не думал я, что в этом городе даже в церкви можно найти малину. К тому же, в воскресенье покромсали типа, уважения ни на грош. — Шацкий был по-настоящему оскорблен, а еще он был разъярен тем, что и его семья тоже пала жертвой убийства.

— Тео, ты не совсем прав, — буркнул Кузнецов, поворачиваясь во все стороны, чтобы найти такую позицию, где ветер не мог бы сдуть пламя зажигалки. — В этом здании, помимо костела, имеется куча различных фирм. Помещения сданы в поднаем школе, центру здоровья, различным католическим организациям, есть нечто вроде дома для говений. Различные группы приезжают сюда на уикенд молиться, слушать проповеди и так далее. Как раз сейчас комнаты снял на три дня психотерапевт с четырьмя пациентами. Они работали в пятницу, работали в субботу, после ужина расстались. Сегодня утром на завтрак пришел врач и три пациента. Четвертого нашли чуточку позже. Увидишь, в каком состоянии. Все те помещения находятся в отдельном крыле, туда нельзя попасть, не проходя мимо швейцарской. На окнах решетки. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Никто — до сих пор — пока что не признался. Один труп, четверо подозреваемых — трезвых и нормальных членов общества. И что ты на это?

Шацкий погасил сигарету и отошел на несколько метров, чтобы бросить окурок в мусорную корзину. Кузнецов свой бычок щелчком послал на улицу, прямо под колеса автобуса 171-го маршрута.

— Не верю я, Олег, в подобные истории. Сейчас окажется, что швейцар полночи проспал, тут какой-то жулик заскочил, чтобы свистнуть что-нибудь на бутылку вина, по дороге наткнулся на бедного неврозника, перепугался сильнее, чем тот и воткнул ему заточку. Похвалится кому-нибудь из ваших доносчиков, дело и закроют.

Кузнецов пожал плечами.

Шацкий верил в то, что сказал Олегу, но чувствовал нарастающее любопытство, когда они вошли в дверь и по узкому коридорчику направились в небольшой зал, где лежал покойник. Он сделал глубокий вздох, чтобы проконтролировать возбуждение и страх перед контактом с трупом. Когда он увидел тело, на его лице уже было написано профессиональное безразличие. Теодор Шацкий спрятался за маской чиновника, стоящего на страже правопорядка в Республике Польша.

Мужчина в пепельного цвета костюме, лет около пятидесяти, несколько костлявый, уже прилично седеющий, но без лысины, лежал навзничь на покрытом зеленым линолеумом полу, совершенно не соответствующем низкому крестовому своду.

Рядом с ним стоял серый, старомодный чемодан, запираемый не на молнию, но на два металлических замка, дополнительно запираемый короткими ремешками с пряжками.

Крови было немного, да почти что и не было, только Шацкий, благодаря этому, вовсе не почувствовал себя лучше. Ему потребовалось много сил, чтобы уверенным шагом подойти к жертве и присесть на корточках у ее головы. Желчь подступила к горлу. Теодор проглотил слюну.

— Отпечатки? — безразличным тоном спросил он...

— На орудии преступления никаких, пан прокурор, — ответил начальник техников, присаживаясь с другой стороны тела.

— Мы собрали в других местах, точно так же, как и микроследы. Запаховые пробы взять?

Шацкий отрицательно покачал головой. Если покойный последние пару дней пребывал с лицами, одно из которых его и убило, то запах не поможет. Сколько раз подобную улику не признавали в суде, что просто жалко было беспокоить техников.

— А что это вообще такое? — обратился он к Кузнецову, указывая на законченный пластиковой ручкой штырь, выступающий из правого глаза жертвы. Ему сделалось легче, потому что по причине вопроса можно было отвести взгляд в сторону полицейского, вместо того, чтобы пялиться на серо-бордовую массу, которая когда-то должна была быть глазом мужчины, а теперь застыла на щеке в форме, упрямо наводящую Шацкого на мысль о болиде Формулы 1.

— Вертел, — ответил Олег. — Или нечто подобное. В столовой имеется целый комплект в том же самом стиле: ножи, тесак, вилки-ложки...

Шацкий понимающе кивнул. Орудие преступления взято отсюда. Тогда, какой остается шанс, что убийца пришел с улицы? Практически, никакого; теоретически же суд может признать, что здесь прохаживалась толпа, как на Маршалковской, ^[15] которую никто не заметил. А всяческие сомнения... и так далее.

Он размышлял, как разыграть все со свидетелями, а вообще-то — подозреваемыми, когда в зал заглянул полицейский.

— Пан комиссар, там жена покойного приехала. Повстречаетесь с ней?

Прокурор вышел с Олегом во двор здания.

— Как там его звали? — шепнул Шацкий Кузнецову.

— Хенрик Теляк. Жену зовут Ядвигой.

У патрульного автомобиля стояла женщина из разряда тех, о которых мужчины говорят: а ничего. Довольно высокая, худощавая, в очках, со слегка седеющими темными волосами, с решительным выражением на лице. На ней было светло-зеленое легкое платье и сандалии. Когда-то она должна была быть красоткой, сегодня же гордо несла уходящую внешность.

Кузнецов подошел к ней, отдал уважительный поклон.

— Добрый день, меня зовут Олег Кузнецов, я комиссар полиции. Это вот прокурор Теодор Шацкий, который будет вести следствие. Прошу принять глубочайшие выражения

соболезнования. Обещаем сделать все, что в наших силах, чтобы найти и наказать убийцу вашего мужа.

Женщина кивнула. Выглядела она какой-то отсутствующей, похоже, уже приняла что-то успокоительное. А может она еще не вполне осознавала того, что случилось. Шацкий знал, что первой реакцией на смерть близкого человека всегда бывает неверие. Боль приходит потом.

— Как это случилось? — спросила супруга покойного.

— Нападение с целью ограбления. — Шацкий умел лгать так гладко и с такой уверенностью, что ему не раз советовали заняться адвокатурой. — Пока что все указывает на то, что ночью взломщик случайно столкнулся с вашим мужем, вполне возможно, что пан Хенрик даже пытался его задержать. Вор его убил.

— Как? — спросила та.

Мужчины обменялись взглядами.

— Вашего мужа ударили в голову острым предметом. — Шацкий терпеть не мог криминалистического новояза, но он лучше всего подходил для того, чтобы ободрать смерть от всяческой драматургии. Это звучало мягче, чем: кто-то вонзил ему вертел в мозг через глазное отверстие». — Скончался он мгновенно. Врач утверждает, что смерть наступила настолько быстро, что он даже не успел почувствовать боли.

— По крайней мере, хоть это, — сказала жена Теляка, помолчав, после чего впервые подняла голову. — Могу ли я его увидеть? — спросила она, глядя на Шацкого, у которого перед глазами тут же встало серое пятно в форме гоночного автомобиля.

— Такой потребности нет.

— Мне бы хотелось попрощаться с ним.

— Пока что продолжается сбор следов, — вмешался Кузнецов. — Обстановка не слишком интимная, опять же, прошу мне поверить, вид весьма неприятный.

— Как хотите, господа, — разочарованно согласилась та, а Шацкий еле сдержал облегченный вздох. — Я могу идти?

— Да, конечно же. Только оставьте координаты. Мне еще нужно будет с вами переговорить.

Женщина продиктовала Кузнецову адрес и телефон.

— А как с телом? — спросила она.

— Ничего не поделаешь, придется провести вскрытие. Но, самое позднее, в пятницу похоронное бюро сможет его забрать.

— Это хорошо. Быть может, удастся устроить похороны на субботу. Человека необходимо похоронить до воскресенья, иначе в тот же год умрет кто-то из близких.

— Ну, это всего лишь суеверие, — ответил на это Шацкий. Он вынул из кармана две визитки и вручил вдове. — На одной мои телефоны, а на другой — центра, занимающегося помощью семьям жертв преступлений. Рекомендую вам позвонить туда. Может помочь.

— Они занимаются воскрешением мужей?

Шацкому не хотелось, чтобы беседа пошла в подобном направлении. Сюрреалистические замечания, как правило, служили предвестниками истерии.

— Скорее уж, воскрешением живых. Возвращением к жизни, к которой те частенько не желают возвращаться. Понятное дело, пани сделаете то, считаете нужным. Лично я утверждаю лишь то, что это люди, которые способны помочь.

Та согласно покачала головой и спрятала обе визитки в сумочку. Полицейский и

прокурор попросились с ней, после чего вернулись в здание.

Олег спросил, не желает ли Теодор сейчас допросить людей, проходивших психотерапию. Шацкий раздумывал над тем, как все разыграть, и хотя его первым порывом было переговорить с ними как можно скорее, даже прямо здесь, то теперь ему показалось, что будет лучше чуточку потянуть, чтобы немного их всех помучить. Старая добрая метода лейтенанта Коломбо. Он задумался над тем, о чем те размышляют в своих — *потен отен* — кельях, если не камерах. Наверняка все прокручивали в памяти каждое словечко и жест за последние два дня, разыскивая указание, кто же из них может быть убийцей. Кроме самого убийцы — тот, в свою очередь, размышляя, а не выдал ли он себя за эти два дня каким-то словом или действием. И все это при сенсационном предположении, что кто-то из них и вправду убил. Можно ли исключить то, что убийца пришел снаружи? Нельзя. Как обычно, на этом этапе ничего исключить нельзя. Да, дело может быть любопытным, приятной переменной после всех тех банальных городских убийств. Вонь, пустые бутылки, кровища на стенках, выглядящая лет на тридцать старше данных в собственном свидетельств о рождении женщина, что сейчас хнычет на полу, изумленные, находящиеся в полусознании дружки, которые никак не могут поверить в то, что кто-то из них в пьяном состоянии зарезал приятеля — сколько раз он видел подобное?

— Нет, — ответил он Олегу. — Давай сделаем вот как. Допроси сейчас их ты, в конце концов, так оно обычно и выглядит. Только сделай это именно ты, а не какой-то там постовой, который еще пару недель назад проживал с мамой и папой в окрестностях Седлец. Допрашивай спокойно и поверхностно, относясь к каждому как к свидетелю. Когда они видели Теляка в последний раз, когда с ним познакомились, что делали ночью. Не выпытывай, что их связывает, про психотерапию, пускай почувствуют себя безопасно, а у меня будет причина вызвать их еще несколько раз.

— Ну у тебя и идейки, — отшатнулся Олег. — Заставляешь мне с ними играть, чтобы приготовить тебе почву. Заполнять протоколы, писать четко, давать прочесть...

— Примани себе под крылышко какую-нибудь девочку-постовую, пускай пишет тебе округлыми буквочками. Встретимся завтра на Вильчей, обменяемся расписками, переговорим, определимся, чего дальше. Правда, мне следовало идти на объявление приговора по делу Пещоха, но я попрошу Еву, чтобы отправилась вместо меня.

— Тогда выставляй кофе.

— Помилуй. Я же государственный служащий, а не полицейский из дорожной службы. И жена у меня тоже госслужащая. На работе мы делаем себе растворимый кофе, и никому его не выставляем.

Олег вытащил сигарету. Шацкий едва сдержался, чтобы не сделать того же самого. Ему не хотелось, чтобы до самого конца дня у него оставалась лишь одна сигаретка.

— Ставишь, ставишь, и не надо никаких объяснений.

— Ты паршивый русак. [\[16\]](#)

— Знаю, мне постоянно об этом талдычат. В «Горячке», в девять.

— Терпеть не могу эту мусорскую малину.

— В «Браме»?

Шацкий кивнул. Олег провел его до автомобиля.

— Боюсь, что может быть тяжеловато, — заметил полицейский. — Если убийца не совершил ошибок, а остальные ничего не видели — тогда это висяк.

Шацкий не мог отказать себе в улыбке.

— Они всегда совершают ошибки, — заявил он.

Он не мог припомнить, когда еще погода в Татрах его так баловала. С вершины Копы Кондрацкей^[17] у него был превосходный вид во все стороны, только лишь где-то далеко, над словацкой частью гор были видны малюсенькие тучки. С тех пор, как утром поставил машину в Кирах и после коротенькой прогулки по Кошчелиской долине он начал восхождение на Красные Верхи, все время его сопровождало солнце. Где-то со середины пути, когда тропка начала забирать все круче, низкая кедровая сосна не давала ни малейшего шанса на тень, а поблизости не было ни единого ручья, горная прогулка превратилась в марш по раскаленной сковороде. Ему вспомнились рассказы об американских солдатах во Вьетнаме, у которых, якобы, мозговая жидкость закипала под раскаленными солнцем шлемами. Он сам всегда считал такие рассказы чушью, но вот сейчас чувствовал себя точно так же, хотя голову его защищала не каска, а бежевого цвета шляпа, памятка от поездки в Австралию.

Когда он уже был совсем близко от ребра горы, когда перед глазами затанцевали световые пятна, а ноги сделались совершенно ватными, он проклял собственную глупость семидесятилетнего старика, которому все еще кажется, будто бы все можно делать, как раньше. Точно так же выпивать, так же заниматься любовью, и так же ходить по горам.

На самой вершине свалился без сил на землю, позволяя ветру охлаждать себя, и вслушался в расходившееся сердце. Что поделать, пришла в голову мысль, но лучше дать дуба на Чемняке^[18] чем на Маршалковской. Когда сердце чуточку успокоилось, ему подумалось, что, все же, лучше умереть на Малолончнике, поскольку звучит он значительно лучше, чем чертов Чемняк. А то бы после его смерти о нем анекдоты рассказывали. Так что он потащился на Малолочняк, выпил немного кофе из термоса, пытаясь не думать о собственной мышце номер раз, и в силу разгона добрался на Копу. Странная вещь, но похоже было на то, что слабое сердце в соединении со старческой глупостью и на этот раз его не убьют. Он налил себе очередную кружку кофе, вынул завернутый в фольгу бутерброд и глядел на пузатых тридцатилеток, которые забирались на эту несчастную Копу с такими усилиями, словно то был семитысячник. Ему хотелось посоветовать им брать с собой кислород.

«Нет, как можно так себя запускать?» — думал он, презрительно глядя на едва-едва передвигающих ноги людей. В их возрасте он мог утром бегом преодолеть трассу их туристического убежища на Кондратовой на Копу и назад, через Пекло, только лишь затем, чтобы разогреться и заслужить завтрак. Да, вот то было времечко. Все было четким, у всего имелся смысл, все было легко.

Он протянул загорелые и все еще мускулистые, покрытые седыми волосками икры к солнцу и включил мобильный, собираясь отослать SMS жене, которая ждала его в пансионате неподалеку от Стражиской. Только-только телефон вошел в зону приема, раздался звонок. Мужчина выругался и нажал на «прием».

— Да?

— Добрый день, это Игорь говорит. У меня для вас неприятное сообщение.

— Да?

— Генрик умер.

— Как это случилось?

— Боюсь, это был несчастный случай.

Мужчина не размышлял ни мгновения что ответить.

— Действительно, известие печальное. Постараюсь вернуться завтра, но некролог следует заказать пораньше. Понятно?

— Естественно.

Пожилой мужчина отключил телефон. Желание написать жене прошло. Он допил кофе, забросил рюкзак за спину и направился в сторону перевала под копой. Можно еще будет выпить пива на Калятковках^[19] и поразмыслить, как так сказать ей, что им необходимо возвращаться в Варшаву. Вот почти что сорок лет вместе, но подобного рода разговоры для него были мукой.

Прокурор Теодор Шацкий запустил мощный, трехлитровый двигатель V6 ситроена с некоторым трудом — газовая установка вновь бастовала — подождал, пока гидравлическая система поднимет его дракона с земли, и направился в сторону Вислострады с намерением переехать на другую сторону Вислы по Лазенковскому мосту. В последний момент он передумал, свернул в сторону Вилянуба и остановил машину на автобусной остановке возле Гагарина, включив аварийные огни.

Давно, десять лет назад, то есть, и вправду столетия назад, они жили здесь с Вероникой, когда Хели еще не было на свете. Однокомнатная квартира на третьем этаже, оба окна выходили на Вислостраду. Ужас! Днем один большегрузник за другим, после заката — ночные автобусы и «малюхи»,^[20] дающие копоты со скоростью сто десять в час. Он научился различать марки автомобилей по звуку двигателей. На мебели собирался слой жирной, черной пыли, окно делалось кривым уже через полчаса после того, как его помыли. Хуже всего было летом. Приходилось открывать окна, чтобы не задохнуться, но тогда невозможно было ни разговаривать, ни смотреть телевизор. Другое дело, что тогда они чаще занимались любовью, чем смотрели новости. А сейчас? Шацкий не был уверен, отрабатывают ли они среднее значение по стране, которое когда-то их так веселило. Это как? Что, и вправду есть люди, которые занимаются этим раз в неделю? Ха-ха-ха!

Шацкий весело фыркнул и немного опустил стекло. А дождь припустился, капли попадали вовнутрь, оставляя темные следы на обивке. В их окнах крутилась низенькая блондиночка в блузке на бретельках, волосы падали на плечи.

А вот интересно, как бы оно было, подумал Шацкий, если бы сейчас я припарковался на дворе и вошел в квартиру на третьем этаже, а там меня ожидала бы эта девушка. Если бы у него была совершенно другая жизнь, другие диски с музыкой, другие книги на полках, если бы чувствовал совершенно другой запах лежащего рядом тела. Мы могли бы пойти прогуляться в Лазенки,^[21] я бы рассказал ей, почему сегодня мне нужно было сегодня идти на работу — допустим — в архитектурной мастерской, она бы сказала, что я храбрец, и что купит мне мороженое возле театра «На Острове». Все было бы по-другому.

Как это подло, размышлял Шацкий, что у нас всего одна жизнь, и она так быстро нам надоедает.

Одно лишь точно, подумал он еще, поворачивая ключ зажигания. Мне нужна перемена. Перемена, как черт подери!

ГЛАВА ВТОРАЯ

понедельник, 6 июня 2005 года

Отец Хеймо^[22] пересылает из Рима специальное заявление; он долго и запутанно поясняет, что не сотрудничал со Службой Безопасности. В том же Риме Бенедикт XV вновь выражает неприятие Церковью гомосексуальных супружеств, абортот и генетической инженерии. Верный Церкви кандидат в президенты Лех Качинский запрещает Парады Равенства и подчеркивает, что упорство «некоторых сред» со всей очевидностью связано с выборами. Бывший президент, Лех Валенса, приглашает нынешнего президента с супругой на свои именины. В Варшаве Йоанна Райковская^[23] монтирует свежие листья на пальме на Иерусалимских Аллеях; в ДОПРе на Раковецкой первый концерт дает образовавшаяся там рок-группа; а совсем рядом, на Шпацеровой, восьмидесятишестилетняя женщина не может целые сутки покинуть ванну. Вечером состоятся матчи полуфинала Кубка Польши: «Легия» играет у себя с Шроцлином, а «Висла» — с «Заглем Любин». Максимальная температура воздуха в столице — 18 градусов, небольшой дождь, пасмурно.

Шацкий отвел дочку в детский сад, завез Веронику на Медовую, в мэрию, и ровно в девять уже сидел в «Браме» на Кручей, ожидая Олега. Он был голоден, но тратить чуть ли не два десятка злотых на завтрак было жалко. С другой стороны, подумал он, это же только начало месяца, деньги на счету имеются. Не зря что ли столько лет он мучился в институте, на юридической практике и в ассессуре,^[24] чтобы теперь не позволить себе позавтракать. И он заказал омлет с сыром и помидорами.

Официантка как раз ставила перед ним заказанное блюдо, когда появился Кузнецов.

— Во-во, — сказал он, садясь с другой стороны стола. — А принес баночку своей конторской растворячки, чтобы пани тебе кофейку сделала?

Шацкий не прокомментировал, лишь красноречиво поглядел на полицейского. Кузнецов заказал черный кофе и вынул из папки пачку листков.

— Держи... здесь служебный рапорт, протоколы осмотра места происшествия и допроса свидетелей. Так, протоколы обысков ты еще должен мне подтвердить. Я послушался твоего совета и приболтал одну такую ядреную практиканточку для помощи. Погляди, какие замечательные, кругленькие буквочки. Девочка пишет почти так же волшебным, как и выглядит.

— Что-то не видел я красивый женщин-полицейских, — брюзгливо заметил Шацкий.

— Может, тебе не по вкусу мундиры. Лично я всегда представляю их в самой фуражке и кителе на голое тело, с застегнутыми всего лишь двумя пуговицами...

— Ты лучше расскажи, как пошло вчера.

Кузнецов поправил расположение своего угловатого тела на неудобном стульчике и сложил руки, словно собираясь молиться.

— Я практически уверен, — начал он говорить серьезно и благоговейно, — что убил камердинер.

Шацкий уложил столовые приборы на краю тарелки и тяжело вздохнул. Контакты с полицейскими иногда напоминали ему работу преподавателя, в классе которого все ученики страдают СДВГ.^[25] Нужно было обладать огромным терпением и самоконтролем.

— Ну а какая-нибудь соль из всего этого будет? — холодно спросил он.

Кузнецов недоверчиво покачал головой.

— Ужасный ты чинуша, Теодор. Сам считаешь, что они конкретно сказали. Никто никого не знает, никто ничего не знает, никто ничего не видел. Всем ужасно неприятно, все ужасно потрясены. Покойника узнали неделю назад, только Рудский, психотерапевт, знал его дольше, где-то с год. Все отметили, что покойный был печальным, замкнутым в себе, в депрессии. И все говорили настолько убедительно, что я на какое-то мгновение чуть было не подумал, а не покончил ли он сам с собой.

— Ты шутишь. Вбивая себе вертел в глаз?

Шацкий вытер губы салфеткой. А омлет был очень даже ничего.

— Вот именно, что маловероятно. Но, раз люди в состоянии стрельнуть себе в голову или же откусить и проглотить собственный язык, то ты сам понимаешь. На всякий случай, расспроси патологоанатома. Кстати, о языке. Я тут недавно слышал историю про одну женщину-логопеда, у которой был настолько натренированный язык, что во время занятий она им удавилась. Неплохо, а?

— Ну а твои впечатления? — спросил Шацкий, не комментируя анекдот.

Кузнецов причмокнул и задумался. Шацкий терпеливо ждал. Он знал, что мало имеется столь понятливых и наблюдательных людей, как этот слишком крупный и добродушный мусор с русской фамилией.

— Сам увидишь, — ответил тот в конце концов. — Все производили весьма хорошее впечатление. Никто низ них не был ни сверхъестественно возбужден или шокирован, никто не был неестественно хладнокровен. А ведь убийцу можно узнать именно по этому. Либо притворяется холодным как камень, либо сходит с ума от отчаяния. Любое отступление от нормы подозрительно, а они все нормальные. Более-менее.

— Или же, кто-то из них знает, как следует себя вести, — предложил Шацкий.

— Да, психотерапевт, я и сам об этом думал. Кроме того, он дольше всех знал покойного, вполне возможно, у него имелся мотив. Я даже был готов задержать его на все сорок восемь, если бы тот в чем-то себя выдал. Только — ничего подобного. Немножко надменный и нагловатый, как они все, психи долбаные. Но я не чувствовал, чтобы он врал.

То есть, а нихрена у нас нет, подумал Шацкий и жестом руки удержал официантку, которая вместе с пустой тарелкой хотела забрать булки и масло. Это же сколько стоит, так что слопает все, до последней крошки.

— А может, это и правда несчастный случай в ходе работы какого-то вора, — сказал он.

— Может, согласился с ним Кузнецов. — Все это образованные, умные люди. Ты веришь, будто бы кто-то из них решился на убийство в столь театральном месте? Не нужно читать детективы, чтобы знать, что мы станем вынюхивать при них до последнего. Никто в своем уме не убивает столь дурацким способом. Смысла нет.

Кузнецов был прав. Предполагалась любопытная игра, но похоже на то, что они ищут воришку, который совершенно случайно вступил в мокрое дело. То есть, действовать следует по правилам, подумал Шацкий, составляя про себя перечень необходимых мероприятий.

— Помести в прессе, что мы ищем людей, которые крутились в этом месте ночью и могли что-то видеть. Расспросите всех сторожей, охранников, священников, кто там мог быть на работе в выходные. Узнайте, кто там самый главный, с кем Рудский договаривался об аренде, чтобы я мог с ним переговорить. Вообще-то я и сам собирался поехать туда среди недели и все тщательно осмотреть.

Кузнецов кивнул; все распоряжения прокурора были для него очевидны.

— Только, когда освободишься, выпиши мне бумагу, чтобы у меня было официальное основание.

— Конечно. Но есть еще одна просьба, неофициальная.

— Ну.

Проследи несколько дней за Рудским. У меня нет абсолютно ничего, чтобы выдвинуть обвинение, но пока что он наиболее подозрителен. Боюсь, что он смоемся, и дело можно будет прикрывать.

— Как это: прикрывать. Ты не веришь, что энергичная польская полиция его найдет?

— Ой, только не смей мен. В этой стране достаточно не проживать по адресу прописки, чтобы исчезнуть навеки.

Кузнецов расхохотался.

— Мало того, что чинуша, так еще и циник, — сказал он, собираясь уже уходить. — Передавай от меня привет своей супер-красивой и супер-сексуальной жене.

Шацкий повел бровью. Он не был уверен, говорит ли Кузнецов о той самой женщине,

которая шастала по его дому, каждый день страдая от все новых болей.

По дороге в собственный кабинет Шацкий забрал из канцелярии папку дела. Порядковый номер 803/05. Невероятно. Выходит, очень скоро у них будет тысяча зарегистрированных следственных ведений, и прошлогодний рекорд будет запросто побит. Похоже на то, что небольшая по площади поверхность варшавского центра — это самое темное пятно на криминальной карте Польши. Правда, большая часть из проводимых следствий касалась хозяйственных, бухгалтерских и финансовых мошенничеств, которыми занимался особый отдел — в результате того, что юридические адреса чуть ли не восьмидесяти процентов всех фирм в Польше располагались между площадью Любельской Унии и Банковской площадью — но хватало и обычных уголовных дел. Почти два десятка прокуроров в «первом СО», то есть первом следственном отделе прокуратуры занималось грабежами, разбоем, случаями насилия и избиения. А частенько — и делами, которыми, в теории, должны были заниматься отделы по борьбе с организованной преступностью из окружной прокуратуры. На практике же, звезды из ОП выбирали для себя наиболее интересные случаи, а «обычные стрелялки» оставляли в районе. Результат был такой, что прокурор из ОП в окружной прокуратуре имел на руках пять-шесть дел, а районный прокурор — несколько десятков. А на самом деле — несколько сотен, если собрать следствия текущие, отложенные в шкафы, те, в которых необходимо обнаружить какого-нибудь свидетеля; те, что ожидают рассмотрения в суде, откладываемые и отсрочиваемые надцать раз. Шацкий, у которого и так была комфортная ситуация для районной прокуратуры, поскольку он занимался исключительно убийствами, на прошлой неделе пересчитать, сколько висит на нем дел. Вышло сто одиннадцать. Вместе с убийством Теляка — сто двенадцать. Сто одиннадцать, если сегодня вынесут надлежащий приговор по делу Пещоха. Сто тринадцать — если судья решит вернуть дело в прокуратуру на доследование. Хотя не должен был, все было идеально приготовлено, а Шайнерт был, по мнению Шацкого, самым лучшим судьей во всем варшавском округе.

К сожалению, из года в год отношения прокуратуры с судами складывались все хуже и хуже. Несмотря на то, что работа прокурора была ближе работе судьи, чем полицейского, а сама прокуратура представляла собой «вооруженную десницу» третьей власти, дистанция между чиновниками с фиолетовым и красным обрамлением тог только увеличивалась. Месяц назад начальница Шацкого поехала в Лешно^[26] просить, чтобы ей был назначен как можно быстрый срок рассмотрения по громкому делу многократного изнасилования в спортивном клубе на Нововойской. Так там ее просто отругали: женщина услышала, что суды, мол, независимы, так что никакая прокурорша не станет им говорить, как следует работать. Смешно. Ладно, когда по причине враждебности возникали словесные притеснения. Хуже, когда шли приговоры. Иногда у Шацкого складывалось впечатление, что выигранным может быть лишь то дело, когда обвиняемый уже в первый день следствия во всем признался, а потом трижды повторил это в зале суда. Любое другое дело — сплошная лотерея.

Он бросил зонтик в угол комнаты, которую, в течение ближайших двух недель не должен был ни с кем делить, поскольку его коллега с больным ребенком на две недели отправилась в санаторий. Уже третий раз в этом году. Правда, он получил два ее дела, зато, по крайней мере, можно будет не глядеть на тот бардак, который та постоянно устраивает

вокруг себя. Теодор уселся за стол, на котором всегда старался поддерживать безупречный порядок, и вынул листок с телефонами людей с Лазенковской. Он уже взял трубку, когда в комнату сунула голову Марыля, секретарша начальницы.

— Тебя приглашают в салоны, — сообщила она.

— Через четверть часа.

— Она сказала, цитирую: «Если скажет, что через четверть часа, тогда скажи, что я передала: немедленно».

— Сейчас буду.

— Она сказала, цитирую...

— Сейчас буду, — ответил, акцентируя, Шацкий, красноречиво указывая на трубку, которую держал в руке. Марыля повела глазами и вышла.

Шацкий быстро договорился о встрече после обеда с Барбарой Ярчик и Ханной Квятковской. Небольшие проблемы были лишь с Эузебием Каимом.

— У меня сегодня встреча за городом.

— Отмените ее, пожалуйста.

— Это очень важная встреча.

— Понимаю. Мне будет лучше отметить вам визит у меня или сразу же обратиться с ордером на арест?

Долгая тишина в трубке.

— Ну, вообще-то, не такая уж эта встреча и важная.

— Прекрасно. Тогда до свидания в три часа дня.

Психотерапевт трубку не снимал. Шацкий оставил ему сообщение и почувствовал неприятное давление в желудке. Он надеялся, что мужчина лишь ненадолго отключил телефон. О других возможностях предпочитал не думать. Позвонил еще в судебный морг и узнал, что вскрытие запланировано на девять утра в среду, после чего вышел.

— Похоже, наши кабинеты находятся в различных измерениях пространства-времени, — приветствовала его начальница, — поскольку мое «немедленно» у вас равно десяти минутам, пан прокурор.

— Я и не знал, что мне предоставлен кабинет, — ответил Шацкий, присаживаясь.

Районный прокурор для Варшавы-Центра, Янина Хорко, кисло усмехнулась. Она была на несколько лет старше Шацкого, ее серый костюм сливался с серыми волосами и посеревшим от никотина лицом. Вечно слегка скривившаяся, со сморщенными бровями, она заставляла усомниться в тезисе, что некрасивых женщин не бывает. Янина Хорко была уродлива, прекрасно это понимала и совершенно не пыталась прикрыть дефектов одеждой или макияжем. Совсем даже наоборот — она сознательно поддерживала впечатление горькой, злорадной и до боли конкретной чиновницы, что прекрасно ассоциировалось с ее внешностью, делая из нее чуть ли не архетипичную начальницу-ведьму. Новые прокуроры ее боялись, практиканты бегом прятались в туалет, когда она шла по коридору.

Как прокурор она была превосходна. Шацкий ее ценил, поскольку начальница не была серой чиновницей, поднимаемой по служебной лестнице за верность и корректность, но личностью с самого края фронта. Она отслужила свое в районной прокуратуре на Воле, потом на Краковском предместье, в конце концов — попала на Кручую и железной рукой управляла самым сложным районом во всей Польше. У себя в кабинете ей удавалось самую крупную звезду превратить в тридцать три несчастья, но за пределами прокуратуры ни разу не выступила против своих людей, неоднократно рискуя многим ради них. Шацкий слышал,

что на Краковском ее тоже бояться, в особенности, в отделе подготовительных расследований редко когда решаются не согласиться с парафированным ею решением. Во время правления Хорко у Шацкого ни разу не случилось не получить согласия на привлечение эксперта в связи с финансовыми проблемами (расходы в размере выше двух с половиной тысяч должна была утверждать пани окружной прокурор), в любой другой прокуратуре такое встречалось на каждом шагу.

Вот уже семь лет они работали вместе и друг друга дарили глубочайшим уважением, хотя приятелями не были. Они даже не перешли на «ты», что было удобно обеим сторонам. Они оба были согласны в том, что прохладные, официальные отношения способствуют профессиональной работе. Тем более, когда на табличке у входа вы видели не разноцветный логотип фирмы, а герб Польской Республики.

Шацкий кратко изложил события на Лазенковской, рассказал о планах на ближайшие дни и о подозрениях в отношении психотерапевта Рудского. Подозрения, которые никак не могли быть основанием для каких-либо действий против него.

— Когда вскрытие? — спросила Хорко.

— В среду утром.

— В таком случае, до трех часов дня среды прошу представить мне план следствия и следственные версии. Не позднее. Еще напоминаю, что до конца недели пан обязан написать акт обвинения по делу Нидзецкой. Я поверила вам и парафировала замену ареста на надзор, только это вовсе не делает меня более спокойной. Мне бы хотелось, чтобы дело как можно скорее очутилось в суде.

Шацкий кивнул. Сам он откладывал то дело еще с прошлой недели, так как не мог решить, как провести его правовую квалификацию.

— Раз уже мы беседуем, еще два вопроса. Во-первых, нечего использовать коллег женского пола, которым пан нравится; на свои процессы в суд обязаны ходить вы. Во-вторых, мне бы хотелось, чтобы вы помогли Юреку и Тадеушу с наркотиками.

Шацкому не удалось скрыть гримасу отвращения.

— Вот оно как, пан прокурор? У пана что-то болит? Пану ведь не хотелось, чтобы я подумала, будто бы пан не способен работать в коллективе? Тем более, в делах, требующих множества трудоемких, скучных и не приносящих какого-либо удовлетворения действий?

«Что правда, то правда», — подумал Шацкий.

— Дайте мне неделю, чтобы я сконцентрировался на этом убийстве. А наркотики мы будем тащить еще несколько месяцев, я еще успею включиться, — сказал он.

— Неделю. Тадеушу я передам, что с понедельника вы работаете вместе.

На сей раз Шацкий сохранил каменное лицо, хотя стоило это ему многое. У него мелькнула гаденькая надежда на то, что на неделе появятся еще какие-нибудь жмурики, что спасло бы его от скучной работы со скучными коллегами.

Аудиенция подошла к концу. Шацкий уже положил руку на дверную ручку, как тут до него дошли слова начальницы.

— Только не считайте, будто бы я говорю пану комплименты, но в этом костюме пан выглядит превосходно. Словно звезда палестры.

Шацкий повернулся с улыбкой. Поправил модные деревянные запонки на манжетах сорочки.

— Это был не комплимент, пани прокурор. И пани об этом прекрасно знает.

Неожиданное прекращение пребывания в Закопане привело к тому, что атмосфера в шикарном «ауди А8», на котором они быстро возвращались в Варшаву, была такой же прохладной, что и поток воздуха, исходящий из-за вентиляционных решеток. Жена собралась, не говоря ни слова, не говоря ни слова провела ночь, отодвинувшись как можно подальше от него на широком ложе в апартаменте, утром, не сказав ни слова, села в автомобиль, и так же, не говоря ни слова, ехала. Не помог любимый Гленн Миллер, не помог обед в изумительной греческой забегаловке, которая по неисповедимым распоряжениям судьбы располагалась в Крочицах, в тридцати километрах от катовицкой трассы. Он специально сделал крюк, зная, как супруга любит греческую кухню. Действительно, та все съела, не сказав ни слова.

Когда он остановился возле их виллы в «Лесной Поляне» неподалеку от Магдаленки,^[27] чтобы высадить супругу, и глядел, как та, все так же молча, идет к калитке, что-то в нем лопнуло. Он вырубил долбаного лабуха Миллера и опустил боковое стекло.

— Подумай, в какую занюханную дыру ты бы сейчас возвращалась с берегов Швидера,^[28] если бы не то, чем я занимаюсь, — заорал он.

В гараже под «Интрако»,^[29] где размещалась скромная контора его фирмы, он был через полчаса. Фирма могла бы позволить иметь помещения в «Метрополитарне» или одном из небоскребов у окружной ООН, но ему нравилось это место. У него был свой стиль, а панораму из окна тридцать второго этажа он мог рассматривать бесконечно. Вышел из лифта, кивнул красивой, словно восход солнца над цепью Татр секретарше и без стука вошел в кабинет председателя правления. В собственный кабинет. Игорь уже ожидал его.

— Присаживайся. Ты не в курсе, сколько раз в жизни у женщины случается менопауза? Я, похоже, являюсь свидетелем уже третьей. А ведь предупреждали меня: не женись на молодой. Черт бы ее подрал.

Вместо ответа Игорь приготовил выпивку. Виски «Катти Сарк», два кусочка льда, немножечко содовой. Напиток подал хозяину кабинета, который за это время вынул из сейфа ноутбук. Оба уселись по обеим сторонам стола.

— А теперь рассказывай, что случилось.

— Хенрика убили ночью с субботы на воскресенье в постройках костёла на Лазенковской.

— И что он, бляха-муха, там делал?

— Принимал участие в групповой терапии. Быть может, его убил один из участников психотерапии, может, кто-то другой, кто знал, что он будет в том месте, и что подозрение падет на кого-нибудь другого. Быть может, это взломщик, как говорит полиция.

— Хрен там, а не взломщик. Они всегда так говорят, чтобы сбить журналист. Кто ведет следствие?

Прежде, чем ответить, Игорь скорчил рожу.

— На Вильчей — Кузнецов, на Кручей — Шацкий.

— Ну просто замечательно, — расхохотался хозяин кабинета. — Что пришили его именно в Центре. Что, не могли на Охоте? Или на Воле? Там никаких проблем бы не было.

Игорь пожал плечами. Председатель отставил пустой стакан на письменный стол, ввел пароль входа в систему, вставил а порт USB специальный ключ, который давал доступ к

зашифрованной папке, и нашел соответствующий файл. Любая попытка раскрытия папки без ключа закончилась бы неотвратимым уничтожением данных. Быстро просмотрел более-менее известное ему содержание. Он размышлял.

— Что будем делать? — спросил Игорь. — Первая процедура уже запущена.

— Остановимся на этом.

— Пан уверен?

— Да. Не думаю, чтобы тот, кто убил Хенрика, хотел пойти дальше. Если, вообще, дело именно в этом. Я думаю, мы можем чувствовать себя в безопасности.

— А Шацкий и Кузнецов?

— Посмотрим, как станет развиваться ситуация.

Игорь согласно закивал головой. Не спрашивая разрешения, он взял со стола элегантный стакан с толстым дном, на дне которого еще позвякивали кусочки льда, и потянулся за бутылкой.

Теодор Шацкий расписался на «Вспомогательных материалах прокурора», отметил, что следствие ведется «по вопросу лишения жизни Хенрика Теляка в помещениях костельных застроек по адресу ул. Лазенковская 14 в Варшаве, в ночь с 4 на 5 июня 2005 г., то есть о деянии, описываемом статьей 148 п. 1 УК», и подвел авторучку к рубрике «против». К сожалению, эту рубрику ему пришлось оставить пустой. Опыт научил его, что следствия, которые ведутся «по делу» гораздо чаще заканчивались через много месяцев отсылкой письма на Краковское предместье, чтобы там подтвердили решение о «закрытии дела в связи с не выявлением преступника, в соответствии с положениями ст. 322 п. 1 УПК». На деле писали «NN» и нехотя оттаскивали в архив. Подозреваемого лучше всего иметь с самого начала, не нужно блуждать на ощупь.

Он внимательно прочитал материалы, доставленные Кузнецовым, но больше того, что уже рассказал полицейский, ничего оттуда не извлек. В ходе обыска ничего найдено не было; единственным отступлением от нормы была бутылочка от снотворного, оставленная Теляком в ванной. Странно, подумал Шацкий, после таких таблеток, скорее всего, просто невозможно встать посреди ночи, одеться и куда-то выйти. Он написал на листке: «лекарства — рецепт, отпечатки, жена». В чемодане Теляка обнаружилась лишь одежда, косметика и книжка, детектив «Мыс позеров».^[30] Шацкий об этой книге слышал, похоже, очень варшавская. И он был готов поспорить на тяжело заработанную сотню, что слово «прокурор» в книжечке звучит ни разу, а храбрый полицейский-одиночка все делает сам, включая и определение времени смерти. В бумажнике Теляка были документы, немного денег, карта в пункт проката видеокассет, семейные фотографии и купоны «лотто».

Он записал: «бумажник — осмотреть».

И ничего, за что можно было бы уцепиться. Ни-че-го.

Стук в двери.

— Входите! — сказал Шацкий, с удивлением глядя на часы. Квятковская должна была прийти лишь через полчаса.

В комнату вошла девушка, которой он не знал. Лет двадцать пять, ни красавица, ни уродина. Брюнетка с коротко подстриженными вьющимися волосами, прямоугольные очки в опалесцирующей оправе. Довольно худенькая, не совсем в его вкусе.

— Прошу прощения, что не позвонила раньше, но как раз проходила рядом и подумала...

— Слушаю. Что вас привело ко мне? — перебил ее Шацкий, молясь про себя, чтобы это не была какая-нибудь сумасшедшая, пришедшая жаловаться, что у нее воруют электричество через замочную скважину.

— Меня зовут Моника Гжелка, я журналистка...

— О нет, дорогая моя пани, — перебил ее Шацкий еще раз. — Пресс-атташе прокуратуры располагается на Краковском, очень приятный человек, который наверняка ответит на все ваши вопросы.

Этого ему только не хватало. Радио-красотки, которой придется объяснять, в чем заключается разница между подозреваемым и обвиняемым, но которая в своем материале все перекрутит. Совершенно не оскорбленная его поведением девушка уселась и лучисто улыбнулась. Улыбка у нее была приятной, слегка хулиганской, но умной. И заразной.

Шацкий тиснул зубы, чтобы не ответить ей улыбкой.

Девушка сунула руку в сумочку и подала прокурору визитную карточку. Моника Гжелка, журналист, «Жечпосполита».^[31]

Шацкий открыл ящик стола, вынул визитную карточку пресс-атташе и, не говоря ни слова, подал ее госте. Та перестала улыбаться, а прокурор почувствовал себя паршиво.

— Что-то не вспоминаю вашей фамилии, — сказал Шацкий, чтобы затереть неприятное впечатление.

Девушка покраснела, а Шацкий подумал, что для того, чтобы затереть неприятное впечатление, он выбрал неплохой текст.

— Раньше я занималась вопросами самоуправления, а с сегодняшнего дня должна писать о преступности.

— Это повышение?

— Вроде как.

— Нелегко будет вам писать об уголовке настолько скучно, чтобы материал был напечатан в «Жепе».

— Вообще-то я пришла сюда, чтобы познакомиться с вами и попросить сделать широкое интервью, но вижу, что из этого ничего не выйдет.

— Я не адвокат, а служащий, — сказал Шацкий. — Мне реклама не нужна.

Журналистка покачала головой и осмотрелась по требующей ремонта комнатке. Шацкий был уверен, что ей удалось подавить злорадство; к примеру: «Действительно, бюджетная организация здесь чувствуется». Или: «Не скрыть!».

— Раз уже пан не желает говорить по общим вопросам, давайте поговорим о конкретных. Я пишу об убийстве на Лазенковской. Конечно, вы тут можете нарасказывать мне всякие официальные враки, но тогда уже вы точно не будете обладать влиянием над тем, что появится в газете. Пан может рассказать мне правду, в чем я сомневаюсь. Но ведь пан может рассказать мне, по крайней мере, полуправду; тогда мне не нужно будет печатать все те сплетни, которые я наберу в полицейском комиссариате.

Шацкий выругался про себя. Иногда ему казалось, что просить полицию сохранять тайну, это то же самое, что распечатать все тайны следствия на плакатах и развесить их на всех досках с объявлениями.

— Но пани, похоже, не ожидает, что через день после убийства я располагаю какими-то правдами, полуправдами или хотя бы четверть-правдами относительно произошедшего?

— А что произошло?

— Убили мужчину.

Девица рассмеялась.

— Пан очень невежливый прокурор, — произнесла она, склонившись в его сторону.

Шацкий вновь с трудом сдержал улыбку. Удалось.

— Два предложения, и я уйду.

Шацкий задумался. Предложение было честным.

— Первое: мужчина, Хенрик Т., сорок шесть лет, был убит в ночь с субботы на воскресенье в жилых помещениях костёла на Лазенковской с помощью острого орудия.

— Какого?

— Очень острого.

— Вертела?

— Возможно.

— А второе предложение?

— Второе: полиция и прокуратура предполагают, что Хенрик Т. пал жертвой взломщика, с которым случайно столкнулся, но не исключают, что это убийство было запланировано заранее. Продолжаются интенсивные действия, цель которых заключается в выявлении преступника. Пока что обвинения никому предъявлены не были.

Девушка закончила записывать.

— Красивый мужчина, одевается тоже красиво, голос приятный, а разговаривает, словно факс от участкового.

Шацкий позволил себе слегка улыбнуться.

— Ничего больше по данному делу прошу не писать. Это нам может повредить.

— Теперь вы уже просите, так? — Моника поднялась с места, задвинула замок-молнию на сумке. На ней была кремовая юбка до колен и открывающие стопы черные туфли без каблука. На бедре он заметил покрасневший след; во время беседы девушка бесцеремонно закинула ногу на ногу. — А что со всего этого буду иметь я?

— Возможно, узнаете чуточку побольше, в то время как остальные получают лишь факт из столичной комендатуры.

— И пан позволит пригласить себя на кофе? И расскажете мне все на языке, который повсюду считается польским?

— Нет.

Журналистка повесила сумку на плечо, энергичным шагом подошла к двери. Прежде чем закрыть за собой, глянула на хозяина кабинета и сказала:

— Уже не могу и вспомнить, когда в последний раз какой-либо мужчина отнесся ко мне так плохо, как вы, пан прокурор. Мне весьма жаль, что я потратила ваше время.

И вышла. Шацкому тоже было весьма жаль. Раздраженный, он встал, чтобы повесить пиджак на плечики, и вступил в облако оставленного после журналистки запаха духов. «Романс» Ральфа Лорена. Вероника когда-то пользовалась ими. Теодор обожал этот запах.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Ханна Квятковская, 22 июля 1970 года рождения, проживающая в Варшаве по ул. Укжеи, образование высшее, учительница польского языка в варшавской гимназии № 30. Отношение к сторонам: посторонняя, за дачу фальшивых показаний к ответственности не привлекалась.

Предупрежденная об уголовной ответственности согласно положений статьи 233 УК сообщает следующее:

Хенрика Теляка я узнала в предыдущее воскресенье в кабинете психотерапевта Цезария Рудского, там же познакомилась с Эузебием Каимом и Барбарой Ярчик. Вчетвером мы должны были провести два дня в монастыре на Лазенковской, принимая участие в групповой психотерапии, называемой терапией расстановок.^[32] Никого из этой группы раньше я не встречала, знала лишь Цезария Рудского, к которому полгода ходила на индивидуальную терапию, как правило, раз в неделю. Все мы встретились в пятницу, 3 июня, вечером, вместе поужинали и отправились спать пораньше. На следующий день, после завтрака, прошла психотерапевтическая сессия пана Каима. В расстановке я играла роль бывшей жены пана Каима, и для меня это было печальным переживанием, поскольку я чувствовала себя нелюбимой. Пан Теляк играл роль отца пана Каима, а пани Ярчик — его матери. В той расстановке пан Теляк был сдвинут в сторону, точно так же, как и настоящий отец пана Каима у него в семье. Потому у меня и не было никаких чувств в отношении к

нему. После перерыва на обед состоялась сессия пана Теляка. Пани Ярчик играла его жену, пан Ким — его сына, а я — его дочку, которая покончила с собой два года назад, когда ей было пятнадцать лет. Все это было чудовищно печальным и гнетущим. Я чувствовала себя так плохо, что сама хотела покончить с собой. В ходе расстановки выходили очень неприятные вещи, но я отмечаю, что не знаю, были ли они правдивыми. Прежде всего, они должны были быть гнетущими для пана Теляка, поскольку все говорили, что не любят его, а я даже сказала, что это из-за него покончила с собой. Нам пришлось прерваться, так как пани Ярчик стало плохо. Это случилось около 20.00. Приблизительно в половину девятого я пошла к себе в комнату, перед тем была на кухне, чтобы чего-нибудь съесть и выпить чаю. Я шла по коридору с паном Теляком, комната которого была рядом с моей. Я видела, как он вошел к себе, а сама потом уже не выходила. Ко мне тоже никто не приходил. Я не слышала, чтобы кто-либо выходил из других помещений или крутился по коридору. Я была обессилена психотерапией, и уже около половины десятого спала. Утром будильник зазвонил за полчаса перед завтраком, в 8.30. Помню, что жалела, что у меня нет души. За завтраком мы практически не разговаривали. Пан Рудский рассказал нам сказку или притчу и просил, чтобы мы между собой не беседовали о том, что происходило вчера. Мы беспокоились о том, что нет пана Теляка. Пан Рудский пошел его позвать, но тут же вернулся и сообщил, что пан Теляк сбежал, и что такое случается. Я не заметила, чтобы во время завтрака кто-нибудь вел себя странно или же иначе, чем обычно. Около 9.30 я пошла в свою комнату отдохнуть. Около 10.00 я услышала крик пани Ярчик, побежала в зал и увидела труп пана Хенрика. Меня потянуло на рвоту, так что я оттуда вышла и уже не возвращалась. Возле трупа была пани Ярчик и пан Каим; когда я выходила, то разминулась с паном Рудским, который бежал в сторону зала.

Дополняю, что и в субботу вечером, и во время завтрака мы разговаривали между собой крайне мало, поскольку таковы рекомендации в ходе психотерапии. Потому-то я и не имела возможности познакомиться с паном Теляком в плане общения. Это все, что я могу сказать по данному делу. Протокол подписываю как соответствующий моим показаниям.

Ханна Квятковская расписалась на каждой странице и отдала протокол Шацкому. Кузнецов вспоминал, что женщина сильно нервничала, и если не считать этого — то вполне даже ничего. Вот это было правдой. У Ханны Квятковской было красивое, умное лицо, а слегка искривленный нос придавал ей задиристой прелести и определенного аристократического обаяния. Лет через двадцать она станет выглядеть как самая настоящая довоенная графиня. Гладкие волосы цвета «польская мышь» доходили до плеч; их кончики завивались наружу. И хотя никакой дом моды наверняка не предложил бы ей рекламировать нижнее белье на подиумах, многие мужчины наверняка пожелали бы поближе познакомиться с ее пропорциональным и аппетитным телом. Другое дело, скольких их них напугал бы ее бегающий взгляд. Шацкого ее глаза точно пугали.

— А как получилось, что так мало? — спросила Квятковская. — Мы же так долго беседовали.

— Я прокурор, а не писатель, — сказал Шацкий. — Все нюансы беседы в протоколе я передать не могу, кроме того, они и не нужны. Впечатления и нюансы для меня существенны лишь тогда, когда позволяют установить новые факты.

— Это почти так же, как у меня с учениками. Главное — не производимое ими впечатление, но излагаемые ими знания.

— Всегда?

— Я стараюсь, — ответила та. При этом она улыбнулась, но была настолько скована, что улыбка превратилась в гримасу.

Шацкий глядел на нее и раздумывал: была ли эта женщина в состоянии кого-нибудь убить. Если и да, то, похоже, именно таким образом — схватить вертел, ударить, случайным образом попасть. Масса истерики, много паники, еще больше случайности. Он видел, что женщина пытается выдерживать стиль, но ему казалось, что воздух в кабинете вибрирует от ее несдержанных нервов.

— Сейчас, наверное, у вас в школе тяжелый период, — сменил Шацкий тему, чтобы еще немного проследить за ней в ходе нейтральной беседы.

— Ну да, пан понимает, конец года. Все приходят, хотят исправить оценку, поменять три с плюсом на четыре с минусом, написать отсроченную контрольную, совершенно неожиданно обнаруживаются все задания и рефераты. О нормальных уроках, впрочем, речь и не идет. До следующей пятницы нам нужно выставить все оценки, так что еще две недели всего этого сумасшествия.

— Я проживаю неподалеку от гимназии, в которой пани работает.

— Правда? Где?

— На Бурдзиньского.

— Да, действительно, буквально в паре кварталов. И пану там нравится?

— Не сильно.

Женщина склонилась в его сторону, как бы желая выдать стыдливую тайну, и сказала:

— И мне тоже не нравится. А эти дети! Господи Иисусе, иногда я сама чувствую себя словно в исправительной колонии или в сумасшедшем доме. Нервы у меня на пределе. Не поймите меня неправильно, это хорошие дети, но зачем они бросают петарды в коридорах? Вот этого я не понимаю. И эти шуточки о пенисах, ведь им всего по двенадцать лет. Иногда мне просто стыдно. Совсем недавно — вы просто не поверите — я получила от одной ученицы SMS, что она влюбилась в одного ксёндза и, похоже, готова с собой что-то сделать. Я вам покажу. Может, это дело для прокурора?

Она начала разыскивать телефон в сумочке, а Шацкий начал жалеть, что раскрутил эту нейтральную тему. Разве так ведет себя убийца? Разве не хотелось ей побыстрее уйти отсюда, вместо того, чтобы показывать SMS-ки? Можно ли уж так хорошо сыграть?

Женщина подала ему телефон:

«НужноКому-тоПризнатьсяЛюблюОтца МаркаНеМогуЖитьПомогите».

— Нет подписи, — прокомментировал он.

Та лишь махнула рукой. Теперь она была явно расслаблена.

— Ну да, но я узнала, кто это, добрые души донесли. Что делать — не знаю. Только, похоже, это не дело для прокурора?

— А вы сами как думаете: кто из вашей группы убил пана Хенрика.

Квятковская застыла.

— Да понятное же дело, что никто. Неужто пан считает, будто бы кто-то из нас — убийца?

— Вы ручаетесь за людей, которых только что узнали?

Квятковская скрестила руки на груди. Шацкий же вел себя словно василиск, не спуская взгляда с ее глаз. А женщину бил тик, ритмично мигала правая века.

— Да нет, это же нормальные люди, я слушала про их жизнь. Это должен был быть какой-то душегуб. Преступник.

Гад, сволочь, бандит, злорадно подумал Шацкий.

— Может и так. Но, возможно, и кто-то из вас. Мы обязаны обдумать и такой сценарий. Я понимаю, что для пани это трудно, но припомните, пожалуйста, что угодно, какую-нибудь мелочь, которая вызвала, что мелькнуло в вашей голове совершенно безосновательно: «это, наверное, он» или «видимо, это она». Так как?

— Конечно, я не могу вот так предъявлять обвинения, но да, на психотерапии так следовало, что жена пана Хенрика его ужасно ненавидит, и пани Барбара настолько убедительно играла эту злость, сама не знаю, глупо так говорить...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Барбара Ярчик, родившаяся 8 августа 1946 проживает в Гродзиске Мазовецком на ул. Бартняка, образование высшее, работает главным бухгалтером в Предприятии по производству деревянных игрушек «Соснекс».

Выглядела она ну точно как бухгалтерша или учительница на пенсии. Пушистая, в жакете, наверняка купленном в магазине для пушистых. С пушистым лицом и прической. В очках. Шацкий как-то не мог себе представить, что люди в таком возрасте ходят на терапию. Ему всегда казалось, что это должны быть тридцати-сорокалетние, загнанные в крысиной гонке, ищут лекарства против страхов и депрессий. Хотя, с другой стороны, лучше уж поздно осушить болота собственной души, чем оставлять все как есть. Он наморщил брови, так как не мог выйти из изумления, что ему в голову могла прийти столь дурацкая метафора.

Говорила она плоско, монотонно, не передавая голосом каких-либо эмоций. Шацкий записывал автоматически, чуть ли не слово в слово все то же, что услышал от Квятковской, задумываясь над тем, имеются ли на свете какие-нибудь языки, в которых интонация не существует. Их пани Ярчик наверняка могла бы выучить за неделю.

— Буквально без нескольких минут десять я вышла из своей комнаты и отправилась в терапевтический зал. По дороге я разминулась с паном Рудским, который шел в противоположную сторону.

Шацкий очнулся.

— Пани желает сказать, что пан Рудский видел покойника перед вами?

— Этого я не знаю. Сомневаюсь. Помещение, в котором мы принимали пищу, находилось рядом с залом для психотерапий, в другой части здания, чем наши комнаты. Он мог оставаться дольше после завтрака, понятия не имею. Я удивленно глянула на него, поскольку он шел в противоположную сторону, но он заметил, что сейчас придет, а мне сделалось стыдно, так как до меня дошло, что он просто шел в туалет. Он же не был таким спокойным, если бы нашел труп пана Хенрика.

Шацкий отметил это, не делая никаких комментариев. Что же такого творят эти психотерапевты с людьми, что никому из них не придет в голову простейшая идея, что убийца — это именно он.

— Я вошла в зал. Помню, что была сильно перепугана, поскольку теперь терапия должна была касаться именно меня. У меня в голове даже возникла какая-то тихая надежда, что без пана Хенрика ее придется отложить. Потому что будет мало людей, понимаете. Так что я была перепугана и в первый момент его не заметила, все время размышляя над тем, как мне нужно будет расставить пани Ханю и пана Эузебия в роли собственных детей.

Ярчик замолчала. Шацкий не стал ее подгонять.

— Я увидела ноги, — произнесла та наконец, — подошла поближе и увидела тело и тот вертел в глазу, и все это. А когда до меня дошло, что я вижу, то завопила.

— Кто прибежал первым?

— Пани Ханя.

— Вы уверены?

— Да. Скорее всего, именно так. Затем пан Рудский, а в конце — пан Эузебий.

— Расскажите, пожалуйста, что делалось, когда вы стояли над трупом. Кто что говорил, как себя вел.

— Если быть откровенной, то я, прежде всего, запомнила только торчащий из глаза вертел. Это было ужасно. А другие? Пани Ханю вообще не помню, может она быстро и вышла. Пан Эузебий, кажется, проверил пульс пана Хенрика и хотел вынуть эту гадость из глаза, но доктор крикнул, что ни к чему прикасаться нельзя и что нужно вызвать полицию, и что всем нам нужно как можно быстрее выйти, чтобы не затоптать следы.

— Словно породистый мусор из американских детективов, — не мог не запустить мелкой шпильки Шацкий.

— Так мы плохо сделали?

— Очень хорошо. Честное слово.

Зазвонил телефон. Прокурор извинился перед Ярчик и поднял трубку.

— Привет, Тео. Не хотела заходить, потому что у тебя свидетель, но Пещох получил пятнадцать лет.

— Превосходно. Какое обоснование?

— Все замечательно. Нам никаких обвинений, собственно говоря, судья повторил перед камерами твои слова из обвинительного заключения и речи обвинителя. Тебе следует затребовать с него авторские отчисления. Вполне возможно, что даже апелляции не будет. Пещох — это исключительная гнида, и на месте его адвоката я бы опасался, что при повторном рассмотрении его клиенту подкинут несколько лет.

Эва была права. Пещох убил свою жену преднамеренно, из ничем не обоснованной ненависти. То было грязное домашнее преступление из рода тех, которыми не интересуются даже бульварные газеты. Запущенная однокомнатная квартирка, пара безработных людей, плач, вопли и скандалы, битье головой о ребро шкафа вместо банального мордобоя. Целых четверть часа. Даже патологоанатом был потрясен. И это, по мнению защиты, должно было быть «избиение со смертельным исходом». Боже милосердный, Шацкий предпочел бы заматать улицы, чем наниматься в качестве попугая в уголовных делах.

— Спасибо, Эвуня. С меня кофе.

— Принесешь мне в постель?

Теодор подавил улыбку.

— Мне пора заканчивать. Па.

Ярчик водила взглядом по его кабинету. В нем не было ничего интересного, если не считать серой громадины Министерства сельского хозяйства за окном. Над столом Али висели смешные детские рисунки, рядом со столом Шацкого — лишь календарь с фотографиями Татр и оправленный в рамочку афоризм Штаудингера: «Откуда бы не дул ветер, всегда у него запах Татр».

— Как вы считаете, кто из вашей группы его убил? — спросил Шацкий.

Этот вопрос застал бухгалтершу врасплох.

— Не знаю. Понятия не имею. Я всего лишь нашла тело.

— Понятно. Но если бы вам нужно было назвать одного человека, кто бы это был? Доверьтесь интуиции. Я спрашиваю просто так, наверняка это не будет иметь никаких

последствий. Ведь вы же наблюдали за этими людьми два дня практически беспрерывно.

Барбара Ярчик поправила очки. Она сидела, не двигаясь и не глядя на Шацкого, но в какую-то точку на стене у того за спиной. Наконец, не поворачивая головы, сказала:

— На сессии пан Эузебий играл роль сына пана Хенрика. И этот сын, во всяком случае, в исполнении пана Эузебия, был ужасно печальным, но было видно и то, насколько он чувствует себя отцом обиженным. И вот мне подумалось, быть может, это он, чтобы отомстить отцу, ну, вы понимаете. Потому что не было у него любви, и вообще...

Лишь теперь она поглядела на Шацкого, который ничего из ее слов не мог понять. Взрослый мужик должен был убить другого мужика, поскольку во время терапии играл его сына, который был недостаточно любимым? Что за чушь!

— Понятно, — сказал он. — Я вам весьма благодарен.

Перед тем, как подписать протокол, Ярчик его внимательно прочитала. Пару раз скривилась, но ничего не сказала. Они попрощались, Шацкий предупредил, что наверняка еще вызовет ее. Возможно, даже несколько раз. Женщина уже стояла в двери, когда в голову хозяина кабинета пришел еще один вопрос:

— А что вы почувствовали, когда обнаружили его?

— Сначала я была перепугана, вид был ужасный. Но когда успокоилась, то почувствовала какое-то облегчение.

— Облегчение?

— Только не поймите меня неправильно. Пан Хенрик много рассказывал нам о себе, о своем семействе, и я... — нервно сплела она пальцы в поиске нужных слов, я никогда еще не встречала столь несчастного человека. И вот я подумала, быть может, кто-то оказал ему услугу, потому что, честное слово, нет, видно, миров, где пану Хенрику могло быть хуже, чем здесь.

Эузебий Каим, родившийся 14 июля 1965 года, проживающий в Варшаве на ул. Мехоффера, образование среднее, работающий директором отделения в фирме «ЭйчКью Маркетинг Польска».

По мнению Олега, богатый, наглый и черт знает чего делающий на психотерапии. Шацкий это мнение разделял. Изысканный костюм прокурора по сравнению с костюмом прибывшего выглядел тряпкой из индийского сэконд-хенда. Шацкий был способен это оценить, и он почувствовал укол зависти, когда Каим уселся напротив него. Сам он не сможет позволить себе подобный гардероб.

Каим был не только превосходно одет. Еще он был мускулистым и загорелым, как будто бы последние три недели он только лишь бегал и играл в теннис на критских пляжах. Шацкий, несмотря на свой плоский живот и регулярные посещения бассейна, почувствовал себя бледным и бесхребетным, словно червяк. Его это чуточку поправила мысль, что это он здесь представитель власти, а этот вот красавчик может оказаться убийцей.

Приятным, мужественным голосом, конкретно и по делу, без экзальтации, но и не пропуская подробностей, Каим дал свои показания. Сцену у трупа он запомнил так же, как и Ярчик, но Шацкого интересовало кое-что иное.

— Каким человеком, по вашему мнению, был Хенрик Теляк? — спросил он.

— Несчастливым, — ни секунды не колеблясь, ответил Каим. — Очень несчастным. Я понимаю, что не у каждого жизнь складывается удачно, но ему не везло исключительно. Вам наверняка известно, что его дочка совершила самоубийство.

Шацкий подтвердил это.

— А вам известно, что у его сына большое сердце?

Тут Шацкий отрицательно покачал головой.

— Об этом узнали через полгода после похорон Каси. Их дочери. Ужасно. Меня самого трясет, как только я об этом подумаю. У меня самого есть сын, в том же возрасте, и мне делается плохо, когда представляю, что мы хотим забрать результаты банальных обследований, и тут врач говорит, что результаты какие-то странные, что их следовало бы повторить. А потом... сами понимаете.

— А как, собственно, выглядела та психодрама, в которой вы играли роль сына Теляка?

— Трудно назвать это психодрамой, это нечто более глубокое, необъяснимое. Магия. Пан Чарек наверняка пояснит вам теорию, я не смогу. Первый раз я участвовал в расстановке и, — подыскивал он подходящее определение, — это переживание на грани потери сознания. Когда пан Теляк расставил всех, я сразу же почувствовал себя плохо. Очень плохо. И чем дольше я там стоял, тем хуже мне становилось, тем меньше я чувствовал себя собой. Ну ладно, пан уже глядит на меня, как на стукнутого, тем не менее, закончу. Я не сколько притворялся, будто бы являюсь Бартеком, сколько на самом деле им становился. Только не спрашивайте меня, как такое возможно.

Шацкий подумал, что если всех должен будет обследовать эксперт, государственная казна потратит бешеные деньги.

— Раньше именно вы были героем расстановки, — произнес он.

— Правильно, но тогда я не воспринял всего настолько серьезно. Согласен, переживания были сильными, когда я увидел, почему мой брак рассыпался в пух и прах, но тогда то были мои личные эмоции. Понимаете? Даже если и очень глубоко скрытые, даже если теперь выдвинутые наружу, но мои, мои личные. А вот потом, с Бартеком и паном Хенриком... ужасно, мне как будто бульдозером снимали мою собственную личность. И мне хотелось бы об этом поскорее забыть.

— Вы давно уже развелись?

— Нет, недавно, год назад. И я не столько развелся, сколько расстался. В суд мы не пошли. Но теперь, возможно, нам и удастся сложить все в зад.

— Простите, не понял?

— Что не поняли?

— Вы сказали «сложить все в зад».

— Ну да, конечно же, я имел в виду сложить все назад.^[33] Не обращайте внимания на мои оговорки. У меня не хватает какого-то замыкателя в мозгу, так что с самого детства идиомы и фразеологизмы путаются. И никто не способен объяснить, почему это так.

«Псих», — подумал Шацкий. «Впечатление производит самое приятное, но на самом деле — псих».

— Да, конечно же, понимаю. А вот во время этой психотерапии, играя роль сына пана Хенрика, вы не испытывали ненависти к своему — назовем это так — отцу?

— Простите, но к чему это вы ведете?

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

Каим молчал, крутя в ладони мобильный телефон. Наверное, очень дорогой; сам по себе экран был больше, чем весь телефон Шацкого.

— Да, иногда я испытывал к нему ненависть. В первый момент я хотел это отрицать, только это было бы бессмысленно. Когда вы увидите записи, сами наверняка увидите.

Шацкий сделал заметку: «терапия — видео?».

— О чем пан спросит меня теперь? Хотел ли я его убить? Убил ли я его?

— А вы убили?

— Нет.

— А хотели?

— Нет. Честное слово, нет.

— А как вам кажется, кто его убил?

— Откуда мне знать. В газетах пишут, что вор.

— Ну а если бы это должен был быть кто-то из вас? — буравил Шацкий.

— Пани Ханя, — без малейших колебаний ответил Каим.

— Почему?

— Очень просто. Она была его дочкой, которая в пятнадцать лет покончила с собой.

Могу предположить, все потому, что отец приставал к ней в детстве. Во время психотерапии этого не было видно, но в газетах все время о таком пишут. Ханя это почувствовала, что-то в голове у нее перещелкнуло, вот и убила.

Когда Каим вышел, Шацкий раскрыл окно пошире и уселся на подоконнике, чтобы закурить вторую из дневной порции сигареты. Время шло к четырем вечера, на Кручей уже собиралась пробка автомобилей, направлявшихся в сторону Аллей. Стоявшее еще высоко в небе солнце растолкало тучи и разогрело мокрые тротуары, в воздухе чувствовалась сладковатый запах мокрой пыли. Идеальная погода для прогулки с девушкой, подумал Шацкий. Присесть возле фонтана в Саксонском Саду, положить ей голову на колени и рассказывать о прочитанных в детстве книжках. Он не мог вспомнить, когда они Вероникой ходили вот так просто, прогуляться. Не помнил, когда в последний раз рассказывал кому-либо о детских впечатлениях от книжек. Мало того, он не помнил, когда в последний раз прочитал что-либо, не озаглавленное «Вспомогательные материалы прокурора». Все чаще он чувствовал себя пустым и выжженным изнутри. Или это возраст?

«Может, следовало бы позвонить какому-нибудь психотерапевту?» — подумал он и расхохотался.

Ну конечно же, нужно позвонить. Шацкий сел за стол и набрал номер Рудского. Трубку долго никто не поднимал, Теодор хотел уже было бросить затею, когда услышал щелчок.

— Да. — Голос, казалось, доносится с Камчатки.

Шацкий представился и потребовал, чтобы Рудский прибыл к нему как можно скорее. После сегодняшних допросов сделалось ясным, что личность психотерапевта и вся эта странная терапия могут стать ключом ко всему делу. Рудский извинился, сообщив, что с утра валяется с высокой температурой. Он прекрасно понимает, что это звучит как дурацкая отговорка, но действительно не может приехать. Зато он с удовольствием примет прокурора у себя дома.

Шацкий размышлял. С одной стороны, он предпочел бы встречу на собственной территории, с другой, беседа с психотерапевтом была для него важной. И согласился. Записал адрес на Охоте, пообещав, что будет через час.

Прокурор положил трубку и стукнул себя по лбу. Он же обещал Веронике, что будет дома в пять вечера и останется с малышкой, чтобы жена могла пойти на матч. Понятное дело, он мог бы перед ней объясниться, и Вероника даже бы поняла, но... Ну да, именно «но». Он перезвонил Рудскому и перенес встречу на девять часов утра следующего дня. Терапевт обрадовался и сказал, что сделает все возможное, чтобы к этому времени встать на

ноги и обладать всей полнотой умственного контроля. Шацкому показалось странным, что собеседник воспользовался такой формулировкой. В конце концов, грипп — это не шизофрения.

Хеля испытывала триумф. Уже три раза она обыграла отца в колпачки (один раз она закончила, когда у того все пешки были в его «домике»). Теперь все указывало на то, что выиграет и в пексесо. У дочки уже было на две пары больше, а не раскрытых было только десять карт. Пять пар. И сейчас был ее ход. Если не ошибется, весь вечер будет исключительно ее. Девочка перевернула карту: засыпанная снегом сосна. Уверенным движением она перевернула следующую: засыпанная снегом сосна. Ничего не сказала, только радостно глянула на отца. Положила карточки на своей стопке и скрупулезно посчитала разницу.

— У меня на три дольше, — заявила она.

— Еще не конец, — заметил Шацкий. — Давай.

Девочка быстро перевернула карту. Рыжик. Она наморщила брови. Потянулась рукой к карточке, лежащей ближе всего к ней, и заколебалась. Вопросительно глянула на отца. Шацкий знал, что так как раз рыжик, но только пожал плечами. Сегодня он не помогает. Хеля передумала и перевернула другую карточку — барсук.

— Ой, нет, — простонала она.

— Ой, да, — ответил на это Шацкий и хапнул пару рыжиков. Оставалось взять две пары и только две «стратки». Он знал, какими будут оставшиеся карты. Потому он показал дочке язык и перевернул того самого барсука, которого Хеля только что открывала.

Хельця закрыла лицо руками.

— Не желаю я на это глядеть, — заявила она.

Шацкий делал вид, что размышляет.

— И где же был тот второй барсук? Мы его вообще открывали?

Хеля кивнула, глядя на отца через пальцы. Шацкий поместил руку над карточкой с барсуком. Дочка крепко стиснула веки. Теодор рассмеялся про себя, передвинул руку и открыл карточку с малинами.

— Ой, нет, — простонал он.

— Ой, да! — радостно завопила Хельця, быстро раскрыла оставшиеся три пары и бросилась ему на шею.

— Так скажи, кто у нас королева пексесо?

— Я король пексесо, — нагло заявил Шацкий.

— Вовсе и нет!

— Вовсе и да. Сегодня я проиграл только случайно.

— А вовсе и нет!

Замок в двери щелкнул. Вероника вернулась домой.

— Мама, а знаешь, сколько раз я выиграла у папы в колпачки?

— Не знаю.

— Три раза. И один раз — в пексесо.

— Замечательно. Возможно, тебе следовало бы играть в футбол в команде «Легия» Варшава.

Шацкий спрятал карточки в коробку, поднялся с пола и пошел в прихожую. Его жена закинула трехцветный шарфик на вешалку. Одета она была, как всегда одевалась на матч: тонкий гольф, ветровка, джинсы, кеды. Вместо очков — контактные линзы. Стадион на

Лазенковской не был подходящим местом, чтобы продемонстрировать его прелести.

— Только не говори, что продули.

— Ничья, но как бы продули. Влодарчик пропустил три стопроцентные ситуации, даже я бы попала. Последние двадцать минут играли вдесятером, потому что тот кретин Новацкий получил два горчичника. Сначала за фол, а потом за бессмысленную симуляцию. Придурок. А так весь матч мы вели...

— И кто забил?

— Карван головой после подачи Влодарчика. Гроцлин сравнял за пару минут до конца.

Стыдуга, чего и говорить.

— И когда матч-реванш?

— Пятнадцатого.

— Едешь?

— Даже не знаю. Не хотелось бы снова слышать, как весь стадион сельских вопит: «легла, легла Варшава!»

Шацкий понимающе покачал головой и отправился на кухню готовить ужин. Вероника пришла к нему покурить. Кроя бутерброды, он рассказал ей о деле Теляка и о сегодняшних допросах.

— Интересно, Бабинич как-то рассказывал мне о подобной психотерапии. Помню, тогда мне все это показалось каким-то сектантским.

— Давай, давай, в нашем доме вновь появляется адвокат Бабинич, — перебил ее Шацкий, не поднимая взгляда от доски, на которой резал помидоры на салат с фетой и подсолнечными семечками.

— Тео, ну пожалуйста, не надо меня мучить. Разве я допытываюсь, кто из практиканток делает тебе кофе?

— Я сам себе его делаю.

— Ну да, как будто бы мы вчера познакомились, так?

Он только пожал плечами. Не хотелось ему ссориться.

Когда-то все это было только шутки. Потом в шутках появилась ревность. Теперь же все подобного рода разговоры перерождались в агрессивное раздражение обеих сторон.

Шацкий доделал салат, наложил себе, загнал дочку в ванную и уселся за компьютер. Ему необходимо было ненадолго отключиться от внешнего мира, нужно было сыграть. Теодор гордился тем, что прошел все ступени эволюции в этой сфере — от ZX Spectrum и Atari с играми, записываемыми на магнитофонные кассеты, через С64 и Amiga с дискетками, до первых персональных компьютеров с зеленоватым монохромным монитором, и вплоть до нынешних машин, которые в миллионах цветов и в реальном времени рисовали перед ним на мониторе альтернативные миры. Он был уверен, что все более совершенные игры со все более интересными сюжетами и фабулами вскоре станут элементом культуры наряду с романами Дэна Брауна и фильмами Спилберга. Правда, мир игр пока что не дождался своего «Имени розы» или же «Амадея», но это всего лишь вопрос времени. Как правило, он играл в приключенческие и тактические стрелялки, но сегодня ему хотелось сделаться единственным справедливым на тропическом острове, где очень плохой доктор вел очень нехорошие генетические эксперименты, пользуясь охраной очень злых наемников. Если бы участники процессов понимали, чем по вечерам занимается надменный, совершенно седой, несмотря на свои тридцать шесть лет, безупречно одетый прокурор... Ему хотелось смеяться всякий раз, когда он включал компьютер.

— Ты же не собираешься начинать игру? — спросила Вероника.

— Полчасика, — ответил Шацкий, злясь на себя за то, что оправдывается.

— А мне казалось, будто мы разговариваем.

И конечно же, он почувствовал себя виноватым.

— Через полчасика. Думаю, ты еще не будешь спать.

— Ну, не знаю. Думаю, ты же еще не будешь спать.

— Ну, не знаю. Может лягу пораньше.

— Я и правда сейчас закончу, только дойду до сэйва, — ответил автоматически Шацкий, сконцентрировавшись на снайпере, который затаился на мостике разбитого японского авианосца.

— У меня здесь пуля с твоим именем! — загремело из динамиков, и сразу же после того один из наемников распорол воздух очередью из автомата. Герой Шацкого отскочил за металлическую переборку, но свое получил. Черт!

— Прошу прощения, не мог бы ты надеть наушники? — холодно попросила Вероника.

Теодор потянулся за ними.

— Обещаю тебе еще одну дырку! — с ненавистью прохрипели динамики еще до того, как он воткнул штекер в гнездо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

вторник, 7 июня 2005 года

70 процентов поляков утверждает, будто бы жизнь и учение Папы римского поменяло их жизни. Критически же Иоанна-Павла II оценило 0 процентов. Александр Квасьневский^[34] обратился к Владзимежу Цимошевичу,^[35] чтобы тот передумал и стартовал в президентских выборах. Физик из УАМ выдвинул теорию, что через какое-то время на Земле должен появиться супер-хищник, истинная машина для убийства, который станет наводить порядок на планете. Green Day дал концерт в «Блюдце».^[36] В Варшаве, перед Национальным Музеем столкнулось целых три трамвая. 13 человек попало в больницу. Музей Техники в Парке культуры и отдыха получил дефибриллятор от Овсяка,^[37] чтобы иметь возможность спасти посетителей. Все больше людей протестует против отмены Парада Равенства, организаторы объявляют митинги, на проведение которых не должны получать согласия. Максимальная температура в столице — 15 градусов, несмотря на это, солнечно и без осадков.

Занятия психотерапией наверняка приносят доход, подумал Теодор Шацкий, ставя машину перед новеньким зданием с апартаментами на Павиньского. Он еще чуточку посидел в машине, чтобы выслушать до конца Origin of the Species с новейшего диска U2. Шикарный номер, и альбом шикарный, мужики из Дублина наконец-то вернулись к роковым корням. Когда же он доложил у портье, сидящего за выложенной мрамором и гранитом стойкой, а потом прошел через прелестный внутренний дворик с фонтаном и детской площадкой, то подумал, что быть терапевтом — занятие чертовски доходное. А когда вошел в квартиру на одиннадцатом этаже, то почувствовал, что отдал бы все, лишь бы еще раз очутиться на пороге карьеры, и вот тогда он, без каких-либо сомнений, выбрал бы психологию.

Рудский и вправду был похож на больного, а его возраст это впечатление лишь усиливал. Шестидесятилетний мужчина может выглядеть превосходно, но лишь тогда, когда сам об этом позаботится. В воскресенье на Лазенковской Рудский выглядел замечательно, словно смесь Хемингуэя и Щона Коннери. Сегодня, с жирными редкими волосами, с кругами под глазами, плотно завернувшийся в халат, он был пожилым, больным человеком.

Квартира, похоже, была довольно большая, около ста метров площади, но Шацкий мог об этом только догадываться, точно так же, как и расположении комнат в частной части. Рудский провел его в салон, и на сей раз прокурор просто не был в состоянии сдержать эмоций. Квадратное помещение, объединенное с кухней, несмотря на свою площадь в чуть ли не четыре десятка квадратных метров (вся его квартирка занимала площадь пятьдесят два квадрата), а стены, выходящие на север и запад, были полностью стеклянными, они состояли из одних лишь окон. И вид был способен сбить с ног. На западе, правда, смотреть мало чего было — крыши Охоты, уродливый купол Blue City, Щеншливицкую Горку.^[38] Зато на севере кичился варшавский Манхеттен. С этого места все небоскребы Центра, казалось, стояли дружно рядом с другом. Старые: Forum, Mariott и Intraco II; и новые: Intercontinental, «Золотые Террасы», Rondo 1, здание Daewoo, понятное дело — Дворец, который даже представлял собой любопытный контраст для окружающего его моря стекла. Вид был настолько абсолютно варшавским, что оставлял за собой даже панораму левого берега с Гданьского моста. Шацкий подумал, что нужно будет обязательно найти повод приехать к Рудскому после заката. Может, обыск?

— Внушительно, не правда ли? — прохрипел Рудский, вручая Шацкому чашку с кофе. — Вам обязательно нужно будет приехать ко мне вечером. Иногда ночью я могу стоять у окна целый час, и это мне совершенно не надоедает.

Шацкий призвал себя к порядку.

— Действительно, может кому и нравится, — безразличным тоном прокомментировал он.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Цезарий Рудский, родился 2 августа 1944 год проживает на улице Павиньского, образование высшее, ведет частную психологическую консультацию. Отношение к сторонам: посторонний; за дачу фальшивых показаний не привлекался.

Предупрежденный об уголовной ответственности согласно положений статьи 233 УК

сообщает следующее:

С Хенриком Теляком я познакомился случайно в ноябре прошлого года. Тогда я готовил психотерапевтическую конференцию и подыскивал фирму, которая могла бы напечатать приглашения и плакаты. Так я попал в фирму «Польграфекс», директором или вице-директором в которой был Хенрик Теляк. Тогда у меня с ним контактов не было, только лишь с менеджерами. Через неделю я захотел получить заказ, но тот не был готов. Я потребовал связать меня с дирекцией, и вот тут уже узнал Хенрика Теляка. Он был очень мил, заверил, что еще в этот же день доставят мне заказ курьером за их счет, извинился, пригласил на кофе. За чашкой кофе он начал расспрашивать о моей работе, так как заинтересовался содержанием приглашений и плакатов. Я рассказал ему о работе психотерапевта. Что стараюсь помогать людям, что часто встречаю людей, утративших смысл жизни. Тогда он рассказал мне о самоубийстве дочери и болезни сына, признался, что не может больше со всем этим жить. Я спросил, не хотелось бы ему встретиться со мной. Он ответил, что пока не уверен, но через неделю позвонил и договорился о визите. Встречались мы раз в неделю, по четвергам, здесь, в этой квартире.

Тех сессий я не записывал, делал лишь заметки. Пан Теляк много молчал, часто плакал. Жизнь у него была тяжелая. В шестнадцать лет он сбежал из дома, вскоре после того его родители погибли в автомобильной катастрофе. Он не успел с ними попрощаться, даже о похоронах не знал. По этой причине он чувствовал себя виноватым, и это чувство вины повлияло на его будущей жизни. Его брак с Ядвигой Теляк — которую Хенрик Теляк, как мне кажется, очень любил, точно так же, как и детей — удачным не был, о чем Хенрик Теляк говорил с печалью и стыдом. Во время терапии мы сконцентрировались на его родной семье, чтобы он мог выйти из тени своих покойных родителей. Мне казалось, что это является основой, чтобы оздоровить отношения в его нынешнем семействе. Мне казалось, что это приносит эффекты, расстановка в эти выходные должна была стать «точкой над I». Собственно говоря, в этой расстановке для меня важнее всего был Хенрик Теляк. Остальные лица, которых я подобрал среди своих пациентов, в намного лучшем психологическом состоянии. Из неврозы относительно мягкие.

На вопрос допрашивающего, упомянул ли Хенрик Теляк в ходе терапевтических сеансов о врагах или людях, которые относятся к нему без симпатии, свидетель ответил: Хенрик Теляк казался личностью настолько сломавшейся и замкнутой в себе, что для окружения, похоже, был совершенно незаметным. Мне ничего не известно о его врагах. Не думаю, чтобы таковые у него имелись.

Шацкий записывал, внимательно наблюдая за Рудским. Психотерапевт говорил тихо, спокойно, уверенно. Голос его пробуждал доверие, наверняка он мог без каких-либо проблем ввести пациента в гипнотическое состояние. Шацкий задумался, а мог бы он сам довериться Рудскому. Рассказать ему о том, как сильно болит у него живот, когда он возвращается домой. Как перед сном приходится выпивать два пива, чтобы без проблем заснуть. Как убивает его холод между ним и Вероникой, пропитанный претенциозностью и разочарованием воздух, висящий над мебелью из Икеи в их квартире в крупноблочном доме на Бурдзиньского. Как иногда он раздумывает, а что их объединяет, помимо ребенка и банковского счета. И как он сам стоит иногда перед цветочным киоском — хотел бы купить ей цветы, и знал бы, что она будет довольна, но не делает этого, всякий раз находя какую-то отговорку. То ли, что уже поздно, а цветы и так некрасивые. Или считает, что стыдно приносить жене цветы из киосков на Праге — вечно они выглядят такими, которых в Центре

не продали пару дней назад. Или жалко мелочи, потому что еще нужно купить что-то из еды. Так ведь в пятидесяти метрах дальше находится банкомат... А роза стоит всего пять злотых. Иногда же размышляет вот как: а с чего это я должен покупать цветы? В конце концов, а когда это я в последний раз что-то получил от нее? Диск, книжку или хотя бы SMS с другим содержанием, чем «нарезанный батон и сигареты». Так что он отходит от цветочного киоска, злясь на самого себя, и ему стыдно, и по дороге он забегает в магазин за тем же чертовым нарезанным батоном, который покупает через день вот уже восемь лет в одном и том же магазине, у одной и той же продавщицы. Любопытно и то, что сам он видел, как та стареет, а у него складывалось впечатление, что он идеально тот же человек, что и тогда, когда впервые пришел за покупками. Стоял июль. На Шацком был тренировочный костюм, весь покрытый пылью от переезда. Он радовался квартире, радовался тому, что через мгновение вместе с красивейшей на свете женщиной съест франзольку и запьет ее кефиром. Радовался тому, что продавщица такая милая. Тогда у нее были длинные темные волосы, заплетенные в короткую косу, а не молочно-белый ежик, делающий женщину похожей на сержанта-пехотинца из американских военных фильмов.

Цезарий Рудский вежливо, но очень решительно отказался дать ответ на вопрос о терапии Ярчик, Квятковской и Каима. Шацкий не давил. Ему пришлось бы предъявить обвинение кому-нибудь из них, чтобы через суд заставить Рудского выдать документацию. Психотерапевт давал отчет по дню, в который был найден труп, а Шацкий с печалью констатировал, что никто из допрошенных перед тем лиц убийцей, похоже, не является. Показания были логичными, казались откровенными, в них чувствовалась печаль по поводу смерти Теляка и большая доза эмпатии в отношении его личности. Кроме того, он просто не представлял, какой у кого-либо из них мог бы быть мотив, чтобы убить Теляка.

Так думал прокурор Теодор Шацкий во вторник, 7 июня, в 10:30 утра. Через пару часов он уже был уверен, что убийца находится среди трех пациентов Рудского.

— Меня несколько удивляет, что это вы со мной беседует, а не полиция, — неожиданно сказал психотерапевт.

— Не верьте, пожалуйста, телевизионным сериалам. В Польше всеми серьезными следствиями руководит прокурор. Полиция помогает, когда он ее об этом просит, самостоятельно же она гоняется за автомобильными ворами и взломщиками.

— Тут вы, наверное, преувеличиваете.

— Немного преувеличиваю, — усмехнулся Шацкий.

— Наверняка вы чувствуете себя недооцененным.

— Я предпочел бы говорить о фактах, а не о чувствах.

— Так всегда проще. Что еще хотелось бы вам знать?

— Мне хотелось бы знать, что случилось в субботу вечером. И что такое терапия расстановок. И почему у ваших пациентов дрожит голос, когда о ней рассказывают.

— В таком случае, нам следует говорить о чувствах.

— Как-нибудь перенесу.

Психотерапевт поднялся с места, подошел к стеллажу и начал копаться в черной папке.

— Я не в состоянии этого объяснить, — сказал он. — К сожалению, это невозможно. Абсолютно неисполнимо.

Шацкий стиснул зубы. Вот же зараза. Как только дошли до сути, начал крутить.

— А вы попробуйте. Глядишь и удастся.

— Ничего не получится. Не расскажу. — Рудский обернулся и, как бы извиняясь,

усмехнулся Шацкому, который кипел внутри от ярости. — Я могу вам это показать, — сказал он. В его руке была небольшая видеокамера.

Маленький зал на Лазенковской. Видны сидящие рядом Теляк, Каим, Квятковская и Ярчик. В кадре появляется Рудский.

Рудский: — Пан Хенрик, пожалуйста.

Теляк встает с места, нервно улыбается.

Шацкого бьет дрожь. Теляк в том же самом костюме, в котором его нашли мертвым. Прокурор не может устоять перед впечатлением, что через минуту он ляжет на пол, а кто-то из присутствующих поднимется и вонзит ему вертел в глаз. И на щеке появится пятно в форме гоночного автомобиля.

Теляк: — А может кто-нибудь другой сейчас?

Рудский: — Мы бросали жребий. Но если пан не готов, скажите об этом.

Долгая тишина.

Теляк: — Ну ладно, тогда я попробую.

Рудский: — Замечательно. Вначале расставим семью происхождения. Пани Бася будет вашей матерью, а пан Эузебий — отцом. Будьте добры, расставьте их.

Теляк берет Ярчик за руку и ведет ее в дальний угол помещения, указывает ей место у самой стене, спиной ко всем собравшимся. Потом рядом с ней ставит Каима, тоже лицом к стене. Сам становится посреди комнаты, смотрит на их спины.

Рудский: — Все?

Теляк: — Да.

Рудский: — Пани Барбара, скажите нам, что вы чувствуете?

Ярчик: — Я печальна, мне бы хотелось видеть своего сына. Я тоскую по нему.

Рудский: — А пан?

Каим: — Мне нехорошо. Я чувствую его взгляд, уставившийся мне в спину. Мне хотелось бы обернуться. Или вообще уйти. Я чувствую, как что-то давит мне шею, как будто бы кто-то держит меня на поводке.

— Ярчик: — Да, у меня тоже похоже. Или же, как будто бы меня поставили в наказание в угол. Мне плохо и я чувствую себя виноватой.

Теляк: — Я хочу к ним подойти.

Каим: — Я могу обернуться?

Рудский: — Еще нет. (Обращается к Теляку) Подойдите к своим родителям и встаньте за ними.

Теляк становится сразу же за спинами Каима и Ярчик.

Рудский (Теляку): — А теперь как?

Теляк: — Лучше, намного лучше. Теперь все так, как я хотел.

Каим (с трудом): — Зато я не могу это вынести. Перед лицом у меня стена, за спиной — сын. Не знаю, зачем он сюда пришел, но я его здесь не желаю. Господи, да я едва на ногах держусь. Задыхаюсь. Позвольте мне или уйти, или забрать его отсюда.

Рудский: — Еще минуту.

Психотерапевт останавливает кассету. На экране застыло изображение Теляка, стоящего за спинами своих «родителей». Шацкий глядел на все это с изумлением.

— Что это за театр? спросил он. — Они, что, заранее получили какие-то сценарии, как должны себя вести?

Рудский отрицательно покачал головой.

— Мало того. Они практически ничего о пане Хенрике не знают. Им не известно, что он сбежал из дому, не знают, что его родители трагически погибли, и что Хенрик не успел с ними попрощаться. Ничего. Пан сам видит, по сути своей эта психотерапия чертовски проста, если сравнить ее с психоанализом, которая, впрочем — по моему мнению — как правило, абсолютно не эффективна.

Шацкий перебил его жестом руки.

— Умоляю, все по очереди, — попросил он.

— Хорошо, все по очереди. Вы записываетесь на психотерапию расстановок, потому что вам тяжело, трудно. Вы сами не знаете, почему так. Немного рассказываете о себе — родители, родственники, жена, дети, первая жена, первая жена отца и так далее. Важно, что все это люди из вашей семьи. Как живые, так и те, которых на этом свете уже нет. И вы расставляете всех их в пространстве. Каждого пан берет за руку и ведет в соответствующее место, указывая направление, куда тот должен глядеть. Вы удивитесь, но очень часто уже в этом моменте люди видят, что же не так. Почему им так плохо. Например, потому что жена стоит на том месте, в котором должна стоять его мать. Или же, потому, что ребенок разделяет вас от жены. Другими словами: потому что порядок был нарушен. Достаточно расставить их правильно, и пациент уходит после терапии совершенно иным человеком. После пяти минут.

— Почему Каим утверждает, будто он задыхается и вот-вот потеряет сознание?

— Потому что заместители чувствуют эмоции личностей, которых они представляют.

— Но ведь родители Теляка умерли много лет назад.

— В том числе — и покойников.

— Понятно. А под конец обязательно нужно будет станцевать голяком у костра, надев деревянную маску.

Рудский замолчал, явно оскорбленный замечанием прокурора. Шацкий заметил это и извинился.

— В чем-то я вас понимаю, поначалу я и сам был весьма скептичен, — попытался подбодрить его Рудский. — Мне казалось, что каким-то образом пациент высылает свои эмоции, впечатывая их в программу поведения заместителей. Но многократно в ходе расстановок выходят наверх семейные тайны, о которых пациент не имел понятия.

— Например?

— Например, сам Берт Хеллингер, создатель этой методики, как-то занимался расстановкой страдающего аутизмом тридцатипятилетнего шведа. Мужчина упорно разглядывал собственные ладони, что, как правило, означает...

— Убийство.

— Откуда вы знаете?

— Леди Макбет.

— Именно. Постоянный, уставленный в землю взгляд означает могилу, кого-то умершего, а рассматривание собственных ладоней или жест, означающий умывание рук — убийство. Такие жесты появляются у аутистов и заикающихся. Оба заболевания имеют много общих черт, и одной из них является факт, что во время расстановок весьма часто оказывается, что причиной заболевания становится убийство. Но вернемся к шведу. Из интервью с семьей Хеллингер знал, что у бабки пациента был роман с моряком, и что тот же самый моряк ее и убил. В связи с этим, Хеллингер ввел в расстановку бабушку и деда. И заместитель деда начал точно таким же образом глядеть на свои ладони. Какой из этого

делаем вывод?

— Это он был убийцей, а не моряк.

— Именно. Всплыло нечто такое, о чем никто из семейства не имел понятия. Сам дед уже много лет не жил. Но совершенное им преступление, чудовищная, неискупленная вина, стали причиной аутизма у внука.

У Шацкого начала болеть голова. Придется купить какую-нибудь книжку, чтобы все это понять. И нужно будет найти эксперта, чтобы высказал мнение относительно кассеты.

— Понятно, — сказал он, потирая виски, — но тот был экстремальный случай. А о чем идет речь здесь? — спросил он, указывая на экран телевизора.

— Уход из семьи воспринимается в системе как тяжкое преступление, — объяснял Рудский. — Хенрик чувствовал себя по этой причине ужасно виноватым. Он чувствовал свою вину, потому что не попросился с родителями. А если имеется чувство вины, то нет траура. Чувство вины сильно объединяет нас с покойным, и по этой причине мы не позволяем ему уйти. Вам известны стадии траура?

Какое-то время Шацкий рылся в памяти.

— Неверие, отчаяние, упорядочивание, приспособление?

Психотерапевт поглядел на него с изумлением.

— Действительно. Но в действительности многие останавливаются на второй стадии или фазе — на отчаянии, которое никто не понимает, и которое перерождается в одиночество. И этот вот незавершенный траур остается в семье, вызывая то, что каждое последующее поколение связано со смертью. Поглядите, что происходит. Хенрик желает идти за своими родителями, но они того не хотят. Их место в мире мертвых, а его — в мире живых. Давайте продолжим просмотр.

Рудский (обращаясь к Теляку):- Я понимаю, что вы хотите стоять здесь, но это не подходящее для вас место. Вернитесь, пожалуйста, на середину зала.

Теляк возвращается.

Каим: — Какое облегчение...

Теляк: — А теперь попрошу повернуться.

Каим и Ярчик поворачиваются.

Ярчик: — Уже намного лучше. Я рада, что вижу своего сына.

Каим: — Я тоже.

Рудский (Теляку): — А пан?

Теляк: — Я рад, что они глядят на меня, что они со мной. Только я хотел бы идти к ним.

Рудский: — Это невозможно. Мы сделаем по-другому.

Рудский подходит к Каиму с Ярчик, подводит их к Теляку и устанавливает несколько с боку, у того за спиной.

Каим: — Вот теперь замечательно. Я вижу сына, но ему не мешаю. Я не стою у него на пути.

Ярчик: — Я чувствую тепло на сердце. Мне хотелось бы его прижать к себе. Сказать, что я его люблю, и что желаю ему всего самого наилучшего.

Рудский: — Это через минутку. (обращается к Теляку): — А пану тоже лучше?

Теляк: — Лучше, только мне все время чего-то не хватает.

Рудский: — Решения, только это мы сделаем чуть попозже.

— Какого решения? — спросил Шацкий, а психотерапевт остановил показ. — Меня уже

и раньше интересовало, к чему все это ведется. В чем заключается очищение?

Вместо ответа Рудский зашелся мокрым кашлем и выбежал в ванную, откуда через какое-то время раздались звуки отхаркивания и плевков. Вернулся он весь красный на лице.

— Похоже, у меня ангина? — прохрипел он. — Чаю не желаете?

Шацкий ответил, что с удовольствием. Никто из них не прерывал тишины, пока не уселись рядом с кружками парящего напитка. Рудский вбухал в свой чай побольше меда, да еще и выжал сок из целого лимона.

— Для горла — самое то! — заявил он, отпивая глоток. — А решение заключается в произнесении так называемых решающих предложений или фраз, которые психотерапевт заставляет сказать пациенту и заместителям его семьи. В этом случае, как мне кажется, родители Хенрика сказали бы: «Сын мой, мы уходим, а ты остаешься. Мы тебя любим, и мы счастливы тем, что ты находишься здесь». Хенрик же сказал бы: «Позволяю вам уйти. Я остаюсь. Будьте дружны мне». Где-то так. Трудно сказать, обычно разрешительные фразы появляются у меня в голове, когда приходит соответствующий момент.

— А этот момент не был подходящим?

— Нет. Я хотел оставить его на конец. Еще вопросы?

Шацкий отрицательно покачал головой.

Рудский: — Хорошо. Теперь заменим родителей пана Хенрика стульями — (он отодвигает Ярчик и Каима в сторону, ставит вместо них два стула) — а пан Хенрик выставит свою нынешнюю семью. Пани Барбара будет вашей женой, пан Каим — сыном, а пани Ханя — дочкой.

Хенрик: — Но ведь моя дочка...

Рудский: — Расставьте, пожалуйста.

Теляк расставляет свою семью, затем возвращается на место. Теперь это все выглядит следующим образом: справа и чуть-чуть сзади Теляка стоят два стула — его родители. Слева, спереди, в нескольких метрах дальше, стоит Ярчик (жена), смотрит на Теляка. Ха ней, рядом стоят Квятковская и Каим. Они глядят в сторону стульев. Теляк не глядит ни на кого из них.

Рудский: — Отлично, выходит, вот как это выглядит. Пан Хенрик?

Теляк: — Я чувствую себя паршиво. Виноватым. Перед глазами мутится. Могу я присесть?

Рудский: — Конечно же. Присаживайтесь на пол и подышите.

Теляк усаживается на пол, глубоко дышит, его взгляд все еще уставлен в одну точку пространства.

Ярчик: — Я довольна, когда он чувствует себя плохо.

Рудский: — А дети?

Каим: — Я счастлив, что моя сестра стоит рядом.

Квятковская: — А мне бы хотелось пойти к бабушке и дедушке. Их я вижу лучше всего. Отца я совсем не вижу, мать его полностью заслоняет.

Каим: — Я тоже хочу к бабушке и дедушке. Вместе с сестрой.

Психотерапевт в очередной раз останавливает воспроизведение.

— Вы понимаете, что теперь происходит? — спросил он у Шацкого.

— Теляк совершенно одинок. Жена не стоит рядом с ним, даже детям не позволяет его видеть. Мне его жаль.

— Обратите, пожалуйста, внимание на то, что говорят дети. Они хотят быть вместе и

желают отправиться к дедушке с бабушкой. А что это означает?

— Они хотят умереть.

— Именно.

— Почему?

— Из любви. Из любви к отцу. Он нарушил систему, уходя из дома и не прощаясь с родителями, и так этого не отработал — не отдал надлежащего им почтения. Принцип таков, что в системе кто-то обязан взять на себя покаяние, и чаще всего это ребенок, который входит в систему в качестве нового элемента. Поймите еще и вот что: то, что не было решено, не исчезает самостоятельно, но входит в систему. Вина и зло остаются, они все время присутствуют, все их чувствуют. Ребенок, входя в систему, берет на себя бремя возвращения равновесия, поскольку перенимает вину, страхи и злость. Понимаете?

— Как Люк Скайуокер в «Звездных войнах»?

— Не понял?

— Прошу прощения, глупая шутка. Мне кажется, я понимаю.

— Тогда смотрите дальше.

Рудский выводит Квятковскую и Каима из-за спины Ярчик. Теперь все стоят рядом друг с другом, глядят на Теляка.

Ярчик (трясется, с трудом произносит слова): — Я не желаю, чтобы мои дети стояли здесь. Я не хочу, чтобы они отправлялись к родителям мужа. Я чувствовала себя лучше, когда они стояли за мной.

Квятковская: — Я рада, что вижу папу и дедушку с бабушкой. Я очень люблю их. Папу — больше всех. Я вижу, что он печальный, и я хотела бы ему помочь.

Каим: — Да, я согласен с сестрой, только я не очень хорошо себя чувствую. У меня болит сердце, и меня всего трясет.

Квятковская: — Можно мне пойти к дедушке с бабушкой? Я испытываю практически физическое притяжение.

Рудский: — Хорошо. Но всего два шага.

Довольная Квятковская направляется к стульям. Видя это, Ярчик начинает плакать. Каим, бледный словно тень, массирует себе грудь.

На сей раз именно Шацкий протянул руку к пульту дистанционного управления и остановил запись. На экране застыла гримаса боли Каима и ничего не видящие, уставленные в стенку глаза Теляка.

— Как такое возможно, что у Каима болит сердце? — спросил прокурор. — Ну, я понимаю: ему известно, что сын Теляка болеет, но, тем не менее...

— Тут дело сложное. Существует некая теория, теория морфогенетических полей, которая используется для объяснения терапии Хеллингера. В соответствии с этой теорией, то, какими мы есть, зависит не только от генов, но еще и от электромагнитного поля. Хеллингер говорит, что наш дух резонирует со всем, что случилось в данной семье, что у него имеется связь с живыми и мертвыми. В ходе расстановки чужой человек может войти в этот резонанс.

— Вы сами в это верите?

Рудский сделал неопределенный жест, который указывал на то, что сам он в состоянии принять эту теорию, но только по причине отсутствия других.

— Для меня это значения не имеет. Важно лишь то, работает ли что-то или не работает. Я не знаю, как действует компьютер, но для меня от него масса пользы.

— А сын Теляка заболел уже после самоубийства сестры? — спросил Шацкий.

— Да, именно тогда у Бартека проявился порок сердца. Болезнь всегда является сигналом нарушения порядка. Ее головная динамика, это: «лучше я, чем ты». Мы решаем страдать, лишь бы другому члену семьи стало легче. Только лишь возврат порядка и равновесия позволяет вылечить болезнь.

— А повысились ли шансы Бартека на выздоровление теперь, когда его отца не стало?

Рудский закашлялся. Он попросил прощения, подняв руку, и пошел на кухню, где громко высморкался.

— Пан прокурор, — прозвучало оттуда. — Я бы не задумывался так долго над ответом, если бы не ваша профессия и не цель вашего визита. Вы поняли?

Шацкий встал с места, взял свою кружку и попросил чего-нибудь попить.

— Так каков же ответ? — он налил себе немного негазированной минералки, которую подал ему хозяин.

— Не знаю. Возможно — и так. Но, возможно, его состояние и ухудшится. Вы понимаете, пан Теляк не ушел из этого мира спокойно, закончив перед тем все свои дела. Мне кажется, что состояние Бартека поправилось бы после завершения установки. Изменение происходит в поле, которое с тех пор резонирует иначе. Потому изменения заметны и у лиц, которые не принимают участия в расстановке, возможно даже и не зная о ней.

Мужчины вернулись на диван.

Рудский: — Пан Хенрик, встаньте теперь, пожалуйста.

Теляк поднимается с видимым усилием. Ярчик плачет все громче.

Рудский (обращаясь к Квятковской): — А почему пани желает идти к бабушке с дедушкой?

Квятковская: — Я хочу, чтобы папе стало легче.

Теляк (совершенно убитый): — Нет, это невозможно. Не желаю этого слышать.

Каим: — Я очень хочу к сестре и к бабушке с дедушкой. Мне больно. Мне бы хотелось, чтобы ничего уже не болело. И чтобы папе сделалось легче.

Ярчик: — Я не могу уже всего этого вынести. Я хочу, чтобы он ушел отсюда (указывает на Теляка). — Я не люблю его, он мне даже не нравится, он чужой и отвратительный. Я хочу, чтобы все уже успокоилось. Чтобы ушел он, а не дети.

Теляк: — Но ведь я же ничего... (голос у него ломается, он не может говорить дальше).

Ярчик: — Я чувствую холод и пустоту. И ненависть. Из-за тебя мой ребенок умер. (душераздирающе всхлипывает). — Ты понял?! Моей дочери нет в живых, и мой сын вскоре присоединится к ней. Ты убил мое дитя!

Квятковская: — Папочка, я сделала это ради тебя. Ну почему ты не желаешь этого понять? Папочка! (плачет).

Теляк падает на колени. Все это время он ни на кого не смотрит.

Теляк (шепотом): — Отставьте меня, это не моя вина. Я не виноват.

Каим (с трудом): — Не беспокойся, папа, мы поможем тебе.

Каим подходит к сестре, хватая ее за руку.

Вместе они делают шаг в направлении стульев.

Ярчик: — Нет!!! Умоляю, нет!!! Вы не можете оставить меня с ним! Вы не можете уйти. Прошу вас, не уходите, не оставляйте меня одну. Ну прошу вас, пожалуйста, прошу...

Каим поворачивается у ней.

Каим: — Не сердись, мама. Мы должны это сделать ради папы.

Ярчик теряет сознание. Рудский, явно перепуганный, подбегает к ней, приседает на корточки.

Рудский (всем остальным): — Ладно, на сегодня конец, закончим завтра утром. Это плохо, что мы прерываем сессию, но иного выхода нет. Будьте добры, отправляйтесь по своим комнатам, не разговаривайте друг с другом, не читайте книг. Встретимся завтра, за завтраком в девять утра.

Квятковская и Каим глядят друг на друга, как будто бы их только что вырвали из транса. Они отпускают свои ладони и выходят из кадра. Рудский укладывает Ярчик на бок и подходит к камере. На втором плане Теляк все это время стоит на коленях. Его глаза уставлены куда-то в пространство.

Экран начал снежить. Психотерапевт с прокурором сидели друг рядом с другом и молчали. Через несколько минут Шацкий поднялся с места, подошел к камере и вынул из нее кассету.

— Это чудовишно, — сказал он, глядя на черный кусок пластмассы. — А вы не боялись, что он покончит с собой?

— Признаюсь, подобное приходило мне в голову. Но я не боялся.

— Это как?

— Давайте я кое-что ва расскажу. Это известная история, произошла она какое-то время назад в Лейпциге. Хеллингер проводил семейную расстановку для женщины; в ходе сессии вышло, что женщина эта совершенно холодная, не способная любить. Дети ее боялись, хотели идти к отцу, которого она отвергла. Хеллингер сказал: «Здесь имеется холодное сердце». Через какое-то время женщина вышла. Другие участники терапии опасались, что она может покончить с собой, но Хеллингер за ней не отправился.

— И что?

— Она повесилась через несколько дней; в письме написала, что не способна жить дальше.

— Эффективная терапия, — буркнул Шацкий.

— Вы считаете, что вы это в насмешку сказали, но на самом деле вы совершенно правы. Откуда такая уверенность, будто бы ранняя смерть — это всегда утрата? Будто бы это всегда худшее решение? Что перед ней необходимо спастись любой ценой? Вполне возможно, из жизни выплывает нечто, большее подобного решения. В душе каждого из нас имеется потребность, чтобы после завершения жизни пришел конец. У некоторых это появляется раньше. Вы это понимаете?

— Понимаю, но не принимаю.

— Тогда вы обязаны быть всемогущим, раз желаете становиться на пути смерти. Лично я чувствую в отношении ее покорность. Если пан лишает кого-либо права на смерть, то на самом деле вы отказываете в уважении к этой личности. Становиться на дороге смерти — это безрассудная уверенность в собственном величии.

Психотерапевт встал возле Шацкого возле балконного окна. По улице Гроецкой в сторону центра мчалась, врубив сирену, карета скорой помощи. Просверливающий все и вся звук становился все более настырным. Рудский закрыл окно, и в помещении воцарилась абсолютная тишина.

— Видите ли, все это берется из любви, — сказал он. — Кася покончила с собой, чтобы

Теляку стало полегче, чтобы забрать с собой часть его вины. А вы говорите, что любой ценой необходимо встать на дороге смерти. Как можно не почтить столь прекрасный акт посвящения и любви? Необходимо принять дар этого ребенка. Иначе после смерти он чувствует себя отвергнутым. Любовь просто существует. У нее нет возможности оказывать на кого-либо влияния. Она бессильна. И она же настолько глубока, что вызывает боль. Глубокая связь и боль всегда связаны друг с другом.

— Все это красиво звучит, — ответил Шацкий. — Но только звучит. Мне трудно поверить, будто бы кто-то совершает самоубийство, поскольку его отец сбежал из дома. Человек отвечает за собственные поступки.

— Невозможно не быть не увязшим, нельзя не быть связанным, говорит Хеллингер.

— Можно быть свободным, говорю я.

Рудский засмеялся. Смех переродился в приступ кашля. Он снова сбежал в ванную, а когда вернулся, вытирая мокрое лицо полотенцем, сказал:

— А вот можно ли быть свободным от еды? В системе никто не свободен.

У него кошмарно разболелась голова. Шацкий сел в автомобиль, позволил Pink Floyd'ам тихонечко играть *Hey You*, и проглотил таблетку ибупрофена. Опустил стекло и попытался упорядочить мысли. Теперь он понимал, почему никто из участников расстановки не показал на психотерапевта в ходе допросов. Все потому, что психотерапевт на самом деле был всего лишь наблюдателем, стоящим в безопасном месте, за пределами той бури чувств, что безумствовала под крестовым сводом маленького зальчика на Лазенковской.

Что произошло в ночь с субботы на воскресенье? Прокурор прекрасно представлял себе каждую из этих сцен. Погруженный в темноту зал, желтый свет натриевых ламп с улицы, тени колонн, передвигающихся по стенам, когда по улице проезжает автомобиль. Хенрик Теляк, пытаясь делать как можно меньше шума, украдкой выскальзывает из здания. Ему кажется, что его никто не видит, но это неправда.

Поскольку его видит Барбара Ярчик. Женщина, которая несколько часов назад потеряла сознание, не имея возможности вынести эмоций жены Теляка. Допустим, с неохотой подумал Шацкий, что Рудский прав. Что существует поле, которое позволяет в ходе семейной расстановки чувствовать эмоции чужих людей. И Ярчик почувствовала эмоции супруги Теляка. Ненависть, неприязнь, злость, боль, вызванную самоубийством ребенка. Страх от того, что второе дитя тоже вскоре покинет ее. Вот только Ярчик — в отличие от супруги Теляка — прекрасно понимала, что «виновник» — это Хенрик. Что это все из-за него — или же ради него — дочь покончила с собой, а сын заболел. Кто знает, возможно в голове Ярчик рождается мысль, что спасет своего «сына», убивая Теляка. Она хватается за вертел, идет за Теляком. Тот слышит шаги, оборачивается, видит Барбару. Нет, он не боится, он лишь чувствует себя в дурацком положении из-за того, что придется объясняться. Ярчик наносит удар. «Это за моего ребенка», — говорит она, только Теляк этих слов уже не слышит.

Но, в таком случае, помнила бы Ярчик о том, чтобы вытереть отпечатки пальцев? Могла бы она столь хорошо лгать? И пошла бы сама открыть труп или, скорее, подождала, пока кто-то другой не сделает этого?

Сцена вторая. Теляк идет через зальчик. Он думает, что никто его не видит, но это неправда. Каим глядит на него, и который уже раз за этот день чувствует резкую боль в сердце. Поле действует. Каим думает о своей умершей сестре, о том, сколько еще жизни осталось ему самому. Он хочет остановить Теляка. Хочет завершить терапию, спасти «себя». Но Теляк не желает остаться. Каим настаивает. Теляк отказывается и направляется к выходу. Каим перебегает ему дорогу... наносит удар.

Как раз в его случае Шацкий был уверен, что Ким быстро пришел бы в себя, поубирал, стер отпечатки. И он мог бы убедительно лгать.

Сцена третья. Теляк считает, будто бы его никто не видит, но это неправда. Квятковская, его мертвая дочка, следит за ним из угла помещения. Словно упырь. Возможно, она думает о том, сколько всего прошло мимо нее: сколько лет жизни, сколько радости, сколько поездок, сколько мужчин, сколько детей. И все это она утратила только лишь потому, чтобы помочь человеку, который сейчас втихаря сбегает. Ему плевать на ее жертву, ему не важна ее смерть. «Почему ты бежишь, папа?» — спрашивает она, выходя из тени. «Я не твой папа, психованная», — отвечает Теляк, пытаясь ее обойти. «Как ты можешь? Ведь я

столько ради тебя сделала?» — с укором говорит Квятковская. Печаль в ее словах смешиваются с бешенством. «Нихрена ты не сделала, иди лечиться, баба», — отвечает Теляк, которого ее слова тоже прошли по живому.

И Квятковская бьет.

Порошок начал действовать. Шацкий почувствовал себя чуточку получше и милостиво позволил, чтобы Уотерс^[39] спел *Bring the Boys Back Home* чуточку громче. Он позвонил Кузнецову и поехал в районную комендатуру полиции: нужно было переговорить, а при случае еще и осмотреть бумажник покойника... Ему не казалось, будто бы это имело особое значение, но личность Теляка была ключом ко всему этому делу. Чем лучше он его узнает, тем большая вероятность того, что поймет мотивы преступника. Или же мотив виртуального преступника, захватившего сознание чужого человека.

Господи, а не слишком все это закручено? — подумал он, ожидая, когда светофор позволит ему свернуть с улицы Прушковской в улицу Жвирки и Вигуры.

В буфете центральной районной комендатуры полиции на Вильчей Кузнецов заказал кофе и «взуетку»,^[40] а Шацкий — томатный сок. Он и так поглотил слишком много кофеина в кофе и чаях у Рудского. Прокурор рассказал полицейскому о вчерашних допросах и о сегодняшнем визите у психотерапевта.

— Закручено, — согласился Кузнецов, без особого успеха пытаясь отрезать вилкой кусочек взуетки так, чтобы взбитые сливки не расползлись во все стороны, — то есть, каким-то образом жена и сын Теляка тоже подозреваемые.

— Нет, они не подозреваемые. Здесь, скорее, речь идет о том, что если у них имелся убедительный мотив, то таким мотивом могли руководствоваться люди с психотерапии. Я их допрошу завтра, а там посмотрим.

— Если это и окажется правда, то их защитит любой начинающий адвокатик. Подумай только: ты видишь человека первый раз в жизни, потом четверть часа изображаешь его сына и по этой причине хватаешь вертел и вонзаешь ему в глаз. То есть, ты как «ты» не имеешь никакого мотива.

Шацкий покачал головой. Он тоже уже об этом думал. Лишь спросил, удалось ли что-нибудь установить на Лазенковской.

— Ноль. Осталось допросить еще пару человек, но в результат я не верю. Приехали они в пятницу, сидели чуть ли не под ключом, ни с кем не контактировали. Девушка, которая приносила им еду и мыла посуду, пару раз разговаривала с Рудским. Ни одного из пациентов она не видела. Священник, который сдавал им помещение, виделся с Рудским один раз, беседа длилась минут пять. Рудский является членом общества христианских психологов, его рекомендовали, у ксёндза никаких сомнений не было. Теперь-то об этом жалеет и надеется, что этого преступника мы найдем. Очень приятный человек, я сам с ним разговаривал. Немного на онаниста походит, как все они, но этот конкретный.

— Из костела что-то пропало?

— Абсолютно ничего.

— Охрана?

— Перестань, а то подавлюсь. Старикашка шестидесяти восьми лет, засыпающий перед полудюймовым телевизором в швейцарской. Я мог бы зайти туда ночью, расстрелять всех присутствующих из пулемета, а дедок бы клялся всем святым, что все было тихо, спокойно и никто чужой не крутился. Следов взлома нет, но, скорее всего, двери были открыты.

Шацкий в жесте раздражения поднял руки и хлопнул ими об стол.

— Замечательно, — рявкнул он.

— Что ты хочешь сказать? — возбужденно спросил Кузнецов.

— То, что вы, как и всегда, ни хрена не нашли.

— А что мне, по-твоему, надо сделать? Вернуться во времени, заставить их начальство установить камеры наблюдения и принять на работу наблюдательного швейцара?

Шацкий закрыл лицо руками.

— Извини, Олег, сегодня у меня паршивый день. Башка болит от этого терапевта, не знаю, не заразил ли он меня чем-нибудь. А вдобавок я совершенно забыл, зачем сюда приехал.

— Ты хотел встретиться со мной, потому что я тебе нравлюсь, — Кузнецов погладил

прокурора по его белым волосам.

— Отвали.

— Ууу, нехороший какой пра-акурор...

Шацкий рассмеялся.

— В последнее время мне это говорят каждый день. Я собирался осмотреть вещи Теляка, прежде всего — бумажник, и я должен был передать тебе, что необходимо снять отпечатки пальцев с бутылочки из-под успокоительного, а еще расспросить людей в Польграфексе. Враги, конфликты, не сработавшие инвестиции, сложившиеся на работе группировки. Еще им следует показать фото Рудского и всей фантастической троицы. Рудский когда-то там был, его узнать должны; но если бы узнали кот-то из троих, это было бы что-то. Я же покажу фотографии супруге Теляка и его сыну. А вдруг окажется, что они не посторонние.

Кузнецов скорчил рожу.

— Я тоже сомневаюсь.

Шацкий ответил приятелю подобной гримасой и допил свой томатный сок. Только сейчас ему вспомнилось, что он любит этот сок с солью и перцем.

Всего лишь раз он видел лицо Хенрика Теляка и делал все возможное, чтобы видеть ее как можно короче, но, несмотря на это, мог отметить, что дочка была очень похожа на отца. Те же самые густые брови, практически сросшиеся над носом, тот же самое грубое основание носа. Ни то, ни другое еще никогда не сделали какую-либо из женщин красивее, так что глядящая на него с фотографии девушка вызывала впечатление простушки. К тому же провинциалки, за что, вне всякого сомнения, должна была благодарить унаследованные от отца топорные черты лица. Зато сын Теляка выглядел словно приемным. Шацкий не был в состоянии указать черты внешности, которые бы соединяли его внешность мальчика-эфеба с отцом или сестрой. Не был он и особо похож на мать, которая никак не казалась воздушной и прозрачной, а их фотографии можно было сделать вывод, будто бы это главные признаки ее сына. Удивительно, насколько непохожими могут быть дети на своих родителей.

Девушка и парень не улыбались, хотя то не были снимки на паспорт, но две вырезки семейной фотографии, сделанной на море, в фоне были видны волны. Фотография была разрезана на половине, а фрагмент, представляющий Касю, пересекала черная бархатная ленточка. Шацкий задумался, зачем Теляк разрезал снимок. Наверное, боялся, чтобы траур не означал, будто бы в живых нет уже обоих детей.

А еще в бумажнике имелось удостоверение личности и водительские права, и из этих документов следовало, что Хенрик Теляк родился в мае 1959 года в Чеханове, и что он умел водить мотоцикл. Ексколько кредитных карт, две с надпечаткой «business», наверняка от счетов фирмы. Рецепт на «дуомокс», антибиотик против ангины, если Шацкий правильно помнил. Штрафная квитанция за превышение скорости — двести злотых. Почтовая марка с изображением Адама Малыша^[41] — Шацкий был изумлен тем, что такая марка вообще была издана. Карточка видеопроката Beverly Hills Video на Повисле. Карточка сбора баллов из сети кафе Cofee Heaven, практически полностью заполненная. Еще один визит, и следующий кофе Теляк получил бы бесплатно. Несколько выцветших и неразборчивых квитанций. Шацкий поступал точно так же. Покупал что-то, брал квитанцию, чтобы иметь гарантию, продавщица доброжелательно советовала сделать копию, в противном случае — выцветет, он кивал, совал квитанцию в бумажник и забывал. Два купона lotto — квитанции заключения ставок и два собственноручно заполненных бланка. Похоже, Теляк верил в

магию чисел, а не в «метод тыка». Были у него и свои счастливые номера. На каждом купоне и бланке набор был одинаковым: 7, 8, 9, 17, 19, 22. Шацкий записал эти цифры, а потом, подумав, отметил все ставки на субботний розыгрыш. В газетах за понедельник никто не проверял, а кто знает — вдруг Теляк выиграл все шесть цифр. Шацкому стало стыдно при мысли, что мог бы оставить купоны себе, вместо того, чтобы отдать их вдове. Что, и вправду мог бы? Конечно же, нет. Или все-таки? Круглый миллион, или даже больше, до конца жизни можно было бы не работать. Частенько он задумывался, правда ли это, что каждый имеет свою цену. Вот за сколько он, к примеру, был бы в состоянии прикрыть следствие? Сто, двести тысяч? Интересно, при какой сумме он начал бы размышлять, вместо того, чтобы ответить твердым «нет».

Хенрик Теляк не угадал даже три цифры. Шацкий выкопал в секретариате прокуратуры вчерашнюю газету и проверил номера. Три двойки, а из «счастливых чисел» попаданием были только 22. Еще он взял «Жечьпосполиту» и прочитал заметку Гжелки про убийство, еще раз подтверждая собственное мнение о том, что эта газета из любого дела способна создать сенсацию в масштабе появления в магазинах нового сорта маргарина. Так что скука, скука и еще раз скука. И все-таки ему было неприятно при воспоминании о том, как вчера отнесся к журналистке. И он до сих пор помнил ее улыбку, когда сказала: «Пан очень невежливый прокурор». Быть может, она и не была в его вкусе, но вот улыбка... Позвонить? В сумме, а почему бы и нет, снова живем, лет через двадцать юные журналистки уже не будут хотеть ходить с ним на кофе. Вот уже десять лет он верен словно пес, и он как-то не чувствует себя особенно гордым по этой причине. Совсем наоборот, все время у него складывается впечатление, что жизнь уплывает, а сам он отказывается от ее наиболее приятной стороны.

Шацкий вынул из ящика стола визитку Гжелки, несколько секунд крутил ее в пальцах, принял решение, положил уже руку на телефонной трубке, и тут аппарат зазвонил.

— День добрый. Это Ирениуш Навроцкий.

— Добрый день, пан комиссар, — ответил Шацкий, не без облегчения откладывая визитную карточку сторону.

Навроцкий был полицейским из KSP,^[42] возможно, наибольшим оригиналом среди всех столичных мусоров. Шацкий его ценил, но не любил. Два раза они работали вместе, и всякий раз попытка вытянуть из Навроцкого сведения о том, что он делает, что сделал и что намеревается сделать, сама по себе походила на следствие. Навроцкий ходил собственными путями, только ни один из них не проходил рядом с прокуратурой, и это мало кому мешало, как Шацкому, который желал тщательно контролировать все этапы расследования. Но оба их предыдущих следствия завершились успехом, и Шацкий должен был признать, что, благодаря собранному полицейским материалу, он составил исключительно крепкий обвинительный акт.

— Пан помнит тот труп, который выкопали в детском саду?

— Шацкий подтвердил, что помнит. Дело громкое. Ремонтировали игровую площадку в детском саду на Кручей, чтобы заменить устаревшие качели. Раскопали территорию и обнаружили останки. Старые; все думали, что, возможно, это какие-то военные дела, времена восстания. Но быстро оказалось, что это ученица восьмого класса из школы, соседствующей с детским садом, девушка, пропавшая в 1993 году. Нашли всех ее соучеников, учителей, куча работы. Понятное дело, все псу под хвост, мало ведь кто помнит, что делал в ночь с такого-то на такое-то бря десять лет назад. У полиции были материалы расследования по делу исчезновения, но такие дела ведутся совершенно иначе, кое-каких вопросов не задают. В конце концов, следствие временно приостановили, поскольку не удалось установить адресов нескольких знакомых пропавшей девушки. Полиция их ищет, но не слишком настырно. Шацкий знал, что Навроцкий до сих пор копает по тому делу, но с просьбами о новой информации не надоедал. Ему было известно, если тот чего-нибудь обнаружит, все равно придется выступить с заявлением о возобновлении следствия.

— Так вот, некий пан анонимно позвонил по номеру 997,^[43] — монотонным голосом

сообщал Навроцкий; этот голос всегда приводил на мысль об академическом преподавателе, — и рассказал весьма любопытную историю.

— Ну? — Шацкий не верил в анонимные истории.

— Он рассказал, что Боничку — именно такая была фамилия девушки: Сильвия Боничка — изнасиловало три парня из параллельного класса, в том числе, один второгодник. Вы же помните, как оно было. Девушка вышла поздно от подруги, живущей на Познаньской, и домой уже не вернулась. Идя домой, она должна была проходить мимо школы. А перед школой вечно высидивают различные типы, в любое время дня и ночи. Возможно, теперь и не так, но когда-то так было.

Шацкий размышлял. И правда, они не допросили людей из параллельных и других классов, положились только лишь на материалы расследования, из которых ничего не выходило. Патолог не был в состоянии подтвердить, насиловали ли девушку, так что все время дело вели как расследование убийства, а не насилия. Из того, что он помнил, у Бонички не было никаких контактов с детьми из других классов. В противном случае, они проверили бы.

— Ну, а тот «пан, что позвонил анонимно», какие-нибудь фамилии указал? — Шаций даже не старался скрыть издевку.

— Нет. Зато он сообщил кое-какие другие сведения. Весьма любопытные и, по моему скромному мнению, требующие проверки, — монотонно продолжал Навроцкий. Так вот, он сообщил, что убили ее не насильники. Что после всего она пошла к отцу, и что тот ее убил и закопал на детской площадке. Потому, что не мог вынести стыда. Потому что он не желал, чтобы узнали люди.

Теодор Шацкий почувствовал, что шею и плечи сводит судорогой.

— Пан прокурор, вы, случаем, не помните, кем был отец Бонички? — спросил Навроцкий.

— Он был швейцаром в школе, — ответил на это прокурор.

— Ну вот. Так, может, вам следовало бы вынуть материалы дела из шкафа?

— Естественно. Только пришлите мне телефонограмму того разговора. Попробуйте найти всех второклассников из параллельных классов и соответственным образом их придавить, я же потом допрошу отца.

— Я и сам могу его допросить, пан прокурор, — внес предложение Навроцкий.

Шацкий замялся. На нем висела куча дел, масса бумажной работы, но поддаться Навроцкому он не хотел.

— Посмотрим, — пытался он оттянуть решение. — Вначале проверим теорию об изнасиловании. И еще одно, пан комиссар, — снизил он голос, но с другой стороны не донеслось ни звука. — У меня сложилось впечатление, что вы не говорите мне всего.

Тишина.

— Ведь сейчас вы можете достаточно быстро и легко вычислить звонящих по 997. Вы точно не знаете, кто это звонил?

— А вы пообещаете мне, что это не повлияет на ваше решение?

— Обещаю.

— Так вот, мы вычислили этого человека, оказалось, что он из Лодзи; я даже поехал, чтобы с ним переговорить.

Навроцкий замолчал, а Шацкий уж было собрался сказать: «и...», но сдержался.

— И оказалось, что это весьма милый старичок. Ясновидящий. Когда-то он прочитал в

газете о деле, а потом ему приснилось, как все было на самом деле. Какое-то время он колебался, но потом позвонил. Я понимаю, что вы можете сейчас думать, но, признайтесь, что-то в этом есть.

Шацкий, хотя и неохотно, с ним согласился. Он доверял собственной интуиции, но вот анонимно звонящим ясновидящим пенсионерам — нет. Разве что, на сей раз видения пенсионера перекрывались с одной из его теорий. Ему постоянно казалось не случайным, что девушку закопали на территории детского садика, рядом со школой, в которой работал ее отец. Вот только у него не было и тени крючка, за который можно было потянуть. Кроме того, он боялся того, что его теория может оказаться правдивой.

Навроцкий отключился, а Шацкий записал: «*материалы дела, отец, ждать И.Н.*». Теперь следовало браться за написание обвинительного акта по делу Нидзецкой, только вдохновения не чувствовалось. Еще необходимо было составить проект решения по закрытию двух следствий, только и этого ему не хотелось. Нужно было пронумеровать материалы по делу одного разбоя, только этого не хотелось еще сильнее — там было целых четыре тома. Безнадежная бумажная работа. Нужно было позвонить Гжелке, но и на это не было отваги.

Шацкий взял в руки дырокол, основное орудие труда любого прокурора, и поставил его перед собой на столе. Все бумаги он сдвинул в сторону, чтобы сделать побольше места. Ладно, подумал он, предположим, что это я. А вот это Вероника — он вынул из папки яблоко, надкусил с одного бока и положил напротив дырокола. А это Хеля — положил он мобилку рядом с дыроколом. И мои старики — два пластиковых стакана разместились сбоку, но явно глядя в сторону дырокола.

И какой из этого мы делаем вывод? — спросил сам себя Шацкий. А такой, что каждый на меня пялится и каждый от меня чего-то хочет. И такой, что передо мной нет никакого пространства. И такой, что я пленник собственной семьи, крючок, на котором висит вся эта заразная конструкция. Или система, как называл ее Рудский.

Что-то не давало ему покоя в расставленных на столе предметах. Ему казалось, что он расставил не все. Тогда подкинул еще брата в виде коробочки для скрепок, но брат стоял сбоку и, скорее всего, никакого значения не имел. Смерть, подумал Шацкий, поищи, где есть смерть. Найди кого-то, в отношении которого мог остаться траур. Дед с бабушкой? Не похоже, все умерли в приличном возрасте, успев со всеми попрощаться. Может, какие-нибудь родственники? У матери Шацкого имелась сестра во Вроцлаве, только тетка отличалась завидным здоровьем. У отца был младший брат, проживающий на Жолибоже.^[44] Погоди, погоди. Шацкий вспомнил, что у отца имелся еще один младший брат, который умер, едва ему исполнилось два года. Сколько было тогда отцу? Года четыре, пять? Теодор вынул из кармана пачку сигарет, подумал немного и поставил ее рядом с «отцом», практически напротив «Шацкого». Что интересно, покойный дядя глядел прямо на него. Теодору сделалось не по себе. Ему всегда казалось, что его имена взяты от дедушек: Теодор по отцу отца, а Виктор по отцу матери. Теперь до него дошло, что покойного отцовского брата тоже звали Виктором. Странно. Неужели отец дал ему имена собственного отца и покойного брата? Может, и потому-то их отношения и до сих пор были такими запутанными. И почему этот чертов умерший дядя на него пялится? И имеет ли это какие-то последствия лично для него? Или же для его дочери? Хеля тоже глядела на дядю. Шацкий отпил воды, неожиданно во рту страшно пересохло.

— Привет, если хочешь, можем сброситься на кубики для тебя, — из двери торчала

голова прокурора Ежи Биньчика. Вот уже два года, именно столько были они знакомы, Биньчик представлял загадку для Шацкого. Вот как можно быть в одно и то же время лентяем и карьеристом? — задумывался он всякий раз, когда видел Биньчика, его залысины, помятый пиджак и галстук из таинственного китайского материала. Можно ли вообще произвести настолько тонкий ПВХ, чтобы его можно было завязать в узел?

— Зимой у вас должно было быть тяжело? — сочувственно произнес Шацкий.

— А чего? — наморщил брови Биньчик.

— Ведь если двери только снопиком прикрывали,^[45] так наверняка же ужасно дуло.

Биньчик побагровел, тем не менее, он сунул руку и изо всех сил постучал в дверь кабинета Шацкого.

— Лучше? Поскольку я воспитывался на Хожей,^[46] так что ты уж звянь.

— Да нууу? Выходит, в Новом Двоже^[47] же тоже есть улица Хожа? — у Шацкого было страшное желание на ком-нибудь отыграться.

Биньчик только зубами заскрипел.

— Я слышал, что ты с нами работаешь по товару с Центрального.

— Может быть, с понедельника.

— Шикарно, так ты бы, может, просмотрел на этой неделе материалы дела, нашел эксперта, чтобы тот оценил рыночную стоимость наркотиков, и написал постановление о привлечении экспертного заключения...

— На этой неделе понедельник уже был. Я имел в виду будущий понедельник.

— Будь человеком, Тео. Мы завалены работой выше крыши, не успеваем, скоро срок задержания закончится, а надзор поджигает.

Так вот что у тебя болит, подумал Шацкий. Боишься, что не блеснешь на Краковском, что тебя не запомнят человеком способным, который мог бы пригодиться в объединенных расследованиях, но только таким, что не может закрыть следствия в срок. Ну что же, возможно, пару раз придется посидеть и до пяти вечера. Переживешь, мужик. И твой дружок тоже. Бездельники чертовы, а потом еще громче всех удивляются, что у прокуратуры плохая пресса.

— Не удастся, ты уже прости. Может и на следующей неделе мне не удастся.

— Ты так не шути. — У Биньчика было лицо испорченного ребенка. — Ведьма же тебе сообщила.

— Говорила, что такая возможность имеется.

— Я уже говорил тебе, что работать с тобой — это кошмар?

— Не беспокойся. Меня должны перевести. Так что тебе будет спокойнее.

— Да ну. И куда? — Биньчик явно оживился.

— На Краковское, в надзор. Говорят, им нужен кто-нибудь, кто надзирал бы за следствиями в Средместье. Результаты у нас все хуже и хуже.

Биньчик лишь выставил средний палец и ушел. Шацкий ответил ему тем же жестом, но только после того, как двери закрылись. После того глянул на расставленные на столе предметы, вынул из расстановки себя — дырокол — и положил на подоконнике.

— Пора чего-нибудь изменить, — произнес он вслух, пробил дырки в визитке Гжелки и набрал номер. Та сразу же его узнала, и они договорились на пять вечера в кафе на углу Нового Швята и Фоксал. Шацкий все еще слышал ее низкий голос, говорящий, как приятно она удивлена, когда потянулся за материалами по разбою. Даже когда увидел приклеенную на первой странице карточку с заметкой: «Сравнение расходов — не забывай!», он не

перестал улыбаться.

В теории все выглядит лучше. К примеру, договориться с девушкой попить кофе. Делают так мужики или нет? Тем временем, Шацкий чувствовал себя словно человек, у которого неожиданно во время путешествия по безграничью Казахстана ужасно разболелся зуб, и который знает, что единственным спасением будет визит у местного дантиста. Его слегка трясло, хотя вовсе не было холодно, в левом ухе шумело, ладони были холодные и потные. Он чувствовал себя шутком в своем костюме и плаще, когда у окружающих, самое большее, накинутые на футболки ветровки.

Похоже, в городе что-то случилось, потому что на аллеях стояла бесконечная череда трамваев, а машины, едущие в сторону Праги, стояли в гигантской пробке. Шацкий подумал, что Гжелка наверняка опоздает, потому что остановилась именно та трасса, по которой девушка должна была ехать, чтобы добраться на Новый Швят из редакции «Жепы». Но так даже лучше, поскольку ожидающий находится в более комфортной ситуации. Теодор прошел мимо старого здания Польской юридической академии, подождал зеленого света и перешел Аллеи. Взял листовки у нескольких студентов. Эти бумажки не нужны были ему и даром, но Вероника научила его брать, поскольку таким образом он помогает людям, работа которых не была такой уж легкой или хорошо оплачиваемой. На эмпики ^[48] висел плакат, рекламирующий новую, уже третью часть Splinter Cell. ^[49] Одна из любимых его игр, охотно еще раз можно будет воплотиться в роль разочарованного крутого бойца, Сэма Фишера.

Шацкий прошел мимо легендарного кафе «Аматорска», перебежал улицу Новый Швят в недозволенном месте и добрался до улицы Фоксал. Пани редактор Моника Гжелка уже ждала в садике при заведении. Девушка сразу же заметила прокурора и замахала рукой.

— Вижу, пан передвигается шаркающей кавалерийской походкой, — сказала она, когда Шацкий подошел к столику.

— Но без плаща с кровавым подбоем, ^[50] — подал тот руку в знак приветствия.

— Жестокий пятый прокуратор Средместья?

— Не бойтесь, пожалуйста. Думаю, что население Варшавы предпочтет освободить красивую женщину, а не Варраву. — Шацкий поверить не мог, что ляпнул подобную дурость.

Та рассмеялась, похоже, от чистого сердца, а Шацкий искривил губы в усмешке, он не мог отойти от шока. А ну, если бы она выбрала какой-нибудь другой роман? Такой, которого он не знал? Сошел бы за дурака, как пить дать. Теодор уселся, пытаясь делать вид уверенного в себе и скупающего человека. Плащ он повесил на спинку соседнего стула. Теперь он глядел на журналистку и размышлял, не было ли его вчерашнее мнение о ней излишне суровым. Имелась в ней свежесть и энергия, которые только прибавляли ей привлекательности. В блузке-распашонке, с черным камнем, украшающим декольте, девушка выглядела прелестно. И у Шацкого тут же появилось желание сделать ей комплимент.

— Красивый галстук, — сказала Гжелка.

— Спасибо, ответил Шацкий и подумал, что ответит тем, как девушка прелестно выглядит в этой блузке, но промолчал. Ему показалось, что это прозвучало бы как «хей, малая, а не желаешь, чтобы я трахнул тебя стоя».

Девушка заказала кофе-латте и торт с молочными пенками, сам же он попросил

маленький черный кофе, размышляя над выбором пирожного или торта. Охотно съел бы торт из безе, но опасался, что покажет себя дураком, когда попытается отрезать кусочек, а безе будет убегать во все стороны, так что, в конце концов, больше внимания придется уделить еде, а не беседе. И он заказал серник. «Ну, блин, ты и оригинален, Теодор, — обругал он сам себя. — Закажи теперь еще кофе-заливайку и пачку «собеских»,^[51] и тогда будешь польский прокурор на все сто».

Гжелка не спрашивала, почему он ей не позвонил, но Шацкий и сам пояснил, что ему было стыдно за вчерашнее поведение. Он похвалил ее заметку, на что журналистка лишь слегка скривилась, она прекрасно понимала, что это вам не чемпионат мира.

— Я слишком мало знала, — сказала она и пожала плечами.

Потом немного рассказала о своей работе. Что беспокоится — а справится ли, что испытывает дрожь перед представителями полиции, судов, прокуратуры.

— Некоторые из них способны быть совсем не любезными, — вздохнула она в приступе откровенности и покраснела.

И тут позвонила его мобилка. Теодор глянул на экран: «Котик», то есть Вероника. Боже, неужто возможно, что у женщин подобный нюх? Он ведь звонил ей и сообщил, что будет попозже. Звонил? Уже и сам не был уверен. Отвечать не стал, отключил телефон. Ладно, потом чего-нибудь выдумает.

Гжелка спросила, нет ли чего нового по вопросу убийства на Лазенковской, и сразу же предупредила, что спрашивает не из профессионального интереса, но только лишь из собственного любопытства. Шацкий хотел рассказать ей правду, но посчитал, что это было бы неосторожным.

— Есть, — ответил он, — но говорить я об этом пока не могу. Извини.

Та кивнула.

— Зато есть кое-что иное, скажем, подарок в качестве извинения.

— А я думала, что подарок — это кофе.

— Совсем даже наоборот. Кофе в компании пани — это подарок для меня. — Гжелка смешно затрепетала ресницами, Шацкий признал, что впечатление было — высший класс. — Сейчас я пишу обвинительный акт по вопросу одного убийства, на следующей неделе дело отправляем в суд. Дело весьма любопытное, дума, оно может стать поводом для статьи, посвященной насилию в семье.

— А кто убил. Он или она?

— Она.

— Какие-нибудь подробности будут?

— Сейчас я бы предпочел их не раскрывать. Не за столиком в кафе. Я дам вам обвинительный акт, там все будет написано. Потом, самое большее, побеседуем, если у вас возникнут какие-то вопросы.

Шацкому показалось, что эти слова прозвучали настолько безразлично, как он сам это представлял, и что девушка не услышала в них ноток надежды.

— А разве так можно? — удивилась Гжелка.

— Что можно?

— Давать кому-нибудь акт обвинения?

— Естественно, ведь это публичный документ, составленный государственным служащим. С акта обвинения процесс начинается, весь ход судебного процесса открытый, если только суд по каким-либо причинам не решит иначе.

Несколько минут они еще беседовали о судебно-прокурорских процедурах. Шацкий был удивлен, что журналистку это интересует настолько. Для него самого все это были скучные бюрократические тягости, которые лишь занимали кучу времени. Вообще-то говоря, у каждого прокурора должен быть ассистент, чтобы заниматься подобными глупостями.

— А детективы пан читает? — неожиданно спросила девушка, уже после того, как они заказали еще по бокальчику вина и попросили принести пепельницы. Оказалось, что Гжелка курит, и Шацкий обрадовался, что у него остались еще две сигареты.

Читает, а как же. Отчасти их вкусы расходились: он любил жесткого Лихейна и Чендлера, она — играющих с детективной конвенцией Леон и Камильери; но что касается книг Ренкина и Менкелла^[52] — тут они соглашались на все сто процентов. Следующие полчаса они пересказывали друг другу приключения инспектора Ребуса. Когда прокурор глянул на часы, ругая себя в мыслях, что не следовало всего этого делать, было уже почти что семь. Гжелка заметила его жест.

— Не знаю, как пану, но мне уже пора бежать, — сообщила она.

Шацкий кивнул. Он размышлял, кто из них должен был предложить перейти на «ты». С одной стороны, она — женщина, с другой стороны, он — старше на десять лет. Дурацкая ситуация. Быть может, когда встретятся в следующий раз, оно как-то само собой и выйдет. Теодор достал из кармана пиджака визитную карточку, нацарапал на ней номер своего мобильного телефона и подал девушке.

— Не стесняйтесь и звоните, как только возникнут какие-либо вопросы.

Та озорно усмехнулась.

— И даже по вечерам?

— Когда у вас возникнут какие-либо вопросы, — повторил Шацкий, акцентируя слова, думая одновременно о выключенной мобилке и о том, сколько сообщений уже передала Вероника.

— Вообще-то, есть один, личный.

Теодор подбодрил ее жестом.

— Почему у пана такие белые волосы?

Ну да, этот вопрос был уже личным. Мог ли он рассказать ей правду? Когда Хеле было три годика, она заболела заражением крови. Как она лежала, едва живая, в больнице на Неклянской — бледное до прозрачности, исхудавшее тельце, подключенное к капельнице. Как они с Вероникой плакали в больничном коридоре, прижавшись друг к другу, без сна, без еды, ожидая приговора. Как никто из врачей не обещал выздоровления. Как они страстно молились долгими часами, хотя ни он, ни она не были верующими. Как он, вопреки себе, заснул и как проснулся, испуганный, что проспал момент, когда его малышка скончалась, и что он с нею не попрощался. Едва живой, он побежал в палату, в которой лежала дочурка. А она жила. Было семь утра, декабрь, за окном черная ночь. Он увидел собственное отражение в зеркале и тихо вскрикнул, поскольку волос его в течение ночи стали совершенно белыми.

— Гены, — ответил он. — Поседел уже в лице. Но радуюсь тому, что уж лучше быть седым, чем лысым. Вам нравится?

Та рассмеялась.

— Хммм. Сексуально. Возможно, даже очень сексуально. До свидания, пан прокурор.

У тебя три новых голосовых сообщения: «Привет, позвони мне»; «Какой смысл иметь мобилку, раз ты или отключаешь ее, или не забираешь с собой? Позвони, как только прослушаешь сообщение»; «Привет, а вот угадай, кто говорит. Если ты жив, купи по дороге батон и сигареты для меня, потому что я забыла. Если нет, посети меня во сне и скажи, где лежит твой полис».

Шацкий прослушал последнее сообщение и рассмеялся. В такие моменты он тут же вспоминал, почему полюбил ту девушку, которая единственная могла сочувственно поглядеть на него, когда он строил из себя клоуна в университете. Боже, сколько же это уже лет. Десять лет после свадьбы, а со знакомства? Четырнадцать. Больше трети его жизни. Почти половина. Невозможно поверить. В последний момент, уже перед девятью вечера, он успел вскочить в магазин за батоном и сигаретами. Продавщица — та же самая, что и десять лет назад — улыбнулась ему. Странно, а ведь он никогда и словом обмолвился с ней помимо тех слов, которые необходимы, когда делаешь покупки. Какое-то мгновение ему хотелось сказать что-то больше, ведь знакомы они были уже столько лет, но заплатил без слова и вышел. Дома попал в самый центр преисподней.

— Папа, папа, ну почему мой день рождения нельзя отметить в Макдональде?

— А почему ты до сих пор не спишь? — не дал Шацкий сбить себя с толку.

— Потому что мама мне не говорила.

— Серьезно?

В большой комнате скрипнуло кресло.

— Эта девица врет точно так же, как и ты, — крикнула Вероника из глубины квартиры.

Шацкий глянул на дочку, которая с ангельской миной стояла в прихожей.

— Я никогда не лгу, — прошептал он.

— И я тоже никогда, — прошептала Хеля.

Вероника пришла к ним и беспомощно глянула на каштанововолосую девочку.

— Сделай хоть что-нибудь, ведь что бы там ни было, ты ее отец. Скажи, что она должна почистить зубы и отправляться спать, и скажи ей, что дня рождения в Макдональде у нее не будет. Только через мой труп.

— Так ведь все устраивают дни рождения в Макдональде, — сказала Хеля.

— Все меня не интересуют, — буркнула Вероника. — Вы меня тоже не интересуете. Где ты был столько времени, — спросила она у Шацкого, целуя его в нос в качестве приветствия. — Пил? — прибавила она, морща брови.

— Нужно было встретиться с Олегом, а пил я только яблочный сок и чай, — гладко соврал Теодор. Он сам страдал типичным прокурорским извращением — ему казалось, будто лжет каждый, и пытался выяснить, в какой момент. Но ему было известно и то, что нормальные люди, пока он им сам прямо не скажет, что их обманывает, или до тех пор, пока не ляпнет невообразимую чушь, все принимают за добрую монету.

— Нужно было бы пригласить их к нам, давно уже не виделись. Интересно, как там у Наталии...

Теодор Шацкий повесил на вешалку плащ и пиджак. С облегчением стащил туфли и галстук. А может, было бы лучше научиться ходить на работу в сорочке-распашонке и сандалиях, подумал он, было бы гораздо удобнее. Хеля все это время стояла в прихожей,

спушив голову и скрестив руки на груди. Теодор поднял ее вверх, прижал к себе.

— А если мы найдем какое-нибудь необыкновенное место? — сказал он. — В сто раз лучше Макдональда, с громадной игровой площадкой? Где можно играть в догонялки, и вообще?

— Нет таких мест, — ответила Хеля.

— А если такое найдем?

— Тогда я подумаю.

— Хорошо, а в этом случае, почистишь зубки и дашь нам немного времени, чтобы мы его нашли?

Та молча закивала головой, позволила опустить себя на пол и побежала в ванную. Вопрос, где теперь они найдут игровую площадку, чтобы иметь возможность отпраздновать день рождения Хеле за разумные деньги?

Шацкий отправился в кухню, вынул из холодильника банку пива, открыл ее и встал рядом с Вероникой. Жена прижалась к нему и заурчала.

— Я едва жива.

— Как и я, — заметил он.

Они стояли молча; тишину прервал писк, сигнализирующий поступление SMS.

— Это тебе, — буркнула Вероника.

Шацкий пошел в прихожую и вынул телефон из пиджака. «Спасибо за чудесный вечер. Пан очень невежливый, зато ужасно милый прокурор. МГ».

— И что там? — спросила Вероника.

— Рекламная акция. Отошли сто сообщений и, возможно, выиграешь кружку. Какую — не знаю, я стер.

Последние слова были абсолютной правдой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

среда, 8 июня 2005 года

Аргентина победила Бразилию со счетом 3:1 в рамках ЧМ. Родился первый ребенок, матери которого трансплантировали фрагмент яичника другой женщины. Архиепископ Станислав Дзивийш прибывает в Краков и обещает, что не станет сжигать никакие заметки Иоанна-Павла II. В Попове продолжается конференция «Женщины в тюрьме» Одна треть осужденных — это, как правило, жертвы домашнего насилия. Домашний кинотеатр и 10 тысяч злотых может с сегодняшнего дня получить человек, который укажет виновников жестокой резни бакланов в заповеднике на Езёраке. Формируется рекламный кодекс польских пивоварен. Будет запрещено использовать изображения лиц или персонажей, которые особым образом влияют на несовершеннолетних. В Варшаве, в ПКЮ, состоялся большой праздник в честь пятидесятилетия Дворца Молодежи. На Уяздовских Аллеях открыт памятник генералу Стефану «Гроту» Ровецкому; его высота 6 м 15 см; на Павяке открыт бронзовый памятник вязу, который для заключенных был символом свободы. Полиция ликвидировала шайку преступников, производящих спирт из жидкости для опрыскивания лобовых стекол. Арестованы 10 тысяч литров готового продукта и два человека. Максимальная температура в городе — 13 градусов, облачно, небольшие осадки.

Теодора Шацкого вечно изумляло число трупов, запиханных в Управлении Судебной Медицины на ул. Очки. Кроме Теляка, на остальных столах для вскрытия лежало еще три тела, четыре следующих ожидало под окном на больничных носилках. В воздухе висел запах бифштекса по-татарски, [53] приправленный легким душком фекалий и рвоты — результат исследования кишок и желудка. «Трупные хирурги», что собрались заняться Теляком, был относительно молоды, старшему около сорока, младший — на вид — словно только что закончил институт. Шацкий пристроился под стенкой. Вскрытия никогда его не увлекали, хотя он и знал, что хороший патологоанатом способен из трупа вычитать больше, чем вся Криминалистическая Лаборатория (которой так гордилась столичная полицейская комендатура), из обнаруженных на месте происшествия следов. В общем, он желал иметь вскрытие как можно быстрее за собой.

Старший врач, натягивая латексные перчатки, поглядел на него с ухмылкой.

— Так это пан прокурор поручил нам проверить, сам ли покойник вонзил себе вертел в глаз?

«У-у-у, — подумал Шацкий, — только не патологоанатом-остряк. Для самого начала дня этого было бы слишком».

— Мы должны это знать, — спокойно ответил он.

— Весьма остроумная теория, — злорадно ухмыльнулся врач и начал тщательный осмотр тела.

Помощник делал заметки.

— На конечностях и туловище не выявлено синяков, резаных, колотых или рваных ран, равно как и входных отверстий от пуль, — диктовал патологоанатом. Очень осторожно он приподнял запавшее веко, под которым когда-то находился глаз Теляка. — Отсутствует правый глаз, фрагменты стекловидного тела и роговицы видны на щеке, — он сунул палец в глазницу и извлек остатки чего-то серого. Шацкий прищурился, чтобы утратить резкость взгляда. — Кость черепа за правой глазницей раздроблена, втиснута вовнутрь, вероятнее всего, с помощью острого орудия, — он приподнял и внимательно осмотрел голову, разводя волосы. — Помимо указанного, на голове покойника никаких повреждений не выявлено.

— Прямо в дрожь бросает относительно следующей рекомендации, — повернулся хирург к Шацкому и отработанным движением надрезал грудную клетку и живот Теляка в форме буквы Y, собрал кожу и закрепил ее на подбородке трупа, а в то же самое время его помощник «снял скальп» с черепа. — Звучать она может, скажем, так: «Обращаемся с просьбой установить, мог ли покойник, обнаруженный с отрезанной головой под трамвайным вагоном, в состоянии отрезать ее себе перочинным ножиком, после чего лечь на рельсах в ожидании подъезжающего рельсового транспортного средства.

— Люди разные вещи себе творят, — прокурору пришлось говорить громче, чтобы перекричать визг механической пилы, которой помощник кромсал череп. Как и обычно в такой момент, он хотел выйти, он терпеть не мог мокрого чмокания, которое сопровождало вскрытие головы. Когда отвратительный звук — ну один в один, как при попытке пробить кухонный слив — все же раздался, во рту он почувствовал горечь желчи.

Шацкий ожидал следующей порции шуток, но хирурги сосредоточились на своей

работе. Младший что-то там подвязывал внутри тела; старший уверенными движениями инструмента, до боли похожего на хлебный нож, вырезал из Теляка внутренние органы и клал их на вспомогательном столике в ногах трупа, после чего подошел к вскрытому черепу.

— Ладно, с потрохами можно и подождать, там и так ничего нет. Поглядим, что с головой, — он пододвинул к голове трупа небольшой алюминиевый столик, осторожно извлек серо-красный мозг Теляка и уложил его на подносе. Загляну вовнутрь черепа и вдруг наморщил брови.

— Вот это должно было быть для него совершенно невыносимым, так что, возможно, он и вправду покончил с собой, — очень серьезно сказал он. Шацкий сделал пару шагов в его сторону.

— Что случилось? — спросил он.

Врач ладонью что-то выискивал в голове Теляка, явно пытаясь вытащить оттуда нечто сопротивлявшееся. У Шацкого перед глазами стали сцены из «Чужого». Патолог изогнул руку, как будто желал повернуть ключ в замке, и медленно извлек ладонь. В пальцах он держал развернутый презерватив.

— Думаю, у него была навязчивая идея. И что он не мог с нею жить. Бедняга...

Врач задумчиво опустил голову, его помощник трясся от сдерживаемого смеха. Шацкий закусил губу.

— Вы же наверняка понимаете, что в кодексе имеется статья, касающаяся надругательства над останками, — холодным тоном произнес он.

Патологоанатом выбросил презерватив в корзину и глянул на Шацкого так, как дети в классе глядят на нелюбимого первого ученика и любимчика учительницы.

— И как это у вас получается быть такими деревянными чинушами? — спросил он. — Специальные тренинги?

— Мы проходим психологические тесты во время учебы, — ответил на это Шацкий. — Можете продолжать, или мне позвонить в контору и попросить пару дней отпуска?

Врач на это ничего не ответил. Молча он осмотрел внутреннюю часть черепа и — крайне тщательно — мозг, затем порезал на кусочки внутренние органы. Шацкий распознал сердце, печень и почки. Он пытался подготовиться к наихудшему — к кишкам и желудку. Снова к горлу подкатило. Нужно было утром выпить не кофе, а чаю, подумал он. Наконец хирург заглянул в желудок; в воздухе почувствовался кисловатый запах.

— Ваш клиент перед смертью рвал, — сообщил патологоанатом прокурору. — И прилично.

Шацкий сразу же подумал о пустом пузырьке из-под снотворного, который был найден в комнате покойного.

— Мы можем проверить: чем? — спросил он.

— В смысле: морковкой или же котлеткой? — не смог отказать себе в иронии врач.

— В смысле: токсикология.

— Понятное дело, что можем; выдайте только заказ. Проверять все или только конкретные субстанции?

— Конкретные.

— А вам известно, какая это? Лучше будет сразу выписать заказ в токсикологию. И быстрее.

На это Шацкий ответил, что ему это будет знать, когда патологоанатом начнет зашивать.

— Договорились, — сказал тот. — Клиент был здоров, во внутренних органах нет каких-либо болезненных изменений. Сердце в порядке, легкие некурящего, рака нет, опухолей нет. Хотелось бы и мне быть в таком состоянии, когда исполнится полтинник. Причина смерти очевидна, то есть: повреждение мозга с помощью острого орудия. Вертел пронзил мозолистое тело и ствол, самые древние части мозга, ответственные за базовые жизненные процессы. Идеальный удар. Покойник погиб молниеносно. По сравнению с этим, выстрел в висок — это смерть длительная и болезненная. Вертел прошел сквозь мозг и остановился на теменной кости, след виден изнутри. То есть, удар был достаточно сильным, но не настолько мощным, чтобы пробить череп.

— Женщина могла бы нанести такой удар? — спросил Шацкий.

— Спокойно. Черепная кость в глазнице тонкая, не нужно большой силы, чтобы ее пробить, а дальше — сплошное желе. Мне сложно говорить про рост преступника, предупреждая ваш следующий вопрос, но думаю, что он не мог быть ни слишком высоким, ни слишком низким. Процентом на семьдесят, он был того же роста, что и жертва, но это исключительно для вашего сведения, написать подобное в заключении я не могу.

— А мог он это совершить сам?

Врач ненадолго задумался. Второй хирург в это время бесцеремонно упаковывал внутренние органы в разрезанного Теляка, заполняя пустые места смятыми в шар газетами.

— Сомнительно. Во-первых, это был бы первый известный мне случай, когда кто-то покончил с собой именно таким способом. И дело тут даже не в вертеле, но в самом факте того, что кто-то воткнул себе что-то в мозг через глаз. Вы можете представить нечто подобное? Потому что я — нет. Во-вторых, это было бы трудно и технически — вертел штука длинная, ее трудно толком схватить, трудно приложить силу. Но, конечно же, фокус выполнимый. На все сто процентов исключить подобное я не могу.

Шацкий поблагодарил и ненадолго вышел, чтобы позвонить Олегу и узнать название лекарства.

— Транкилоксил, действующее вещество: альфазолам, таблетки по два миллиграмма, — вычитал полицейский из собственных заметок. — Да, при случае? мы провели дактилоскопию.

— И? — спросил Шацкий.

— На бутылочке отпечатки только Теляка и Ярчик. И никаких других.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Ядвига Теляк, родилась 20 ноября 1962 год проживает на улице Карловича в Варшаве; образование высшее, не работает. Отношение к сторонам: супруга Хенрика Теляка (жертва), за дачу фальшивых показаний не привлекалась.

Предупрежденная об уголовной ответственности по ст. 233 УК показывает следующее:

С 1988 года я была супругой Хенрика Теляка, из этой связи родилось двое детей: Катаржина в 1988 году и Бартош в 1991 году. В сентябре 2003 года дочь совершила самоубийство. До этого времени мои отношения с мужем были нормальными, хотя, естественно, случались моменты и лучше и хуже. Но после смерти дочери мы сильно отошли друг от друга. Мы старались делать вид, что все в порядке, мы считали, что так будет лучше для Бартека, которому тогда было 12 лет. Но все это было лишь притворством. Мы даже говорили о том, как расстаться цивилизованным образом, и вот тут Бартек заболел. То есть, он и раньше был болен, но вот тогда ему стало плохо, и после обследований оказалось, что у него смертельный порок сердца. Если не случится чуда, или же если мы не получим орган для пересадки, в течение пары лет он умрет — так нам сказали. То было ужасное сообщение, которое, как это ни удивительно, нас сблизило. Вместе мы боролись, стараясь привлечь самых лучших врачей и самые современные клиники. Нам это стоило огромных денег, но муж руководил полиграфической фирмой, так что мы были людьми обеспеченными. По причине болезни сына, у нас даже не было времени все время вспоминать смерть дочери, и это было хорошо. Но Хенрик чувствовал себя всем этим придавленным. Он не мог спать, срывался с криком среди ночи, принимал успокоительные средства. Пил, но никогда не напивался. Осенью прошлого года он встретил Цезария Рудского и начал постоянно ходить к нему на сеансы психотерапии. Я не помню, как они познакомились, пан Рудский что-то заказывал в «Польграфексе», если верно помню. Поначалу терапия улучшения не приносила, но через какое-то время, где-то месяца через три, муж немного успокоился. Он был таким же печальным, но приступов паники у него уже не случалось. В то же самое время, благодаря пребыванию в германской клинике, состояние сына несколько улучшилось, и у нас появилась надежда, что теперь он сможет подождать нового сердца чуть дольше. Это был февраль. Муж все время посещал психотерапию, потому меня не удивило, когда он сообщил, что желает принять участие в двухдневной групповой терапии. Я даже в чем-то обрадовалась, что побуду пару дней сама. Не совсем уверена, но в воскресенье перед терапией муж, похоже, встречался с паном Рудским. В четверг его еженедельного сеанса уже не было, а в пятницу, прямо с работы, он поехал на Лазенковскую. Вечером он позвонил, сообщив, что нужно будет отключить телефон и связаться со мной не сможет и что встретимся уже в воскресенье. Я ответила, что сжимаю за него кулаки. В воскресенье утром позвонила полиция. Вечером в субботу мы с сыном сидели дома. Поначалу Бартек вроде как должен был выйти к приятелям, но у него разболелась голова, и он остался. Я почти что до полуночи смотрела по телевизору детектив, Бартек на компьютере играл в автомобильные гонки.

Теодор Шацкий жалел, что в протоколах допросов нет двух дополнительных рубрик. Содержащиеся в них сведения не могли бы представлять собой доказательств или улик по делу, но для людей, возобновляющих или продолжающих следствие, они были бы бесценными. Во-первых, описание допрашиваемой личности; во-вторых, субъективная

оценка лица, ведущего допрос.

Напротив Шацкого сидела женщина, которой было сорок три года. Которая была ухоженной, худощавой, высокой и классически красивой. Тем не менее, она вызывала впечатление пожилой и измученной. Может, это по причине смерти, которая столь неожиданно ворвалась к ней в дом? Сначала дочка, потом муж, вскоре — скорее всего — и сын. Сколько пройдет времени, пока и сама не уйдет из этого мира? О своих трагедиях она рассказывала тоном, совершенно лишенным эмоций, как будто бы рассказывала содержание очередной серии какого-то сериала, а не о собственной жизни. Где та ненависть, которую сам он наблюдал на кассете у Рудского? О которой ему рассказывали участники терапии? Ненависть которая волшебным образом могла толкнуть совершенно чужого человека на преступление? Возможно ли, что это боль довела ее до такого состояния? И возможно ли, что вообще появилась какая-то боль, раз она столь сильно ненавидела мужа и так сильно желала его смерти?

— Лично вы Цезария Рудского знаете? — спросил он.

Та отрицательно покачала головой.

— Отвечайте, пожалуйста, полными предложениями.

— Нет, пана Рудского я не знаю. Я никогда его не видела. Если только не считать снимка на суперобложке психологических советов, которые есть у нас дома.

— А знает ли пани Эльжбету Ярчик, Ханну Квятковскую или Эузебия Каима?

— Нет, эти имена мне ничего не говорят.

Шацкий показал ей снимки, но никого на них женщина не узнала.

Взгляд пустой, эмоций — ноль. Шацкий искал способ, чтобы вывести ее из этого состояния. Если это игра, будет непросто.

— Почему ваша дочь покончила с собой?

— Это необходимо?

— Простите, но у нас здесь не светская беседа, а допрос свидетеля в деле об убийстве.

Женщина кивнула.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Вы спрашиваете: почему. Этого никто не знает. Почему пятнадцатилетняя девушка решила наестся таблеток? Не думаю, чтобы сам Господь смог ответить на этот вопрос. Когда сын нашел ее... — Голос ее сломался, женщина замолчала. — Когда сын ее нашел, — продолжила она через какое-то время, — нам казалось, это несчастный случай. Это было утро, она не вышла к завтраку. Я кричала, чтобы она вставала, иначе опоздает в школу. Сама я была взбешена, так как договорилась с подружкой, которая приехала из Познани, и мне не хотелось, чтобы та ждала. Я сказала Бартеку, чтобы тот подогнал сестру. Понятное дело, он начал строить из себя обиженного, что все им пользуются. Но пошел. Я слышала, как он поднимался по лестнице и пел: «Вставай, сестренка, не строй дурачонка...» Я как раз делала для них бутерброды, и тут майонез брызнул мне на брюки. Меня чуть удар не хватил, потому что то были брюки, в которых я хотела выйти, а если бы надела другие — тогда бы блузка не соответствовала, ну и тому подобные бабские проблемы. Я подумала, что застираю пятно водой и высушу феном. Так получалось, что я уже опаздывала. И вот я как раз оттирала пятно смоченным бумажным полотенцем, когда пришел Бартек. Я только глянула на него и уже ни о чем не спрашивала, а только побежала наверх.

Она закрыла глаза. У Шацкого пересохло во рту, его комната сделалась маленькой и темной. Хеле было только семь лет. Мог ли он себе представить, что ей уже пятнадцать и не

спускается к завтраку, а он, взбешенный, идет, чтобы вытащить ее из кровати, потому что сам не желает опоздать на вскрытие? Ну да, подобное он представлял. Точно так же, как часто видел ее синей и неживой — жертвой идиота или просто стечения обстоятельств. Или же лежащей на столе для вскрытий на Очки — как ее череп вскрывается с громким чмоканьем. «Ну, ладно, а потроха нарежем потом»...

Ему не хватало воздуха. Прокурор поднялся и налил негазированной минералки в два стакана, один из которых поставил перед женой Теляка. Та глянула на него.

— У меня тоже есть дочка, — сказал он.

— Но у пана дочка имеется, — возразила женщина, напилась и стала рассказывать дальше: — Что было дальше, я просто не в состоянии вам рассказать. Помню, мы считали, что все это несчастный случай. Болезнь, сердечный приступ, кровоизлияние в мозг — ведь такие вещи случаются и с молодыми людьми, так?

Шацкий кивнул. Он пытался слушать, но перед его глазами все время стояла картина порезанных внутренних органов, которые заталкивали в живот вместе с газетами или ватой.

— Но врач сообщил нам правду. А потом мы обнаружили письмо. Ничего такого в нем нет, во всяком случае, для пана. Несколько общих предложений, никаких пояснений, почему она решила уйти. Помню форму каждой буквы, написанной на листке, вырванном из тетрадки по польскому языку. Поначалу большими, с украшениями, буквами «Дорогие» и восклицательный знак. Снизу: «Не беспокойтесь». Точка. «Я люблю вас всех, а Тебя, Папа, больше всего». Точка. «Тебя» и «Папа» с прописной буквы. Закорючка, похожая на знак бесконечности, нарисованная красным фломастером. И последнее предложение: «Встретимся в Нангиджали». Без точки. И в самом конце: «Варшава, 17 сентября 2003 г., время 22:00». Ну совсем как в официальном документе. Даже время имеется.

— В Нангиджали? — спросил прокурор.

— Сказочная страна, в которую уходят после смерти. Это из книжки Астрид Линдгрэн.^[54] Если не знаете, купите и прочтите дочке. Очень красивая сказка. Хотя лично мне она не сильно по сердцу.

— Как все это перенес ваш муж?

Женщина холодно глянула на Шацкого.

— Я понимаю, что сейчас меня допрашивают в качестве свидетеля по делу убийства, но я была бы пану благодарна, если бы пан ограничил количество глупых вопросов, — прошипела она. — Естественно, что перенес он это крайне плохо. И он чуть не умер, на две недели попал в больницу. А пан, что бы сделал пан? Забрал супругу в отпуск?

Она вытащила сигарету и закурила. Шацкий подвинул ей чашку, чтобы женщине было куда стряхивать пепел и благодарил провидение за то, что оно выслало его коллегу по комнате на бюллетень. Вопрос, и правда, был дурацким, но, по крайней мере, что-то начало происходить.

— Он чувствовал себя виноватым? — спросил он.

— Естественно, — пожала плечами женщина. — Я тоже чувствовала себя виноватой. И все время чувствую. Каждый день я думаю о том, сколько же всего мы должны были сделать плохо, что до этого дошло. И неоднократно я думаю об этом же в течение целого дня.

— Вы обвиняли мужа в смерти дочери?

— И что это за вопрос?

— Вопрос простой. В письме девочка написала, что в особенности любит отца. Быть может, их отношения были более близкими, быть может, именно в них вы доискивались

причин самоубийства?

Супруга Теляка затушила сигарету, прикрыла веки и сделала глубокий вдох. Когда она вновь поглядела на Шацкого, тот чуть не откинулся на стуле, лишь бы избежать этого взгляда.

— Прошу прощения за выражения, только что пан, черт подери, инсинуирует? Что вы там выдумываете в этой своей задолбанной, чиновничьей, недостаточно оплачиваемой башке, когда говорите «более близкие отношения»? И я прошу пана, чтобы пан слово в слово запротоколировал то, что мы сейчас говорим. В противном случае, я не подпишусь даже на той странице, где находятся мои личные данные.

— Охотно, вместо того, чтобы отклониться, Шацкий еще сильнее наклонился над столом, не спуская взгляда с глаз собеседницы, холодных, словно Балтийское море в июне. — Но вначале прошу ответить на вопрос, а не оскорблять меня ругательствами.

— Мой покойный муж и моя покойная дочь прекрасно понимали друг друга. Лучше, чем кто-либо иной в этой семье. Иногда я ревновала, чувствуя себя исключенной из их общения. Ведь это было просто неестественно, они буквально могли читать мысли один другого. Когда они вместе выезжали походить под парусами, присылали разве что открытку. Когда же я выезжала с детьми на отдых, Кася каждый день требовала звонить папе. Знаете, как оно бывает. Вечно говорят, будто бы всех детей любят одинаково, да и дети тоже повторяют, что любят родителей точно так же. Но это неправда. В нашей семье Кася больше всего любила Хенрика, а Хенрик — Касю. И когда она покончила с собой, половина Хенрика умерла. Убийца не столько убил его, сколько добил. Когда уже пан его каким-то чудом поймает, то может выступить перед судом о снижении наказания, ведь он убил не человека, а наполовину покойника.

Последнее выражение она произнесла таким тоном, что у Шацкого по спине пробежали мурашки. Ему не хотелось продолжать эту беседу, но сделать этого не мог.

— Понимаю, — вежливо произнес он. — А теперь прошу ответить на такой вопрос...

— На какой?

— Обвиняли ли вы своего мужа в смерти дочери?

Та закурила очередную сигарету.

— Никто не был ей так близок, как он. Никто ее так не знал и не понимал. Как случилось, что он не смог это предупредить? Я часто задумывалась над этим, глядя, как он стоит на коленях возле ее могилы. Я ответила на ваш вопрос?

— Скажем, так, — милостиво согласился Шацкий и кратко рассказал о ходе психотерапии на Лазенковской. Когда он закончил, лицо женщины походило на посмертную маску. На нем не было заметно каких-либо эмоций.

— Мы не были идеальной и счастливой парой. И частенько я не имела бы ничего против, если бы Хенрик нашел бы себе кого-нибудь, а меня оставил. Но то, о чем пан рассказывает... нет, никогда я еще не слышала столь чудовищной чуши. Что дочка покончила с собой, а сын смертельно болен только потому, что Хенрик не был на похоронах своих родителей? Вы хоть сами себя слышите? Будто бы я все это знаю и желаю его смерти? И что происходит? Участвующая в терапии женщина настолько сильно чувствует себя мной, что берет это ваше «острое орудие» — или же кухонный вертел, о чем должна была узнать из прессы — и вонзает ему в голову? Что ваше начальство знает об этих ваших идейках?

Она вновь закурила. Шацкий тоже вытащил сигарету. Первую за этот день.

— Прошу меня понять. Убийство — это не кража приемника из автомобиля. Мы

обязаны тщательно изучить каждый след.

— Если бы вы точно так же занимались кражами радио, возможно, их было бы меньше.

Шацкий — про себя — признал ее правоту. Еще он посчитал, что нет смысла тянуть дальше тему терапии. Может быть потом, когда уже будет знать побольше... Он еще раз осторожно выспросил ее про потенциальных врагов, но женщина отрицала, что Теляк каких-либо таких имел.

— Если говорить откровенно, он был бесцветным. У таких людей редко есть враги.

Интересно. Вот уже второй раз он это слышал, и второй раз у него складывалось впечатление, что его обманывают.

— Могу ли я уже забрать мужа из морга? — спросила жена Теляка перед тем, как уйти, уже после того, как тщательно прочитала и подписала протокол. Перед тем Шацкому пришлось приписать в конце обычную формулу «это все, что я могу сообщить по данному делу», и он подумал, что это не всегда соответствует правде.

— Да, да, ежедневно, с восьми до пятнадцати, необходимо заранее позвонить и договориться. Рекомендую поручить это похоронному бюро. Прошу меня извинить за откровенность, но после вскрытия человек, если такое вообще возможно, гораздо более мертвый, чем перед вскрытием. — Тут ему вспомнилось, как Кузнецов ему как-то сказал, что на Очки вообще нет атмосферы смерти, а только атмосфера мясницкой для трупов. — Будет лучше, чтобы специалисты его одели, довели до какого-то толку и положили в гроб. Вам и так нужно будет идентифицировать мужа перед тем, как гроб закроют, и до того, как покойника заберут из судебного морга. Таковы правила.

Женщина кивнула Шацкому на прощание и вышла. И хотя она покидала его кабинет как замученная жена, которую переполняли исключительно боль и печаль, Шацкий помнил, какими ругательствами она забросала идеи, появившиеся в его «долбаной чиновничьей башке». Если бы тогда она начала ему угрожать — он обязательно бы перепугался.

Он глянул на часы. Двенадцать. В час дня должен был прибыть сын Теляка; к счастью, его мать не настаивала на личном присутствии во время допроса. Теоретически такое право у нее имелось, на практике же им пользовались только при допросе детей, а не пятнадцатилетних бычков. Теперь же у него имелся час. Совершенно дурацкая ситуация. Было бы у него два часа, он мог бы набросать план следствия; три часа — обвинительный акт по делу Нидзецкой. Но в этой ситуации ничего начинать не хотелось. Вновь он чувствовал себя обессиленным. А кроме того, он никак не мог избавиться от впечатления, что проглянул что-то существенное. Что имеется у него какая-то информация, возможно, даже уже записанная в материалах дела, которую он не замечает. Нужно тщательно прочитать все уже собственные сведения. А еще нужно порасспрашивать, не знает ли кто какого-нибудь «заведения с воздушными шариками», в котором можно было бы устроить день рождения Хеле. Кстати, что это еще за прибацанная мода. В его времена все на именинах встречались у себя дома, и все было здорово. Что, он и вправду подумал про «мои времена»? Господи, ну не настолько же я стар!?

Он сделал себе кофе.

Просмотрел газету.

Что за ерунда происходит! Квасный обратился к Чимошке, чтобы тот стартовал в президентской гонке.^[55] Зачем вообще писать обо всей этой нудятине? Шацкий считал, что необходимо просто запретить ежедневно сообщать о политике. Раз в месяц коротенький отчет на пару колонок — и хватит.

Политики жили в изолированном мире, уверенные, будто бы с утра до ночи делают что-то чертовски важное, о чем в обязательном порядке необходимо рассказывать на пресс-конференциях. В уверенности об их важности политиков подкрепляли вечно озабоченные политические пресс-атташе, которые верили в значимость событий, по-видимому, чтобы придать смысла своему лишенному всего и вся труду. Ведь и так — несмотря на усилия обеих групп и массивную атаку в средствах массовой информации лишенных значения сведений, представляемых как нечто крайне важное — весь народ плевать на них хотел. Зимой Шацкий с Вероникой и Хелей поехал отдыхать, их не было две недели. За это время он не прочитал ни единой газеты. Вернулся, и все было по-старому. Абсолютно ничего не случилось. Однако, когда просмотрел прессу, оказалось, что каждый божий день весь мир катился в тартарары, правительство валилось к чертям собачьим, оппозиция рвала на голове волосы, АВВ^[56] в очередной раз компрометировало себя, ежечасно, судя по опросам общественного мнения, возникали новые договоренности, комиссии осуждали на смерть по звонку и т. д. Эффект: нулевой. Тут вошла Марьяля.

— Это с Краковского, — сообщила она, положила перед ним письмо и, не говоря больше ни слова, вышла.

Шацкий прочитал, ругнулся, взял кофе и выбежал из кабинета. Быстрым шагом он прошел мимо секретарши, которая пока что не добрела до своего места, постучал в двери кабинета Хорко и, не ожидая приглашения, вошел.

— Добрый день, пан прокурор, — глянула та на него над стеклами очков, не отрывая пальцев от клавиатуры компьютера.

— День добрый. Третий раз отвергли проект прекращения дела по убийству

Сенкевича, — сообщил Теодор, положив перед начальницей письмо из окружной прокуратуры.

— Мне это известно, пан прокурор.

— Какой нонсенс. Если я напишу обвинительный акт, то суд, мало того, что признает их невиновными, так еще высмеет нас. И эти чинуши прекрасно понимают это. Для них самое важное, это статистика: главное, вынести обвинительный акт и выбросить все из головы, а там пускай суд ломает голову.

Шацкий пытался говорить хладнокровно, но раздражение в его словах скрыть было невозможно.

— Мне это известно, пан прокурор, — согласилась Хорко.

Дело по убийству было делом по типичному убийству в малине. Пили втроем, проснулись вдвоем, для третьего возврат к жизни сделался невозможным по причине перерезанного горла. На ноже были отпечатки пальцев всей троицы. Оставшиеся в живых согласно зарекались, что совершенно ничего не помнят, впрочем, даже ведь сами позвонили в полицию. Так что известно: кто-то из них — это убийца, но не известно — кто конкретно; нет хотя бы малейшей улики, позволяющей указать на преступника. А вот двоих обвинить нельзя. Ситуация самая идиотская: убийца есть, и его нет.

— Вы прекрасно понимаете, что если мы обвиним их совместно, то даже самый глупый адвокатишка вытащит их. Если будем тянуть спички и обвиним одного, тогда и адвокат не потребуется. Его признают невиновным на первом же заседании.

Хорко сняла очки, которыми пользовалась только для работы за компьютером, и поправила челку. Мелкие локоны выглядели так, словно их пересадили от пуделя.

— Пан прокурор Шацкий, — заявила она. — Я понимаю и то, о чем пан говорит, равно как и то, что прокуратура является иерархической структурой. То есть, чем выше иерархическое положение, тем ближе к нашему начальнику, который, как правило... — и она указала на Шацкого, желая, чтобы тот закончил предложение.

— Дебиллом из политического пула, присланным сюда лишь затем, чтобы прибавлять своим дружкам баллы в подсчетах общественного мнения.

— В том-то и оно. Только не говорите этого журналистам, если только не желаете закончить свои дни в отделе общей корреспонденции. И потому-то слишком активные коллеги с улицы Краковское Предместье... — она вновь дала знак Шацкому.

— Уже готовятся к смене караула, и на всякий пожарный желают стать более радикальными, бескомпромиссными и более крутыми чем-то яйцо, из которого родились Братья. [\[57\]](#)

— Ну, раз пан так замечательно все понимает, пан прокурор Шацкий, тогда зачем пан прибывает ко мне со всем этим скандалом? Я вам не враг. Просто я понимаю, что если сейчас, на какое-то время, мы не поддадимся и не подставим шею, то пойдем в отставку, а на наше место придут верные середняки. И вы считаете, будто так будет лучше для этого живописного местечка: Районной Прокуратуры для Варшавы-Средместье?

Шацкий закинул ногу на ногу, поправил стрелку на брюках и глубоко вздохнул.

— Сейчас я пани кое в чем признаюсь.

— Пикантности будут?

Шацкий даже не усмехнулся. Янина Хорко была последней женщиной планеты, с которой бы ему хотелось пофлиртовать.

— Неделью назад мне позвонил Буткус.

— Тот литовский гангстер?

— Лично. Первое заседание назначили через два месяца. Он сообщил, что претензий ко мне не имеет, и если бы я, к примеру, пожелал сменить цвет тесьмы на тоге с красного на зеленый, ^[58] то он готов заплатить двадцать тысяч за сам факт взятия дела в качестве защитника, по десять тысяч за каждое судебное заседание и дополнительные пятьдесят тысяч за оправдательный вердикт.

— А пан был бы в состоянии?

Хорко поудобнее устроилась в кресле и расстегнула пуговку блузки. Шацкий почувствовал, что покрывается потом. Неужели это происходит на самом деле.

— Естественно. Я вел следствие, пока его у меня не забрали знаменности с Краковского; и я помогал при написании обвинительного акта.

— Дело не в том. Был бы пан в состоянии так легко перейти на другую сторону баррикады?

Несколько мгновений Шацкий сидел, не говоря ни слова. Дурацкий вопрос. Да если бы мог, сделал бы это уже давно. Что удерживало его здесь, как не детская вера в шерифскую звезду? Ему платили официальную заработную плату — совершенно одинаково получал прокурор в центре Варшавы и каком-нибудь Пипидувке Глухом. Никаких дополнений. Официальный запрет приработков каким-либо образом, за исключением лекций, на которые и так необходимо было получить специальное разрешение — предполагая, будто бы кто-то ему такую редкость предложит. Ненормированное рабочее время, что на практике означало шестьдесят рабочих часов в неделю. К тому же ему приходилось ассистировать при вскрытии трупов и, не жалуясь, выполнять распоряжения своих различных начальников. В прокуратуре было больше начальства и руководителей, чем директоров на государственных предприятиях. Общество считало, будто бы прокурор — это тот гадкий тип, который выпускает бандитов, пойманных хорошей полицией. Возможно, и тот гадкий тип, который настолько облажался с бумажной работой, что суду пришлось бандита выпустить. Придурки с Вейской, в свою очередь, были уверены, что у прокуроров имеется своя частная армия, чтобы мучить политических противников. Что ни говори, работа охренительная, горько подумал Шацкий. Стоило так пахать в академии.

— У этой баррикады больше сторон, — сказал он, уходя от прямого ответа, так как ему не хотелось откровенничать с начальством.

— Естественно, пан прокурор. Вот так в душе и вижу, как вы сидите в юридической канцелярии и готовите письма с консультациями или же размышляете над тем, можно ли стащить с должника дополнительные проценты.

Хорко начала играть воротником блузки. Еще наклонится, и тогда просто будет вынужден заглянуть ей в декольте. А вот на это у него на самом деле не было охоты.

— Все мы обязаны платить по счетам, — пожал он плечами.

— Ну ладно, к делу. Так вы напишете этот обвинительный акт, пан прокурор? Может быть, найдем какой-то компромисс. Обвините их не в убийстве, а... в неоказании помощи. Все-таки что-то. Посмотрим, что они с этим сделают.

Тот неохотно кивнул. Была такая мысль.

— Предупреждаю, что этот обвинительный акт не будет исключительно длинным или исключительно убедительным.

— Я его и так подпишу. Напоминаю о плане следствия по делу Теляка и об обвинительном акте по делу Нидзецкой.

Шацкий снова согласно качнул головой и поднялся.

— Очень приятно было с вами, пан прокурор, побеседовать, — сказала Хорко и задорно улыбнулась.

Шацкому вспомнились персонажи картин Брейгеля.

Он ответил неуверенной полуулыбкой и вышел.

Бартош Теляк сидел на стульчике возле его кабинета и игрался мобилкой.

Он любил приходить в сауну в Варшавянке^[59] в середине дня, когда здесь не было диких толп, и когда всем можно было воспользоваться спокойно. На самой высокой полке в сухой сауне он сидел так долго, пока перед глазами не стало мутиться, а каждый вздох обжигал гортань. Наконец вышел, повесил банное полотенце на вешалку и, совершенно голый, вошел в громадную ванну с ледяной водой, стоящую посреди помещения. Миллионы иголок тут же вонзились в тело. Он нырнул и только после того вскрикнул. Боже, как же это было замечательно. Он еще мгновение полежал в холодной воде, вышел, обернулся полотенцем и лег на шезлонге в саду. Игорь тут же подал ему бутылку охлажденного апельсинового сока. Да, существуют моменты, когда человеку нужно чуточку тепла, чуточку прохлады и немножко апельсинового сока. Парни из варшавской системы — не то, чтобы он их сильно любил — знали, что делают, когда возводили для себя такой классный бассейн.

Рядом какая-то парочка лет двадцати двух лежала настолько близко друг к другу, что если бы сблизилась хотя бы на миллиметр сильнее, это был бы уже половой контакт в общественном месте. Они, попеременно, то тихонечко шептались, то громко хихикали. Он неодобрительно поглядел в их сторону. Девушка даже и ничего себе, хотя стоило бы побрить её под мышками и пару раз сводить на аэробику. А пацан — дохляк, как и все в его поколении: худенькие ручки, худенькие ножки, реденькая щетинка на подбородке, грудная клетка словно у чахоточного.

— Следовало бы поднять цены, — обратился он к Игорю настолько громко, чтобы быть уверенным, что юная парочка слышит его. — А так любая скотина может торчать здесь часами.

Игорь понимающе покачал головой. Парочка сначала затихла, потом парень что-то прошептал девушке на ухо, и та вдруг начала хихикать, словно ненормальная. Ему страшно хотелось подняться и набить пацану морду, но он решил не обращать на них внимания.

— Ну что, похоже, что с Хериком все будет спокойно? — обратился он к Игорю.

— Да, вроде как беспокоиться не надо, — ответил тот. — Сегодня Шацкий должен написать план следствия, так что будем знать побольше.

— И когда мы его получим?

— Вечером, — ответил Игорь, как будто бы было совершенно естественным, что они получают копии всех внутренних документов из всех прокуратур в Польше.

— Замечательно, — сказал председатель и отпил большой глоток сока. Он любил когда все вокруг происходило без сучка и задоринки.

У Кузнецова был сын того же возраста, что и Бартош Теляк, и в последнее время Олег не называл того иначе как «животное».

— Иногда у меня появляется желание врезать замок в двери нашей комнаты, — говорил он. — Он какой-то такой здоровый, лохматый, ходит, словно тигр в клетке. Настроение у него меняется каждые десять минут, гормонов у него в крови больше, чем у легкоатлета стероидов. Как только вечером поспоримся, так думаю: придет он с ножиком или не придет? А если придет, удастся ли мне с ним справиться? Я же, вроде как, не калека, так и у него же все на месте.

Такие рассказы свидетельствовали лишь о том, что Кузнецов — псих. Большое воображение и многолетняя работа в полиции довела его до биполярного расстройства.^[60] Шацкий так всегда считал. Теперь же, когда он сел напротив подростка, у него мелькнула мысль, что в иррациональных высказываниях полицейского может быть какая-то доля правды. Теляк обладал очень деликатной, бумажной красотой; черные волосы и черные брови дополнительно подчеркивали его бледность. Очень худой, чего не удалось замаскировать ни широкими штанами, ни обширной блузой. Даже наоборот — по причине слишком больших одежек он казался еще более хрупким. Шацкий знал, что мальчишка смертельно болен. Тем не менее, в его движениях и глазах были хищность, агрессия и отчаяние. А может по-другому и нельзя, когда приходит время на то, что свое место в мире необходимо завоевать? Шацкий как-то не мог вспомнить, как это было, когда он сам был в том же возрасте. Много пил, много онанировал и много болтал с приятелями о политике. А помимо того? Черная дыра. Ссорился с родителями, это обязательно. Но вот разве ненавидел их? Были ли у него такие мгновения, когда бы он желал им смерти? Согласился бы на их смерть, если это должно было бы обеспечить ему свободу и независимость? Ему вспомнился процесс подростка из Прушковец, убившего мать, и который пояснил в суде: «... и тут у меня в голове появилась идея, чтобы матери не было». А не родилась ли подобная мысль в голове у сына Хенрика Теляка?

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Бартош Теляк, родился 20 марта 1991 год проживает по ул. Карловича в Варшаве, образование базовое, ученик гимназии № 2 по ул. Нарбута. Отношение к сторонам: сын Хенрика Теляка (жертвы), за дачу фальшивых показаний не привлекался.

Предупрежденный об уголовной ответственности по ст. 233 УК, дает следующие показания:

Уже через пять минут Шацкому хотелось написать огромными каракулями в протоколе: «ХРЕН ОН ДАЕТ КАКИЕ ПОКАЗАНИЯ!», поскольку молодой человек пытался общаться с ним исключительно с помощью движений головы, отдельных звуков и односложных слов.

— Что тебе известно о психотерапии своего отца?

— Ну, ходил.

— А чего-нибудь больше?

Жест отрицания.

— Вы беседовали об этом?

Жест отрицания.

— Ты знаешь тех людей, с которыми он ходил на терапию?

Отрицательный жест.

— Не узнаешь кого-нибудь на этих снимках?

Отрицательный жест головой.

Совершеннейшая чушь, подумал Шацкий, так мы ни к чему не придем.

— Что ты делал в субботу вечером?

— Играл.

— Во что?

— Call of Duty.

— В первую или вторую?

— Двойка.

— Какая кампания?

Парень поерзал на стуле.

— Милосердия.

— Российская, британская или американская?

— Российская.

— И далеко не прошел.

— Эт'точно. В Сталинграде никак не могу пройти тот фрагмент, когда нужно отстреливаться из окна ратуши. Просто не в состоянии снять всех; вечно кто-то прокрадется понизу и зайдет сзади. А когда слежу за тылами, спереди валит вся фашистская армия с пулеметами.

Шацки понимающе покачал головой. Даже у него эта миссия отняла добрых пару часов проб и ошибок.

— К сожалению, там никакого хорошего способа нет, — сказал он. — Лучше всего сначала выбить столько, сколько удастся, а потом следить за тылами и отстреливать из снайперской винтовки тех, у кого есть пулемет. Как только выдержишь достаточно долго, тогда в конце появится информация о новом задании. Миссия идиотская, вся ее трудность заключается в том, что традиционное количество немцев умножается на десять. Но вообще-то, все в норме.

— Ну, так ведь оно и должно было выглядеть, разве пан так не считает?

— Война? Наверняка, так. Летишь вслепую, с заедающим ружьем; все — это один громадный хаос, пули свистят, по сторонам падают твои приятели. Тебя же интересует только то, чтобы добежать до ближайшей ямы, спрятаться там, бросить гранату и бежать дальше. Здесь очень важен звук.

— У меня 5.1.

— Поздравляю. У меня только 2.1; для 5.1 квартира слишком мала. Но обычно и так играю в наушниках, потому что жена злится.

— А ко мне мама приходит и говорит, что не желает, чтобы по ее дому ездили танки. А в кино все допросы выглядят иначе.

Шацкого удивила резкая смена темы, но ответил он молниеносно.

— Я не могу вести допрос. Почему ты не отвечаешь на мои вопросы?

Парень пожал плечами.

— Не думаю, чтобы это имело какое-то значение.

— Убили твоего отца, и я хочу знать, кто это сделал и зачем. Неужели по-твоему это не имеет значения?

Снова лишь жест плечами.

— Не имеет, потому что от этого он не оживет. Кроме того, какая разница, отвечаю я полными предложениями или говорю «да» или «нет». Здесь ведь важно то, чтобы я говорил правду.

Шацкий отложил протокол в сторону. Он и сам не верил в то, будто бы пацан может знать нечто такое, что будет доказательством по делу. Но для него было важно что-то другое.

— А тебе хотелось бы, чтобы твой отец ожил? — спросил он.

Прокурор ожидал, когда Теляк пожмет плечами, но тот сидел неподвижно. У него даже ресница не дрогнула.

— И да, и нет, — ответил тот наконец.

— Что, был плохим отцом?

— Он нас не бил и вовсе не желал, чтобы мы ему мыли спинку, если вы имеете в виду это. Кричал тоже мало. Банальный, нудный польский отец. Не могу сказать, что я его ненавидел или любил. Может это и шок, но я на самом деле не могу пробудить в себе какое-то чувство после его смерти. Я пану правду говорю.

Шацкому хотелось бы, чтобы его свидетели всякий раз давали такие же откровенные ответы. Он уважительно кивнул парню.

— А после смерти твоей сестры он изменился?

— Постарел. Но перед тем и так одна лишь сестра контактировала с ним, так что для меня это никакого значения не имело.

— Ты обвинял его в смерти сестры?

Парень замялся.

— Не больше, чем всех остальных вокруг.

Шацкий вспомнил о таблетках, найденных в комнате Теляка на Лазенковской.

— А тебя удивило бы, если бы он покончил с собой?

— Нет, не очень. Гораздо сильнее меня удивляет то, что кто-то его убил. Зачем?

Хороший вопрос. Шацкий вновь почувствовал себя ужасно усталым. А откуда он, черт подери, должен знать, зачем? У него появилось впечатление, будто бы все разлезается. Теория, будто бы Теляка убил кто-то из психотерапевтической группы, попеременно казалась ему, то вероятной, то совершенно фантастической. Но, все чаще — именно второе. Ни один из допросов не приносил ничего нового в дело. Очевидные ответы на очевидные вопросы. А может плюнуть на все это, передать все следствие в руки полиции и спокойно ожидать самый вероятный результат — прекращение дела потому что виновный не будет найден — а на деле появится метка «NN».

— Именно этого я и не знаю, — честно ответил он. ну ладно, наполовину честно. Он не смог бы объяснить этого рационально, но хотел, чтобы у парня появилось впечатление, будто бы он сам стоит на месте и не знает, что делать дальше.

— Вам необходимо обнаружить мотив, способность и оружие.

— Благодарю. Детективы я читаю. А вот ты знаешь кого-нибудь, кто выиграл бы на смерти твоего отца?

— Не я. Вы же наверняка знаете, что я болен и вскоре обязательно умру.

Шацкий кивнул.

— Спасти меня могут три вещи: чудо, государственная служба здравоохранения или же пересадка сердца в частной клинике за рубежом. Как вы считаете, какая из них наиболее вероятна? Вот именно. А как вы считаете, насколько уменьшились мои шансы, когда не

стало моего отца, директора? Ну вот.

И что он мог ответить? О чем еще мог спросить? Шацкий поблагодарил парня и пожелал успеха в Call of Duty. Он даже не дал ему протокол на подпись; там не было абсолютно ничего.

— Пан будет на похоронах в субботу? — спросил Теляк-младший уже перед тем, как уйти.

— Конечно.

Шацкий выругал себя в мыслях, что это ему раньше не пришло в голову. Ведь это будет единственная возможность увидеть родных Теляка и людей с терапии вместе.

Запись фактического положения вещей, представление следственных версий и плана следствия заняло у Шацкого меньше времени, чем он ожидал. Неполных полтора часа. Принимая во внимание факт, что как минимум половину этого времени он посвятил размышлениям о Гжелке — результат очень даже неплохой. Что нужно сделать сейчас? Последней женщиной, которую он подцепил, была Вероника, и случилось это более десяти лет назад. А если говорить честно, это не он ее снял, а она его. Воспоминание ограничивалось туманным «каким-то образом все и случилось». Девушка ему нравилась, немножко поболтали, неожиданно начали целоваться — поправка: это она неожиданно стала его целовать — а через неделю очутились уже и в постели. Через две недели он просто не представлял жизни без нее.

Вот и все, что я могу сообщить по данному делу, подумал Шацкий. Если только не считать лицейских и ранних студенческих приключений. И парочки коротких романов раннего семейного периода, о которых старался не вспоминать. И одного, не испробованного, правда, знакомства с пани прокурор из Пясечна. До сей поры он радовался, что очень все хорошо случилось, ведь у него жена и ребенок, и нужно вести себя вежливо, но правда была иной — жалел чертовски. Как там это высказывание? Лучше грешить и жалеть, чем жалеть, что не грешил. Еще одна идиотская народная мудрость, которая хорошо выглядит лишь на бумаге. Познакомились они на деле по убийству одного девелопера. Труп был из Средместья, но вот семья, знакомые, фирма и все такое — из Пясечна. Они работали вместе. Долго и интенсивно. Работали и разговаривали, разговаривали и работали, разговаривали и разговаривали. Как-то ночью он отвез ее домой, поцеловал в машине. И удивился, что поцелуй может иметь совершенно иной вкус. Что все способно быть настолько новым. Что у губ могут быть другие формы, у языка — иная фактура, у дыхания — такой другой запах.

— Не можем же мы так целоваться до бесконечности, — сказала она, и он знал, что это было не банальной констатацией факта, но предложением. Она сделала все, ожидая от него лишь подтверждения. А он настолько струсил, что буквально трясся от страха.

— Но не можем и продвинуться дальше, — выдавил он из себя в конце концов. Женщина лишь улыбнулась, поцеловала его еще раз и вышла. Только помахала с ведущей в подъезд лестницы. Потом он видел, как на третьем этаже загорелся свет. Он еще час просидел в машине, борясь сам с собой. В конце концов — уехал, мчался по Пулавской назад, к Веронике, успокаивая себя тем, что поступил правильно. Но, по сути своей, он знал, что удержала его не верность — неважно, каким образом понятая — ни любовь — неважно, каким образом понятая. Сдержал его страх. Унизительное воспоминание нервных конвульсий долго еще сопровождало его после того, как со вздохом облегчения он улегся рядом с женой и вжался в знакомые изгибы ее тела.

То было когда-то. А теперь? Ему было тридцать пять лет, не успеешь оглянуться — и тридцать шесть. Как долго еще следует ждать, чтобы самому убедиться, как оно есть, когда каждый квадратный сантиметр чьего-то тела для тебя неожиданность? Сейчас или никогда, подумал он.

И набрал номер.

— День добрый, это Шацкий говорит.

— Оу, привет... то есть, день добрый, пан прокурор.

Теодор сделал глубокий вдох.

— Называйте меня Тео.

— Моника. Жаль, что ты не предложил этого вчера, по этой причине можно было и поцеловаться.

Знакомые конвульсии вернулись. Хорошо еще, что они говорили по телефону.

— Надеюсь, это мы еще доработаем, — раздался чужой голос, который, по мнению Шацкого, совершенно не был его собственным.

— Хмм, ну совсем как я думаю, — сказала она. — И когда же?

Он горячечно размышлял. Господи, нужно найти какой-то повод, в противном случае, его намерения будут слишком очевидными.

— Может в пятницу? — предложил он. — У меня будет для тебя обвинительный акт, — последнее предложение было настолько глупым, что если бы у стыда была температура, Шацкий наверняка бы сгорел. Ну, и какие еще есть у тебя хорошие идеи, Теодор? — спросил он сам себя. Может, свидание в морге?

— Ах, конечно же, обвинительный акт, — теперь у него уже не могло быть сомнений в том, что она об этом думает. — В шесть вечера, в «Шпильке»? Это неподалеку от твоей конторы. — Слово «контора» она произнесла таким образом, словно ее собеседник был чиновником самого малого ранга провинциальной почты.

— Замечательная идея, — сказал он, одновременно думая о том, что следовало бы позвонить в банк и проверить состояние счета. Читает ли Вероника сообщения? Сам он не помнил.

— Тогда до свидания в пятницу, — мимолетно заметила она.

— Па, — ответил он, сразу же считая, будто бы из всех глупостей данной беседы именно это конечное «па» заслуживет золотой медали.

Шацкий положил трубку на аппарат и снял пиджак: он трясся и вспотел словно швед на каникулах в Тунисе. Одним махом выдул два стакана минеральной воды и подумал, что, слава Богу, еще раньше накатал этот чертов план следствия, потому что теперь никак не смог усидеть на месте. Он уже поднялся с намерением отправиться в продовольственный магазин возле книжного на Аллеях за колой, когда зазвонил телефон. Теодор замер при мысли, что это может быть моника, и трубку снял только после третьего звонка.

Кузнецов.

Полицейский рассказал ему о результатах допросов в «Полграфексе», фирме Теляка. А точнее — об отсутствии результатов. Приятный человек, спокойный, бесконфликтный, неплохо управляющий фирмой. Никто не жаловался, никто не говорил о нем плохо. Правда, у одного из руководящих работников выскользнуло, что вот теперь, возможно, удастся повернуть фирму на новые рельсы, но это было лишь типичной болтовней карьериста.

— Ага, и тебе обязательно необходимо допросить секретаршу, — сообщил Кузнецов.

— Зачем? У них, что, был роман? — Шацкий оставался скептическим.

— Нет. Но жопа просто обалденная, я мог бы допрашивать ее хоть каждый день. Лучше всего: в мундире, и в той комнате для допросов во дворце Мостовских. ^[61] Ну, ты знаешь, в подвале...

— Олег, пожалей, мне уже тошно от твоих фантазий. Боюсь, что вскоре ты начнешь мне показывать снимки скованных наручниками овчарок.

— Тебе что, сложно... — возмутился полицейский. — Вызовешь к себе, посмотришь,

напишешь какую-нибудь чушь в протоколе. На все про все пятнадцать минут. За «Сверчком» в эмпики сходить больше времени займет.

— Отъебись. Она что-нибудь сообщила?

— Что Теляк не расставался с цифровым диктофоном, на который записывал абсолютно все: служебные встречи, идеи, заметки, переговоры, сроки... Некоторые просто запоминают, другие записывают, кто-то еще делает заметки в мобилке. А он все записывал. Я уже позвонил его жене, но она утверждает, что дома этого диктофона нигде нет.

— Выходит, что-то да пропало, — заявил Шацкий.

— Похоже на то. И странно, что как раз эта штука.

— Так, это нам несколько рушит удобную теорию о паникующем взломщике, или нет?

Оставить бумажник с кредитными карточками, но забрать диктофон — довольно странно.

— Думаешь, у всех них следует обыскать жилища? — спросил Кузнецов.

— Понятия не имею. Вот как раз размышляю над этим, — ответил Шацкий, массируя большим пальцем основание носа. Ему страшно была нужна кола. — Нет, пока что нет. Подождем до понедельника. Мне нужно кое-что проверить.

Кузнецов не настаивал, но Шацкий знал, что у него свое мнение. И, кто знает, возможно, он был и прав. Сам же он не хотел принимать сейчас решения о налете на жилища всех подозреваемых. Чувствовал, что это было бы неуместным.

В конце концов, он отказался от идеи колы и следующие три часа посвятил обнаружению эксперта, который был бы специалистом по терапии семейных расстановок. При случае выяснилось, что имя самого Цезария Рудского тоже находится в списке экспертов. Впрочем, именно его ему предложили в первую очередь. Только после нескольких звонков знакомым из института на Собеского, ^[62] он получил следующий контакт.

— Тип довольно странный, но как только уже ты на это пойдешь, то чрезвычайно интересный, — сообщил Шацкому знакомый психиатр. Как Теодор ни нажимал, он никак не желал открыть, в чем же эта «странность» заключалась, все время повторяя, что Шацкий сам должен в этом убедиться.

— Хотелось бы почитать протокол этой встречи, — сказал он под самый конец беседы и начал хихикать, словно сумасшедший.

«Врачу, излечись сам», подумал Шацкий. Как всегда, когда имел дело с психологами и психиатрами.

Психотерапевта звали Еремияшем Врубелем. Шацкий позвонил, вкратце изложил дело и договорился на встречу в пятницу.

Беседа, и правда, была краткой, но ему никак не показалось, будто общается с особенным психом.

В домашнем кабинете царил канцелярский стиль семидесятых годов, но ему это никак не мешало, совсем даже наоборот. Иногда он даже выискивал на Аллегро какой-нибудь предмет той эпохи, новый экспонат для собственного музея. Последней покупкой стала «Большая Всеобщая Энциклопедия Польского научного издательства» шестидесятых годов, тринадцать томов, собираясь поставить ее рядом с оригинальным советским изданием «Истории Второй мировой войны» в двенадцати томах. Такие вещи замечательно смотрелись в застекленном книжном шкафу.

Книжный шкаф, огромный полированный письменный стол, настольная лампа с зеленым абажуром, эбонитовый телефонный аппарат, черное кожаное кресло на хромированной опоре. Дубовый паркет, толстый бордовый ковер, на стенах — темные деревянные панели. Он не смог отказать себе в том, чтобы не повесить над дверью оленьих рогов. Кич ужаснейший, но в этом интерьере смотрелось просто превосходно.

В кабинет мог войти только он сам. Потому сам здесь убирал, сам стирал пыль, сам мыл окна. Дверь закрывалась на мощный замок, для которого были сделаны всего два ключа. Один всегда находился при нем, второй был спрятан в сейфе на Ставках. И дело было даже не в том, что в его кабинете хранились ценности или тайные документы. Хотя, вне всякого сомнения, проведенный в этом помещении обыск выявил бы факты, способные положить конец карьере пары лиц с самого верха. Нет, для него важна была приватность. Важно было иметь свое местечко, куда никто — ни жена, ни любовница, ни все реже и реже посещающие их дети — никогда не будет иметь доступа.

Сейчас он сидел у окна в глубоком, обитом темно-зеленым рубчатым вельветом кресле, пил чай, читал книгу Нормана Дэвиса о Вроцлаве^[63] и ожидал телефонного звонка. Мужчина был спокоен, но, тем не менее, на чтении сконцентрироваться не мог. Уже третий раз он начинал один и тот же абзац, но мысли всякий раз обращались к Хенрику и проводимому следствию. Уж очень хотелось знать, что придумал пан прокурор Теодор Шацкий.

В конце концов, телефон зазвонил.

— Это Игорь. Я уже все знаю. Переслать все пану факсом?

— Не пересаливай, у меня более интересные вещи для чтения, — мужчина заложил Дэвиса открыткой, которую получил от дочери, проживающей в Санта Фе, и отложил книжку на столик у кресла. — Можешь коротенько...

— Фактическое положение самое банальное. Нет ничего такого, чего бы мы не знали. Хенрик плюс психотерапевт плюс три пациента. Те ранее не были знакомы; психотерапевт лечил Хенрика индивидуально в течение полугода. На место приехали в пятницу...

— Только не нуди. Версии следствия?

— Первая: Хенрик был убит случайно, человеком совершающим кражи со взломом.

— Нас это не касается. Следующая?

— Убийцей является кто-то из участников терапевтической сессии или терапевт. У каждого имелась возможность, только ни у одного — как следует из собранного до сих пор доказательного материала — нет мотива, который мог бы обосновать совершение убийства. Во всяком случае, непосредственного не было. Некоторые улики говорят о тяжелом проведении терапии. Под влиянием этих эмоций кто-то их пациентов мог лишить Хенрика

жизни.

— Что за идиотизм? — возмутился мужчина. — Люди убивают, потому что пьяны или ради бабок. А говорили, что этот Шацкий даже ничего. Что же, еще одно разочарование. И что же планирует наш седоволосый прокурор?

Пришлось подождать, пока Игорь не найдет соответствующий фрагмент.

— Он планирует получить заключение эксперта по вопросу терапевтической технике, использованной в отношении покойника, а так же обследовать его профессиональное и товарищеское окружение, чтобы подтвердить или исключить предыдущие контакты со свидетелями. Ну а помимо того: рутинные действия, бла, бла, бла.

Он громко причмокнул.

— Да, это уже хуже.

— Лично я бы не беспокоился, — заявил Игорь.

— Почему?

— Хенрик не был особо общительным, равно как ни особенно активным профессионально, с нами встречался от случая к случаю. Ладно, расспросят несколько знакомых, возможно, парочку контрагентов «Польграфекса». Не думаю, чтобы это могло нам как-то угрожать. Будем держать руку на пульсе и в режиме реального времени получать сведения из полицейского управления и прокуратуры. А кроме того, у нас на голове имеются более срочные и гораздо более сложные дела.

Мужчина согласился с Игорем. Делу Теляка они не могли посвятить ни особенных сил, ни средств. А поскольку все указывало на то, что все уйдет в песок, и единственным результатом станет очередное «NN» в статистических отчетах Министерства Юстиции — и правда, беспокоиться было не о чем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

четверг, 9 июня 2005 года

Фирма «Триумф» представляет в Японии экологический бюстгальтер — мало того, что при соединении чашечек мы получаем модель земного шара, он полностью биологически разлагается. Лямки через несколько лет превращаются в компост. Из исследований можно сделать вывод, что 37 процентов поляков более всего любит сливочное мороженое, 25 — ванильное, а 22 — шоколадное. Тем временем, в Африке ежедневно 25 тысяч человек умирает от голода и недостатка воды, — рассказывает Боно^[64] председателю Европейской Комиссии. Польские коммунисты угрожают забастовками. Профсоюзы соглашаются на реструктуризацию с человеческим лицом, а не на такую, что вызывает «террор и бедность». Цимошевич «обдумывает смену решения»; Качинский I отрицает информацию, якобы он назвал депутата Зыгмунта Вржодака «люмпеном», ну а Качинский II на сей раз запрещает проведение маршей равенства; гомосексуалы призывают к гражданскому непослушанию. В предпоследнем матче суперлиги «Легия» победила валяющуюся во второй эшелон команду GKS Катовице, а Дариуш Дзекановский попал в Галерею Знаменитостей клуба с Лазенковской за 45 голов в 101 матче.^[65] Городская полиция начала патрулировать Старувку^[66] в электрокарах, возбуждая смех больше обычного. Уголовная же полиция схватила убийцу двадцативосьмилетней женщины. Пара познакомилась через Интернет, мужчина после убийства украл компьютер, который полиция нашла у него дома, где он проживал с беременной женой. Больница на Банаха по причине недостатка средств начала отправлять ни с чем больных с новообразованиями. Максимальная температура — 16 градусов, прохладно и облачно, но без осадков.

Крутое яйцо в соусе «тартар», обогащенном большим количеством зеленого горошка. Нет в Варшаве юриста, который не знал бы этого деликатеса, культовой позиции в меню буфета Окружного суда в Варшаве.

Теодор Шацкий взял две порции — для себя и для Вероники — поставил их на пластиковом подносе, рядом с двумя стаканами кофе-заливайки и поднес к столику. Как же не хватало ему старого судебного буфета — заполненного запахами пережаренной пищи и паршивых сигарет огромного зала с пожелтевшими от старости, грязи и жира стенами, высотой в десять метров, с металлическими столиками, тут же заставляющими вспомнить зал ожидания провинциального вокзала. Волшебное место: восхождение на высокие ступени, ведущие к буфету, было чем-то вроде взгляда в микроскоп на отрезок головной артерии системы юстиции. Судьи — как правило, на галерее, за обедом из двух блюд, по одному. Адвокаты — как правило, все вместе, с кофейными чашками, сидящие, закинув ногу на ногу, сердечно и в то же самое время как бы нехотя, беззаботно приветствующие друг друга, как будто бы заскочили в клуб на сигару и стаканчик виски.

Свидетели из преступного мира: крупные мужчины и исхудавшие женщины в вечернем макияже — чувствующие здесь так же уверенно, как и где-либо еще. Какие-то типы, склонившиеся над куском мяса, какие-то тетки, посасывающие минералку прямо из бутылки. Родственники жертв: серые, опечаленные, всякий раз каким-то чудом находящие для себя самый паршивый столик, подозрительно глядящие на всех присутствующих. Прокуроры: питающиеся в одиночку, едящие лишь бы что и лишь бы как, лишь бы отбыть.

Многие осознают, что ничего не успевают, чтобы ни сделали — все равно, будет мало, вечно что-то останется на следующий день, который ведь уже распланирован с первой до последней минутки. Взбешенные по причине каждого устраиваемого перерыва, слишком короткого, чтобы что-нибудь сделать, и слишком длинного, чтобы спокойно этот перерыв вынести. Судебные журналисты — слишком много народа у столика, на котором просто не было места для всех кофе, сигаретных пачек, пепельниц и тарелок с язычками. Излишне громкие, перебрасывающиеся шутками и анекдотами, чуть ли не каждую минуту схватывающиеся с места, чтобы приветствовать знакомого юриста, оттащить его в сторону, задать шепотом вопрос. Остальные поглядывали в его сторону, любопытствуя, а знает ли тот чего-то, чего они не знают. — Есть какие-нибудь нюсы? — спрашивали они коллегу после возвращения, зная, что тот ответит неизменной шуткой: — Дв ну, ничего особенного, завтра прочитаете в газете.

В новом буфете того настроения не было ни на грош, все казалось каким-то... обыденным. Вероника недавно добила его заявлением, что здесь чувствует себя хорошо, поскольку атмосфера точь-в-точь как в столовке мэрии.

Шацкий присел рядом с женой, поставив возле нее кофе и яйцо. Вероника выглядела прекрасно: жакет, макияж, тонкая бордовая блузка, декольте. Когда они встретятся вечером, на ней будет футболка, тапки из Икеи и маска целодневной усталости.

— Господи, насколько же гадкое дело, — сказала она, добавляя в кофе сливки из пластикового стаканчика.

— Снова Берут?^[67] — спросил Теодор. — Большая часть дел, которые вела Вероника, касалась недвижимости, которой люди были лишены после войны в силу декрета Берута. Да,

дома они теперь получали назад, но если в течение всего этого времени несколько коммунальных квартир было продано нанимателям, то бывший владелец — де факто — получал лишь часть дома. Потому он подавал иск городу о компенсации. Каждое такое дело было нудной лотереей, иногда с помощью юридических крючков можно было сбросить обязательства на бюджет государства, а не города, иногда оттянуть, и очень редко когда выиграть.

— Нет, к сожалению, нет, — Вероника сняла жакет и повесила на спинку стула. Блузка ее была с очень короткими рукавами, Теодор видел шрамик после прививки туберкулеза, и вдруг ему ужасно захотелось секса. — Город признает целевые дотации массе различных организаций, по которым те должны потом отчитаться. Год назад мы предоставили небольшие деньги клубу на Праге,^[68] который занимается опекой детей со СПИДом и разными другими заболеваниями. В основном, это дети из семейств, живущих там же, на Праге, так что можешь себе представить. Так вот, мы получили отчет, где черным по белому указано, что из этих денег они заплатили за электричество, иначе им бы его отрезали, но ведь фонды они получили на терапевтическую деятельность.

— Трудно вести терапевтическую деятельность без электричества, — прокомментировал он.

— Господи, Тео, чего ты меня агитируешь. Но директивы остаются директивами. Раз они неправильно использовали дотации, то я обязана написать, чтобы деньги вернули...

— А они, естественно, не возвращают, потому что не из чего.

— Поэтому мы обязаны заявить иск. Понятное дело, что мы выиграем, вышлем судебного исполнителя, тот тоже ничего с них не выдавит, полнейшая фикция. Понятное дело, эти педагоги уже были у меня, плакали, умоляли, через пару минут то же самое повторится и в судебном зале. Только ведь я и вправду ничего не могк. — Она закрыла лицо руками. — Предписания — это предписания.

Шацкий склонился к ней, взял за руку и поцеловал внутреннюю часть ладони.

— Зато ты выглядишь ужасно сексуально, — сообщил он.

— А ты — извращенец. Отстань от меня, — рассмеялась Вероника и охватила ноги мужа своими. — Самая лучшая пора для секса, разве нет? — заурчала она. — А вечером снова не будет хотеться.

— Сделаем себе кофе и поглядим. А вдруг и удастся.

— Тогда я заварю большой кофейник, — она провела пальцем по краю блузки, еще сильнее открывая декольте.

— Только оставайся в этой блузке.

— Что, футболка с медвежонком уже не нравится?

Теодор не мог не рассмеяться. Вероника была ближайшим ему человеком, и он жалел, что не может рассказать ей о всех своих метаниях, опасениях и надеждах, связанных с Моникой. Он хотел бы открыть бутылку «карменер» или «примитиво»,^[69] сесть рядом с ней в постели и рассказывать забавные анекдоты, как боялся заказать торт из безе, чтобы не нужно было сражаться с ним на глазах девушки. Смешно? Смешно. Рассмеялась бы она? Вовсе нет. Практически все они делали вместе, но вот изменять ей следует отдельно.

Они еще немного позаигрывали друг с другом, потом Вероника быстро побежала наверх, а он еще ненадолго остался, чтобы просмотреть газету. В качестве исключения сегодня там было кое-что любопытное: интервью с начальницей тюрьмы в Пулавах. Та рассказывала об осужденных женщинах, чаще всего — жертвах домашнего насилия, которые,

в один несчастный день сорвались. Очень часто, с окончательным результатом. Именно этот случай относился к Мариоле Нидзецкой. Он был обязан ее обвинять. И он не знал: а в чем. То есть, он, конечно же, знал, но знал и то, что его квалификация доведет офисных крыс из надзора до сердечного приступа. Если, естественно, Хорко это пропустит.

А если не считать этого, все остальное в норме: интервью с Чимошевским, который «при столь сильном давлении» обязан серьезно подумать о том, чтобы поменять собственное мнение. Шацкий надеялся на то, что порповский вундеркинд прочтет сегодня всю газету, потому что через несколько страниц писали об американских исследованиях, из которых на все сто следовало, что избиратели у самой урны руководствуются внешним видом кандидата, а не его компетенциями. Или я ошибаюсь? — размышлял Шацкий, втискивая газету в папку. Может его лисья рожа выиграет выборы?

Теодор покинул судебные катакомбы и вышел в холл, в котором могли бы поместиться несколько железнодорожных составов. Солнце заглядывало в гигантские окна и пробивало в пыли коридоры, словно в готическом соборе. Когда-то здесь можно было курить, теперь же Шацкому на первую из трех сегодняшних сигарет нужно было выходить во внутренний двор.

— Добрый день, пан прокурор, сигаретку может? — услышал он, едва вышел из тяжелых поворотных дверей.

Богдан Небб, «Газета Выборча». Единственный журналист, с которым контактировал без отвращения. Не считая Моники. Шацкий глянул на протянутую в его сторону пачку R1 minima.

— Спасибо, но предпочитаю свои, — ответил Теодор и сунул руку в карман пиджака за серебрястой пачкой benson amp;hedges, которые с недавнего времени, наконец-то, стали доступны в Польше. Правда, ему казалось, что их вкус был хуже, чем тогда, когда покупал их за границей. Мужчины закурили.

— На следующей неделе начинается процесс Глинского. Будете обвинителем? — спросил журналист.

— Как раз пришел просмотреть материалы дела перед процессом.

— Любопытное дело. Не слишком очевидное.

— Как для кого, — лаконично ответил Шацкий, не желая признать того, что Небб прав. А ведь был прав. Доказательный материал был таким себе, и хороший адвокат мог дело выиграть. Лично сам он знал, как усомниться в собранных самим собою уликах. Вопрос, знает ли об этом адвокат Глинского.

— Вы будете настаивать на этой квалификации?

Шацкий усмехнулся.

— Пан обо всем узнает в зале.

— Пан прокурор, но ведь после стольких лет...

— Пан Богдан, и после стольких лет вы пытаетесь от меня что-то вытянуть...

Журналист сбил пепел в заполненную до краев пепельницу.

— Я слышал, пан ведет следствие по делу убийства на Лазенковской.

— Просто как раз было мое дежурство. А я думал, что текущими уголовными делишками вы не занимаетесь.

— Коллеги рассказывали, что дело интересное.

— А мне казалось, что теперь вы осторожнее подходите к своим источникам в полиции, — сказал Шацкий, намекая на громкую за последнее время аферу, когда «Выборча» в понедельник написала про банду, во вторник и среду упиралась на своем,

несмотря на очередные опровержения, а в пятницу засыпала своих информаторов, утверждая, будто бы те сознатели ввели их в заблуждение. Для Шацкого это было доказательством верности основного принципа, которым он руководствовался при контактах со средствами массовой информации: никогда не говори ничего такого, чего бы те и так не знали.

— Пресса тоже совершает ошибки, пан прокурор. Как и всякая власть.

— Разница заключается в том, что прессу мы не выбираем в результате всеобщих выборов, — отрезал Шацкий. — История учит нас, что самозванная власть совершает более всего ошибок. И искуснее их затушевывает.

Журналист усмехнулся под нос и затушил сигарету.

— Но ведь как-то оно все работает, разве нет? До встречи в зале, пан прокурор.

Шацкий кивнул ему, вернулся в здание и глянул на старинные часы, висящие в прихожей над раздевалками. Поздно. А ведь нужно было еще столько сделать. И снова он почувствовал себя усталым.

Теодор Шацкий уселся на кровати, на которой почти две ночи провел Хенрик Теляк. Из папки он вынул протокол осмотра места происшествия, еще раз перелистал, хотя и делал это уже раньше. Ничего здесь не было, сплошные очевидности... Ладно, еще раз. Разочарованно он отложил протокол, оглядел темное помещение. Кровать, столик при кровати, лампа, коврик из Икеи, мелкий шкафчик, зеркало на стене, распятие над дверью. Даже стула не было. Одно небольшое окно с двумя ручками; краска лущилась, а стекла просили, чтобы их вымыли еще и с другой стороны.

Перед тем Шацкий осмотрел и другие комнаты — все выглядели точно так же. По дороге на Лазенковскую он думал, что, может, что-то его вдохновит, что он увидит какую-то мелочь, интуиция подскажет, кто убийца. Только ничего такого не случилось. Со двора — теоретически на ночь запираемого, только Шацкий не верил, чтобы кто-либо за этим следил — через некрасивые коричневого цвета двери можно было войти в холл. Оттуда можно было пройти в трапезную, в небольшой зал, где был найден труп, или же отправиться дальше по узкому коридору, ведущему к кельям (всего их было семь) и туалету. Дальше уже находился следующий холл и переход в другую часть монастыря. Хотя Шацкий и не был уверен, а можно ли вообще применить здесь слово «монастырь». Если глядеть на здание снаружи — тогда да. А изнутри все это походило напущенную, много лет не отремонтированную контору. Темную и мрачную. Переход запирался сосновыми дверьми, которых никто никогда не отпирал.

Безнадега, — подумал Шацкий. Когда полиция обыскивала эти помещения — а также личные вещи всех свидетелей — сразу же после обнаружения останков, не было найдено ничего такого, что имело бы отношение к делу. Ничего, что можно было бы рассматривать в качестве улики или хотя бы тени улики. Бе-на-де-га. Если завтра после посещения эксперта ничего не возникнет, с понедельника придется засесть за наркотиками.

Шацкий буквально подпрыгнул, когда двери неожиданно открылись, и в них возник ксёндз Мечислав Пачек. Кузнецов в чем-то был прав, говоря, что все они выглядят как страстные онанисты. Все священники, которых Шацкий встречал в течение собственной карьеры, всегда казались какими-то размытыми, с туманным взглядом и какими-то размякшими, ну совсем так, будто бы слишком засиделись в ванне с горячей водой. ксёндз Пачек со своей добродушно-озабоченной улыбкой на их фоне ничем не отличался. Ладно, почти не отличался. Разговаривал он быстро, без священнической масляности, в ходе беседы вызывал впечатление человека конкретного и быстро все схватывающего. Шацкий посчитал, что душепастырь не может сказать ничего такого, что могло бы помочь. Очередное разочарование.

— Ну что, пан нашел что-нибудь? — спросил священник.

— К сожалению, ничего, отче, — ответил Шацкий, поднимаясь с койки. — Похоже, что только чудо способно подтолкнуть следствие вперед. Если отец может что-нибудь сделать по данному вопросу, — красноречиво поднял он глаза горе, — я буду только благодарен.

— Вы объявили себя на надлежащей стороне, пан прокурор. — Священник сплел пальцы, как будто бы сразу же хотел пасть на колени и помолиться за успех следствия. — А это означает, что у пана могучие союзники.

— Возможно, они настолько могущественные, что даже и не знают, что где-то там, в

окопах несколько солдат союзной армии пытается противостоять превышающим силам противника. Может быть, они посчитали, что данный участок фронта уже утрачен, так что снаряды следовало бы нацелить куда-нибудь в другую сторону?

— Вы, пан прокурор, не один из немногих солдат, но лейтенант большой армии, силы врага не такие уже преогромные, а ваш участок фронта всегда будет одним из самых важных.

— Ну а мог бы я получить хотя бы ружье, которое не дает осечек?

Ксёндз Пачек рассмеялся.

— Ну, об этом просите сами. Но я могу дать вам кое-что иное. Не знаю, пригодится ли это, мы нашли это вчера в часовне. Я уже собирался было звонить в полицию, но подумал, раз уж вы здесь будете, то я ведь могу сам передать это вам. Мне кажется, что это принадлежало несчастной жертве, поскольку на обороте выгравировано имя Хенрика Теляка, а из газет помню, что беднягу звали Хенриком Т.

Говоря это, он подал Шацкому небольшой, серебристо-красный цифровой диктофон.

Прокурор взял его в руку и невольно глянул на висящий над дверью крест.

Даже верить не хочется, подумал он.

В помещении для проведения допросов полицейской комендатуры на Вильчей находились: Шацкий, Кузнецов, диктофон Теляка и запасные пальчиковые батарейки.

— Ты умеешь этим пользоваться? — спросил полицейский, крутя в ладони электронный гаджет.

Шацкий отобрал у него диктофон.

— Да любой может. Это же магнитофон, а не томограф.

— Да нуу?! — Кузнецов откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — А куда вставляют кассеты?

Шацкий искривил губы в подобии улыбки. Настолько лишь, чтобы показать, что шутку понял. Полицейский повел глазами и взял лежащую на столе тетрадку на 16 листов с такой на обложке. На первой странице большими буквами он красиво написал: *Урок 1. Тема: Допрос магнитофона без кассеты.*

— Ну что, можно? — спросил Шацкий. — Или сначала нужно пройти тренинг по пожарной безопасности?

— Нафиг с тренингами, — конспиративно прошептал Олег. — Пошли-ка лучше в раздевалку. У девиц физра. Анка обещала, что за шоколадку покажет мне сиськи без лифчика.

Это Шацкий комментировать не стал, просто вопросительно сморщил брови. Кузнецов лишь вздохнул и мотнул головой.

Шацкий нажал на клавишу «play» с таким напряжением, как будто бы на диктофоне было записано, как минимум, признание убийцы в собственной вине. Из динамика поначалу раздались какие-то шорохи, а потом удивительно высокий голос Теляка:

— Двадцать третье мая две тысячи пятого года, время: десять утра. Встреча представителей фирмы Польшграфекс с оптовыми торговцами типографских красок Каннекс. Со стороны Польшграфекса присутствуют: Хенрик Теляк...

Запись продолжалась около часа, в ней было полно непонятных терминов, типа ЦМЫК, пантон, заливка, нокаут фонтов^[70] и т. д. Шацкий опасался, несмотря на все уговоры Кузнецова, пользоваться перемоткой, чтобы ничего не упустить. Полицейский демонстративно зевал и рисовал в своей тетрадке абстрактные картинки и голых женщин. И то, и другое — совершенно неумело. Тем не менее, когда оказалось, что следующая запись — это встреча на фирме на тему маркетинга и продаж, Шацкий сдался и воспользовался ускоренной прокруткой, каждые три минуты проверяя, не пропустил ли чего. Но он знал, что потом и так придется прослушать абсолютно все. Быть может, попадет на какие-нибудь ссоры по поводу денег, возможно, узнает случаем о каких-то напряжениях по работе. Такого мотива исключать нельзя.

Но в ходе беглого прослушивания этого и нескольких последующих скучных деловых протоколов он так и не нашел чего-либо, способного его заинтересовать. У него склеивались глаза при мысли, что придется воспроизвести всю эту нудятину еще раз. Он нуждался в кофе. Олег охотно смылся из комнаты и вернулся через несколько минут с двумя порциями бурды цвета воды из Вислы.

— Кофе-машина у них испортилась, — пояснил он, ставя перед Шацким пластиковый стаканчик.

Индикатор показывал, что остались только три записи. Вообще-то, Шацкий уже согласился с мыслью, что на них ничего не будет, и диктофон окажется такой же обманкой, как и все остальное в этом следствии.

Он нажал на «play».

— Суббота, четвертое июня две тысячи пятого года, время: одиннадцать ноль ноль. Системно-семейная расстановка с участием...

— Я прошу прощения, но что это пан делает?

Шацкий узнал голос Рудского, только на этот раз не терапевтически-спокойный, но агрессивный и переполненный претензиями.

— Записываю на диктофон, — ответил Теляк, явно удивленный такой атакой.

— Немедленно выключите, — твердо заявил Рудский.

— Но почему? Раз вы сами записываете наши сеансы, то я ведь тоже могу.

— Исключено. вы здесь не один, ваша запись была бы нарушением приватности остальных пациентов. Вся терапия и так будет записана на видео, и единственная кассета останется у меня. Повторяю: немедленно спрячьте это.

В этот момент Теляк был вынужден выключить диктофон. Кузнецов глянул на Шацкого.

— Чего-то наш докторишка разволновался... — сказал он.

Действительно, Шацкий был удивлен. В том числе и тем, что никто из остальных участников терапии не сказал ни слова.

Еще два файла. Он нажал на «play».

Тишина, только тихий шелест, как будто бы диктофон случайно включился в кармане. А потом перепуганный голос Теляка:

— Суббота, четвертое июня две тысячи пятого года, время... наверное, одиннадцать ночи, не уверен. Я ни в чем уже не уверен. Нужно как-то проверить, что это не сон, не бредовое состояние, что я не схожу с ума. Возможно ли, что я свихнулся? Или это уже конец? Рак? Или я только переутомился? Я просто обязан это записать, такое же невозможно... Но если мне это снится, и все это я записываю во сне, а через минуту мне приснится, что я все это слушаю, то тогда... И, тем не менее...

Что-то стукнуло, как будто бы Теляк положил диктофон на пол. Потом зашуршало. Шацкий увеличил громкость звука. Слышен был шелест и ускоренное дыхание Теляка, а еще странное чмоканье, как будто бы мужчина нервно и беспрерывно облизывал губы. А больше ничего. А может у него и вправду крыша поехала, подумал Шацкий, после терапии что-то в голове перещелкнуло, и вот теперь он пытается записать собственные галлюцинации. Вдруг прокурор замер, мышцы шеи болезненно напряглись. Из микроскопического динамика раздался тихий девичий голос:

— Папочка, папочка...

Шацкий нажал на клавишу «пауза».

— Это только у меня галюники, или ты тоже слышал? — спросил Кузнецов.

Прокурор глянул на него и отжал клавишу.

— Д-да? — прохрипел Теляк.

— Папочка, папочка...

— Это ты, принцесс? — голос Теляка звучал так, словно сам он давно уже был мертв. У Шацкого сложилось впечатление, будто он слушает беседу двух упырей.

— Папочка, папочка...

— Что, милая? Что случилось?

— Я по тебе скучаю.

— И я по тебе, моя принцесса.

Долгая тишина. Слышен только шелест и чмокания Теляка.

— Мне уже пора уходить.

Теляк заплакал.

— погоди, поговори со мной. Ведь тебя так долго не было.

— Мне уже пора, папочка, честное слово.

Голос девочки становился все более слабым.

— Ты еще придешь ко мне? — захныкал Теляк.

— Не знаю, нет, скорее всего... нет, — ответил голос. — А может ты когда-нибудь придешь ко мне. Когда-нибудь... Пока, папочка, — последние слова были практически неслышимыми.

Конец файла.

— Здесь имеется еще одна запись, — сообщил Шацкий.

— А может ненадолго прервемся, — предложил Кузнецов. — Я сметаюсь за бутылкой водки или за мешком успокоительного. Ага, ну да, еще тарелка, свечка и картонка с буквочками, чтобы мы смогли вызвать дочку Теляка в качестве свидетеля. Ты можешь представить себе судью, который получил бы такой протокол? Родившаяся тогда-то, проживавшая там-то, умершая тогда-то под присягой дает следующие показания...

— Ты думаешь, это Ярчик или Квятковская?

— Хрен его знает, голос не похож. — Кузнецов залил в себя остатки кофе и неточным броском послал стаканчик в мусорную корзину. Коричневые капли забрызгали стену.

— Но он едва слышимый. Вышли кого-нибудь к обеим с какими-нибудь глупостями, пускай все это запишет, мы отдадим для сравнительного анализа. У ваших ребят из городской лаборатории появились новые цапки для фонографии, они с удовольствием сделают.

— А еще кого-нибудь я пошлю и к жене Теляка, — сообщил Кузнецов.

— Не думаешь же ты...

— Я ничего не думаю, я всего лишь здоровенный русак. Проверяю и исключаю поочередно.

Шацкий кивнул. Кузнецов был прав. Конечно, сложно было представить супругу Теляка, проехавшую через всю Варшаву ночью, чтобы затаиться под дверью собственного мужа и изображать покойную дочку. Но каждый день он сталкивался с фактами, которых еще час назад он просто представить себе не мог.

И он в последний раз нажал на «play».

— Воскресенье, пятое июня две тысячи пятого года, время... пять минут первого ночи. — Голос Теляка был голосом человека ужасно уставшего и обессиленного. Он должен был находиться в другом месте, возможно — в часовне. — Я записываю это для своей жены, Терезы.^[71] Извини, что я говорю тебе таким вот образом; было бы правильнее написать письмо, но ты же прекрасно знаешь, как я всегда ненавидел писанину. Конечно, сейчас я мог бы сделать исключение, быть может, даже обязан, но мне кажется, что это не имеет значения. То есть, возможно, для тебя значение и имеет, мне всегда было сложно разобраться, что для тебя важно, а что — нет.

Неожиданно Теляк снизил голос, вздохнул, а через какое-то время продолжил:

— Но давай перейдем к делу. Я решил покончить с собой.

Шацкий с Кузнецовым одновременно глянули друг на друга, подняв брови в одинаковом жесте изумления.

— Быть может, это тебе и безразлично; возможно, ты спросишь: зачем? Мне сложно тебе это объяснить. В какой-то степени затем, что мне уже незачем жить. Ты меня не любишь, что я всегда прекрасно понимал и знал. Возможно, что ты меня даже ненавидишь. Каси нет с нами. Единственное, что ожидает меня впереди, это смерть и похороны Бартека, а этого ожидать мне не хочется. Неприятно, что я оставляю тебя с этим, но, честное слово, я уже не в состоянии вынести мысли, что нужно будет пережить следующий день. К тому же сегодня я узнал, что это я виновен в смерти Каси и в болезни Бартека. Может это правда, может и нет, не знаю. Но, возможно, моя смерть приведет к тому, что Бартек почувствует себя лучше. Звучит это абсурдно, только кто знает — может оно и правда. Странно, у меня создается впечатление, будто бы я по кругу повторяю одни и те же слова и обороты. В любом случае, при жизни я не был особенно близок ему, так что, по крайней мере, моя смерть на что-нибудь ему пригодится. Ну, и есть еще одна причина, возможно, самая главная — мне не хочется ждать много лет, чтобы встретиться с моей принцессой в Нангиджали. Я знаю, что ты эту книжку не любишь, знаю, что наверняка нет ни Нангиджали, ни Нангилимы, нет ни неба, ни чего-либо иного. Пустота. Но я предпочитаю пустоту своей жизни, наполненной печалью, скорбью и чувством вины. Столько смерти вокруг меня — похоже на то, что я опасен для окружения. Так что будет лучше, если я уйду. Относительно денег не беспокойся. Тебе я об этом не говорил, но я застрахован на высокую сумму, а Игорь ведет для меня доверительный фонд. Ты уполномочена пользоваться счетом, достаточно будет ему позвонить. Он знает и то, где я застрахован. Эти средства предназначались для детей, возможно, они пригодятся на операцию для Бартека, если появится возможность пересадки за границей. Поцелуй его от меня и помни, что я всегда любил тебя сильнее, чем ты это в состоянии себе представить. Теперь мне следует сказать: не плачь, Ядзя, ^[72] увидимся в Нангиджали. Только не думаю, чтобы ты так уж отчаивалась. Не кажется мне, чтобы ты желала встретиться со мной и после смерти. Потому говорю лишь: пока, дорогая.

Запись прекратилась резко, словно бы Теляк боялся того, что еще может сказать. Последнее слово даже не прозвучало как «дорогая», а только «дорог». Кузнецов закрутил диктофон на столе юлой. Мужчины сидели молча, обдумывая то, что только что услышали.

— Вот до сих пор не хочется мне верить, что он совершил самоубийство, — сказал русский. — Ты это себе можешь представить? Мужик записывает предсмертное письмо, идет нажраться таблеток, но через мгновение передумывает и сует два пальца в горло. Одевается, собирает вещи, выходит. Но по дороге передумывает, хватается за вертел и втыкает его себе в глаз. Лично я под таким не подписываюсь.

— Я тоже, — Шацкий крутнул диктофон в другом направлении. — Но под взломщиком тоже не подписываюсь. Эта злость на сессии, Ярчик со своими таблетками, кто-то — может быть, Квятковская — изображает из себя призрак дочери Теляка. Слишком много всего случается, чтобы этот вертел был случайным. Но вся закавыка в том, что помимо фантастической теории терапевтического поля, которое передает ненависть между людьми, у нас нет ничего, что подсказывало бы нам мотив.

— Или это мы не способны его заметить.

Кузнецов вслух повторил мысль Шацкого, так что последнему оставалось лишь понимающе кивнуть.

— Но в конце концов нам все удастся, — прибавил он чуть погодя. — Пока что я завтра встречусь с экспертом, а ты устроишь фонографию, узнаешь, кто такой этот Игорь, и допросишь его. Еще нужно будет списать содержимое диктофона, а прощальное письмо передать вдове. Созвонимся вечером. Или заскочи ко мне в контору. Наверняка я буду сидеть там допоздна; там вагон и маленькая тележка бумажной работы. Сегодня нужно будет подать заявку на скоросшиватели.

— Есть еще один вопрос, на который я никак не могу найти ответа, — сказал Кузнецов, стуча толстым пальцем по диктофону.

— Ну?

— Так куда сюда вставляют кассеты?

«Помню, что с самого утра я чувствовала себя ужасно уставшей», — то были первые слова Мариоли Нидзецкой, которые она произнесла на допросе через семь часов после убийства собственного мужа. Было начало второго ночи, и Шацкий хотел инстинктивно сказать, что и он особо не отдохнул, но сдержался. И к счастью. Через полчаса он уже знал, что никогда не был и никогда не будет столь уставшим, как тем утром была Мариоля Нидзецкая.

Женщине было тридцать пять лет, выглядела лет на десять старше; исхудавшая блондинка, с плохо подстриженными редкими волосами, склеившимися в спадавшие вдоль щек стручки. Правую руку она положила на колени, левая висела, согнутая в локте под неестественным углом. Потом Шацкий узнал, что пять лет назад муж сломал ей эту руку, поместив ее на столе и несколько раз ударяя кухонным табуретом. После пяти ударов сустав был разможен. Реабилитация не помогла. Нос у Нидзецкой был слегка сплюснен и искривлен влево, ей приходилось дышать ртом. Впоследствии он узнал, что два года назад муж сломал его ей разделочной доской. Редкие волосы не могли скрыть деформированного уха. Потом Шацкий узнал, что год назад муж «выгладил» ей это ухо раскаленным утюгом, после того как посчитал, что супруга не в состоянии правильно выгладить ему рубашку. Стой поры она плохо слышит, иногда кажется, будто бы что-то шумит.

— А вы никогда не снимали побои? — спросил Шацкий.

— Не всегда, но иногда снимала. Потом он узнал, что ее карточка в районной поликлинике была толщиной с телефонную книжку. Во время чтения материалов ему все время казалось, что это исторические документы, касающиеся пыток заключенных в лагерях смерти.

— Почему пани не подала иск об издевательствах над ней?

Подавала, пять лет назад. Когда муж об этом узнал, то чуть ее не прибил. Да еще порезал одноразовой бритвой. Приговор был такой: два года с пятилетним испытательным сроком. Из зала суда возвратился мрачным, так что все закончилось лишь изнасилованием. Сама она ожидала, что будет хуже. «Я теперь могу в отсидку идти, так что ты смотри, — предупредил он. — Если меня прищучат, ты будешь землю жрать». «Ты никогда такого не сделаешь, — вырвалось у нее. — Иначе у тебя не будет над кем издеваться». «У меня дочка имеется, так что справлюсь», — ответил тот на это. И она ему поверила. Но с того дня, на всякий случай, подходила к нему сама.

— Но иногда я размышляла о том, как бы оно было, если бы его не было. Если бы его вообще не было.

— То есть, пани планировала его убийство? — спросил Шацкий.

— Нет, не планировала, — ответила женщина, а он облегченно вздохнул, потому что тогда не оставалось бы ничего, как только обвинить ее в преступлении согласно статье 148, параграф первый. Нижняя граница наказания тогда составляет восемь лет. — Нет, я просто так думала, как бы оно было.

В тот день, когда она проснулась настолько уставшей, Зузя^[73] вернулась из школы в слезах: с одноклассником поссорилась. Парень ее рванул к себе, она вырвалась. Лямка ранца лопнула. «Ага, выходит, ты с мальчишками дралась», — констатировал муж, когда они все вместе обедали, голубцы в томатном соусе и картофельное пюре. Его любимое блюдо. Зузя

тут же стала все отрицать: сказала, что это не она кого-то дергала, но ее дергали. «Вот так, совершенно без причины?» — спросил муж, смешивая пюре с томатным соусом, превращая все в розовую размазню. Девочка сразу же кивнула. Нидзецкая видела, что дочка сделала это слишком резко. Сама же она одеревенела от испуга, понятия не имея, что делать. Она понимала, что муж захочет наказать Зузю. И она знала, что придется встать на защиту девочки, после чего муж ее просто убьёт. И тогда уже никто Зузю не защитит, точно так же, как никто и никогда не защитил ее саму.

«Хорошо, — сказал тот после обеда, вытирая рот салфеткой. На салфетке остался розовый след, как после мокроты туберкулезника. — Ты должна понять, что провоцировать мальчишек на драки не следует». «Я поняла», — ответила Зузя, до которой только сейчас дошло, к чему с самого начала сводился этот разговор, но было уже поздно. Ты должна понять, — пояснял муж, — что если сейчас я просто дам тебе затрещину, ты просто забудешь, что так поступать нельзя. Иначе уже завтра ты об этом позабудешь, послезавтра случится то же самое, а через неделю все будут считать тебя хулиганкой, а с такой этикеткой по жизни идти нелегко».

Девочка разрыдалась.

«Вот только не надо мне тут истерик», — раздраженно заявил муж. — Пускай это уже будет за нами. Поверь, для меня это труднее, чем для тебя.

Он встал, поднял дочку со стула и потянул в ее комнату.

— Я сидела как парализованная. Раньше он уже иногда бил ее, но по сравнению с тем, что творил со мной, это было считай что ничто. Я радовалась, что он относится к ней так по-доброму. Теперь же я чувствовала, что он может сделать нечто большее, тем не менее, надеялась, что он ударит ее только пару раз.

— Почему пани не позвонила в полицию?

Женщина пожала плечами.

— Боялась, что он услышит. Боялась, что если он узнает, то что-то сделает Зузе. Боялась, что даже если и позвоню, то ответят, что они мне не охранники. Такое уже случалось пару раз.

— И что вы сделали?

— Ничего. Ожидала, что будет происходить. И тут увидела, как с вешалки он снимает плетёный кожаный поводок. Когда-то у нас был пес, лохматый такой волкодав. Пару лет назад его переехал автобус, а я никак не могла выбросить этот поводок. Я так любила нашу собаку. И тогда я начала кричать, чтобы он немедленно оставил поводок на месте, иначе я позвоню в полицию, и он отправится в тюрьму.

— И что тогда произошло?

— Он заявил, чтобы я не вмешивалась и вспомнила, о чем он говорил раньше. Тогда я ответила, чтобы он тоже был осторожен, ведь он не бессмертный. Тогда он отпустил дочку, подошел ко мне и хлестнул этим собачьим поводком. И даже не было больно, так как основной удар пришелся на волосы, только самый конец поводка захлестнул мне голову и рассек губу, — коснулась она пальцем засохшего струпа в уголке рта. — Зузя, естественно, громко заревела. Тогда он взбесился, начал вопить, что мы обе запомним сегодняшней день. Тогда я поднялась с места. Он запмахнулся поводком, но я подняла руку, и поводок захлестнуло мне на предплечье. Вот это его ужасно рассердило. Он пихнул меня на столешницу, но поскольку мы были связаны тем поводком, то упали на стол вместе. Я боялась, что тут мне и конец. Я вытянула руку, схватила хлебный нож и выставила в его

сторону. Я не хотела его убивать, мне просто хотелось, чтобы он перестал. Он полетел на меня, потерял равновесие...

— Почему вы не отвели руку с ножом?

Женщина облизала губы и глянула на прокурора. Очень долго. Шацкий понял, что запротоколировать ничего не сможет. Но ведь хоть что-то записать следует. Не спуская глаз с прокурора, женщина открыла было рот, но тут он незначительно покачал головой. Она поняла. И вместо того, что наверняка собиралась сказать, то есть: «мне этого не хотелось», она ответила:

— Я не успела. Все случилось в одно мгновение.

И таким вот образом на Земле стало на одну сволочь меньше, хотелось ему выразить соль этой беседы. Но не сказал ничего, позволив женщине закончить свою историю. Следствие подтвердило, что жизнь женщины представляла собой ад. Даже родственники жертвы не оставили на нем сухой нитки. Тесть Нидзецкой все удивлялся, что не живет его сын, а не невестка. «Но это очень даже хорошо, очень хорошо», — непрерывно повторял он.

Простое дело. По крайней мере, для полиции. Задержали, допросили, получили признание в вине, конец. Все остальное, это уже работа для прокурора и суда. Полицейскому не нужно было раздумывать, какая статья уголовного кодекса была нарушена, как квалифицировать деяние, какого наказания потребовать. Над полицейским не было надзора в виде отдела подготовительного разбирательства, который бы писал ему письма с требованиями, что виновника следовало бы схватить иным образом. Шацкий частенько задумывался над тем, а был бы он лучшим полицейским, чем прокурором. Он и так выполнял кучу действий, о которых его коллеги знали только то, что таковые существуют. Он ездил на место происшествия, на вскрытия, случалось даже побеспокоиться к свидетелю, чтобы допросить его на месте. Да, редко, но все-таки. Хотя, с другой стороны, как полицейский, часто живущий на границе с преступным миром, идущий на уступки, раз за разом прикрывающий глаз взамен за нечто, он не имел бы того удовлетворения от бытия частью той юридической машины, цель которой заключается в восстановлении справедливости и в наказании за то, что кто-то выступил против существующего порядка.

Сейчас же, размышляя над правовой квалификацией, Шацкий чувствовал, что безжалостную машину заклинило. Он знал, чего от него ожидают — что со всей суровостью он обвинит Нидзецкую в деянии, предусмотренном статьей 148, параграфом первым: «Кто убивает человека, подлежит наказанию лишения свободы на срок не менее восьми лет». Было бы это в соответствии с правом? Наверняка — да. Шацкий был уверен, что Нидзецкая хотела убить мужа. И только это должно его интересовать. Суд наверняка дал бы ей малый срок, чрезвычайно смягчив бы наказание, и так далее, тем не менее, это все так же означало бы, что Нидзецкая — убийца, хуже, чем безжалостное жулье, ответственных за то, что «вызвали тяжкий ущерб здоровью, последствием которого стала смерть». Он мог согласиться со статьей 148, параграфом четвертым: «Если кто убивает человека под влиянием сильного возбуждения, оправданного обстоятельствами, подлежит наказанию лишения свободы от одного года до десяти лет». Год — все-таки меньше, чем восемь.

Шацкий отодвинул компьютерную клавиатуру. Он уже написал весь акт обвинения, не хватало лишь квалификации и ее обоснования в паре предложений. Вообще-то говоря, у него было желание написать проект решения о прекращении дела в связи с предписаниями о необходимой защите — право на ответ на незаконное нападение. Все всякого сомнения, именно это здесь и случилось. Но надзор затоптал бы его в грязь, если бы Шацкий не

выдвинул акта обвинения в столь очевидном, явно исправляющем статистику учреждения деле.

В конце концов, он вписал квалификацию из статьи 155: «Если кто неумышленно приводит к смерти человека, подлежит наказанию лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет».

— И я скорее уволюсь с этой паршивой работы, чем поменяю тут хотя бы букву, — заявил он вслух сам себе.

Через полчаса обвинительный акт был готов, Шацкий оставил его в секретариате Хорко, которая к этому времени уже успела пойти домой. На часах было шесть вечера. Теодор подумал, что и ему самое время покинуть это прекрасное место. Он быстро собрался и выключил компьютер. И тут зазвонил телефон. Шацкий громко выругался. Пару секунд он желал просто выйти, но порядок победил. Как обычно.

Звонил Навроцкий. Он вычислил школьников из класса, параллельного классу Сильвии Бонички, в том числе и второгодника, о котором говорил ясновидящий. Некоторые вообще понятия не имели, о чем идет речь, некоторые выглядели ужасно перепуганными, а второгодник — более всего. Он весь трясся, и Навроцкий был уверен, что если бы его чуточку дожать — тот бы раскололся. Но потом парень быстро пришел в себя и все отрицал. Шацкий не прокомментировал этого вслух, но жалел, что второгодника допрашивал Навроцкий. Хотя у старого полицейского была не голова, а компьютер, физически вызывал впечатление слабака, он не слишком годился для того, чтобы «дожимать» допрашиваемых. Кузнецов — то другое дело; достаточно было, чтобы русак появился в двери, и все моментально делались более разговорчивыми.

— Не думаю, чтобы мы могли возбудить дело по изнасилованию, — говорил Навроцкий. — Пострадавшей нет, следов нет, улик нет, имеется только ясновидящий и несколько потенциальных подозреваемых, которые ушли в отказ.

— А что с отцом?

— Ну вот, у меня есть идея, чтобы мы допросили его вдвоем.

— Как это: вдвоем?

— Мне кажется, если в него вьестся, то правду он скажет. Но у нас имеется только один шанс. Если сразу не признается — конец. Поэтому я предлагаю массивную атаку: полицейский, прокурор, самая темная комната для допросов во дворце Мостовских, привод через полицию, пара часов ожидания... Ну, пан прокурор, вы понимаете?

Театр, подумал Шацкий, он предлагает мне какой-то прибацанный театр. Что мне нужно теперь делать? Идти в контору по прокату костюмов, чтобы найти там маску злого полицейского?

— Во сколько? — спросил он, помолчав, и жалея о сказанном еще до того, как слова дошли до Навроцкого.

— Может завтра, в шесть вечера, — предложил полицейский таким тоном, как будто они собирались встретиться в хорошей пивной.

— Замечательное время, — акцентируя первое слово, заметил Шацкий. — Не забывайте, что пан прокурор пьет исключительно красное, слегка охлажденное вино, лучше всего: из итальянского региона Пульи. Ага, и столик не может находиться слишком близко к окнам или к двери.

— Не понял?

— Неважно. Завтра, в шесть вечера у вас. Я позвоню из фойе.

Было почти семь вечера, когда Шацкий свернул с Швентокшского моста на Щецинскую набережную в направлении зоопарка и вежливо остановился в пробке в левой полосе. Правая полоса заканчивалась сразу у мостика у Пражского порта — с нее можно было только свернуть вправо — что не мешало ловкачам ехать по ней до конца, а потом рвать вперед на шармака с включенным поворотником. Шацкий никогда таких не впускал.

Он глянул на гадкое здание речного комиссариата и подумал, что как раз начинается сезон на трупы в Висле. Купания по пьянке, изнасилования в кустах, споры, кто дальше проплывет. Счастье еще, что на городском отрезке бурой реки находилось мало чего. Он терпеть не мог утопленников, их синих, опухших тел, напоминающих тюленей с бритым наголо мехом, и надеялся, что в этом сезоне этот кошмар его минет. Год назад, когда обнаружили останки возле Гданьского моста, у него было огромное желание собственноручно перетащить их на пару десятков метров дальше — тогда трупом пришлось бы заняться коллегам с Жолибожа. К счастью, дело было простым, утонувший тип оказался самоубийцей, прыгнувшим вниз головой с Секерковского моста. Шацкий так никогда и не понял, зачем тот сначала разделся донага, об этом в письме к жене он не упомянул ни словом. Жена утверждала, что покойный всегда был очень стыдливым человеком.

На переходе возле главного входа в зоопарк пришлось остановиться, чтобы пропустить мужчину с дочкой. Мужчина был старше Шацкого на несколько лет, ужасно исхудавший, возможно — больной. Девочка в возрасте Хельки. В руке у нее был надувной шарик в форме Пятачка. Шацкий подумал, как странно складывается, что во всех делах, которыми он занимается в последнее время, появляются отцы и дочери. Боничка, возможно, убивший свою дочку из чувства стыда и закопавший ее на игровой площадке у школы. Нидзецкий, тащавший дочку к ней в комнату и поясняющий, что для него все это труднее, чем для нее. Теляк, желающий покончить с собой, чтобы уйти за своей дочкой в смерть. Но, возможно, каким-то хитроумным образом, виновный в ее смерти. Ну и сам он. Отчаянно желающий перемен, таскающийся за молоденькой журналисткой. Готов ли он пожертвовать дочкой? И что это вообще означает: пожертвовать? Что-то слишком рано он занялся подобного рода разборами. Но, погоди, а почему слишком рано? — задумался он, ожидая появления зеленого сигнала светофора на углу Ратушной и Ягеллонской. Какой-то заколдованный перекресток. Когда было движение, влево могли свернуть, самое большее, две машины. Да и то, лишь тогда, когда водители были начеку. Так почему же слишком рано? Не лучше ли сразу с этим разобраться и действовать потом свободно? Не дрожать на свиданках, что жена может позвонить. Не обманывать ни одну, ни другую сторону.

Машину он припарковал под домом.

— И какую же я несу пургу, — произнес он вслух, пряча панель приемника себе в папку. — Все хуже с тобой, Шацкий, все хуже.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

пятница, 10 июня 2005 года

УЕФА приняла решение, что Ливерпуль все же сможет защищать свой титул в следующем сезоне Лиги Чемпионов, хотя и не должен, поскольку в Премьер-лиге занял только пятое место. Московская прокуратура посчитала, что в формулировке «еврейская агрессия как форма сатанизма» ничего заслуживающего порицания нет. Органы Польской крестьянской партии решили, что Ярослав Калиновский будет кандидатом в президенты от партии. Кандидат в ходе избирательной кампании желает провести дебаты на тему «Какой быть Польше». А в зондажах общественного мнения Лех Качиньский снова завоевал два балла, обогнав Религу на восемь баллов. Из других опросов следует, что большинство поляков поддерживает крестовый поход Качиньского против геев, но вот большинство варшавян — против этого. В столице объявлена антитеррористическая тревога. Полиция, опасаясь применения зарина, на три пополуденных часа исключила из дорожного движения головной перекресток города и остановила движение метро. Образовавшаяся мегапробка наверняка превзошла самые смелые ожидания шутника. Тем временем, на хоботе Бубы появились опухоли, скорее всего, вирусного происхождения. Слониха храбро переносит лечение, и для проведения манипуляций ее не нужно усыплять. Максимальная температура — 18 градусов, скорее — солнечно, осадков не предвидится.

Доктор Еремияш Врубель внешне походил на кота. Лицо у него было словно вычерчено циркулем, бледное и веснушчатое, с реденькой и короткой рыжей щетиной и реденькими вьющимися рыжими волосами, подстриженными под еж. К тому же, у него не было профиля. Хотя, когда кто-то глядел на него анфас, у него наверняка складывалось впечатление глубины, но сбоку лицо его было совершенно плоским. У Шацкого мелькнула мысль, что в детстве тот должен был спать исключительно на животе и всегда на полу. Уши его так плотно прилегли к голове, что, казалось, их у него вообще нет. Выглядел он курьезно, — но — и Шацкому пришлось это признать — чертовски симпатично. Голос у него был приятным и теплым, похожим на терапевтический голос Рудского, только более бархатным. Если бы Шацкому пришлось выбирать, кому рассказать о своих проблемах, он, вне всякого сомнения, указал бы Врубеля. Может быть и потому, что тот не был замешан в убийство.

Вместе они быстро покинули микроскопический кабинет врача в Институте Психиатрии и Неврологии на Собеского и прошли по коридору в конференц-зал, где врач мог посмотреть запись установки на Лазенковской. Друг с другом они обменялись всего парой слов. Говорил, прежде всего, Шацкий, сообщая Врубелю о ходе следствия. Выяснил и то, почему вместо — как оно обычно бывает — просьбы о даче письменного заключения, он настаивал на личной встрече.

— Быть может, эта запись является ключом к загадке убийства Теляка, — сказал он. — Потому-то я и так закажу у вас письменное заключение для материалов дела, но сейчас я просто обязан как можно быстрее узнать, что об этом думаете вы.

— Пан прокурор отличается от своих как хороший такой стояк в клубе пенсионеров, — сказал терапевт, зажигая свет в небольшом конференц-зале, где больничная вонь смешивалась с запахом кофе и свежего напольного покрытия. До Шацкого начинало доходить, почему видение протоколирования беседы с Врубелем пробуждало всеобщее веселье. — Мы редко принимаем в гостях представителей вашего учреждения. Сам я считаю, что каждый из вас обязан переговорить с нами до и после выдачи заключения. Но это всего лишь мое мнение, скромного садовника, ответственного за разведение овощей в винограднике Божиим.

На конце языка у Шацкого уже вертелось, что пациентов в психиатрических больницах следует лечить индивидуально, а не хранить группами, но вспомнил лишь о том, что, если со вчерашнего дня ничего не поменялось, то прокуратура не страдает от избыточного трудоустройства.

Не отвлекаясь, терапевт просмотрел запись. Несколько раз что-то записывал. Потом перемотал на момент, в котором Квятковская и Каим приближаются к стульям, символизирующим родителей Теляка, Ярчик устраивает истерику, а сам Теляк с искаженным болью лицом всматривается в пространство. Тут он воспроизведение остановил.

— Можете спрашивать, — предложил он, повернувшись к прокурору.

— Почему вы остановили именно на этом моменте?

— Сначала вступительная игра, потом оргазм, — покачал головой терапевт.

Шацкий чуть автоматически не сообщил при этом: «Пан говорит точь в точь как моя

жена», но в последний момент сдержался. Он ведь был на работе.

— Прежде всего, мне бы хотелось знать, была ли данная терапевтическая сессия проведена по всем канонам.

Врубел откинулся на стуле и сплел руки за головой.

— Видите ли, с *ars therapeutica* немного так же, как и с *ars amandi*.^[74] Тут нет никакого надежного способа, чтобы любую женщину за три минуты довести до оргазма, равно как нет одной-единственной позиции, которая бы всем подходила.

— Вообще-то я пытаюсь избежать вашей поэтики, — Шацкого все это начинало уже бесить, — но, тем не менее, спрошу: это был секс или насилие?

— Ну, наверняка не насилие, — ответил на это Врубел. — Секс смелый, но... такой, без кожаных одеяний и полицейских фуражек. Видите ли, согласно теории в терапии установок должно принимать участие больше человек. Я могу дать вам на время диск с записью установок, проводимых самим Хеллингером. Зал полный, кроме пациентов много публики. Всегда хватает народу, чтобы установить какого-нибудь троюродного братца или любовника жены. Но то, что сделал пан Рудский — замена стульями родителей пациента в тот момент, когда у них уже нет ролей, которые необходимо сыграть — допустимо. Иногда так на самом деле и поступают, когда не хватает заместителей.

— Здесь с самого начала было сего четыре человека, — заметил Шацкий. — Разве этого не мало? Известно ведь, что у каждого имеются родственники, собственная семья, дедушки-бабушки. Наверное, трудно работать в столь малой группе?

— Возможно трудно, но в чем-то я Рудского понимаю. Я и сам не слишком люблю все те оргии, иногда там только животных не хватает. Больше всего мне нравится забавляться в группах человек по десять. Рудский пошел еще дальше. О'кей, даже любопытный такой эксперимент. И из того, что вижу, поле действует, причем очень даже неплохо. Этого пан отрицать не может.

Шацкий и не отрицал.

— Кроме того, пан должен понимать, что доктор Цезарий Рудский не новичок. Возможно, он и не так известен, как Эйхельбергер^[75] или Тот-Имени-Кого-Уже-Нельзя-Называть, но в профессиональной среде это фигура важная. Неоднократно он экспериментировал с терапиями, которые казались такими же неодолимыми, как половое влечение у шестнадцатилетнего подростка, и часто получал удивительнейшие результаты.

— Выходит, по вашему мнению, он никаких ошибок не совершил?

Еремияш Врубел чмокнул, сморщился и почесал себя за ухом. Шацкий подумал, что вот если бы сейчас сделать с него фотку и выслать организаторам выставки породистых котов, его наверняка бы приняли для конкурсного отбора.

— Как мне кажется, имеется одна серьезная имеется, — сказал он наконец. — То есть, понимаете ли, лично я бы сделал не так. Но, возможно, у коллеги Рудского имелись какие-то другие планы. Он посчитал, что все сделает под конец.

— А конкретней?

— Ну да, извините. Когда выяснилась проблема с родителями пациента, прежде чем вводить в расстановку его нынешнюю семью, следовало, как мне кажется, ввести разрешающие предложения. Из-за того, что все это осталось в подвешенном состоянии, продолжение должно было стать невероятно трудным. Если бы был наведен порядок в исходной семье, семье происхождения, если бы пациент почувствовал мгновенное облегчение, вызванное согласием с родителями, если бы с того момента чувствовал, что

ничего в их отношении не должен — в последующую часть терапии он вступил бы более сильным. Мало того — я уверен, что и остальные участники почувствовали бы себя лучше, и эти чудовищные сцены просто не случились бы.

Шацкий неожиданно почувствовал пустоту в голове. Он сидел, глядел на Врубеля и в этом состоянии был способен думать только об одном: ничего, снова ничего, никакого продвижения. Все играет, все в порядке, все сходится. Один только труп на полу с торчащим из глаза вертелом как-то со всем этим не лепится.

— А эмоции действуют после завершения расстановки? — спросил он в конце концов.

— То есть? — не понял Врубель вопроса.

— Если пани Икс в ходе расстановки представляет собой страстную любовницу пана Игрек и после сессии встретит его в холле гостиницы, то отправится ли она с ним в постель?

Врач надолго задумался.

— Интересный вопрос. Мне кажется, даже если то были не ее эмоции, то переживала она их как собственные. Воспоминания об очарованности, тяги к Игреку. Да, понятное дело, она не бросилась бы ему в ноги со стонами «трахни меня», но если бы они начали флиртовать, то решиться на секс им было бы несложно. Так мне кажется.

Шацкий рассказал про голос «дочки», записанный на диктофоне Теляка.

— И вы уверены, что то была заместительница его дочери?

— На девяносто процентов. Чтобы иметь уверенность, мы делаем фонографические исследования.

— Интересно. А Рудский об этом знает?

— Не знает. И мне бы не хотелось, чтобы он узнал об этом от вас.

— Да, конечно же. Видите ли, значение может иметь факт, что расстановка была достаточно грубо прервана. Чаще всего мы пробуем довести расстановку до конца, редко когда случаются перерывы, даже в несколько дней, чтобы пациент мог собрать информацию о собственной семье. Но всегда все происходит, скорее всего, мягко. А здесь, в тот самый момент, когда поле действовало сильнее всего, участники вдруг разошлись. Возможно ли такое, чтобы в свои комнаты они вернулись одержимыми теми личностями, которых они представляли? Не знаю. Сам я никогда с подобным случаем не сталкивался, но... возможно...

— Это звучит логично? — подсказал Шацкий.

— Да. Я бы сравнил это с ситуацией загипнотизированного пациента. Я могу его из этого состояния вывести, но могу в том же состоянии и оставить. В конце концов, гипноз перейдет в сон, после чего пациент проснется, как ни в чем не бывало. Может быть, и здесь тоже было так. Расстановка была грубо прервана, и пациенты, прежде чем прийти в себя, какое-то время были не только самими собой, но и заместителями. Но, возможно...

Врубель уставился в пространство, совершенно как Теляк, застывший на телеэкране.

— И вы можете сказать, как долго может удержаться состояние подобного «гипноза»? — спросил прокурор.

— Нет. Понятия не имею. Но я чувствую, к чему пан ведет, и думаю, что это тупик. Точно так же, как половые органы трансвестита. Снаружи все может выглядеть многообещающе, но внутри ничего нет.

— Почему?

— Медицинские ограничения, которые, наверняка, раньше или позднее будут преодолены. Очень нелегко смоделировать влагилице и имплантировать ее в тело. Потому-

то трансвеститы ограничиваются...

Шацкий не слушал его. Он закрыл глаза и несколько раз сделал глубокий вдох, желая успокоиться.

— Почему мои рассуждения — это тупик?

— Ах, прошу прощения.

Врубель совсем не выглядел пристыженным. Он придвинул свое кресло поближе к телевизору.

— Поглядите, пожалуйста, на то, как они стоят, — сказал он, указывая на «семейство Теляков». — Друг напротив друга. А это всегда означает беспорядок. Конфликт, тоску, неустроенные дела и проблемы. Конечным эффектом расстановки всегда является полукруг: люди стоят рядом один с другим, они замечают себя, но перед ними имеется пространство, им не надо с кем-либо сражаться за пространство. Обратите внимание на то, что дети пациента стоят рядом, и это означает, что они находятся в согласии. Точно так же и родители пациента, здесь замещенные стульями. Но, помимо того, все они разбросаны в пространстве, в расстановке царит хаос. Если бы сессия продолжилась дальше, мы бы увидели в записи, как очередные личности мирятся друг с другом, после чего устанавливаются в общем полукруге. Вся эта терапия действует, так как каждый желает, чтобы ему было легче. А не хуже. Совершение же преступления чудовищным образом систему обременяет. Самым ужасным, наихудшим из всех возможным способом. Потому я сомневаюсь, чтобы замещение или же презентация члена семьи пациента было мотивом убийства.

— Вы уверены в этом?

— Мы говорим о человеческой психике, пан прокурор. Так что я ни в чем не уверен.

— Ну а история, будто бы дочка Теляка покончила с собой, а сын заболел, чтобы ему стало легче?

— Для меня это звучит неправдоподобно.

Врубель поднялся с места и стал прохаживаться по помещению, сунув руки в карманы врачебного халата. Движения его тоже были кошачьими. Была в нем готовность совершить что-то совершенно неожиданное — например, замаячить — и это не позволяло Шацкому расслабиться. Он покачал головой, чтобы не болела шея. Как обычно, это ничего не дало, в конце концов, надо будет сходить на сеанс настоящего массажа. Слишком дорого ведь это быть не должно...

— В расстановках мы задаем себе два принципиальных вопроса. Во-первых, кого не хватает, и кто должен присоединиться к расстановке? Частенько это напоминает следствие, копание в грязном белье семейной истории. А во-вторых: кто должен уйти? Кому следует позволить это сделать? Механизм всегда один и тот же. Если мы не позволим кому-то уйти — как в смысле «умереть», так и в смысле «удалиться» — то вместо этого человека уходят дети. Ведь, как правило, это взрослые виноваты, а дети желают им помочь, взять вину на себя, уйти вместо того, кто уйти должен. Таков порядок любви. Потому-то терапевт вступает в союз, скорее, с детьми, а не со взрослыми.

— Но вот сразу самоубийство?

У Шацкого появилось то же чувство, как и во время беседы с Рудским.

Он понимал, но никак не желал поверить.

— Очень часто причиной самоубийства является желание облегчить боль родному человеку, который потерял предыдущего партнера в трагических обстоятельствах. Думаю,

что теория Рудского о неискупленной вине за уход из дома этим... как его звали?

— Теляк.

— ...Теляком даже имеет право на жизнь. Но я совершенно бы не удивился, если бы его любовница или старая любовь погибла в дорожной аварии, а сам он никогда бы с этим не согласился, быть может, каким-то образом чувствовал бы себя виноватым. Причем, до такой степени, что его дочь решила искупить его вину. Вам следует знать, что более ранних партнеров, если не разрешить им уйти, как правило, замещают дети.

Еремияш Врубель закончил говорить, а Шацкий не был в состоянии придумать какой-либо разумный вопрос. В голове у него было пусто. Ежедневно он получал новые сведения по данному делу, и всякий день ни на шаг не продвигался вперед.

— Ну а теперь, можете вы мне сказать, почему остановили запись именно на этом месте? — спросил он наконец.

— Обязательно, — ответил психиатр и улыбнулся так, что Шацкому это показалось сладострастным. — Как вы думаете, почему Теляк в ходе расстановки ни разу не глянул ни на жену, ни на детей, хотя между ними столько происходило?

Шацкий тут же почувствовал себя словно ученик у доски.

— Не знаю. Я не думал об этом. Бойтся? Чувствует себя виноватым перед ними? Ему стыдно?

— Вовсе нет, — отрицательно покачал головой Врубель. — Просто-напросто, он не в состоянии отвести взгляда от личности, которая стоит точнехонько напротив него, и которая в этой расстановке наверняка самая важная. Я не знаю, кто это такой или такая, но эта связь чудовищно сильная. Обратите внимание, что он даже не мигает, все время глядит на этого человека.

— Но там же никого нет! — неожиданно разъярился Шацкий. Столько времени потратить с этим психопатом.

Он встал. Врубель тоже поднялся со своего места.

— Ну конечно же есть, — спокойно заявил он, шевеля носом совершенно по-кошачьи. — Там стоит человек, которого в этой расстановке не хватает. Вы желаете прогресса в следствии? Найдите этого не хватающего человека. Узнайте, на кого Теляк глядит с такой паникой и страхом в глазах.

Прокурор Теодор Шацкий молча покивал головой, глядя на нерезкое, слегка вибрирующее на экране телевизора, испытывающее боль лицо Теляка. Этот взгляд беспокоил его и раньше, но он проигнорировал собственную интуицию, посчитав, что это психотерапия выкачала все силы из Теляка. Теперь он понял, что лицо отражает не боль. Оно беспокоило его, потому что он уже видел подобный взгляд в глазах некоторых допрашиваемых — смесь страха и ненависти.

Прокурор вынул диск и выключил проигрыватель DVD.

— А сам пан не желал бы принять участие в расстановке? — спросил терапевт у Шацкого, когда они вместе направлялись к выходу из института. — Увидеть изнутри, как оно все выглядит.

Шацкий открыл было рот, чтобы ответить, что с огромной охотой, но за краткое мгновение, которое нужно воздуху, чтобы из легких добраться до голосовых связок, перед глазами у него появилась картинка самого себя, расставляющего родителей, Веронику и Хелю, а так же терапевта, спрашивающего, что те теперь чувствуют.

— Нет, благодарю. Думаю, что это не обязательно.

Врубель усмехнулся по-кошачьи, но никак не прокомментировал. Только уже у самых дверей, прощаясь с Шацким, он сказал:

— Если говорить о том, кто в системе хороший, а кто плохой: так почти всегда оно наоборот. Не забывайте об этом.

Очень немногие фрагменты данной метрополии похожи на настоящий город, а не на пространство, замусоренное улицами и домами. Но даже на этой свалке имеются красивые фрагменты, размышлял Шацкий, едуци по Берведерской в сторону центра. Кусок Королевского тракта — от Гагарина до площади Трех Крестов — один из немногих свидетельствовал о том, чем этот город когда-то был и чем мог бы быть. Вначале современная глыба гостиницы Hyatt, потом российское посольство, Бельведер, Лазенки, правительственные здания, Уяздовский парк и посольства в Аллеях (за исключением параллелепипеда, который поставили для себя американцы, в самом конце столичная площадь Тшех Кшижи (Трех Крестов). Новый Швят Шацкий не любил и не понимал, откуда столько восхищения к этой улице, застройка которой была словно перенесена из Кельц. Гадкие, низенькие домишки, один другому никак не соответствует. Шацкий не мог поверить, что Новый Швят и одичавшую Хмельную выдают за красивейшую часть города. Наверное, только лишь затем, чтобы гости из провинции могли здесь как у себя.

Но теперь Новый Швят ассоциировался для него с маленькой кафешкой и Гжелкой — то есть, Моникой — так что ему сложно было поддерживать в себе отрицательные чувства к этому месту. Ему хотелось, чтобы она ждала там, чтобы, вместо того, чтобы ехать на работу на Кручую, мог с ней выпить кофе, обменяться парой слов как приятель с подругой. Или же как потенциальный любовник с потенциальной любовницей. Действительно ли он это планировал? Роман? Как такое возможно? Чтобы иметь любовницу, нужно иметь отдельную квартиру или деньги на гостиницу, или, по крайней мере, работа с ненормированным графиком, которой можно было бы оправдать частое отсутствие дома. Он же сам был бедным государственным служащим, который ежедневно возвращался с работы, самое позднее, в восемь вечера.

Так что я, собственно, делаю, размышлял он, во второй раз окружая здание прокуратуры в поисках места для стоянки, единственное служебное было занято. И что я вообще себе представляю? Неужто я так долго пощусь, что достаточно было пару раз встретиться с женщиной, что я уже не в состоянии думать о чем-либо еще?

В конце концов, место нашлось на Журавей, неподалеку от «Шпильки». Час дня. Через пять часов он будет сидеть с Моникой и ужинать, проделывая серьезную дыру в собственном бюджете. Интересно, как она будет одета? Шацкий уже запирал машину, когда в его голове что-то щелкнуло.

Моника, «Шпилька», шесть вечера.

Навроцкий, Столичное полицейское управление, шесть вечера.

Курва!

На двери кабинета висел листок с требованием НЕМЕДЛЕННО прибыть к начальнице. Понятно, речь пойдет о Нидзецкой. Шацкий плюнул на требование, забежал в кабинет и позвонил Навроцкому, но полицейский уже вызвал отца Бонички в полицию, и отменить встречу было никак невозможно. Шацкий подумал, что мог бы убедить Навроцкого, что это такой способ беспокойства свидетеля или подозреваемого: вызвать, подержать в коридоре, отпустить и пригласить на следующий день (служба безопасности так поступала с его дедом в пятидесятые годы), но передумал. Пускай уже все кончится раз и навсегда. Он позвонил Монике.

— Привет, что-то пошло не так? — спросила та, не успел он сказать «здрасьте».

— В шесть вечера мне нужно быть во Дворце Мостовских; понятия не имею, сколько это займет времени. Извини. — Ну, может позвонишь, если все пойдет быстро. И не извиняйся без причины. Что будешь говорить, когда и вправду облажаешься?

Шацкий сглотнул слюну. Он был уверен, что журналистка тоже услышала этот звук. Нужно ли ему сказать правду, что после допроса ему необходимо идти домой? И действительно ли необходимо? Он что, отец семейства или пацан, который просит у мамы разрешения прийти с улицы попозже? А и правда, почему он не может этого сказать? В конце концов, раз уж она желает флиртовать с женатым и обремененным ребенком типом, то должна знать, на что он решается. А вдруг она сумасшедшая, которая начнет звонить Веронике с воплями «Он только мой!». И перепугался.

— Ничего не хочу обещать, потому что, честное слово, не думаю, что сегодня бы смог, — сказал он, желая потянуть время. Ну почему, черт подери, он не придумал чего-то до того, как набрать номер?

— Хмм, жаль.

— Может быть завтра, в течение дня; я буду крутиться по городу, могли бы вместе перекусить? — выдавил Шацкий не совсем правильное с грамматической точки зрения предложение, и тут вспомнил, что завтра ему нужно быть на похоронах Теляка. Веронике всегда можно будет сказать, что после похорон обязательно нужно будет вернуться на работу. Может, следует взять что-нибудь, чтобы переодеться? Похоже, что так, не может он пойти в кафешку в костюме, подходящем исключительно для семейных торжеств типа свадьбы и похороны. Чтоб они все...

Остановились на том, что он пошлет эсэмэску, когда уже точно буде знать, во сколько они смогут встретиться. Юа она закажет себе и съест легкий завтрак (манго, кофе, может... маленький бутербродик) и будет ждать. И он тут же представил, как она валяется утром в постели, вся взлохмаченная, читает газету и облизывает пальцы от сока манго. Черт, увидит он это когда-нибудь на самом деле?

Олег Кузнецов не был доволен необходимостью снова расспрашивать людей из окружения Теляка, на сей раз о его любовницах, бывших любимых и девчонках из средней школы.

— Ты чего, ненормальный? — стонал он. — И как, по-твоему, я должен все это выяснять. Родителей у него нет в живых, жена, наверняка, и так ничего не знает, коллег по работе об этом я уже спрашивал.

Шацкий был неумолим.

— Узнай, какой он закончил лицей, ^[76] в каком учился институте и по какой специальности, найди одноклассников, поспрашивай. Ведь именно этим, черт подери, полиция и занимается: она ищет людей и допрашивает их. Лично я заполняю бумажки нумерую страницы в деле.

Олег в ответ отослал ему по телефону закрученную матерщину.

— Я еще понимаю, если бы все это чему-то послужило. Но мы все время гоняемся за теньями призраков, конкретного ничего. Ну ладно, допустим, что мы найдем какую-нибудь его телку, погибшую в результате аварии, когда сам он был за рулем. Допустим, из-за всего этого он испытывал страшное чувство вины, и потому его дочка покончила с собой. И что? Ты можешь мне сказать, каким образом все это продвинет следствие вперед?

Шацкий не мог. Он знал, что, скорее всего, это будет очередная несущественная

информация, добыча которой будет стоить кучи труда. Большой шмат порядочной, только никому не нужной работы. Вот только: а был ли у них другой выход?

Он сказал об этом полицейскому, на что тот пробурчал, то Шацкий ведет себя совсем как чиновник из корпорации.

— Тебя давит жаба из-за того, что у нас ни черта нет, и делаешь какие-то панические телодвижения, чтобы показать, будто бы что-то делаешь. Насколько я тебя знаю, ты просто не желаешь заняться чем-то другим. Ну можешь ты, по крайней мере, подождать результатов фонографии до будущей недели? Тогда у тебя будет уверенность, изображала ли Квятковская дочку Теляка. Ты знаешь, что на ампуле от таблеток имеются отпечатки Ярчик. Уже достаточно провести обыск в их хатах, проверить, нет ли чего большего, что связывало бы их с Теляком. Кима с Рудским я бы тоже прижучил. Хотя бы для того, чтобы они не чувствовали себя так уверенно. Что же касается Рудского, не мог бы ты с ним переговорить о прошлом Теляка? Он ведь должен чего-то знать, в конце концов, мужик исповедовался ему раз в неделю.

Кузнецов был прав. И в то же самое время — не прав. Рудский был потенциальным подозреваемым, а как таковой — ненадежным источником информации. Все его откровения и так еще следовало бы перепроверить.

Потому Кузнецову он не уступил. Но сразу же после окончания разговора с полицейским позвонил Цезарию Рудскому и пригласил к себе на понедельник. При случае он узнал, что психотерапевт тоже будет присутствовать на завтрашних похоронах.

Янина Хорко накрасилась. И это было ужасно. Ненакрашенная она была просто некрасивой, но с макияжем походила на труп, которого дети владельца похоронного бюро ради хохмы разрисовали маминой косметикой. И который в результате этих операций ожил и отправился на работу. На женщине был тонкий гольф и, похоже, снизу вообще ничего. И подумать только, что еще пару минут назад он был уверен, что ничего его так не возбуждает, как женские груди. А теперь это ужасное прошлое, допотопные времена, силурийский, девонский, кембрийский периоды...^[177] Шацкий опасался глянуть в сторону начальницы, что было не очень-то и сложно, так как та сразу начала на него наезжать, так что Теодор облегченно мог опустить глаза, изображая из себя прокурора, которого только что отчитали.

Убийство есть убийство, прокуратура нужна не для того, чтобы замещать адвоката, он же не забыл, похоже, о чем они говорили вчера, ведь квалификацию всегда можно поменять и в ходе суда, не раздражая при этом всех своих начальников, и так далее и тому подобное.

— Нет, — отрезал он, когда начальница уже закончила, подняв голову и глядя ей в глаза. Исключительно в глаза. При этом он вынул из кармана пиджака пачку сигарет и закурил первую за сегодня. А ведь полдень давно уже прошел, весьма неплохой результат.

— В этом здании не курят, — холодно заметила Хорко, закуривая сама. Шацкий знал, что следовало бы предложить ей огонь, но опасался, что та неправильно интерпретирует этот его жест. Хорко вытащила из ящика стола заполненную окурками пепельницу и поставила на столешнице между ними. — И что это значит: «нет»?

— Это значит, что я не стану обвинять Мариолу Нидзецкую в убийстве, — ответил Шацкий очень медленно и очень спокойно. — Говоря по правде, я вообще удивляюсь тому, что написал обвинительный акт по делу столь очевидного применения необходимой самообороны. Мне стыдно от того, что поддался воображаемому давлению. Как видно, интуиция меня не подвела. Но и так, нет цензуры хуже, чем самоцензура. Приношу извинения пани как собственной начальнице, и как лицу, ответственному, среди всего

прочего, и за мои решения.

Хорко выдула дым в потолок и склонилась к Шацкому. При этом она тяжело вздохнула, прямо в пепельницу, подняв пепельное облако. Шацкий сделал вид, что этого не заметил.

— И что это вы мне тут пиздите, пан Шацкий? — прошептала начальница.

— Я говорю, — он не мог использовать глагол, который ассоциировался с сексом, — что мне надоели все предвидения, что кому понравится, а что — нет. Я говорю, что мы обязаны работать так, как считаем правильным, а только потом уже беспокоиться, когда к нам кто-то прицепится. Я говорю, что беспокоюсь, когда слышу от пани, что обязан читать мысли собственного начальства, поскольку всегда считал, что пани другая. И я говорю, что по этой причине мне ужасно жаль. И я спрашиваю: вы и вправду считаете, что юридическая квалификация неверна?

Начальница прокуратуры, ответственной за работу в центральном районе Варшавы, затушила окурков решительным жестом давнего курильщика и подвинула пепельницу Шацкому. После этого она откинулась на спинку своего псевдо-кожаного кресла, и вдруг Теодор увидел в ней старую, ужасно усталую женщину.

— Пан прокурор Шацкий, — произнесла она отрешенно. — Я старая и усталая женщина, которая видела подобного рода историй больше, чем следовало бы. И я первой подписалась бы под решением о прекращении дела с учетом предписаний о необходимой самообороне. Мало того, лично я считаю, что этого сукина сына необходимо эксгумировать, воскресить и посадить пожизненно за решетку. И вы правы в том, что, чем дольше я сижу в этом кожаном кресле вместо того, чтобы допрашивать свидетелей, тем чаще я думаю о том, «что скажут там». Черт подери, все это паршиво. И я думала над тем, о чем говорила вам вчера, что иногда необходимо прогнуться, чтобы выжить. Меньшее зло. Пан согласен со мной?

— В чем-то — да, в чем-то — нет, — дипломатично ответил тот. Ведь это был тот вопрос, на который никакой прокурор во всей Польше не мог бы ответить категорически, с чистой совестью.

— Да, следовало бы под ореликом^[78] у дверей написать эти слова в качестве нашего девиза — «В чем-то да, в чем-то — нет». Или, скорее, нет?

— Скорее.

— Пан прав, — снова вздохнула Хорко. — Я подпишу пану этот ваш обвинительный акт, отошлем его на Краковское и поглядим, что будет дальше. А когда все это делается совсем уже невыносимым, придется подумать. Моя коллега с Воли выправила себе документы юрисконсульта, устроилась в юридическом отделе у производителя минеральной воды в Бескидах. Теперь у нее домик в горах, работает она всего по восемь часов, зарабатывает двенадцать тысяч ежемесячно. и никто не обольет ее кислотой, не поцарапает краску на машине только из-за того, что она «та курва» из прокуратуры.

Шацкий молча кивнул. Хорко была права, но он опасался, что если уж слишком начнет с ней соглашаться, то та почувствует, что нашла в нем братскую душу и предложит заскочить к ней на рюмочку винца и поболтать о тяжелой доле прокурора в Жечи Посполитой. Из вежливости он посидел еще минутку, поблагодарил начальницу, упомянул что-то о горах бумаг и вышел, оставляя Янину Хорко окруженную невеселыми мыслями, смрадом дешевых сигарет и запахом кожеподобного кресла.

Во дворец Мостовских он отправился пешком, поскольку весь центр застыл в гигантской пробке. Никакая машина не была способна проехать через сердце города — кольцевой объезд возле Ротонды.^[79] Правда, теперь это уже не был «кольцевой объезд возле Ротонды», а всего лишь кольцевой объезд имени Дмовского,^[80] на которого навесили это лишенное всяческого очарования перекрестье двух автострад. На Банковую площадь он мог легко доехать на метро, только этот вид транспорта тоже был закрыт. Так что не без удовольствия он пошел по улице Братской в сторону площади Пилсудского, надеясь, что транспорт тронется к моменту завершения допроса, так что в прокуратуру он сможет вернуться на автобусе.

Прогулка была просто замечательная, и Шацкий подумал, что если бы привезти какого-нибудь иностранца из аэропорта с завязанными глазами и взять на прогулку по этой трассе, в конце снова завязать глаза и перевезти на Окенце,^[81] то туристу могло бы показаться, что Варшава — довольно-таки приятный город. Хаотический, но красивый. Опять же, в котором полно кафе, пивных и клубов, которых на этой трассе было даже очень много.

В особенности, отрезок от Швентокшской, улицы Мазовецкая и Крэдытова с красивыми домами, магазинами для художников (а что, ведь Варшава — это город художников), комплекс на площади Малаховского, здание Захенты^[82] (а что, ведь город искусств) и сбивающая с ног панорама площади Пилсудского с Большим Театром (Варшава — театральный город) и «Метрополитеном Фостера» (Варшава — город замечательной архитектуры, ха-ха-ха).

А под конец прогулка через Огруд Саски^[83] с обязательным рассматриванием греющихся на лавочках полек. В течение многих лет Шацкий терпеть не мог этого места, на одной из здешних лавочек он получил отказ от девушки, в которую был влюблен еще в школе. Недавно он увидел ее в магазине. Лысеющий муж толкал перед собой тележку, из которой высыпались покупки; у нее было искаженное лицо, за собой она тащила двоих детей. Или одного тащила, а второго несла на руках? Вообще-то, из всей картинки Шацкий лучше всего запомнил факт, что волосы у нее были жирными, плохо покрашенными. Тогда он сделал вид, что женщину не узнал.

На Банковой площади он ускорил шаг — было уже начало седьмого. По подземному переходу он пробежал в скверик перед кинотеатром «Муранов» и сразу же почувствовал себя виноватым. Сам себя он считал представителем интеллигенции, и в качестве такового не должен был пропускать ни единой премьеры в «Муранове», где вместо голливудского хлама показывали более-менее амбициозные европейские фильмы. Бывал же он здесь крайне редко. Сам себе обещал, что посмотрит потом, на DVD, но ни одного амбициозного европейского фильма в прокате не взял. Да что там, даже по ящику эту нудятину смотреть ему не хотелось. Сегодня тут показывали «Реконструкцию», какое-то датское размышление, похоже, о смысле жизни. Шацкий отвел глаза от обвинительно крупных литер репертуара. Через полминуты он уже был в фойе классицистического дворца Мостовских, где когда-то размещались органы царской власти, потом польской армии, затем Гражданская Милиция, а в настоящее время — Столичное Управление Полиции.

Навроцкий постарался. Свое обещание он выполнил и посадил Ольгерда Боничку в самом маленькой и самой мрачной комнате для допросов. Шацкий даже не был уверен, что

это вообще комната для допросов — возможно, Навроцкий поставил в какой-то позабытой каморке столик и три стула только лишь затем, чтобы вызвать у Бонички впечатление допроса в гестапо. Площадь всего помещения составляла несколько квадратных метров, стены и двери грязные, окон никаких. Единственным источником освещения была лампочка под потолком в проволочной сетке. Хорошо еще, что Навроцкий сдержался и не притащил лампы на кронштейне — базового реквизита тоталитарных допросов.

— Прошу прощения за то, что пану пришлось ждать, — сказал Навроцкий перепуганному мужчине, сидящему за столиком из ДВП. Пластмассовая пленка имитирующая не существующую породу дерева, по краям была потрепана, в нескольких местах были видны следы от погашенных сигарет. — Это прокурор Теодор Шацкий их центральной районной прокуратуры. Мы посчитали дело настолько важным, что решили переговорить с паном вдвоем.

Боничка тут же вскочил с места. Шацкий дал ему знак сесть. Он и сам взял стул, усевшись у двери, оставляя за столом полицейского и допрашиваемого. При этом он ничего не сказал, потому что ничего говорить и не следовало. Боничка глядел на него перепуганными глазами. Люди часто реагировали подобным образом на присутствие прокурора. Полицейский для них был кем-то, чье присутствие можно было принять. Он шатался в своем мундире по всему микрорайону, переписывал жулье, брал взятки, если кто ехал слишком быстро да еще и по пьянке. Свой мужик, сражающийся с жизнью; который знает, что легко никогда не будет, что нет ничего ни слишком черного, ни слишком белого. А вот прокурор ассоциировался с чиновниками, с которыми ничего нельзя устроить, которые ничего не понимали, которые сами говорили на непонятном языке и которые всегда были против. Потому Шацкий и молчал, зная, что пока что один его костюм и суровый вид говорят сами за себя. По сравнению с ним Навроцкий казался своим парнем. Жирный, запущенный, с опухшим лицом и жирными, редкими волосами, в расстегнутой желтоватой рубашке, без галстука, в старом оливково-сером пиджаке. Явно по причине какой-то аллергии, он ежеминутно сморкался.

Боничка был похож на полицейского лишь в том, что оба выглядели так, будто бы о выпускном экзамене на аттестат зрелости лишь слышали (но Навроцкий, несмотря на внешность, имел два высших образования: право и психологию). Очень худощавый, да что там — просто худой особой худобой человека, который работает физически и вкус стимуляторов узнал еще в начальной школе. ^[84] В нем и вправду было что-то от зрителя, Щацкому казалось, что чувствует исходящий от мужчины запах пота, дезинфицирующих и чистящих средств, подвала и подгнивших листьев. У Бонички были очень густые, очень черные усы и очень черные волосы с явной лысинкой на макушке. Сплетенные ладони лежали на коленях. При этом он подозрительно поглядывал то на прокурора, то на полицейского, который молча просматривал материалы дела.

— Так в чем, собственно, дело? — прохрипел наконец приглашенный и откашлялся. — Зачем вы хотите со мной переговорить?

— Стали известными новые обстоятельства убийства вашей дочки, — ответил Навроцкий. Он отодвинул бумаги в сторону, включил магнитофон, положил локти на стол и сложил ладони, словно собираясь молиться.

— Так?

Навроцкий не отвечал, только осуждающе глядел на Боничку.

— Вы их схватили?

Навроцкий вздохнул, чмокнул губами.

— Вы понимали то, что ваша дочь перед самым ее убийством была изнасилована?

Именного этого вопроса Шацкий и ждал. Теперь он внимательно следил за Боничкой из-под слегка прикрытых век, стараясь распознать эмоции на лице допрашиваемого. Мужчина лишь слегка поднял брови — и все.

— Как это? Не понял? И вы говорите об этом мне только сейчас?

— Мы и сами узнали об этом только сейчас, — ответил полицейский и громко чихнул, после чего еще пару минут занимался тем, что прочищал нос. — Прошу прощения, у меня аллергия на пыль. Совершенно случайно, в ходе следствия по совершенно другому делу мы напали на след насильников.

— И что? Они признались в том, что убили Сильвию?

— Нет.

Боничка какое-то время глядел то на полицейского, то на прокурора.

— Но вы же им не верите?

— Верим — не верим, это дело наше. Только вначале мы хотели переговорить с вами. Они подробно рассказали нам о том, что случилось тем вечером.

И Навроцкий начал рассказывать. Дважды Боничка безрезультатно просил полицейского, чтобы тот перестал. Во второй раз Шацкий и сам чуть ли не присоединился к просьбе подозреваемого. Комиссар не пропустил ни малейшей детали. Начиная с первых моментов, когда проходящей по улице Хожей девушке кто-то крикнул: «Сильвия, погоди, это я!», продолжая сумятицей на лестничной клетке дома, когда девушка не желала зайти «на минутку», несмотря на уверения, что «все будет супер», не забывая о гоготе, что «все знают, что у каждой телки «нет» — это «да», а «да» — это «завсегда пожалуйста»... вплоть до сцен в квартире на третьем этаже.

Прокурор прекрасно понимал, что Навроцкий не узнал об этом от насильников — если то вообще были они — которые все отрицали. Если блефовал, то это был тупик. Сильвия Боничка могла рассказать отцу о том, как все происходило тем вечером, и тогда их подозреваемый быстро поймет, что на самом деле ничего они не знают. Если и не блефовал, то наверняка цитировал историю, рассказанную ясновидящим. Шацкий выругался про себя. Ясновидящие и психованные психотерапии — его работа все более походила на дешевый сериал о прокуроре, выслеживающем паранормальные явления. Навроцкий мог бы его и предупредить...

— Когда она ушла, а точнее, когда ее уже вытолкали из квартиры, угрожая под конец, что случится, если она кому-нибудь расскажет об их — как они выразились — «шустром перепихоне», девушка поначалу не знала, где находится. Она знала лишь то, что ей страшно холодно. Потом пошла, куда глаза глядят, автоматически направляясь домой. Но когда проходила мимо школы, вспомнила о вас. Какое-то время постояла внизу, затем подошла к двери, позвонила. Заплаканная девочка-подросток в зеленой блузке, джинсовой юбке с блестящими аппликациями, со сломанным каблуком первых в своей жизни туфель-шпилек.

Навроцкий снизил голос. Боничка покачивался вперед и назад. Шацкий умножал в уме трехцифровые числа, чтобы подавить появляющиеся в его воображении сцены насилия. Преступления, которое — по его мнению — следует наказывать наравне с убийством. Насилие всегда было убийством, даже если труп после этого много лет ходил по улицам.

— У нее не было сломанного каблука, — неожиданно прошептал Боничка, все так же ритмически раскачиваясь.

— Не понял?

— Не было у нее сломанного каблука, она пришла босиком.

— Откуда вы можете это знать, если до вас она не добралась?

— Добралась, добралась, — пробормотал Боничка. — Вы знаете, что туфли выбросила по дороге. Смешно, она ужасно жалела о них. Ежеминутно повторяла, что это были такие замечательные туфли, что они так ей нравились. Когда каблук сломался, когда шла по Хожей, то посчитала, что будет лучше их выбросить, но потом сразу же начала их жалеть. Спрашивала, могу ли я пойти и принести ей те туфли, потому что она сама боится. Под конец она ни о чем другом не говорила, только о тех туфлях. Туфли, туфли, папа, принеси мне туфли, они наверняка там и лежат.

Шацкий старался не слушать. Все время он думал о том, что, возможно, следует взять семью или хотя бы одну дочку и выехать как можно дальше из этого города. Боже, как он ненавидел это место.

— И пан принес их? — спросил Навроцкий.

Ольгерд Боничка кивнул. Самые обычные черные туфельки с полоской кожи вокруг щиколотки. Если бы не сломанный каблук, они выглядели бы так, будто бы их только что вынули из магазинной коробки. Впервые она одела их на улицу, перед тем только училась на них ходить дома.

— И что случилось потом?

— Когда я вернулся, она пыталась повеситься на шнуре от электроплитки. Не протестовала, когда я забрал его у нее. Обрадовалась, что я принес туфли. Надела и снова стала рассказывать, как боялась, что упадет, и из-за этого пррред ней уехал трамвай, так как не могла подбежать, а в ту сторону — так шли с подружкой под руку. И так беспрерывно. Ни о чем другом. А потом попросила, чтобы я ее убил.

Боничка замолк. Шацкий с Навроцким затаили дыхание. Шорох маленького двигателя магнитофона внезапно стал четко слышимым.

— Удивительно, насколько сильно дети могут быть непохожими на своих родителей, — произнес Боничка, и Шацкий невольно вздрогнул. Ему казалось, будто это ему кто-то совсем недавно говорил. Кто? Он не помнил.

— Все всегда говорили, как Сильвия похожа на меня. Те же брови, те же глаза, те же самые волосы. Вылитая папа. А ведь она не была моей дочкой. В ее жилах не было ни капли моей крови.

— Как это? — спросил Навроцкий.

— Изу, мою жену, изнасиловали через месяц после нашей свадьбы. Вечером она возвращалась со станции в дом моих родителей, в котором мы тогда жили. Сильвия была дочкой насильника. Когда Иза вернулась, то все время говорила лишь о сирени. То был конец мая, и действительно, повсюду пахло сиренью, а возле станции сиреневых кустов было больше всего. Когда проходил мимо, так на рвоту тянуло. И вот она все время об этой сирени... А потом перестала. И потом мы об этом никогда уже не говорили. Ни о сирени, ни об изнасиловании, притворялись, будто бы Сильвия наша дочка. Городок маленький, так что нам и в голову не приходило пожаловаться в полицию. Вот только Иза так никогда уже и не стала той женщиной, на которой я женился. Внутри она была пустой. Ходила на работу, занималась ребенком, варила, убирала, по субботам пекла пирог. Она перестала ходить в церковь, я с огромным трудом уговорил ее крестить Сильвию. Она даже на ее первое причастие не пришла, так как весь костёл был разукрашен сиренью. Она это увидела

издалека и вернулась домой. Сильвия плакала. Но тогда мы тоже не говорили об этом.

Боничка снова замолчал. На очень долго. Ничто не указывало на то, что он собирался вернуться к теме, которая интересовала их более всего.

— И тогда, в школе, вы подумали... — мягко возвратил его к сути Навроцкий.

— Я подумал, что не желаю, чтобы моя дочка была такой, как моя жена. Опустошенной. Я подумал, что иногда смерть может быть решением. Что я сам, если бы был на ее месте, не желал тут оставаться. — Боничка глянул на внутренние части сложенных ладоней. — Только я не мог бы ее убить. Только закрепил веревку и вышел. Решил, что вернусь через десять минут, и если к тому времени она не решится, то вместе с ней буду притворяться, что ничего не случилось. Что никак не понимаю, почему она не желает носить туфли на каблуках, хотя сама не такая уж и высокая.

Кассета закончилась, и магнитофон отключился с громким щелчком. Навроцкий перевернул кассету на другую сторону и нажал на красную клавишу «запись».

— Когда я вернулся, она уже была мертва. Перед тем сняла туфли и поставила их ровно под стенкой, рядом с моими туфлями. Одна туфля стояла ровно, та что без каблука — упала. Я оставил их себе на память.

— А Сильвия?

— Я знал, что перед школой заканчивают ремонт водопроводной линии, и на следующий день будут засыпать. Я положил ее в яму, сверху набросал песку. Никто не сориентировался. Я часто приходил, зажигал там свечку.

У Шацкого все это не вмещалось в голове.

— Почему вы не похоронили ее на кладбище? — задал он первый за весь вечер вопрос.

— Это по причине жены, — ответил Боничка. — Если бы дочку обнаружили повешенной у меня в каморке, началось бы следствие, допросы, размышления, статьи в газетах об изнасиловании. Меня бы точно посадили. Моя жена не пережила бы этого.

— Но разве не было бы лучше, если бы ее ребенок остался в живых?

— Смерть — это решение чистое. Часто, гораздо лучшее, чем жизнь. Так, по крайней мере, мне кажется.

Боничка пожал плечами.

— Вы меня посадите? — спросил он через минуту.

Навроцкий глянул на Шацкого. Мужчины вышли посоветоваться в коридор. Они согласились с тем, что рассказ ясновидящего следует записать в качестве подробных показаний Бонички и дать ему на подпись. И на этом основании возбудить дело об изнасиловании, и виновных посадить за решетку. Причем, все, по возможности, настолько сделать секретным, чтобы газеты ничего об этом не написали.

— А что с Боничкой? — спросил полицейский у прокурора.

— Назначу ему надзор и обвиню в осквернении останков.

В коридоре, должно быть, было ужасно много пыли, потому что Навроцкий расчихался на всю катушку. Когда приступ закончился, он поглядел на Шацкого слезящимися глазами.

— Простите его, пан прокурор, — сказал он. — Он ни в чем не виноват. Это жертва, точно так же, как и его жена с дочкой. Вы все только сделаете хуже.

Теодор Шацкий ослабил узел галстука. Ему было стыдно за то, что собирался сказать, но другого выхода не было. Такая работа.

— Пан комиссар, вы же прекрасно понимаете, что в любом деле имеются только человеческие трагедии, обиды, бесчисленные нюансы, оттенки и сомнения. И как раз

потому государство и платит заработную плату таким сволочам, как я. Я знаю, что вы правы, но меня интересует лишь то, что был нарушен один из параграфов уголовного кодекса. Мне жаль.

К счастью, когда он вернулся домой, Хеля уже спала. Шацкий поцеловал ее в лобик и отодвинул подальше от края кровати. Та вроде как и не была высокой, но Шацкий вечно боялся, что дочка упадет. Девочка что-то буркнула сквозь сон и покрепче прижала плюшевого муравьеда. Длинная мордаха зверя искривилась от неожиданной нежности. Шацкий встал у кровати на колени и глядел на Хелю. Та дышала через открытый рот, лоб немного вспотел, от маленького тельца било приятно пахнущим свежим хлебом теплом.

Человек перестает быть ребенком, когда от него начинает вонять, подумал Шацкий. Когда смрад идет от рожи, от постели тянет кислым, а от носков — сладким. Когда необходимо ежедневно менять сорочку, а пижаму — через день. У Вероники была привычка спать в одной сорочке целую неделю. Он терпеть этого не мог, но стыдился ей об этом сказать. Точно так же, как сам старался не замечать пожелтевших под мышками блузок. Ну а что он ей скажет? Чтобы купила себе новую? Тогда на это она ему скажет, чтобы дал ей денег. Впрочем, у него самого были пожелтевшие подштанники под безупречно выглаженными брюками в полоску. Может ли ей нравиться такое? Может ли такое нравиться Монике? Какой угодно любовнице? Нет, это бессмысленно. Шацкий знал, что подобного рода размышления — это ловушка, но все чаще думал о том, что несчастные тысяч двести решили бы все его проблемы. Он раздал бы долги, взял год отпуска, отдохнул бы, посмотрел бы со своими девчонками мир. Ну и тогда можно было бы поставить Монике кофе без чувства вины, что при этом тратит деньги, предназначенные на срочные домашние расходы.

Шацкий был рад тому, что малышка Хеля уже спала. Ведь она могла бы увидеть в его глазах тень истории, которую он был обязан услышать ранее. Неужто все, с чем он сталкивается на работе, в нем остается? Неужели все те убийства и изнасилования кружат вокруг него словно пчелиный рой, кусая каждого, к кому он приблизится. Этого он боялся. Боялся, что является носителем этой агрессии, что сделался разносчиком этой агрессии, что инфицирует свою жену и дочку всех наихудшим в мире. Пока что этого не видеть, но болезнь еще выявит себя.

Вот эта мысль была для него настолько неприятной, что он, как можно скорее, удалился от кровати дочери. Он принимал душ, когда в ванную вошла Вероника. Она была в одних трусах, но у него глаза клеились, несмотря на потоки льющейся холодной воды. У Шацкого не было сил даже думать о сексе.

— Ты чего это под душ залез? Встречался с кем-то? — спросила жена, чистя зубы. Делала она это весьма энергично, груди при этом смешно подпрыгивали. Но даже это его не возбуждало.

— Встречался в городе с экспертом-сексологом. Даже не представлял, что человек способен так растягиваться. С нынешнего дня призыв: «давайте сменим позицию» для меня будет ассоциироваться с художественной гимнастикой. Вот тебе хотелось бы перепрыгнуть через коня?

— Идиот. Умойся и иди ко мне.

Они занимались любовью под одеялом: лениво, тихо и удовлетворенно, спокойные тем спокойствием любовников, которые после четырнадцати лет прекрасно знают, куда и как должны прикасаться. Как всегда, все было замечательно. С акцентом на «как всегда»,

подумал Шацкий, когда они уже лежали рядом.

Электронные часы показывали 23:45:34. Циферки, означающие секунды ритмично менялись. Они и доставали Шацкого, но глаз от них он оторвать не мог. На кой ляд они купили часы с отсчетом секунд? Он же не работает в центре контроля космических полетов. К тому же, вся холера светится словно неоновая реклама, даже на стене заметен багровый отблеск. Нужно будет купить что-нибудь новое. Интересно только, за какие шиши.

Вероника прижалась к нему.

— Ты о чем задумался? —дохнула она ему в лицо запахом зубной пасты и кисловатой слюны.

— О тебе.

— А на самом деле?

— Что здорово было бы выиграть в спортлото.

— Так может: дай счастью шанс, — буркнула жена практически во сне.

— Хорошо. Завтра суббота, куплю несколько билетов наобум.

Вероника открыла один глаз.

— Решение принято десятого июня две тысячи пятого года в двадцать три часа пятьдесят одну минуту и тринадцать секунд. Может, именно эти числа следовало бы вписать в купон? Потрудись-ка немного.

Теодор Шацкий неожиданно сорвался и уселся на кровати. Сна уже не чувствовал. Его серые клетки начали работать на ускоренных оборотах. Только что он услышал что-то очень важное, вот только что? Про себя он повторил всю беседу. О чем шла речь? Боже, о чем шла речь?

— Ты чего, с дуба съехал, или это у тебя сердечный приступ? — Вероника тоже села в постели.

— Спи, спи, — автоматически ответил Теодор. — Кое-что вспомнилось, нужно глянуть в заметки.

— И что за мужик, — разочарованно заметила жена, прикрыв голову одеялом, когда Теодор зажег лампу.

Довольно скоро он обнаружил то, чего искал, записанное в его календаре под датой седьмого июня. Последовательность счастливых номеров Теляка: 7, 8, 9, 17, 19, 22. Почему именно эти числа, и почему вот уже несколько минут в его голове не сколько звенел аварийный звоночек, сколько выли тревожные сирены? Он быстро сложил все числа: 82. Восемь плюс два: десять. Один плюс ноль: один. Бессмыслица, дело не в этом.

Соберись, думал он, массируя пальцами виски. Соберись, сконцентрируйся, начни думать. Вот когда у тебя что-то щелкнуло в голове. Когда Вероника произнесла дату: десятого июня две тысячи пятого года.

Шацкий резко выпрямился и вдруг почувствовал, что ему делается холодно. И сухо в горле. Он пошел в кухню, вытащил из холодильника банку пива, за раз отпил половину. Уже знал. Супруга Теляка, цитирующая прощальное письмо дочери. «Встретимся в Нангиджали. Варшава, 17 сентября 2003 года, 22:00. 17, 9, 22 — три цифры совпадали с теми, на которые ставил Теляк. Возможно ли подобное? Мог ли кто-то быть настолько шизанутым, чтобы выбрать дату смерти дочери в качестве счастливых номеров спортлото? Ладно, а если и так, то что с остальными: 7, 8, 19? Может быть, это год ее рождения: 1987. Да нет, рановато. Кроме того, нет никакой логики. Для рождения только год, а для смерти: день, месяц и час. Логичнее было бы иметь закодированной целую дату. Шацкий всматривался в цифры,

пытаясь сложить их в какую-то последовательность. В конце концов, он записал две даты:

17.09.1978, 22:00

17.09.1987, 22:00

И еще вопрос: в чего точную: двадцать пятую или шестнадцатую годовщину, решила покончить с собой Кася Теляк?

суббота, 11 июня 2005 года

Фестиваль в Ополе — как всегда слабенький. Ночь Кабаре исключительно смущающая. Плоцк празднует ничью Вислы с Легией в последнем матче суперлиги. Варшавяне заканчивают сезон на третьем месте, футболисты из Плоцка — на четвертом. Краков празднует семьдесят пятый день рождения Славомира Мрожека^[85] крупной выставкой его рисунков и «серией абсурдных событий на Плянтах^[86]». Тем временем, в Варшаве происходит серия десяти неудачных событий: 1. Инициатива «Долой развращение» за усиление ответственности осужденных за педофилию; 2. Студенты незаконно выступают против запрета Парада Равенства; 3. Незаконное гражданское неповиновение против этого же запрета; 4. Форум Молодежи партии «ПиС» (Право и Справедливость) против пропаганды однополых союзов; 5. Собрание в пользу Гражданских Свобод против каких-либо работ над проектом постановления об однополых браках; 6. Отделение варшавского католического собрания воспитателей — «Воспитание на основе христианских ценностей — гарантия здорового общественного и морального общества»; 7. Отделение варшавского католического собрания воспитателей — «Христиане, уважающие божьи законы или же законы природы — это граждане первой категории»; 8. SnrSO против тенденции усыновления детей гомосексуальными парами; 9. Демонстрация по поддержке действий в пользу борьбы с дискриминацией женщин в обществе; 10. Центр Информации женских обществ «Ошка» — семейный пикник «Варшава — город без ненависти». Все протестуют под более-менее безоблачным небом; дождя практически нет, хотя день снова прохладный; максимальная температура воздуха в столице — всего лишь 16 градусов.

«Господи, и как же я ненавижу это место», — размышлял Теодор Шацкий, укладывая чуть ли не пятидесятую сумку с покупками в объемный, по счастью, багажник ситроена на самом высоком уровне паркинга у торгового комплекса Carrefour на улице Глембоцкой: этого храма кислых рож и ничем не обоснованных претензий, пластикового святилища оскорбленных продавщиц и вечно недовольных официанток, где из каждого отдельного динамика раздается иной долбаный поп-хит.

Никогда еще посещение супермаркета не осуществлялось так, как хотелось бы ему. Сначала он минут двадцать ожидал, чтобы заехать, потому что какие-то дебилы слегка «поцеловались» на перекрестке и, естественно, ожидали возле собственных ланосов полицию, вместо того, чтобы составить заявления или претензию и разъехаться или, хотя бы, съехать на обочину. Любой водила в Польше знает, уже если тебе разбили хотя бы поворотник, то обязательно следует вызывать полицию, так как в противном случае тебя обманет либо виновник, либо страховое общество. Так что стоял.

Когда уже нашел место для стоянки в самом дальнем углу забитого паркинга, тут же, словно из под земли, появился какой-то пьянчужка с предложением присмотреть за машиной. От возмущения у Шацкого чуть пена не пошла.

— Какой еще, курва, присмотр?! Если сюда привалят три быка, чтобы украсть машину, то что пан сделает? Под колеса ляжет? Бросится на них драться?

Тем не менее, вытащил монету в один злотый, так как боялся, что пьяндылыга может спустить воздух из шин, поцарапать двери, свистнуть «дворник» или что там они творят. На всякий случай, когда уходил, бросил, что он прокурор, на что пьянчужка поклонился в пояс и смылся. И это все по вопросу присмотра.

Два злотых на тележку у него не было, пришлось разменять десятку в киоске — просим прощения, в салоне прессы — но у тетки не было мелочи. Пришлось купить пакетик сока для Хели за полтора злотых. Сдачу тетка выдала мелочью. Шацки на это ничего не сказал.

Он сунул монету и взял тележку, с трудом вытаскивая ту из ряда. Рядом стоял потный тип и глядел на него с ненавистью. Шацкий понял, что тот хотел взять ту самую тележку. И вот теперь — хотя рядом их стояло несколько сотен, которые никто не собирался брать — мужик посчитал, что было совершено покушение на ЕГО тележку, нарушили ЕГО мастерские замыслы.

— Побыстрее было нужно, — злорадно бросил Шацкий и вошел на территорию супермаркета. Перечень покупок был у него в кармане.

Он всегда несколько раз прочитывал его, чтобы разработать оптимальный маршрут и не терять времени на метания между отделами. Всякую очередную позицию он вычеркивал, следя за тем, чтобы не купить ничего ненужного. Он только собирался покупать хлеб когда услышал, что «владельца автомобиля марки ситроен с регистрационным номером WN 25058 просят срочно прибыть к своему автомобилю».

Шацкий бросил тележку, взял Хельку за руку и побежал на стоянку, уверенный, что его любименький ситроенчик охвачен огнем, потому что рванул резервуар вечно подтравливающей газовой системы.

Машина стояла на месте, предназначенном для инвалидов.

На капот опирался маленький и худой мужчинка в слишком большой на него куртке с

надписью *Securitas*. Жаль, что не *Securitate*.^[87] Фашисты доморощенные... Шацкий считал, что частным носить какие-угодно мундиры лицам следовало бы категорически запрещать.

— Разрешите, что комментировать не стану, — процедил охранник.

— Да разрешаю, курва, разрешаю, — согласился Шацкий, не обращая внимания на присутствие дочери.

Он переставил машину и вернулся в супермаркет, где его тележки уже не было. Шацкий подозревал, что это месть толстяка, у которого он эту самую тележку свистнул из-под носа.

В новую тележку он забрасывал очередные товары, стараясь избегать настырных «хозяюшек» с их испеченными на электрогрилле пирожками и думал, что общим знаменателем для жителей Варшавы уже не было место проживания, трудоустройства, и тем более — рождения. Им была лучше или хуже скрываемая агрессия. Вовсе даже не ненависть, ибо та, пускай даже самая абсурдная, всегда будет определенным образом рациональной по причине наличия объекта ненависти. Вшехполяцы^[88] ненавидят геев, но если ты, по счастью, являешься гетеросексуалом, то в компании людей Гертыха можешь чувствовать себя в относительной безопасности. Геи терпеть не могут Леха Качиньского, но пока ты сам Лехом Качиньским не являешься, проблема остается чисто академической. Но вот агрессия направлена против всех.

А большинство дел, которыми занимался прокурор Шацкий, как раз и было результатом бессмысленной агрессии. Злости, которая в какой-то момент материализовалась в форме нападения, изнасилования, убийства, избиения. Откуда это бралось? Из разочарованности, что жизнь такая тяжелая, скучная, не приносящая удовлетворения? Из страха, что через мгновение жизнь способна стать еще тяжелее? Из зависти, что другим живется легче и лучше? Он часто над этим задумывался, но не мог убедительно ответить на вопрос, откуда же берется польское бешенство.

Закупки забрали у него два часа, он был едва жив от усталости. Шацкому казалось, что если бы не тележка, он давно бы упал. Ему было стыдно, что выглядит как все те зомби, со страшным усилием толкающие свои сыры, шампуни, колбасы, освежители для сортира и книжки Дэна Брауна. Ему страшно хотелось бы отличиться от них, почувствовать себя кем-то исключительным, забыть, изменить, влюбить в себя.

И для начала он решил купить себе мороженое со вкусом, который никогда не пробовал: манго и сникерс (блин, ну как шарик мороженого может стоить два с половиной злата, это же почти доллар!). И то, и другое было просто гадостным; Шацкий жалел, что не взял свое любимое лимонное и клубничное.

Он поменялся с Хелей, которая, к счастью, взяла клубничное, и подумал, как здорово иметь детей.

Он глядел на Теодора Шацкого, который стоял сбоку и внимательно осматривал принимающих участие в траурной церемонии. Мужчина даже красивый, но сам он в его возрасте выглядел лучше. А потому что имел деньги. Деньги позволяют расслабиться и дают уверенность в себе. Ту силу, которая никогда не будет следовать из красоты или замечательного характера.

Точно так же, как и прокурор, он не прибыл в часовню — а точнее, «предкладбищенский дом» кладбища на Вульце, чтобы попрощаться с Хенриком Теляком. Ему хотелось приглядеться к пришедшим на похороны, а прежде всего — приглядеться к Шацкому. Он сделал несколько шагов вдоль гадкой бетонной стенки, чтобы получше видеть того. Был ли это противник, которого следовало опасаться, или только чиновник, слишком слабый, чтобы стать консультантом или адвокатом?

Нет, на слабого Шацкий похож не был. Напряженный, словно струнка, удивительно хорошо одетый для питающегося от бюджетного пирога. Черный классический костюм шили, похоже, по мерке. Или же его владелец идеально вписался в массовый ассортимент. Вот в этом он сомневался, поскольку на одежде прокурора наверняка были метки «Вулчанки» и «Интермоды», а не «Босса и Зегны». А еще не родился такой, что вписался бы в фасон польских фирм, достаточно было поглядеть на политиков из второго дивизиона по телевизору. К тому же, Шацкий был довольно высоким, он оценивал его где-то на метр восемьдесят пять, и очень худощавый. Для таких было сложно найти даже джинсы подходящего размера, что там уже говорить о подборе костюма из ассортимента, предназначенного, прежде всего, для низеньких толстячков. Сам он шил для себя костюмы по мерке в Берлине, там у него имелся портной, с которым познакомился еще в восьмидесятые годы.

К костюму белая сорочка в тоненькую серую полоску и гладкий графитового цвета галстук. При этом он раздраженно подумал, что галстук выбирала явно не жена, не подозревал он в чиновнице из мэрии избытка вкуса, тем более, что на снимках видел, как она сама ходила. Приятная женщина, но кто-то должен был бы отсоветовать ей при такой фигуре носить штаны-бананы.

— Он был хорошим мужем, любящим отцом, законопослушным гражданином, — бесстрастно декламировал молодой ксёндз. После этих слов мужчина чуть не фыркнул смехом, пришлось откашляться, чтобы скрыть собственный промах. Несколько голов повернулось в его сторону, в том числе и голова Шацкого.

Он поглядел ему прямо в глаза и выдержал взгляд.

У прокурора было моложавое лицо, хотя его красоту мальчишеской назвать было нельзя. Скорее, деликатно-мужской. Мягкость черт нарушали слегка нахмуренные брови и неприятно холодные серые глаза. Это не было лицо часто улыбающегося человека. В июле ему исполнялось тридцать шесть лет, но многие дали бы ему меньше, если бы не густые, совершенно седые волосы. Они контрастировали с черными бровями, придавая ему суровый и слегка беспокоящий вид. Он был идеально монохромным. Только черное, серое и белое, никакой другой цвет композицию не портил. Наконец, не мигая, прокурор несколько отвел взгляд, а мужчина подумал, что этот чиновник не любит компромиссов.

Сотрудники похоронного бюро, несмотря на свои костюмы и перчатки, похожие на

рецидивистов, энергично подняли гроб и вынесли его из предкладбищенского дома. Мало кто любил это место. Какое-то безличное, холодное, гадкое характерной некрасивостью современной архитектуры. Ему же нравилось, так как здесь не было слышно вонь какой-либо религии. Только коммунальная смерть, никаких тебе обещаний без покрытия. Ему подобное соответствовало. Когда-то он считал, что, как и многие другие, под старость обратится к вере. Ошибался. Во все он был в состоянии уверовать, банальная жизнь частенько заставляла его врасплох. Но вот в Бога — никогда.

Участники похорон — не более четырех десятков человек — обернулись в сторону прохода посреди помещения, ожидая выхода членов семьи. За гробом двинулись Ядвига Теляк с сыном; серьезные, но не вызывающие впечатления сломленных отчаянием. Потом какие-то родственники, которых мужчина не распознавал.

Родственники достаточно далекие, Хенрик Теляк был единственным сыном. Несколько приятелей, среди них сотрудники Полиграфекса и Игорь, который глянул на мужчину и незаметно кивнул.

Траурное шествие замыкали лица, которые были для него наиболее интересными. Свидетели смерти Теляка, и не только свидетели, поскольку он был уверен, что один из них — это убийца. Психотерапевт Цезарий Рудский шел рядом с Барбарой Ярчик, за ними двигались Ханна Квятковская и Эuzeбиуш Каим. С другой стороны прохода за всей четверкой внимательно следил Теодор Шацкий. Когда эти замыкающие две пары прошли мимо, прокурор присоединился к шествию Мужчина встал рядом, и они, плечом к плечу, вышли из предпогребального дома. Мужчина усмехнулся. Ну кто бы подумал, что все мы встретимся у могилы Хенрика Теляка. Все-таки судьба способна быть остроумной. А вот интересно, узнает ли прокурор Теодор Шацкий об участниках траурного кортежа то же, что и он. Думал, что не узнает. Надеялся, что не узнает.

Напрасно потерянное время. А чего он ожидал от этих похорон? Что кто-то из них придет в красной рубашонке с надписью «ЭТО Я!»? Шацкий понимал, что это не слишком вежливо, но после выхода из часовни быстро попрощался со вдовой, холодным взглядом окинул четверых подозреваемых и сбежал на стоянку. Идя по бетонированной дорожке он все время чувствовал на себе взгляд пожилого мужчины, не спускавшего с него взгляда в течение всей церемонии. Наверняка, какой-то родственник, размышляющий над тем, кто я такой, — подумал Теодор.

Он сел в автомобиль, вставил ключ в замок зажигания, но двигателя не запустил. Снова ему казалось, будто бы что-то он пропустил. На какой-то миг, там, в часовне, ему казалось, что видит нечто важное. Чувствовал нечто неопределенное, деликатное почесывание в задней части головы. Но в какой момент это с ним случилось? Под самый конец, сразу же после того, как вынесли гроб с телом. Он стоял и был поглощен наблюдающим за ним мужчиной, который, как казалось, боролся с собой, чтобы не усмехнуться. Ему должно было быть около семидесяти, но Шацкому хотелось бы выглядеть так же в его возрасте — словно более красивый брат Роберта Редфорда — да еще иметь возможность покупать такие костюмы. Он искоса глядел на пожилого мужчину, люди поднимались с лавок и медленно шли по центральному проходу — назовем это — нефа. И вот как раз тогда он что-то увидел. Что-то важное.

Он закрыл глаза и положил лоб на руль, пытаясь возратить то мгновением. Холодный зал, неизвестная ему серьезная музыка, медленно идущие люди. Рудский рядом с Ярчик, за ними Квятковская и Каим. И это вот странное чувство, словно déjà vu, неожиданный разряд в нейронах. Почему?

Ничего. Он понятия не имел.

Шацкий выехал со стоянки, своими размерами напоминая ту, что была перед супермаркетом, свернул в Вуйчицкого и сразу же задержался возле Млочиньского Леска. Здесь он сменил траурный костюм на джинсы и льняную рубашку, налил в ладонь минералки и немного разлохматил себе волосы. Попытался шельмовски усмехнуться боковому зеркальцу. Ужас! Словно немец, притворяющийся, что его смешит польский юмор. Чутьочку подумав, он закинул в багажник детское креслице Хельки с заднего сидения, смел с килограмм крошек, соломку от сока в пакетике и обертку от батончика «Милки Уэй». Все с мыслью о том, что, возможно, придется отвезти ее домой.

На сей раз он пришел первым. В «Шпильке» он уселся на антресолях, у столика под стенкой. Лучшие места были на маленьких диванчиках у окон, через которые можно было следить за жизнью на площади Трех Крестов, но он опасался того, что Моника сядет на диванчике напротив него, и он не будет знать, как себя повести. И еще вспомнилось, что Вероника собиралась идти с Хелей в Уяздовский Парк. Хотелось, чтобы они его здесь не увидели. Моника пришла через пару минут. На ней был обтягивающий черный топик на лямках и длинная юбка, вся в цветах; в ушах у нее были небольшие серьги с янтарем. И сандалии на каблуках, с ремешком, замысловатым образом оплетающим икры. Девушка встала в двери кафе, сняла темные очки и, щурясь, осмотрела интерьер. Заметив его на антресолях, Моника улыбнулась и весело помахала ему рукой. Шацкому она показалась прелестной и свежей. Он автоматически ответил улыбкой, не такой уже натянутой, которую

разучивал перед зеркальцем, и подумал, что вот уже несколько лет единственная женщина, радующаяся, когда видит его — это дочка. И больше никто.

Когда Моника подошла к столику, Шацкий встал. В знак приветствия девушка чмокнула его в щеку.

— А теперь прошу объяснить высокому суду, — сказала она, морща брови, — почему обвиняемый выбрал самый депрессивный столик в самом темном углу этого, помимо того, освещенного лучами июньского солнца гастрономического заведения, а?

Шацкий рассмеялся.

— То был импульс я даже и не знал, что делаю. Очнулся, гляжу — я уже сижу тут. Клянусь, это не моя вина. Это полиция меня завернула...

Они уселись на диванчике возле окна с замечательным видом на собор святого Александра. По тротуару шло десятка полтора парней в черных футболках с надписью «Педалировать запрещено!»^[89] и картинкой, изображающей перечеркнутых двух человечков, занимающихся сексом сзади. Наверняка имелись в виду гомосексуалисты. Неожиданно парни начали скандировать:

— Девушка и парень — семья в нормале!^[90]

Шацкому показалось, что сами они весьма похожи на банду педиков — группа мужчин в обтягивающих футболках, возбуждающих друг друга дурацкими лозунгами — но сохранил это замечание для себя.

Он соврал Монике, что обильно позавтракал, опасаясь слишком высокого счета. В конце концов заказал бутерброд с овечьим сыром, а она — вареники с шпинатом. Потом два кофе. Они болтали о работе и о том, почему она настолько безнадежная, еще Теодор угостил девушку несколькими забавными историями о коллегах по прокуратуре. Потом заставил себя сказать комплимент: похвалил ее обувь и тут же отругал себя в мыслях, ведь она могла почитать его каким-то фетишистом. А все из-за чертова русака, что постоянно закармливает меня своими фантазиями, — объяснился сам перед собой Шацкий.

— Тебе нравится? — спросила Моника, приподняв юбку и вращая ступней во все стороны, чтобы он мог хорошенько осмотреть сандалии. Теодор подтвердил и подумал, что у нее очень аккуратненькие ступни, и что вся сценка чертовски сексуальна.

— Жаль только, что их нельзя сбросить одним движением, — вздохнула девушка. — Эти ремешки, похоже, придумал какой-то мужчина.

— Умный мужик. Знал, что это производит впечатление.

— Спасибо. Я рада, что достигла намеченного эффекта.

В кафе пришел Кшиштоф Ибиш. Он забежал на антресоли и нервно разглядывался. Шацкий посчитал, что узнавать Ибиша — это стыдоба, другое дело, Тадеуша Мазовецкого или Ежи Пильха^[91] — поэтому сделал вид, что этого не узнает. Он расспрашивал у Моника про ее работу. Честно говоря, он был не слишком заинтересован рассказами о редакторе из Горжова, который использовал любую возможность, чтобы заглянуть ей в декольте, в связи с чем ей приходилось исправлять статьи по несколько раз и выслушивать тирады про «ось текста». Шацкий понял, что ему нравится ее слушать. Он глядел, как Моника жестикулирует, поправляет волосы, облизывает губы, играет кофейной ложечкой — ему казалось, что обычные слова представляют собой малосущественный элемент коммуникации — девушка, похоже, говорила всем своим телом. Ему вспомнилось, что если мужчина глядит на губы женщины, это означает, что желает ее поцеловать, так что быстро перенес взгляд на глаза Моника. И тут же подумал, что, наверняка, имеются некие правила,

в соответствии с которыми необходимо глядеть в глаза. Нужно глядеть лишь так долго, чтобы проявить внимание, но не настырно. И откуда в голову лезет такая чушь?

Внезапно Моника прервала монолог.

— Я тебе кое-что скажу, — указала она на Шацкого ложечкой для латте и извлекла из высокого стакана остатки пены. — Только ты не смейся. Или нет, ведь я тебя вообще не знаю. Или скажу, в конце концов, это определенным образом касается тебя. Ой, сам не знаю.

— Хочешь, чтобы я тебя допросил?

Вновь Шацкий чуть не сгорел от стыда, а Моника вновь рассмеялась.

— Понимаешь, мне бы хотелось написать книжку. Роман.

— Подобное случается даже в самых лучших семьях.

— Ха-ха. Случается с каждым выпускником и почти что выпускником по специальности польская филология. Ну да ладно. Лично я хотела бы написать книгу о прокуроре.

— Детектив?

— Даже нет, бытовой роман. Только его героем является прокурор. Когда-то это пришло мне в голову, но с тех пор, как мы стали встречаться, мне показалось, что идея вовсе даже ничего. Что ты на это?

Шацкий понятия не имел, что на это ответить.

— И этот прокурор...

— Ой! — махнула рукой Моника. — Это долгая история.

Шацкий незаметно глянул на мобилку. Господи! Он сидел здесь уже полтора часа. Если их знакомство развернется, придется каждые три дня кого-нибудь убивать, чтобы оправдать перед Вероникой собственное отсутствие дома. Он пообещал Веронике, что с удовольствием выслушает фабулу и что с не меньшей охотой позволит себя использовать. Что расскажет обо всем, что ей захочется знать. Но не сегодня.

Когда официантка принесла счет, Шацкий вытащил бумажник, но Моника удержала его жестом.

— Успокойся. Это мило, но ведь ты платил в последний раз, а я — почти что феминистка, работаю чуть ли не в частной фирме за почти что достойные деньги, опять же, мне нужно чуточку подкупить тебя, чтобы ты охотнее сотрудничал.

Теодору хотелось спросить, какой вид сотрудничества Моника имеет в виду конкретно, но махнул рукой.

Он явно не был мастером смелого флирта.

— Это неудобно, — только и смог сказать.

Моника положила деньги на стол.

— Неудобно то, что ты образованный человек, который, Бог знает, каким макаром гоняешься за бандитами, а я с неоконченным высшим пишу паршивые тексты, а зарабатываю больше тебя. Так что не будь таким мачо, ведь это никакого значения не имеет.

— Имеет, и громадное.

— Да ты что, какое же?

— Если бы я знал, что ты заплатишь, я бы еще заказал суп и десерт.

Моника призналась, что живет на Жолибоже, но не желала, чтобы Шацкий ее отвез. Она собиралась еще пошастать по эмпику, поискать чего-нибудь интересного. Девушка много болтала, и для Шацкого это было в самый раз. Когда-то он читал, будто бы все что нам нравится в начале знакомства, впоследствии раздражает нас более всего. Чистая правда.

Когда-то он обожал глядеть, как Вероника каждый вечер ненамного поворачивает все горшки с растениями, чтобы те равномерно освещались, теперь же его бесило, когда он каждый день слышал скрежет горшков на блюдцах в кухне.

Как только Моника скрылась за углом улицы Новый Швят, зазвонила мобилка. Котенок.

— Ты где?

— В машине, — соврал Шацкий. — Еду с Вульки на Кошиковую, нужно кое-что проверить в библиотеке.

— Так сколько же длились те похороны? Три часа?

— Начались позднее назначенного, тянулись дольше; а я хотел все осмотреть тщательно, ты же знаешь, как оно бывает.

— Конечно же — знаю. Со мной такое случается трижды в неделю. И ничего больше, только похороны и похороны. Заберешь нас из парка часа через два?

— Не знаю, успею ли.

— Попробуй. Твоя дочка говорила, что ей хотелось бы вспомнить, как выглядит ее отец.

— Ладно, — ответил Шацкий, раздумывая, почему только сейчас ему пришло в голову заглянуть в читальный зал.

Это место Шацкий любил. Во время учебы он всегда предпочитал приходить сюда, чем разыскивать местечко в вечно забитой библиотеке Варшавского университета. Главный зал, похожий бальный зал классицистического дворца был просто невероятным. Высотой в два этажа, украшенный пилястрами и лепниной, свет попадал в него со стороны улицы Кошиковой через два ряда окон. Было в нем нечто от атмосферы святилища. Только вот вместо прохлады каменных стен и запаха ладана чувствовался аромат дубового паркета и ореховый запах старой бумаги. Заполняющие зал столы напоминали Шацкому церковные лавки, стоящие же при столах стулья были такими же неудобными, как церковные лавки. Но неповторимую атмосферу этого места создавали бронзовые лампы с абажурами зеленого стекла, освещающие каждый отдельный стол. Ноябрьским вечером читальный зал головной варшавской библиотеки, вне всякого сомнения, был самым волшебным местом в столице.

Шацкий заранее радовался этому настрою, когда искал место на стоянке, но оказалось, что читальный зал прессы находится в безличном помещении на пятом этаже, в царстве ламинированных столиков, ламп дневного света и стульев с обивкой из коричневой ткани.

Теодор нашел в компьютере коды «Жича Варшавы» и «Экспрэсу Вечорнего», заполнил заказы на сентябрьские подшивки 1978 и 1987 годов — и ждал. Какое-то время он глядел на библиотекаршу, заполнявшую какие-то бумаги. Вид у нее был архетипичный: длинные черные волосы с пробором посередине, немодные большие очки, зеленый гольф с длинным рукавом и карикатурно громадные груди при худощавой фигуре. Похоже, та почувствовала его взгляд, потому что прервала работу и глянула на него. Шацкий быстро отвернулся.

Он никак не мог перестать думать о свидании в «Шпильке». Шацкий вспомнил каждое слово Моники, размышляя над тем, что та имела в виду, и как понимала то, что говорил он сам. Не ляпнул ли он чего-нибудь такого, что девушка могла бы понять превратно? Не слишком ли он высмеивал собственных коллег по работе? Ведь Моника могла подумать, будто он мизантроп и клоун одновременно. И он даже не мог решить, красива ли Моника вообще. Приятная, это да, может даже слишком, но вот красивая? Плечи чуточку широковаты, грудь маловата, попка посажена низковато, к тому же и ноги чуточку кривоваты.

От размышлений о ее теле, даже хотя он и разыскивал в нем несовершенства, Шацкого ужасно потянуло на секс. Все время перед его глазами стояла сцена, как она, слегка согнувшись, с юбкой, подвернутой до середины игр, демонстрирует ему свои сандалии. и вот он представил, как Моника подвертывает юбку еще выше. Тут его завернуло. Шацкий прикрыл глаза и представил сцену еще более тщательно. Не в кафе, а на диване у нее в квартире.

Нет, не могу я этого делать, — размышлял он, — не могу. Мне уже тридцать пять лет, почти тридцать шесть. Не могу я отправиться в туалет головного читального зала города, чтобы там онанировать, размышляя о какойтодевице с кривыми ногами.

Тем не менее, пошел.

Когда вернулся, газеты его уже ждали.

Шацкий начал с «Жича Варшавы» за 1978 год, хотя и не думал, чтобы все заходило так давно. Хенрику Теляку было тогда девятнадцать лет, родителей его уже не было в живых, семнадцатое сентября выпадало на воскресенье. Теодор просматривал колонки.

Заканчивается самое прохладное лето десятилетия; конечный этап жатвы проходит как следует, авиавыставка на площади Победы в честь 35-летия Народного войска Польского. Скукота. Умерли писатель Зенон Косидовский и выдающийся окулист Витольд Старкевич, в Татрах некий турист скончался от сердечного приступа, альпинист свалился с горы Молах. Возможно ли, чтобы речь шла о ком-то из них? Нет. Что любопытно, «Жиче Варшавы» публикует цикл текстов перед шестидесятой годовщиной обретения независимости. Странно, Щацкий был уверен, что в ПНР День независимости всегда праздновали 22 июля. Что вовсе не было глупым, праздновать что-либо в середине ноября нет никакого смысла. Вечно холодно, льет дождь, даже парад смотреть не хочется. [\[92\]](#)

Щацкий внимательно читал все мелкие сообщения, в особенности — из столицы, ища информации о дорожной аварии или убийстве. Но вместо того нашлись размышления о том, что «компьютеры сделали головокружительную карьеру. Их экспансия даже пробуждает беспокойство». Инстинктивно Щацкий проверил, что показывали по телевизору вечером семнадцатого сентября. Первую серию «Куклы» с Камашем и Браунком, а по второму каналу — «Солдатская любовь», фильм югославского производства.

На Охоте автомобиль сбил двух человек, одного — со смертным исходом. Щацкий тщательно выписывал фамилии всех скончавшихся. в том числе, и профессора Сильвестра Калиского, министра по делам науки, высшего образования и техники, члена ПОРП, депутата сейма ПНР.

Спор. В соревнованиях по прыжкам на лыжах на искусственном покрытии шестое место занял Тадеуш Тайнер. Неужели родственник Аполлониуша? Подопечные Яцека Гмоха готовятся к отборочным матчам чемпионата Европы по футболу. с Исландией уже выиграли, теперь померяются со Швейцарией, на очереди Голландия и ГДР. Редактор текста не мог знать того, что в 2005 году знал Щацкий — что Польша не примет участие ни в этом чемпионате Европы, и ни в каких других. [\[93\]](#)

Прокурор искал далее, переписывая содержание некрологов, касающихся всех, скончавшихся семнадцатого сентября. Большая часть «в возрасте» или просто «покинула нас», или же «после тяжелой болезни». Щацкий подумал: хорошо еще, что не в результате несчастного случая. Похоже, он сам тоже имеет приличные шансы дотянуть до семидесяти. в газете от двадцатого августа в самом конце нашлось кое-что любопытное; «17 августа трагически погибли Мариан Крук, 52 года, и Здзислав Крук, 26 лет». Два совершенно одинаковых по размеру и содержанию некролога различались лишь подписями. В первом с «самым любимым мужем и сыном» прощались «мать, жена и родственники», а во втором — «с самым любимым мужем и тестем» — «жена, невестка и родственники». Т.е. вместе погибли отец с сыном. Один несчастный случай, две смерти, огромная семейная трагедия. Землетрясение в системе. Щацкий подчеркнул красным их имена в записной книжке. Нужно будет проверить обстоятельства этого события.

С большими надеждами Щацкий взял в руку подшивку «Вечернего Экспресса», ожидая детективов «с мясцом» и кровавых описаний трагических событий, но разочаровался. От газеты исходила ужаснейшая скука; прокурор не понимал, почему легенда этой газеты держалась столько лет. Или ему не повезло, и попались неудачные номера. Единственное сообщение, которое привлекло его внимание, было то, что Вайда начал экранизацию «Девушек из Вилько», назначив на главную роль Даниэля Ольбрыхского. Да, вот когда-то снимали фильмы!

В «Жизни Варшавы» за 17 сентября 1987 года, на сей раз, это был четверг, никто и не

заикнулся относительно годовщины советского вторжения в Польшу.^[94] Как девять лет назад, так и ежегодно потом. Зато имелся крупный текст о бомбардировке гитлеровцами Королевского замка. Еще говорилось о Войцехе Ярузельском, который беседовал с Хонеккером в ходе рабочего визита в ГДР. Ничего, — мстительно додумал Шацкий, — уже недолго. Полтора года, и все вы отправитесь в отставку.

По телевизору английский детективный сериал «Заслони ей лицо», чемпионат мира по художественной гимнастике, программа «Дай жить, водка» и Международный конгресс обществ Университета третьего возраста. Могло показаться, что 17 сентября 1987 года достаточно было несколько часов общения с «ящиком», чтобы от скуки вскрыть себе вены. Часть центрального района Варшавы без газа. Авария теплосети. Шацкий бесстрастно водил глазами по заголовкам. Осенняя встреча в верхах Рейган — Горбачев. Несмотря на исключительно сложную жатву, будет собрано двадцать пять миллионов тонн зерна. Убийца не признается к вине. Шацкий остановился. Варшавское убийство, от семнадцатого сентября.

«О трагедии, случившейся вчера в центре столицы, говорит вся Варшава. Свидетелями были десятки человек. В 16:15 по адресу ул. Иерусалимские аллеи 125, на глазах прохожих была зверски убита сорокавосемилетняя Данута М. Убийца — пятидесятитрехлетний Рышард М. — ударил женщину ножом в область шеи. Женщина скончалась на месте, прохожие задержали убийцу. Следствие ведет районное управление внутренних дел на Охоте».

Районное управление внутренних дел? А это, черт подери, что еще такое? — размышлял Шацкий, переписывая заметку. Милиция? Прокуратура? Какая-то замаскированная ячейка службы безопасности? Дело было эффектным, но от него на километр несло связью с малиной. Впоследствии он дочитался, что убийца был пьян, жертва — тоже, а ножом он ударил ее только лишь затем, что баба не желала принести ему сигарет из киоска.

Так что он искал дальше.

«Мать королей» завоевала Золотых Львов на кинофестивале в Гдыне. Шацкий чуть не свистнул, прочитав перечень других награжденных; каждый из этих фильмов мог сегодня запросто выиграть Гдыню, не опасаясь конкурентов. «Магнат», «Над Неменом», «Случай», «Верная река», «Внутренняя жизнь», «Поезд в Голливуд». Сплошные классические позиции, и все это в одном году. С ума сойти!

В «Экспрессе» за двадцать первое сентября он нашел заметку в несколько предложений. «Труп 23-летнего Камиля С. нашла его сестра, которая младше его на четыре года, в квартире на ул. Мокотовской. «Вся семья должна была находиться в позднем отпуске, — узнали мы от капитана Стефана Мамцаржа из районного отделения милиции. — Парень остался дома, и это его погубило, бандиты ожидали, что квартира будет пустой, когда же взломали дверь и обнаружили парня внутри, среди них началась паника, и они юношу убили». Милиция утверждает, что трагедия разыгралась вечером 17 сентября; сейчас продолжаются интенсивные поиски преступников».

Шацкий переписал заметку и постучал одноразовой ручкой по исторической газете, оставляя на ней черные точки. Снова он почувствовал щекотание в мозгу. То ли это интуиция подсказывала, что это событие может иметь связь с делом, или же у него рак. Только ведь дело в том, что он отыскивал умершую девушку, а здесь парень. Может быть, дело в обнаружившей тело сестре? Может, дело было в бывшей девушке Теляка? Или же этот Камиль с Теляком? Нет, нет... Все это по причине гомофобной паники, теперь уже и ему

самому кажется, будто бы повсюду видит гомосексов. Но это вот дело стоило бы проверить. Хорошо было бы иметь фамилию.

Через три дня он нашел два некролога. Первый: «17 сентября 1987 года у нас отобрали Камиля Сосновского, любимого сына и брата. Камильчик, мы будем любить тебя вечно. Мама, папа и сестра». И второй, нетипичный: «17 сентября убили Камиля, нашего лучшего друга и приятеля. Старик, мы тебя никогда не забудем. Зиби и остальные».

Теодор не верил, чтобы из этого что-то вышло, но решил, что следует попросить Олега найти в архиве материалы того дела.

Он на автопилоте прочитал статью, которую только что измазал пастой. «Второй том Всеобщей Энциклопедии ожидает подписчиков. Его выдают после выполнения следующих условий: в пункте скупа макулатуры необходимо представить книжечку сдачи вторичного сырья, подписной талон и удостоверение личности, а так же заплатить 5100 злотых».

Какая чушь! Он не слишком хорошо помнил мира ПНР, но, похоже, Баря^[95] рассказал о нем всю правду. Но, с другой стороны, все тогда должно было быть более простым. И более смешным.

Шацкий отнес подшивки на тележку, вежливо поклонился грудастой библиотекарше и сбежал по ступеням, напевая под носом хит Майкла Джексона «Девушка из библиотеки».^[96] Только на первом этаже он включил мобилку, и тут до него дошло, что в библиотеке он просидел три часа. Холера, снова он облажался. Теодор выругался вслух и позвонил Веронике.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

понедельник, 13 июня 2005 года

В Америке суд присяжных снял с Майкла Джексона обвинение в педофилии. Тем не менее, Король покинул здание суда в плохом настроении и в печали. В Белоруссии милиция задержала насильника-геронтофила. Самой младшей из его жертв было 62 года, самой старшей — 87. На Украине члены львовской городской администрации приняли постановление, необходимое для открытия Кладбища Орлят. Во Франции Анджей Севери получил Орден Почетного Легиона. А в Польше скука: Роман Гиртых желает привлечь к суду министра молодежи и спорта за то, что тот не предотвратил проведения нелегального Парада равенства. Ян Рокита^[97] соглашается с Ярославом Качиньским по вопросу люстрации и заявляет: «Имеется шанс на совместное правление». Лешек Миллер^[98] позорно проиграл предварительные выборы в Лодзи, тем не менее, он останется первым в списке. в Варшаве полиция раскрыла банду похитителей дорогих автомобилей, действующих по методу. В ходе следствия изъят пистолет с глушителем, 2,5 килограмма амфетамина и старинное самурайское оружие. В столице прекрасная погода, 22 градуса, солнечно, осадки не предусмотрены.

С самого утра Шацкий заехал к Олегу на улицу Вильчу. Так случилось, что на выходных никого не убили, и прокурора беспокоило, что если полицейский не доставит ему никаких новых сведений о Теляке, придется заняться наркотиками.

Они пили кофе из пластиковых стаканчиков в буфете полицейской комендатуры. Кузнецов в своей блестящей безрукавке, наброшенной на зеленую футболку выглядел ну совсем как валютчик со стадиона. Шацкий в сером костюме — походил на бухгалтера мафии, желающего серьезно поговорить с преступником о делах.

— Фоноскопия для тебя имеется, — сообщил Кузнецов. — К сожалению, не экспертиза, а неофициальное заключение. Лешек сделал мне это по знакомству, обычно же сравнительный материал необходимо записывать в их специальной фоноскопической студии. За нее заплатили бешеные деньги — они заглушили даже шорох электронов в электропроводах — и теперь о других записях не желают даже слышать. Выпендриваются. Но Лешек парень свой. Знаешь, что он все время настраивает пианино? Слух у него просто фантастический, я вообще удивляюсь, что работает на нас.

Шацкий купил бутылку воды, чтобы прополоскать рот после кофе, обладавшего вкусом мокрой тряпки. То ли заварили ячменный, то ли не промывали кофе-машину уже пару лет. Или же и то, и другое.

— Так каков же неофициальный вывод пана Лешака?

— Ты понятия не имеешь, что это за псих; как-то раз я был у него дома, уже не помню, по какой причине. Двухкомнатная квартира в крупноблочном доме на Урсынове, но ребенок спит вместе с ними, так как вторая комната предназначена исключительно для прослушиваний. Столик и ничего больше; все стены и потолок выложены лотками для яиц, ну, знаешь, теми большими, квадратными...

— Олег, смилуйся, у меня куча работы, а могут подвалить еще больше. Вывод.

Кузнецов заказал очередной кофе.

— Погоди, не пожалеешь.

— Пожалее, — махнув рукой заявил Шацкий.

— И вот как ты думаешь, что он там слушает?

— Ну, раз спрашиваешь, не музыку.

— Жену он слушает.

— Ой какой хороший семьянин. Это уже конец?

— Нет. Он слушает оргазмы собственной жены.

Кузнецов замолчал и триумфально глянул на прокурора.

Шацкий понимал, что прямо сейчас следует кольнуть приятеля точно нацеленным злорадством и закрыть тему, но не мог сдержать любопытства.

— Ну ладно, ты выиграл. Ты хочешь сказать, что они трахаются на тех его яичных лотках?

— Почти. Он заставляет ее мастурбировать в этой комнате и записывает ее стоны. Там никаких помех не должно быть.

Шацкий пожалел, что не прикрыл тему.

— Последний вопрос: на кой ляд ему это?

— Ради бабок! Он разработал такую теорию, что женщина, когда кончает, издает

особенный звук, частично выходящий за порог слышимости. Он хочет этот звук синтезировать, запатентовать и продавать рекламщикам. Ты понимаешь? Ну вот идет реклама живца^[99] по ящику, сравнивают его с тем, с этим, а ты вдруг сходишь с ума от возбуждения, потому что в рекламу вмонтировали тот самый звук. После того идешь в лавку, видишь это пиво, и у тебя тут же встает. И что? Станешь после того покупать другой пивасик? Можешь смеяться, но что-то в этом есть.

— Я даже знаю, что конкретно. Драма ребенка, вынужденного спать с родителями...

Кузнецов покачал головой, наверняка размышляя о том, а мог бы сам он заработать на кончающих рекламах, после чего вынул из кармана безрукавки блокнот.

— Лешек на девяносто процентов уверен, что голос, говорящий «папочка», это голос Квятковской. Варшавский акцент, характерная интонация, несколько приближенная к французской — вполне возможно, что девица когда-то проживала во Франции — и слегка заглушенная «р». Но только на девяносто процентов, потому что сравнительный материал был рабочим. Желю Теляка он решительно исключил, Ярчик, собственно говоря, тоже, хотя тут обнаружил много общих моментов. Он утверждает, что обе — и Квятковская, и Ярчик — должны быть варшавянками как минимум во втором поколении, причем — живущими в центре. И у них похожий, весьма высокий, окрас голоса.

Шацкий наморщил брови.

— Не шути. Ты никогда не сможешь уболтать меня, что по акценту можно узнать, кто живет в центре, а кто на Праге.

— Так я и сам удивлялся. Явно не тогда, когда живешь тут пару-тройку лет, но если твои дед с бабкой жили здесь — тогда да. Неплохо, а?

Шацкий автоматически согласился, размышляя над тем: а вот интересно, перехватила ли дочка, с рождения проживающая на Праге, пролетарский выговор правого берега Вислы?

Они еще поговорили о следствии, но Кузнецову особо сказать было и нечего. Только сегодня он встретится с финансовым консультантом Теляка; ага, еще он послал человека найти знакомых Теляка из техникума и политехнического института, чтобы тот порасспрашивал о давних любовных увлечениях покойниого. А под конец, когда Шацкий попросил полицейского как можно скорее найти акты расследования еще 1987 года, они поссорились.

— Не может быть и речи, — пошел в отказ Кузнецов, поглощая булку с кремом. — Никакой, курва, речи.

— Олег, пожалуйста.

— Напиши письмо коменданту. Ты всегда был настырным, но в этом следствии переходишь самого себя. Вот напиши на листке все, о чем до сих пор ты меня просил сделать, и сам увидишь. Нет, не может быть и речи. Или направь требование в полицейский архив. Недели через три все будет готово. Я же заниматься этим не собираюсь.

Шацкий поправил манжеты сорочки. Он прекрасно понимал, что приятель был прав. Но интуиция подсказывала, что этот след необходимо проверить как можно скорее.

— Ну в последний раз, честное слово, — просящим голосом произнес он.

Кузнецов только пожал плечами.

— Это тебе повезло, что мой приятель работает в архиве, — буркнул он наконец.

— Вот почему меня это не удивляет? — подумал Шацкий.

Янина Хорко — к счастью — выглядела, как и всегда некрасивой. На сей раз она умело подчеркнула полное отсутствие красоты с помощью черных брюк с тщательно заглаженной стрелкой и серой вязаной блузки с громадных размеров брошью из кожи. Так что Шацкий мог расслабиться и во время беседы глядеть начальнице в глаза.

— Иногда у меня складывается впечатление, пан прокурор, — бесстрастно цедила та, глядя на прокурора слоно на отстающий кусок обоев, — будто бы у пана, в свою очередь, складывается впечатление, что пан у меня пользуется некими особенными предпочтениями. Так вот, впечатление это ошибочное.

Шацкий был счастлив. Вот если бы она снова начала заигрывать и бросать на него значительные взгляды, пришлось бы менять работу. Какое облегчение!

— Среда, — ответил он.

— При чем тут среда? — спросила Хорко.

— По нескольким причинам... — начал было он, но снизил голос, так как в кабинете раздалось пикание, сигнализирующее приход эсэмэски: он забыл отключить телефон.

— Можете посмотреть, — злорадно оскалилась начальница. — А вдруг это кто-то признался в вине.

Шацкий глянул. «Понимаю, что глупо, но со вчерашнего дня страшно полюбила свои новые сандалии. Угадай, почему. Кофе? Мо».

— Это личное сообщение, — сказал Шацкий, делая вид, что не замечает мины начальницы. — Во-первых, мне нужно еще два дня, чтобы покопаться в деле Теляка, во-вторых, мне нужно подготовиться к процессу Глинского, а в-третьих, у меня куча бумажной работы.

— Не смешите меня, у каждого куча.

— В-четвертых, не думаю, чтобы над этим делом должно было бы работать уж столько человек, — сказал Теодор, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более деликатно.

Хорко глянула в окно, выдула верхнюю губу и тихонько фыркнула.

— Притворюсь, что вот этого не слышала, — заявила она, не глядя на подчиненного, — в противном случае, мне пришлось бы согласиться с тем, что пан оспаривает то, как я руковожу работой прокуратуры. Либо, что вы сомневаетесь в компетентности собственных коллег. Ведь вы имели в виду не это?

Шацкий не ответил.

Хорко усмехнулась.

— Ладно, пускай будет среда. Но ни часом больше.

Барбара Ярчик появилась в кабинете Шацкого ровно в одиннадцать. Тот заморгал, снова в голове что-то зачесалось. Дежа ву. Барбара Ярчик выглядела точно так же, как и неделю назад. С серьгами включительно. Прокурор подумал, что, возможно, она каждый день одевается по-другому, но придерживается недельного цикла.

Он задал женщине несколько рутинных вопросов. Не случилось ли чего; быть может, вспомнила про какие-то факты, о которых не рассказала ранее; не контактировала ли она с Каимом, Квятковской или терапевтом Рудским. На все эти вопросы женщина отвечала кратким «нет». Упомянула лишь то, что в четверг под каким-то мелким предлогом к ней приходил кто-то из полиции. Цели этого визита она не поняла.

— Полиция принимает во внимание все следы, наверняка то была рутинная проверка, — солгал Шацкий, посчитав, что Ярчик не следует знать о фоноскопических исследованиях. — Вы должны согласиться, что до времени окончания следствия подобного рода визиты могут случаться не так уже и редко.

Женщина кивнула. Без особого энтузиазма, но с пониманием.

— Принимаете ли вы снотворное? — спросил Шацкий.

Та наморщила лоб, размышляя по-видимому, зачем прокурор желает узнать об этом.

— Иногда, — ответила она через какое-то время. — Сейчас-то довольно редко, но когда-то была почти что зависимой, приходилось глотать таблетку чуть ли не еженощно.

— Зависимой?

— Ну, не в таком смысле, как наркотическая зависимость. У меня были проблемы, я не могла спать, врачи прописывали мне эти таблетки. В конце концов, их прием сделался таким же естественным делом, как чистка зубов перед сном. Когда это до меня дошло, я перепугалась. На эту терапию я пошла и по этой, кстати, причине.

— Но вам до сих пор случается принять таблетку?

— Не чаще, чем одну в несколько дней, может, раз в неделю. А бывает, что и реже.

— И какое лекарство вы сейчас принимаете?

— Транкилоксил. Это французский препарат.

— Сильный?

— Довольно. Только по рецепту. Опять же, слишком долго я принимала таблетки, теперь обычные снотворные меня не берут.

— Когда вы принимали транкилоксил в последний раз?

Ярчик покраснела.

— Вчера, — ответила она. — В последнее время у меня проблемы со сном.

— А вы не знаете, почему я об этом спрашиваю?

— Говоря по правде — нет.

Шацкий тянул со следующим вопросом. Возможно ли такое, что Теляк украл у нее таблетки? В таком случае, она сразу же должна была заметить их отсутствие.

— В келье пана Теляка в монастыре на Лазенковской нашли пустую бутылочку от транкилоксила. Патолог заявил, что пан Теляк — еще до того, как был убит — принял большое количество этих таблеток, но потом вырвал их. На бутылочке отпечатки пальцев пана Теляка и ваши. Вы можете объяснить это?

Теперь Ярчик побледнела. Она глядела на Шацкого перепуганными глазами и не отвечала.

— Я слушаю, — подогнал тот.

— Я... я... о Боже, я только что вспомнила, — выдавила из себя женщина. — Пан же не думает, будто бы я...

Она разрыдалась.

— Я страшно извиняюсь, — говорила Ярчик, ища платок в сумочке. Шацкий хотел бы подать ей свой, но у него, как на злость, не было. В конце концов, она нашла свой, оттерла глаза и высморкалась. — Мне ужасно стыдно перед паном, — тихо повторила женщина, все время избегая глядеть на прокурора. — Но как тут можно обо всем помнить, когда тут и терапия, и убийство, труп и вообще... Полиция и прокуратура. Из-за всего этого я все время чувствую себя обвиняемой и не могу спать. Даже своему терапевту позвонить боюсь, а кто знает, не замешан ли во все это еще и он сам. Вот и забыла.

— Скажите, пожалуйста, — как можно деликатнее сказал Шацкий, — о чем вы забыли.

— В пятницу вечером, уже после ужина, мы встретились с паном Хенриком в коридоре. Он, случаем, возвращался из туалета, ну а я шла туда по нужде. По-моему, он сказал, что это место его пугает, что у него мурашки по коже. Точно не помню, тогда я много размышляла о терапии, как все пойдет, так что была не совсем внимательна. Он говорил, что страшно нервничает, и нет ли у меня чего-нибудь снотворного. Я сказала, что могу предложить ему таблетку.

Шацкий прервал Ярчик движением руки.

— И вместо того, чтобы дать ему таблетку или пару, пани отдала весь запас препарата, к которому у вас зависимость? Не понимаю. Зачем?

— У меня были две.

— Таблетки?

— Бутылочки. Одну я бросила в чемодан, когда выходила из дома, а вторая была в косметичке. Я не вынимала ее оттуда после командировки в Ганновере, где была на ярмарке игрушек. Мне показалось, что глупо будет давать одну таблетку, если могу целую бутылочку. И мы договорились, что пан Хенрик отдаст мне лекарство перед отъездом.

— И много там было?

— Половина упаковки или чуточку меньше. Штук около двадцати.

Шацкий почувствовал в кармане вибрацию телефона. Снова эсэмэска. Перед тем он написал Моники, что с удовольствием выпьет с ней чашечку в четыре часа, но при условии, что та позволит ему хвалить свои одежды. Интересно, что там она написала в ответ.

— А в субботу пани не боялась, что пан Теляк сможет воспользоваться вашими же таблетками, чтобы покончить с собой?

Женщина закусила губу.

— Об этом я не подумала.

Шацкий взял открытую папку с материалами дела и прочитал: «И вот я подумала, быть может, кто-то оказал ему услугу, потому что, честное слово, нет, видно, миров, где пану Хенрику могло быть хуже, чем здесь».

— Это ваши слова, — сказал он.

— Но я не помню такого, чтобы они были в протоколе, — выпалила та, глядя прокурору в глаза.

Шацкий улыбнулся.

— Вы правы, я прочитал собственную заметку. Что вовсе не отменяет факта, что это ваши слова. Тут же в голову приходит вопрос, не произошла ли вся описанная пани ситуация не в пятницу, а в субботу. И, случаем, не дали ли вы пану Теляку больше таблеток, чем было нужно, чтобы — назовем это деликатно — дать ему выбор.

— Ну конечно же — нет! — подняла та голос. — Это подлые инсинуации.

На эти слова Шацкий не отреагировал.

— Надвигается вопрос, почему в ходе предыдущего допроса вы не упомянули о ночном разговоре с паном Теляком. Лично я подобное бы запомнил.

Женщина опустила голову, опираясь лбом на кончики пальцев.

— Не знаю. Я не могу этого объяснить, — тихо произнесла она. — Честное слово, не могу.

Шацкий воспользовался ситуацией, чтобы незаметно глянуть на дисплей телефона. «В таком случае бегу переодеться. Довстре 4 в Шп. Мо».

— Поверьте, сейчас я говорю правду, — прошептала Ярчик. — Зачем мне было бы лгать?

Мне и самому хотелось бы это знать, — подумал Шацкий.

— Этот вот вопрос может показаться пани странным, но где вы воспитывались в детстве.

Ярчик подняла голову и удивленно глянула на хозяина кабинета.

— Здесь, в Варшаве, но мои родители из Лодзи.

— А в каком районе?

— В Центре, неподалеку от комендатуры на Вильчей. Но когда мне исполнилось двадцать пять, я перебралась в Гродзиско. Уже лет и лет.

После этого Шацкий слегка наклонился к женщине. Ему не хотелось, чтобы та отвела взгляд, когда он будет задавать следующий вопрос.

— Говорит ли пани что-нибудь имя Камиль Сосновский?

Ярчик не спустила глаз. Не моргнула. Не наморщила лба.

— Нет, — коротко ответила она. — Кто это?

— Неудачник. Ладно, это неважно.

Ханна Квятковская выглядела намного лучше, чем неделю назад, не была она и столь дерганой. Возможно, ее паршивое состояние не было вызвано не неврозом, а только лишь психотерапией выходного дня, законченной нахождением останков Хенрика Теляка. Сейчас она казалась особой энергичной и довольной жизнью. И, благодаря этому, привлекательность ее увеличилась. Шацкий подумал, что объективно она значительно красивее Моники, хотя и старше на восемь лет. На несущественные вопросы, которые он задавал, чтобы раскрутить беседу, женщина отвечала коротко и по делу. Один раз она даже позволила себе пошутить, но Шацкий не отреагировал. Больше уже не пыталась. Оказалось, что Лешек таки прав, и что Квятковская росла неподалеку от площади Конституции, хотя сейчас проживала на Грохове, неподалеку от площади Шембека. Шацкому хотелось спросить, не чувствует ли она себя ссыльной, как он сам, но от этого намерения отказался. Вместо этого он спросил у нее про Камиля Сосновского. Немного подумав, женщина заявила, что такой ей не известен. И ей не хотелось знать, почему прокурора это интересует.

— Пани известно, что такое фоноскопия? — спросил тот.

Квятковская почесала щеку.

— Ну... не знаю, — ответила она. — Но по названию делаю вывод, что это что-то вроде дактилоскопии, только относится к звукам. Наверняка, это какая-то криминалистическая техника, касающаяся распознавания голоса. Я права?

— На все сто. Зачем я спрашиваю? Так вот, в ходе следствия мы зафиксировали, — про себя Шацкий выругался за употребление новояза, — диктофон пана Теляка. Могу вас признаться, что тот был чем-то вроде записной книжки и дневника. Он записывал там деловые встречи и персональные размышления. Самым интересным для нас оказался фрагмент, записанный им после субботней психотерапии.

Квятковская отрицательно покачала головой.

— Не хотелось бы мне услышать того, что он записал. Для нас все было ужасно, а что говорить про него.

— Тем не менее, я расскажу пани вкратце. Пан Хенрик находился в крайне плохом состоянии, ему казалось, будто бы он слышит голоса, но считал, что это у него бред,

галлюцинации. И тогда он решил записать их, чтобы проверить, реальны ли те.

Он прервал, внимательно следя за реакцией Квятковской. Та ничего не сказала, но ее свободное настроение испарилось. Несколько раз она моргнула правым глазом. Шацкий спросил, не желала бы пани Квятковская как-то все это прокомментировать. Та отрицательно мотнула головой и поправила очки. Шацкий вновь почувствовал почесывание в мозговой коре. Либо я уже не способен ассоциировать факты, либо необходимо обратиться к неврологу, подумал он.

— Прослушивая запись, в первый момент мы были потрясены, так как Теляк записал свой разговор с умершей два года назад дочкой. Материал был подвергнут фоноскопическому анализу, и выводы однозначны. Тем человеком, который стоял под дверью комнаты Теляка и изображал его покойную дочку, являетесь вы. Как вы можете это прокомментировать?

Квятковская вся сделалась серой.

— Это какая-то шутка, — выдавила она из себя. — Не верю...

Прокурор Теодор Шацкий почувствовал себя ужасно уставшим. Эта обманщица ему уже надоела.

— Видите ли, — сказал он намного громче, чем собирался. — Я представляю пани не свои гипотезы, но факты. А факты таковы, что после исключительно тяжелой для Хенрика Теляка терапевтической сессии пани изображает под дверью его покойную дочку, намекая на то, что он должен прийти к пани — то есть, к своей дочери — а через минуту Теляк записывает прощальное письмо жене и заглатывает упаковку снотворных таблеток! Так что не говорите, во что пани верит, а только, ради Бога, прокомментируйте эти факты. Пока я не подумаю, что пани решила воспользоваться вертелом, раз пани не удалось склонить Теляка к самоубийству, и, просто напросто, не посажу пани за решетку.

Он не блефовал. После обнаружения записи и подтверждения того, что это был голос Квятковской, гимназическая учительница стала главной подозреваемой. На всякий случай в ящике его письменного стола лежало подписанное Хорко постановление о предъявлении Квятковской обвинений. Он был готов официально сделать ее подозреваемой в следствии, тщательно обыскать ее квартиру, назначить ей полицейский надзор и направить на психиатрическую экспертизу. Только две вещи его удерживали: интуиция и опасение, что в суде пролетит под фанфары уже на первом заседании. Вместо доказательного материала Шацкий располагал лишь туманными уликами и дурацкими теориями на грани эзотерики.

Женщина вскочила с места и начала ходить кругами по кабинету.

— Должно быть, это кошмарный сон, — уговаривала она сама себя. — Это не может быть правдой, не может.

Остановилась и поглядела на Шацкого.

— Мне сложно поверить, что пан не лжет. Но я верю, ибо, в конце концов, какой для вас во всем этом смысл. Прошу запротоколировать, что я, полностью осознавая уголовную ответственность, или как там говорится, клянусь и подчеркиваю всеми силами, что не помню, чтобы я стояла под дверью Хенрика Теляка и изображала его дочку. Клянусь! Можете исследовать меня на детекторе лжи, направить на психиатрические исследования — я согласна на все.

«Если сейчас ты не спросишь, чего же такого ты говорила Теляку через двери, я обязательно представлю тебе обвинения», — подумал Шацкий и выдвинул ящик стола.

— Но прежде всего, — Квятковская нацелила палец в прокурора, — я требую, чтобы

пан представил мне эту запись. Я хочу знать, в чем меня обвиняют.

Тот вынул из ящика стола диск и вставил в стоящую на подоконнике допотопную «селедку».^[100] Запустил Квятковской «разговор с духом». Уже после первых слов пришлось прервать, так у женщины случился приступ истерии. Шацкий подал ей стакан воды, уложил на полу, сунул под голову свернутый пиджак, отправил сотрудников, которые пришли, обеспокоенные громким плачем, а при этом размышлял: можно ли столь замечательно притворяться. Минут через пятнадцать Квятковская заявила, что чувствует себя уже лучше, и что ей хотелось бы выслушать запись до конца.

Женщина побледнела, кулаки судорожно сжаты, но она уже не плакала.

— Так я вас слушаю, — сказал Шацкий после того, как выключил проигрыватель.

— Свой голос я узнаю, но мне кажется, что сейчас вот-вот кто-то выскочит из шкафа и крикнет «surprise!», а пан вручит мне букет цветов, который прячет под столом. Я не могу этого объяснить, не знаю, как такое возможно, единственное, что я помню от того вечера, что зубы чистила пальцем, потому что щетку забыла, а потом легла спать. Я понимаю, что пан может мне не верить, но все это самое странное, случившееся со мной за всю жизнь. Я слышу собственные слова, которых никогда не произносила.

Шацкий записал и подал протокол женщине. Перед тем, как подписать, она дважды все прочитала. Ю очень внимательно.

— Я не представлю пани обвинения, хотя и мог бы, и никто ко мне не имел бы претензий, — сказал прокурор. — Только мне бы хотелось, чтобы пани знала, что на данном этапе следствия пани является — назовем это так — наиболее наблюдаемой. Поэтому прошу вас ни с кем об этом всем не говорить и не выезжать из Варшавы. Если у меня появится хотя бы малая тень подозрения, что вы затрудняете расследование, в тот же самый день вы очутитесь под замком. Это вам ясно?

За Ханной Квятковской еще не закрылась дверь прокуратуры, а Теодор Шацкий уже жалел о собственном решении. Вера в интуицию тебя погубит, констатировал он про себя. Нужно было ее посадить и посмотреть, что будет дальше.

Он отдал секретарше указание не переключать на него никакие телефонные звонки, выключил компьютер и поудобнее устроился в кресле, чтобы через включенный интерком выслушать беседу, что велась в соседней комнате. Было жаль, что в офисе нет установленных видеокамер, а хотелось бы увидеть, как похожий на плюшевого медведя инспектор допрашивает Игоря. Если бы мусор подозревал хотя бы сотую часть того, о чем знал Игорь, во что был замешан, то сюда прибыл бы в сопровождении целой армии антитеррористов. Мужчине захотелось посмеяться: даже если бы у полицейского такая идея и появилась, сам он этого бы не допустил. Одним телефонным звонком.

— Какой классный меч. Это самурайский?

— Подарок от одного из клиентов. Неподдельный артефакт восемнадцатого века из Японии. На вашем месте, пан инспектор, я бы его отложил. Очень легко можно покалечиться.

— Да я привыкший. Как раз вчера порезался, когда чистил рыбу. Давно уже не покупал чего-то такого, что не было бы замороженным камнем. А вот вы знаете, что как-то раз детей в США попросили нарисовать рыбу, так кое-кто нарисовал такой вот брикет? Здорово, а?

— И правда, увлекательно. Но только в этом как раз случае, вы можете потерять пальцы, в лучшем случае — перерезать сухожилия на ладони. Присаживайтесь. Так пану будет удобнее.

— Целый день сижу, на заднице уже мозоли. Вам не помешает, если я чуточку похожу? У пана кабинет больше, чем площадки для прогулок во многих польских тюрьмах.

— Мне трудно оценить, никогда не имел удовольствия.

— Не хвали дня до заката Солнца, как говаривали древние китайцы. Или римляне — тут я не уверен. Впрочем, давайте перейдем к делу.

— Охотно. Не скрываю, мой деловой календарь практически заполнен.

— Расскажите мне о финансах пана Хенрика Теляка. Насколько я понимаю, пан был его бухгалтером.

— Консультантом по инвестициям. Мы ведь консалтинговая фирма, заполнением налоговых деклараций не занимаемся.

— Жаль, оно вроде как дело прибыльное. А пан мог бы прикупить нож для бумаги, была бы пара с мечом.

— Мы вели инвестиционный счет пана Теляка, кроме того, он депонировал у нас свой полис страхования жизни.

— Инвестиционный счет? То есть?

— У нас имелась доверенность по распоряжению собранными там денежными средствами до процентами определенной суммы. В данном случае: пятидесятью процентами по состоянию на конец предыдущего полугодия, но не больше среднего значения за последние два года. А это означает, что чем больше мы заработали для пана Теляка, тем больше могли инвестировать, но если бы в чем-то промахнулись, и пан Теляк потерял средства, мы не могли бы уменьшить его счет на сумму, меньшую, чем — назовем это так — безопасную сумму.

— И часто вы теряли?

— Пан Теляк никогда не зарабатывал меньше двадцати процентов накопленных

средств. Понятное дело, что после его смерти новые инвестиции мы прекратили. Что случится с деньгами далее, зависит от вдовы пана Теляка. Она может ликвидировать счет, может потребовать выплаты части денег, но может нам доверить и дальше распоряжаться финансами на предыдущих или новых условиях.

— И сколько же на счету сейчас?

— Неполные пятьсот тысяч злотых наличными и шестьсот тысяч в активах.

— Не понял?

— Всего миллион и сто тысяч. Понятное дело, эта сумма ежедневно изменяется в зависимости от курса акций, валют и так далее. Некоторые инвестиции долгосрочные, так что если бы пани Теляк пожелала как можно быстрее все превратить наличность и вывести ее — получилось бы около миллиона.

— А полис?

— Полмиллиона.

— Похоже на то, что вдовушке не нужно будет спрашивать в аптеке польские заменители.

— Пан Хенрик Теляк был нашим клиентом, но и моим многолетним приятелем. Точно так же, как и его супруга. Так что я просил бы тщательнее выбирать слова.

— А она знала про полис и инвестиционный счет?

— Нет.

— Вы уверены?

— Разве что узнала от Хенрика.

— Она уже посетила вас?

— Мы виделись на похоронах, но о деньгах не разговаривали. Она лишь обещала, что заскочит на будущей неделе.

— Но это несколько странно, пан так не считает?

— Нет. Насколько мне известно, Ядвиге хватает средств на текущие расходы.

— Понятно. И долго вы знали Хенрика Теляка?

— Познакомились мы еще на учебе в политехническом, это был конец семидесятых годов, но еще перед введением военного положения. Потом наши пути на какое-то время разошлись. Я, немного по знакомству, получил работу в одном из центров по внешней торговле, заинтересовался экономикой, а он остался верен полиграфии. А в восемьдесят девятом году случайно встретились.

— Выходит, это ваша фирма?

— Я являюсь одним из совладельцев и вице-президентом.

— Пан долго занимался финансами пана Теляка?

— Более десяти лет, с девяносто четвертого года.

— И к вам можно прийти вот просто так, с улицы?

— Можно, хотя и не сказано, что мы пана обслужим. Мы фирма небольшая, но элитарная. Клиентов у нас немного, но никто из них — как бы это сказать — только на жизнь не зарабатывает. Все попали к нам по рекомендации. Мы способны заработать для них много денег, но и наши гонорары низкими не назовешь. Но пока что еще не случалось, чтобы кто-то был недоволен нашими услугами.

— То есть, вы не являетесь никакой тайной сектой?

— В смысле?

— Пропитанные сексом ритуалы инициации, распорядительницы в одеянии всего из

двух стодолларовых купюр, ритмичные удары в бубен и вообще удары...

— О подобном мне ничего неизвестно.

— А может вам известно такое? Были ли у Теляка враги, люди, завидующие его положению и деньгам?

— На эту тему мне ничего неизвестно.

— А не говорят ли пану имена: Цезарий Рудский, Эузебиуш Каим, Барбара Ярчик Ханна Квятковская?

— Рудского я пару раз видел по телевизору, он выступал, кажется, в качестве эксперта в каком-то ток-шоу. У моей жены имеется его книга по решению проблем в семье. Фамилии остальных мне ничего не говорят.

— Камиль Сосновский?

— Тоже нет.

— Жаль. Следующему вопросу попрошу не удивляться, я не шучу и проверяю важный след.

— А жаль. Мне ваши шутки понравились.

— Некий прокурор сказал бы, что в таком случае вы первый. Помните ли вы сами со времен учебы в институте, или же может Хенрик Теляк рассказывал вам о более ранних временах — о женщинах, с которыми он встречался? Была ли у него некая большая любовь? Или в его судьбе, возможно, произошла некая трагедия, странное травматическое переживание?

— Нет, по данной теме мне ничего не известно. Политехнический не мог быть источником подобного рода замечаний, девушек там мало, но помню, что Хенрик практически никогда не участвовал в наших походах — прошу прощения — «по телкам». Пару раз он встречался с какой-то девушкой в течение нескольких месяцев, только я не сказал бы, чтобы там было что-то серьезное. Он вообще был довольно робким. А в последний год занятий, то был, кажется, восемьдесят четвертый, он без памяти влюбился в Ядзю. А она его не желала. Он же ходил словно во сне. Как он еще диплом защитил?... А потом мы расстались, когда же встретились в следующий раз — они уже были в браке. Поженились они в восемьдесят восьмом или восемьдесят девятом.

— Их брак был удачным?

— Мы не встречались настолько часто, чтобы я мог это оценить.

Как только Кузнецов покинул офис фирмы, Игорь зашел в кабинет мужчины. Он был без пиджака.

— Вот же назойливый хам, я даже вспотел. Всякий раз, как он открывал рот, меня просто трясло. Ненавижу таких людей. Ты все слышал?

Мужчина кивнул.

— Похоже на то, что больше притворяться мы не можем. Они ведь не наощупь блуждают. Я чуть ли не в ступор впал, когда он спросил про него. Даже не думал, что они на это наскочат.

Председатель правления встал с места и подошел к окну. Действительно, это было определенное несоответствие, но по сравнению с другими угрозами, с которыми им пришлось сталкиваться в течение последних лет — ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться. Он глядел на растягивающийся внизу бетонный луна-парк и размышлял, что если бы обладал божественным могуществом, то в одно мгновение вытащил бы на свет божий все тайны, скрывающиеся в стенах этого невеселого городка, каким является Варшава.

Все. Не только те, что были наиболее крупными — ведь он и сам был их хранителем — от сохранения которых зависела безопасность страны. Все коммерческие махинации, случаи неверности, семейных измен, мелкие обманы ради флирта, родительские полуправды, детские утаивания. И вот так, по щелчку его пальцев, все было бы раскрыто. И нашелся бы после того хоть один человек, который осмелился бы повторить за их окруженным слепым поклонением божком: истина освободит вас?^[101] В этом он как раз сомневался.

— Ты прав, — сказал он, отворачиваясь от окна. — Пора начинать действовать. Кузнецов, как мне кажется, безвреден, а вот про прокурора Шацкого мы обязаны знать как можно больше. Где работает его жена, в какую школу ходит дочка, кого он трахает на стороне, с кем уговаривается на пиво и кого терпеть не может на работе. Думаю, под конец недели нужно будет нанести ему визит.

— Сколько у меня времени?

— До утра среды. Потом уже может быть и поздно.

Цезарий Рудский выздоровел и вернулся к своему стильному хемингуэвскому имиджу. Тоненький гольф, кажущиеся пушистыми волосы «перец с солью» с преимуществом седины и такая же борода, пронзительные голубые глаза и терапевтическая улыбочка, одновременно благожелательная и издевательская. Весь его вид, казалось, говорил, что этот мужчина наверняка выслушает тебя заинтересовано и с пониманием, но выдержит ко всему этому здоровую дистанцию и удержится от вторжения на интимные территории. Да, Цезарий Рудский мог бы выступать на биллбордах, рекламирующих психоанализ.^[102]

Шацкий завел разговор о гипнозе, психотерапевт отвечал долго и обширно, пока прокурору не пришлось его попросить не пояснять так уж подробно теорию, но ответить на вопрос.

— Вы способны загипнотизировать пациента?

— Конечно. Но пользуюсь этим редко, так как считаю, что процесс терапии должен полностью осознаваться. Но часто источником заболевания является настолько вытесненное воспоминание, что добраться до него можно только лишь путем регрессии пациента. Лично я считаю это окончательным выходом.

— Путем регрессии? — Шацкий желал удостовериться, что и он, и Рудский имеют в виду одно и то же.

— Путем вывода, отступления пациента в прошлое. Это очень деликатная операция, требующая осторожности и такта. И храбрости, так как пациент часто перемещается по воспоминаниям, которые сильнее всего запечатлились в памяти или же сильнее всего были вытеснены. Так что это может быть шокирующим. Как-то была у меня пациентка, которую в детстве сексуально растлевали воспитатели в приюте, женщина ужасно разбитая морально. Только я об этом не знал. Она, определенным образом, тоже не знала. Когда она неожиданно в ходе проведения регрессии начала мне рассказывать голосом и выражениями маленькой девочки о подробностях оргии, в которой обязана была участвовать — прошу представить, но я вырвал.

— Может и лучше, что о некоторых вещах мы не помним.

— Я тоже так считаю, хотя многие психотерапевты с этим не согласны. Думаю, наш мозг знает, что делает, когда заставляет нас забыть. Хотя, естественно, есть такие поступки, которых выбросить из памяти нельзя. Вы об этом знаете лучше всех.

Шацкий сморщил брови.

— Что пан имеет в виду?

— Поступки, за которые те, кто их совершил, обязаны понести наказание. Преступления. Убийства.

— А вы сообщили в полицию или в прокуратуру про тех воспитателей из детского приюта?

— Пациентке было практически шестьдесят лет.

— Но если бы в ходе гипноза вы столкнулись с информацией о совершенном недавно преступлении, и вы бы знали, что утаить это будет лучшим для вашего пациента, что бы вы сделали?

— Утаил бы эту информацию. Я руководствуюсь добром пациента, а не общества.

— В этом мы различаемся.

— Похоже на то.

Шацкий незаметно глянул на часы: около половины четвертого. Если он не хочет опоздать на встречу с Моникой, темп беседы следовало ускорить.

— А вот могли бы вы загипнотизировать кого-нибудь так, чтобы потом — независимо от своей воли — он сделал бы что-то такое, чего бы в своем обычном состоянии сделать никак не мог?

Это была одна из его теорий, которая, несмотря ни на что, казалась ему более достоверной, чем совершение преступления Ханной Квятковской. Харизматический психотерапевт использует естественное влияние на людей, да еще и гипноз, чтобы руками пациентов свести собственные счеты. Нет, если подумать, предположение совершенно невообразимое, словно из детективного сериала, но кто сказал, что подобного не могло случиться? В умственном построении было множество слабых мест, прежде всего — не было мотива, опять же, крайне сложно было бы ответить на вопрос, почему Теляк отправился на терапию к человеку, с которым у него имелись какие-то счеты. Только Шацкий интуитивно чувствовал, что у этого дела не будет очевидного решения, и что следует рассмотреть любую, пускай даже самую идиотскую на первый взгляд теорию.

— Не знаю, никогда не пробовал, я же врач, а не иллюзионист, уважаемый пан прокурор. — Вопрос явно тронул Рудского за живое. — Только не верьте, пожалуйста, тому, что описывает в своих романах Дин Кунц. Программирование кого-нибудь так, чтобы тот сделал что-то помимо собственной воли и совести, требовало бы не гипнотического сеанса, но постоянного промывания мозгов: множества гипнотических сессий, наверняка объединенных с фармакологической поддержкой, цель которых заключалась бы в такой перестройке всей личности пациента, чтобы он мог себя вести в соответствии с навязанной ему программой. Да и тогда еще нельзя быть уверенным в успехе. В любой книге о гипнозе пан может найти информацию, что практически невозможно заставить кого-либо поступить вопреки своим моральным принципам. Ну, допустим, такой вот известный пример: в ходе занятий в медицинской академии преподаватель ненадолго должен был оставить в аудитории введенную в гипнотическое состояние пациентку, оставив ее под надзором студента. Понятное дело, студент тут же приказал той раздеться, на что та, когда уже пришла в себя, дала ему по морде. Так что пан сам видит, если бы все было так просто, гипноз применяли бы в каждой фирме, чтобы сотрудникам не хотелось выходить на перекур, сплетничать и раскладывать пасьянсы на компьютере.

Теодор Шацкий автоматически кивал, все время размышляя над тем, следует или нет рассказать Рудскому о Квятковской, изображавшей покойную дочку Теляка. Он уже говорил об этом с Врубелем, мнение психотерапевта не было ему нужно. Но он мог проверить кое-что другое. Он попросил Рудского сохранять полнейшую тайну и воспроизвел ему запись Теляка.

— Вот это да! — терапевт не выглядел шокированным или перепуганным. Наоборот — от возбуждения у него на щеках расцвел румянец. — Пан знает, что это значит? Что поле может быть сильнее, чем кто-либо мог предположить. Если эта запись была сделана в одиннадцать вечера, то есть, через четыре часа после завершения сессии, то это просто невообразимо!

Он встал и начал ходить по комнате. А точнее, нарезать круги, подскакивая, размеры помещения не позволяли осуществлять прогулку или того, чтобы сделать хотя бы пару энергичных шагов.

— Четыре часа после сессии, а идентификация настолько сильная, что мне трудно поверить. Можно предполагать, что личность пани Хани каким-то образом была похожа на личность дочери пана Хенрика, что произошло сопряжение, но ведь и так! Пан понимает, о сколь громадной силе это свидетельствует? Я не удивился бы, если бы теория поля вышла за рамки психологии и сделалась зародышем новой религии!

Рудский все сильнее возбуждался, а на часах уже было без четверти четыре.

— При условии, что она не притворяется, — холодным тоном вмешался Шацкий.

— Чего-чего? Не понимаю. Как это: «притворяется»?

Врач перестал подсказывать и изумленно поглядел на прокурора.

— Не забывайте, что завершением вашего терапевтического эксперимента является лежащий на полу труп с расплзшимся по щеке глазом. Кто-то его убил, и я не скрываю — хотя надеюсь, что это останется между нами — лицом наиболее подозрительным. Вот взгляните — все очень сходится. Она играет дочку, которая по причине отца совершила самоубийство, на идентификации не останавливается, и она просит его, чтобы тот пришел к ней, но тот убегает. Она не может этого вынести, тогда она хватается вертел... Так что все сходится.

Рудский с размаху уселся на стул.

— Пан с ума сошел, — выдавил он из себя. — Пани Ханя не имеет с этим ничего общего. Головой ручаюсь. Это абсурд!

Шацкий пожал плечами и бесцеремонно откинулся на спинку стула.

— Почему вы так считаете? Или вы знаете что-то такое, о чем я не знаю? Тогда скажите мне.

— Да нет же, откуда, пан просто не понимает. Убийство чудовищным образом обременяет систему, оно всегда против и никогда — за. Расстановка способна стать причиной самоубийства, но убийства — никогда.

— А может у нее имелся другой мотив, а не система.

Психотерапевт молчал.

— Я в это не верю, — сказал он через минуту.

— Точно ли — нет? Она приходила к вам на терапию, рассказывала о себе, своей жизни, детстве, любви, ненавистях. Вы не помните ничего такого, что могло бы представлять мотив?

Терапевт молчал.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Так, так, так, — произнес Шацкий и вздохнул. — Вы же и так мне не скажете, ведь вы же руководствуетесь добром пациента, а не общества. Это мы уже установили. Ну да ничего, даже если перед полицейскими и прокурорами люди не откровенничают столь охотно, как перед аналитиками, то и нам иногда удастся чего-нибудь узнать. Надеюсь, что пан осознает, что контакт с пани Квятковской в настоящий момент может привести пана к аресту? Суд, скорее всего, не признает, что помощь лицу, подозреваемому в убийстве, это элемент соблюдения врачебной тайны.

Рудский тихонько засмеялся и отрицательно покачал головой.

— Боже дорогой, пан даже не знает, насколько пан ошибается.

— С удовольствием узнаю.

— Я уже все вам сказал.

— Понятно. Вы не знали Камиля Сосновского?

— Простите, как вы сказали? — Рудский очень старался выглядеть словно человек, не расслышавший вопроса, только Шацкий слишком многих допрашивал, чтобы не заметить, когда кто желает потянуть время. Старая и примитивная штучка, дающая на несколько секунд больше на принятие решения: то ли говорить правду, то ли выдумать ложь.

— Камиль Сосновский, — молниеносно повторил прокурор.

— Нет, мне жаль. В первый момент мне послышалось: Косовский. Был у меня когда-то такой пациент.

Черта с два, — подумал Шацкий. Желаете затереть нехорошее впечатление, врунишка.

— Косовский? Интересно. Избавлялся от депрессии после того, как провел целый сезон на скамье запасных в Кайзерслаутерне?^[103]

— Прошу прощения, но я не понимаю.

— Это я прошу прощения, на шутку потянуло, — глянул Шацкий на часы. Уже опоздал. — У меня имеется еще одна просьба: мне хотелось бы прослушать кассеты записей сессий индивидуальной терапии Хенрика Теляка. Не могли бы вы их привезти завтра перед обедом?

— Но ведь я, кажется, уже упоминал, что терапия не записывалась.

— Тогда я еще не знал, что пан лжет. Вы дадите мне эти кассеты, или мне следует позвонить в полицию, чтобы мы отправились вместе ради обыска вашей квартиры?

— Пожалуйста. Можете даже срывать паркет. Если обнаружите хотя бы одну единственную кассету с записью терапии Теляка, я отдам пану весь свой годовой доход.

— К сожалению, я не имею права взять от вас даже монету в десять грошей. Закон о прокуратуре.

Даже если эта информация Рудницкого и опечалила, по себе он этого никак не дал понять.

— В таком случае, прошу ответить мне на один вопрос. И указываю, что данный допрос протоколируется, а вы обязаны говорить правду. В противном случае, в последующем вы можете быть обвинены в даче лживых показаний.

— Вы уже предупреждали меня об этом.

— Знаю, но я заметил, что иногда вы плохо слышите то, о чем я говорю. Рассказывал ли Хенрик Теляк пану что-нибудь о любви давних лет, периода учебы, а может, о любовнице того периода, когда он был уже женат? О ком-то крайне важном, кто, возможно — хотя это и не обязательно — трагически погиб? Или же о ком-то, с кем Теляк расстался в трагических обстоятельствах?

Сидящий с другой стороны стола мужчина снял очки, протер их замшей, извлеченной из кармана пиджака, и тщательно водрузил их на нос. Шацкий подумал, что в последнее время допрашивает одних очкариков. Ярчик с Квяткрвской тоже отличались изъясном по зрению.

— Нет, никогда он о подобной женщине не упоминал, — сказал психотерапевт, глядя Шацкому прямо в глаза, а прокурора это крайне удивило, так как взгляд свидетеля был переполнен печалью. — И я вообще не верю, чтобы такая женщина вообще существовала. Хенрик Теляк любил только лишь свою Ядзю и никого больше. Даже дочь он не любил так, как жену. Он любил ее так, что, вероятно, ни пан, ни, тем более, я, никогда не познаем подобной любви. И, возможно, мы обязаны поблагодарить за это Господа.

Было десять минут пятого. Прокурор Теодор Шацкий быстро маршировал по улице Журавей, по затененному деревьями тротуару, по той стороне, на которой располагалось геодезическое управление. В аркадах здания по другой стороне люди сидели за столиками ресторанов, появившихся за последние годы. Одна из них, итальянская *Compagnia del Sole*, могла бы стать его наиболее любимой, если бы он мог позволить бывать здесь чаще одного раза в год. Он столь редко ел в городе, что было бы сложно говорить о каком-то любимом заведении, не считая кебабной на Вильчей. Зато он знал все окрестные турецкие предприятия фаст-фуда, и вот тут мог считать себя экспертом. Бар «Эмиль» по его мнению, был самой лучшей забегаловкой, где подают кебаб, во всем Центре. Только он сомневался, чтобы эта информация была способна произвести впечатление на ком-либо из поедающих ленч ценой в сорок злотых.

Шацкий притормозил, не хотелось прибыть в «Шпильку» запыхавшимся. Он уже перешел на другую сторону улицы, рядом с этнографическим факультетом Варшавского университета, когда позвонил Кузнецов.

— Только быстро, я спешу на встречу.

— А твоя жена об этой конференции знает?

Шацкий подумал: до тех пор, пока Кузнецов работает в столичной полиции, сам он никогда не отважится совершить преступление.

— Я честное слово спешу.

— Сыну Теляка и его мамаше нечего беспокоиться о стоимости операции за границей. Наша вдова унаследует около миллиона наличными, плюс полмиллиона по страховому полису. Ты там еще стоишь?

— Нет, свернулся в клубочек на тротуаре. Так, мужик был начальником в процветающей фирме, в течение многих лет чего-то там откладывал, кто-то за него средства с толком вкладывал. Все сходится. Что же касается страховки, то раз уж такой нищий как я застрахован на сто тысяч, так что тогда говорить о нем. Предположим, он выплачивал ежемесячно по пятьсот злотых страховых взносов. Думаешь, по этой причине больше ничего не мог себе позволить. Успокойся! Что еще?

— В архивах нет никакого следа от Камиля Сосновского и его убийства, за исключением того, что имеется заметка в книге заявок и в книге актов. Сами материалы испарились.

— Может твой дружок просто не умеет искать?

— Мой дружок работает там уже семь лет, не было еще такого дела, которого бы он не разыскал за полчаса.

— Что это может означать?

— Ничего. Вполне возможно, что кто-то взял их «на минутку», настолько ненадолго, что этого даже не было отмечено, а потом этот кто-то о них забыл, материалы дела валяются в каком-то забытом шкафу во дворце Мостовских. Бывает. Но если у тебя сегодня свободный вечерок, можешь встретиться с милиционером, который занимался этим делом; вы соседи.

— И где он проживает?

— На Молота.

— Ладно, вышли мне координаты эсэмэской, может, и заскочу к нему. А если не смогу,

иди ты завтра или пошли кого-нибудь от вас. Я ведь и в самом деле не обязан заниматься подобными вещами. Извини, Олег, мне нужно заканчивать. Я звякну.

— Передавай ей привет и от меня.

— Передавай привет моей заднице.

Двадцать минут пятого. Шацкий уже заходил в кафе, представляя себе кислую мину готовящейся уходить Моники, как телефон зазвонил снова. На сей раз Котенок. Шацкий вздохнул, нажал на кнопку с зеленой трубкой и отсупил в сторону Братской.

— Ты где?

— На улице, — буркнул он в ответ, — перекусывал, сейчас возвращаюсь на работу.

— Прелестное предложение: одна треть правды, одна треть полуправды — он выскакивал ранее что-то перекусить — и треть наглой лжи. Вот где было бы развернуться аксиологу. [\[104\]](#)

— Умоляю, забери Хельку из детского сада. Мне нужно задержаться, у нас собрание, завтра очень важный процесс, речь идет о миллионах и миллионах. Если выйду, то могу уже и не возвращаться.

Шацкий опустил мобилку, прикрыл ее ладонью и громко выругался. Проходящая мимо приятная такая, обильная блондинка, толкающая перед собой коляску с близнецами, глянула на него с сожалением.

— А твоя мама?

— Я им звонила, утром они уехали в Вышков, к знакомым, и до сих пор там торчат. Прощу тебя, Тео, только не говори, что именно сейчас тебя ждет допрос серийного убийцы.

— Ладно уже, ладно, до какого времени ее нужно забрать?

— Детский сад работает до половины шестого, но прошу тебя, попытайся...

— Я попытаюсь, — перебил Шацкий жену. — Ни о чем не беспокойся. Пора закачивать. Чмоки-чмоки.

— Пока, спасибо.

Двадцать пять минут пятого. Шацкий в панике вбежал в «Шпильку», забывая о том, что необходимо держать марку. Внизу ее не было. Глянул на антресоли — тоже нет. Ушла. И прекрасно. Вот и все, если речь идет о его флиртах с молодыми, привлекательными женщинами. Нужно найти себе замужнюю тетку лет сорока пяти, которой ее старик уже осточертел, и которая ничего особого от жизни уже не ожидает; он будет заскакивать к ней, когда ее супруг уже отправится в свою контору с кондиционером, а дети уже отправились в школу. Услуга за услугу. Но, по крайней мере, Хелька не будет последним ребенком, которого забрали из детского сада. Он прекрасно знал, как оно бывает. Сидишь на полу, перебираешь игрушки, подскакиваешь всякий раз, когда открывается входная дверь. Взбешенная воспиталка читает газету за столом читает газету, ежеминутно поглядывая на часы. Ну, и когда придет этот отец, когда же? Да, сегодня наш папа не молодец!..

Он повернулся и столкнулся с Моникой.

— Ты не в себе, Теодор, — рассмеялась журналистка. — Бегаешь туда-сюда, а меня и не замечаешь. Не думал же ты, что в такой прекрасный день я буду сидеть внутри? Там бы меня видело слишком мало народу, — говоря это, она крутанулась на каблучках тех самых сандалий, в отношении которых вчера Шацкий расточал комплименты.

Шацкий подумал, что обязан взять назад все, что говорил об этой фигуре. Ноги вовсе не были кривыми, плечи — широкими, а груди — маленькими. Все в ней показалось абсолютно совершенным, и это не могло быть заслугой только лишь тоненького льняного

платица — разрезанного во всех тех местах, где должно было быть разрезанным. Ему вспомнилась советская сказка,^[105] в которой король пожелал проверить ум героини, приказав ей прибыть в замок одновременно и одетой, и раздетой. Хитроумная девица прибыла, закутавшись в рыбацкую сеть. Стоя под солнцем, Моника казалась одетой в что-то немногим большее. Когда они уселись за столом, Теодор без труда мог различить очертания ее тела и белого нижнего белья.

— Ты и вправду переделалась, — завел он совершенно глупо.

— Ты считаешь, что мне это не идет?

— Жалею, что не взял фотоаппарат.

— Ничего страшного, могу как-нибудь еще раз все это надеть для тебя.

— Только без нижнего белья, — автоматически выпалил Шацкий и чуть не сбежал. Это же не Вероника, придурок, а девушка, которую ты знаешь всего неделю. Возьми себя в руки!

— Хмм, а я и не знала, что мы настолько хорошо знакомы, — со смехом заявила Моника, явно довольная, и это потрясло прокурором почти так же, как и его собственные слова.

Теодор начал было извиняться, но Моника рассмеялась еще громче и положила ему палец на губах.

— Ну хорошо, договорились, — сказала девушка и откинулась на спинку своего стула.

— О чем договорились? — не совсем понимая, о чем та, все еще чувствуя прикосновение ее палец на своих губах.

— Без нижнего белья.

«Tu l'as voulu Georges Dandin!»^[106] — подумал он.

Без четверти шесть он вошел в помещение детского сада. Хеля бросилась ему на шею с такой радостью, будто бы они не виделись десять месяцев, а не десять часов. Она была последним оставшимся ребенком во всей группе. Пани Марта, к счастью, ничего не сказала, только поглядела на Шацкого значаще.

Дома он позволил малышке включить телевизор, чувствуя себя слишком виноватым, чтобы что-либо ей запрещать, но и слишком отвлекшимся после встречи в «Шпильке», чтобы играть с дочкой. С Моникой они вновь болтали в основном о работе, журналистка выпытывала у него всякие мелочи, утверждая, что они нужны ей для книжки. Но ее меньше интересовали технические подробности работы прокурора, гораздо сильнее — связанные с ней эмоции, и по причине требований исповедоваться, свидание из внезапно сделалось более интимным, чем Шацкий того желал. К тому же, с такой плотной подкладкой из флирта.

— Одного только не понимаю, — сказала Моника, когда они уже вставали от стола. — Ты государственный служащий, тебе тридцать пять лет, у тебя имеются жена и ребенок, а еще седые волосы. Ты можешь мне объяснить, почему я думаю только лишь и исключительно о тебе?

На это он ответил, что это его тоже удивляет, практически точно так же, как и факт, что это явно действует в обе стороны. И сбежал.

Дома он пытался дозвониться до отставного капитана милиции Стефана Мамцажа, но телефон того, либо был испорчен, либо просто отключен, так как в трубке все время раздавалось сообщение не может быть осуществлено. Вероника вернулась без пары минут семь, и Шацкий посчитал, что повод в форме Мамцажа является совершенно замечательным, чтобы вырваться из дома. На самом же деле он боялся, что жена прочтает по его глазам все то, что происходило днем, каждое услышанное и высказанное слово.

Олег был прав. С капитаном Шацкий и вправду был соседом. Уродливый десятиэтажный блочный дом на Молота он видел — к сожалению — каждый день из своих окон, поход к нему занял пару минут. Шацкий набрал на домофоне «46», но никто не отвечал. Прокурор уже собрался было отказаться от своей затеи, когда к двери подъезда подошел лохматый подросток с умным и красивым, хотя и прыщеватым лицом и восьми- или девятилетней блондинка с чертиками в глазах. Хеля наверняка полюбила ее с первого же взгляда.

— У него домофон не работает. Я открою пану, — сказал парень и набрал код.

Нужно было поблагодарить, но Шацкий внутренне сжался. Он всегда так реагировал, когда имел дело с инвалидами. Милый подросток произнес эти слова очень медленно, протягивая гласные до бесконечности. В его исполнении предложение было настолько длинным, что парень произносил его в три этапа, по пути набирая воздух. «У него домофон», вдох, «не работает», вдох, «я открою пану». Несчастный пацан, похоже, это было какое-то повреждение речевого центра, и, наверное, ничего более. Ведь родители не доверили бы ему младшую сестру, если бы он был серьезно недоразвит.

Шацкий пришел в себя и поблагодарил, стараясь говорить не спеша и четко, но парень поглядел на него, словно на психа, девочка же в это время бегом поднялась на площадку между этажами.

— Догоняешь? — спросила она, все время подскакивая на месте. Возможно, у нее был СДВГ.^[107] Шацкий подумал, что судьба жестоко наказала семейство, одарив его красивыми, но больными детьми. Вместо ответа брат поглядел на нее с сожалением.

— Ты не хочешь догонять, потому что ты жирный, — выпалила девчонка, когда все они ожидали лифта.

Парень усмехнулся и повернулся к Шацкому.

— Не обращайтесь, — вдох, — внимания, — вдох. — Он еще, — вдох, — маленькая.

— Совсем я не маленькая, — запищала та.

Втроем они вошли в лифт. Парень глянул вопросительно.

— Сорок шестая квартира, это какой этаж?

— Четвертый, — подросток нажал на кнопку.

Лифт был старый и раздолбанный, в нем ужасно воняло мочой. К сожалению, вскоре Шацкий мог удостовериться, что, скорее всего, несло мочой капитана Мамцажа или его знакомых.

— И вовсе я не маленькая, — злобно прошептала маленькая блондинка и пнула брата ногой.

— Ты, — вдох, — малый, — вдох, — карлик, — ответил тот, все с той же улыбкой, которая доводила девчонку до белого каления, и попытался погладить ее по голове.

— Оставь меня! — девица ударила его по руке, что, естественно, не произвело на подростке никакого впечатления. — Вот увидишь, тебя накажут! Не разрешат тебе лопать жирок!

Теодора Шацкого вся эта дискуссия весьма веселила, но, к сожалению, лифт остановился. Симпатичные родственнички вышли вместе с ним, исчезнув за дверью одной из квартир на той же лестничной площадке. Под самый конец парнишка удивленно глянул на Шацкого, а потом на двери, перед которыми прокурор остановился. Шацкий понял значение этого взгляда. В двери не было замков, они вообще были слегка приоткрыты, и ознутри ужасно несло ссаками. На самом пороге спокойнехонько сидела пара прусаков. Капитан Мамцаж явно не был любим соседями.

Звонок не работал. Шацкий громко постучал. Он ожидал, что никто не отзовется, но в дверях довольно быстро появился потасканный... появилась потасканная... Шацкий только по серьгам понял, что перед ним стояла женщина. Она без всякого грима могла бы сыграть супругу морлока в экранизации «Машины времени». Выглядела она почти что на шесть десятков, но с тем же успехом ей могло быть и всего четыре десятка лет. Квадратная фигура, квадратное селянское лицо, густые черные волосы, подрезанные, скорее всего, ею же самой. Взгляд злой.

— Слушаю пана? — спросила она. У нее был чистый, сахарный, фальшиво вежливый голос человека, привыкшего выпрашивать.

— Я разыскиваю Стефана Мамцажа, — ответил на это Шацкий.

Женщина отодвинулась в бок и открыла двери шире, впуская Шацкого. Прямо в лицо ему ударил стоялый грязный смрад, от которого его потянуло на рвоту, но он храбро вошел вовнутрь. Он знал, что через несколько минут к вонии привыкнет, точно так же, как к трупному запаху прозекторской. Только это было мизерным утешением.

Жилище представляло собой темную однокомнатную квартирку с кухонной пристройкой, в которой рядом с неработающей печкой стоял баллон с газом. Похоже, подачу газа хозяину давным-давно обрезали. А вместе с ним и электричество. Было еще видно, но

воткнутые в стеариновую лужу свечи наверняка не должны были служить для создания романтического настроения под вечерний бокал вина. Бутылки из-под него же стояли строем под окном, на подоконнике ровнехонько были уложены красные пробки.

— К тебе гость, капитан, — крикнула женщина в глубину квартиры. Тонем, не оставлявшим ни малейшего сомнения, кто в этой квартире командует.

С лежанки поднялся маленький мужичок с мелким лицом. На нем была рубашка в полоску и старый пиджак. У него был на удивление добрый и печальный взгляд. Мужичок приблизился к Шацкому.

— Я пана не знаю, — с испугом произнес он.

Шацкий представился — в результате чего беспокойство хозяина значительно усилилось — и очень коротко сообщил, что его сюда привело. Капитан-пенсионер покачал головой, уселся на лежанку и указал гостю на место в кресле. Шацкий уселся, пытаясь скрывать отвращение и стараясь не всматриваться в каждое место, где видел пробежавшего таракана. Он терпеть не мог этих насекомых. Пауки, змеи, слизни, *frutti di mare* — ничто не будило в нем такого отвращения, как маленький, коричневый, неожиданно шустрый прусак, уничтожение которого под подошвой сопровождалось малоприятным хрустом, и который потом издыхал в белой, липкой мази. Прокурор старался глубоко не дышать, чтобы не чувствовать вони жилища, и в то же самое время желал вдохнуть полной грудью, чтобы преодолеть фобию перед насекомыми. Несколько секунд он сражался сам с собой, в конце концов, набрал воздух в рот и медленно выпустил. Лучше. Ненамного, но лучше.

Мамцаж задумался. Женщина Мамцажа — прокурор сомневался, чтобы то была его жена — предложила Шацкому кофе, но он отказался. Он и так был уверен, что она попросит у него денег, когда он сам станет уходить. Он предпочитал попросту дать милостыню, чем платить за что-то, чего и так не мог бы, наверняка, проглотить.

— Пан вообще помнит то дело? — подогнал Шацкий.

— Помню, пан прокурор. Убийства не забываются. Вы и сами ведь знаете.

Шацкий кивнул. Святая правда.

— Я только пытаюсь вспомнить как можно больше подробностей. Ведь это случилось почти что два десятка лет назад. Не помню толком, что то был за год, но то, что семнадцатое сентября — это точно. К нам приехала крупная шишка из Союза, так мы по углам смеялись, что если русские, так только семнадцатого сентября.

— Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой.

— Может и так. И наверняка перед тысяча девятьсот восемьдесят девятым. Еще минуточку. Нужно подумать.

— Ты побыстрее, Стефан, — рявкнула женщина и тут же сладеньким голоском прибавила: — Ведь пан прокурор не станет сидеть здесь вечно.

Шацкий натянул на лицо самую ледяную маску.

— Не мешайте капитану, пожалуйста, — сказал он. — Добром советую.

Угроза была неопределенной, благодаря чему, женщина могла понимать ее, как сама того хотела. Та униженно пробурчала какие-то извинения и отступила вглубь помещения. Тем не менее, Мамцаж встрепенулся и начал рассказывать, неуверенно поглядывая в сторону спрятавшейся во мраке сожительницы. А может и жены. Шацкий прервал его:

— Я очень перед вами извиняюсь, — обратился он к женщине, — не могла бы пани на четверть часика оставить нас одних? Я очень извиняюсь, но это следствие крайне важно для прокурорского управления и полиции.

Использованные им термины «следствие», «прокурорское управление» и «полиция» подействовали. Не прошло и пятнадцати секунд, как женщина прикрыла за собой двери. Мамцаж на это никак не отреагировал. Он думал.

Теодор Шацкий глянул за окно, чтобы не смотреть на гонявших по ковру тараканов. Улыбнулся про себя, потому что лоджия выглядела так, словно ее перенесли сюда из другого жилища. Все чистенько, решетки и поручень выкрашены голубенькой краской, в зеленых ящиках ровненько и густо цвели сурфинии. По бокам на постаментах их проволоки стояли горшки с розами. Как такое было возможно? Это его заслуга или ее? Любопытно, но он знал, что об этом не спросит.

— Мне жаль, но всего немного, — заговорил наконец Мамцаж. — Я был первым прибывшим на место офицером полиции, в квартире на Мокотовской я появился, когда там имелся лишь несвежий труп, его сестра в состоянии кататонии и пара посторонних, которые только и повторяли, чтобы девушка не беспокоилась. Останки выглядели ужасно. Парень с перерезанным горлом лежал в ванной. Он был голым, связанным — руки его были связаны за спиной и сцеплены со связанными ногами. Квартира перевернута вверх дном, и, как мы узнали впоследствии, когда прибыли родители покойного, обыскана квартира была на удивление тщательно. Исчезли все ценные вещи.

— Почему «на удивление»?

— Обычно взломщики действуют в спешке. Берут то, что лежит сверху, причем, то, что можно сунуть в сумку. Никто не желает рисковать больше необходимого. Здесь же у преступников времени было больше потому, что застали кого-то дома.

Шацкий попросил объяснения.

— Я думаю, что когда они вломились в квартиру и застали там этого парня, Камиля, поначалу были обескуражены, но потом быстро его связали и обездвигили. Может быть, ради забавы пытали. Хотя мне кажется, что поначалу убивать его не хотели. Узнали, что остальные члены семьи не приедут раньше, чем завтра. Времени у них была куча. Может быть, они сидели долго, потому что раздумывали, что делать с хозяином, который их тщательно осмотрел. А за это время заглянули в каждый ящик, вытащили каждое колечко.

— Пока в конце не убили?

— Пока в конце не убили.

— А вы рассматривали другие возможности, а не только грабительское нападение?

— Нет. Может быть, в самом начале, но довольно быстро в городе узнали, что какой-то умник с Гоцлава^[108] на хате хвалился, как они связали и порезали некоего фраера. Только этот след сорвался, вроде как тот умник был нездешний, а только квартировал на Гоцлаве. Все это вело в никуда, не было хотя бы щепки, на которой можно было зацепить следствие. Ни единой наводки, никакого следа, отпечатка пальца. Не прошло и месяца, как дело попало в шкаф. Помню, что сам был взбешен до предела. Не спал чуть ли не с неделю.

Шацкий подумал, что история расследования, которое вел Мамцаж очень похожа на его собственное следствие. Лично ему все эти стечения обстоятельств были уже поперек горла.

— А что там была за квартира?

— Квартира небольшая, но в ней было полно книжек. Лично меня все это просто заставляло робеть. Я ведь человек простой, когда я пришел к ним, и не подали кофе в тонкой фарфоровой чашке, я не знал, что и делать. Страшно боялся, что разобью, когда стану мешать, потому не добавил ни молока, ни сахара. Помню полную книжек комнату, родителей Сосновского (дочку они отослали к родственникам, в деревню) и вкус горького

кофе. И я не мог им ничего сказать, кроме того, что «на время прекращаем» расследование, и что преступников найти пока что не можем. Так они глядели на меня так, словно это я был одним из убийц. Я ушел, как только допил кофе. Больше я их уже не видел.

— А пан знает, кто они были?

— По профессии? Нет. Тогда-то я наверняка знал, нужно ведь было заполнять рубрики в протоколах. Но для дела это было несущественно, в противном случае, я бы запомнил.

— Когда-нибудь потом вы их видели?

— Никогда.

Мамцаж поднялся с места, сгорбившись, направился в угол и принес оттуда бутылку сладкого плодово-ягодного вина «Золотая Чаша». Он налил в два стакана, один из которых подал Шацкому. Прокурор отпил глоток, дивясь тому, что за свои практически тридцать шесть лет впервые пьет плодово-выгодное.

Он ожидал чего-то со вкусом доместоса, а напиток был даже ничего себе. Немного походил на игристое вино, только без пузырьков. Ну и гораздо более сладкий. Но вот упиться чем-то таким ему бы не хотелось.

— То есть, как-то раз мне показалось, что я видел Сосновского по телевизору. У знакомых, — тут же прибавил он, заметив, что прокурор оглядывает комнату в поисках телевизора.

Шацкий представил, как Мамцаж с подругой под руку и бутылкой плодово-выгодного марширует по улочкам Праги с визитом к «знакомым». Прямо тебе Версаль. Он задумался над тем, легко ли прошляпить момент, когда ты сворачиваешь на тропку, ведущую к распитию бормотухи при свете свечи, в компании гадкой бабы и полка прусаков. Наверное, да. А начинается все с того, что ты обманываешь жену.

— И что он делал в телевизоре? — спросил он, почему-то уверенный, что ничего конкретного не узнает.

— Понятия не имею. Я и видел-то его всего миг. Если то был и он, то ужасно постарел. Только я не уверен.

Шацкий еще выпытывал у Мамцажа про мелочи, о людях, которые могли знать Сосновских, пытался докопаться, что же стало с материалами дела. Безрезультатно. По сути дела, вышедший на пенсию милицейский капитан мало чего помнил. После какого-то очередного оставшегося без ответа вопроса Шацкий с ненавистью поглядел на бутылку ногомойки, которая, вместе с подругами жизни в течение нескольких лет превратила его личный источник информации в существо, чей мозг структурой походил на пемзу. На первый взгляд — штука твердая, но по сути своей — сплошные дыры. Только лишь когда Шацкий уходил, размышляя о том, что одежду, похоже придется сжечь в дворовом мусорном контейнере перед тем, как войти к себе домой, Мамцаж сказал нечто такое, до чего сам он должен был дойти гораздо раньше.

— Вы спросите про Сосновского у своих коллег, которые копаются в папках службы безопасности.

— Зачем?

— Это же был студентик из интеллигентного дома. Есть шанс, что на него завели папку. Даже если там мало чего собрал, всегда можно там найти фамилии или адреса. Я же знаю, как это оно, когда нет даже щепки, на которой можно было бы зацепить следствие.

Похоже, это было его любимым выражением.

Как Шацкий и ожидал, под дверью его уже ожидала фальшиво улыбающаяся

сожительница Мамцажа. Прокурора обеспокоила мысль, что эта вот женщина вернется к капитану, который, что ни говори, показался ему симпатичным, хотя и проигравшим мужичком. Но, «если речь идет о том, кто в расстановке хороший, а кто плохой, то почти всегда все наоборот». Неужто это она посадила цветы и покрасила лоджию?

Понятное дело, она попросила гостя оказать ей мелкую услугу. Женщина была готова долго расписывать ему свои потребности, но тот лишь махнул рукой, чтобы прекратить поток ее слов и сунул руку в карман за мелкими деньгами. Дал женщине десятку. Та рассыпалась в благодарностях, когда раскрылась дверь, за которыми перед тем исчезли встреченные ранее брат с сестрой. Из квартиры вышла молодая пара. Их соседка как можно быстрее смылась в свою нору. У Шацкого мелькнула ужасающая мысль, что у Мамцажа по лицам спящих людей гуляют тараканы. Его передернуло.

— Свет у карлика должен погаснуть ровно в десять, ты тоже не играй все время. Мы будем поздно, если что — мобильник у нас имеется, — инструктировал лохматого подростка молодой мужчина, держа руку на ручек открытой двери.

Втроем они сели в лифт. Пара поглядела на Шацкого с сожалением, которым он сам одарил бы любого гостя капитана Мамцажа. Сам он ответил кислой усмешкой. Молодая пара выглядела на двадцать и пару лет каждому, и Шацкий подумал, ведь невозможно, чтобы у них были такие большие дети. Но, может, молодо выглядели потому, что были счастливы? Потому что любили друг друга? Потому что часто занимались сексом и целовали друг друга в губы? Быть может, он и сам выглядел моложе если бы не растоптанные шлепанцы Вероники и ее пожелтевшая под мышками пижама. Другое дело, что он носил точно такие же, купленные в Закопане, шлепанцы. И подумать только, что когда-то он сам говорил, что шлепанцы из Закопане — это смерть мужчины. Он страшно любил эту шутку. И как-то раз привез им всем такие шлепанцы с горного курорта — вот так, ради смеха. И их носят ежедневно. И даже удобно.

Шацкий отвернул взгляд от попутчиков. Неохотно. Женщина была очень сексуальной, полностью в его типе. Ни слишком худая, ни слишком толстая, с приятными женственными формами, с полными губами; на ней было красное платье в небольшие белые цветочки с возбуждающим воображение, но совершенно не вульгарным декольте. Она выглядела женщиной, которая часто смеется.

Лифт остановился, и Шацкому хотелось сказать паре, что у них замечательные дети, но сдержался. Со времен С. и его свалки^[109] подобные замечания уже не были невинными.

Идя домой, Теодор размышлял о перешучивающихся брате и сестре. Он часто думал над тем, а не нанесли ли они Хеле вреда, не стараясь завести второго ребенка. Но, возможно, еще и не поздно? Между подростком с недостатками речи и его излишне активной сестрой разница была лет в шесть-семь. Если бы они с Вероникой наконец-то решились Ю разница в возрасте Хели и ее братика или сестрички составила бы восемь лет.

И вот тогда, возможно, все сделалось бы проще. Может, тогда не нужно было бы никаких перемен. Может, может, может.

Достаточно было принять решение. Теодору Шацкому, который предпочитал, чтобы все случалось само собой, лишь бы не было результатом собственных решений, подобная мысль ассоциировалось с необходимостью покорить Аконкагуа^[110] в выходные.

Теодор дошел до собственного дома, глянул на освещенное окно кухни на третьем этаже. Ему еще не хотелось возвращаться, потому уселся на лавочке во дворе, чтобы порадоваться июньским вечером. Уже было начало десятого, но было тепло и видно, пахло

остывающим городом. В такие минуты он чувствовал себя соловьем из стихотворения Тувима. [\[111\]](#)

— Родная, не ругай дружочка. Так на улице чудесно, я прошел пешочком, — произнес он вслух и рассмеялся.

Шацкий думал о том, что услышал от капитана Мамцажа. Вообще-то, он получил сведения, которые в очередной раз не продвинули его вперед. Но чесотка в голове делалась все более докучливой. Он был уверен, что давно уже обязан понять, в чем тут дело. Ему казалось, что все нужное уже услышал, но вместо того, чтобы объединить информацию в логическое целое, он крутит ее словно шимпанзе, пытающийся сложить кубик Рубика.

Странный визит, несколько сюрреалистичный, если учесть семейство, с которым ехал на лифте. Он подумал о паре молодых — во всяком случае, молодо выглядящих — людей и сорвался на ноги. Чувство чесотки прекратилось, вместо нее появилась мысль, настолько ясная и четкая, что вызывающая боль.

Теодор Шацкий стал энергично прохаживаться перед своим домом, окружая зеленую лавочку и бетонный мусорный бак, тысячекратно — иногда вслух и с прибавлением слова «курва» — задавая себе один-единственный вопрос: возможно ли такое? Действительно ли такое возможно?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

вторник, 14 июня 2005 года

Новый рекорд мира в беге на 100 метров. Асафа Пауэлл с Ямайки пробежал в Афинах расстояние, равное длине Площади Конституции, за 9,77 секунд. В Польше, рано как и в двенадцати других европейских странах, грандиозный финал полицейской операции «Ледокол», направленной против педофилов, которая началась с наблюдений за Интернет-форумами. Были проведены обыски в 150 домах и квартирах, задержано 20 человек. Газеты не сообщают, очутились ли в команде ловицкого пенитенциарного заведения осужденные за педофилию, эта команда разыграла футбольный матч с клириками местной семинарии. Поначалу выигрывали священники, но потом они поддались заключенным со счетом 1:2. А члены стрелкового братства^[112] из Равича, в том числе и бургомистр, представляющий Союз демократических левых сил, устроили соревнования, стреляя в щит с изображением Иоанна-Павла II. Они это объясняют тем, что желали именно так почтить папу, оппозиция желает получить голову градоначальника. Ради сохранения политического равновесия, в Белостоке потерял должность преподаватель Высшей экономической школы за то, что он заставлял студентов подписывать письмо в поддержку Гертыха, чтобы тот мог начать президентскую гонку в качестве кандидата. В Варшаве появились городские стражи, патрулирующие парки Повисля на роликовых коньках. Максимальная температура в столице — 27 градусов, без осадков, безоблачно. Совершенный июньский день.

Когда, в конце концов, прокурор Теодор Шацкий выбежал из судебного здания на Лешне, он был в ярости. Давно уже не случалось такого дня, когда все шло не так, как ему бы того хотелось. Утром он поссорился с Вероникой, доведя до плача ее и, при случае, Хелю, оказавшуюся свидетельницей скандала. Самое паршивое, он даже не помнил, с чего все началось. Мало того, он был уверен, что когда они орали друг на друга, он тоже не помнил, а с чего все началось. Поднялся он довольно рано после паршиво проведенной ночи с намерением отправиться в бассейн. Чувствовал, что следует хорошенько выложиться, хоть ненадолго выбросить из головы мысли о деле Теляка. Разбудил жену поцелуем, сварил кофе, потом не мог найти свои очки для плавания, хотя был уверен, что в последний раз укладывал их в ящик с бельем. Так что он искал по всем ящикам и бурчал, а Вероника пила кофе в постели и посмеивалась, что это он просто давно не был в бассейне, и что очки высохли по причине отсутствия воды и превратились в порошок. В ответ он выпалил, что если речь о заботе о себе, то он как раз ни в чем себя обвинить не может. После чего все пошло в разгон. Кто что делает, кто чего не делает, кто, от чего и по чьей причине отказывает себе во всем, кто собой жертвует, у кого более важная работа и кто больше занимается ребенком. Последнее замечание достало Шацкого за живое, и он рывкнул, что как-то не может вспомнить такого, чтобы главной обязанностью отца было воспитание маленьких девочек, и что, к сожалению, не может всего делать за жену, о чем она, наверняка, сожалеет. И вышел. Было уже поздно, чтобы идти в бассейн, к тому же ему уже расхотелось плавать, опять же, у него не было очков, а без них глаза бы щипало от хлорированной воды. Во всем этом хорошим было только то, что во время ссоры он забыл про Теляка.

С работы он позвонил приятелю по учебе в институте. Шацкий знал, что Марек какое-то время работал какой-то пригородной прокуратуре, кажется, в Новем Двоже Мазовецким, после чего по его собственной просьбе откомандировали в следственный отдел Института национальной памяти.^[113] К сожалению, мало того, что Марек был в отпуске, на озере неподалеку от Нидзицы, так еще повел себя довольно холодно и предложил Шацкому придерживаться служебных процедур.

— Извини, старик, — хотя в голосе не было слышно ни грамма сожаления, — но со времен Вильдштейна^[114] все изменилось. Мы опасаемся проверять что-либо на стороне, потом могут случиться проблемы. Нам глядят на руки, даже страшно проверить что-либо в архиве. Напиши заявку, потом звякни, постараюсь, чтобы слишком долго ответа ты не ждал.

Оказалось, что «не слишком долго» это не менее недели. Шацкий холодно поблагодарил и в конце беседы предложил, чтобы Марек без всякого звонил ему, если у него будет какое-нибудь дело. Уж я тебе, курва, такое в ответ устрою, думал он, слушая традиционные заверения, что как-нибудь они встретятся на пиве и повспоминают старые добрые времена.

Еще он пытался дозвониться Олегу, но мобильник того не отвечал, а в комендатуре ему сообщили лишь то, что комиссара задержали важные семейные дела, и что он будет только после двенадцати.

И Шацкий закурил первую сегодняшнюю сигарету, хотя еще не было и девяти.

Под влиянием импульса он позвонил Монике. Та была вне себя от восторга и заверяла, что давно уже на ногах, хотя и было слышно, что Шацкий разбудил ее своим звонком.

Голова Теодора была настолько занята убийством Теляка, что сам он даже и не пробовал флиртовать. Довольно официальным — как впоследствии посчитал сам — тоном он спросил у девушки, нет ли у нее каких-нибудь знакомых или журналистских контактов в ИНП. Невероятно, но таковой контакт у нее имелся. Ее бывший ухажер, еще с лицейских времен, окончил институт по специальности «история», после чего оказался среди километров полка с папками архивов безопасности. Шацкий не мог поверить в собственное счастье, пока Моника не сообщила, что парня давно уже не видела, у него как раз родился ребенок с комплексом Дауна, так что, возможно, он уже сменил работу на лучше оплачиваемую. Но обещала, что позвонит. Шацкому нужно было выходить, чтобы успеть в суд на начало процесса Глинского в половину десятого, так что пришлось ему вешать трубку.

В суде он был в четверть десятого. В десять пришла судебная секретарша и сообщила, что автозак с арестантом потерпела аварию на Модлинской, в связи с чем был объявлен перерыв до полудня. Шацкий съел яйцо в соусе «тартар», выпил кофе, выкурил вторую сигарету, прочитал газету, включая экономические новости. Скука, скука, скука, заинтересовала его лишь дискуссия о «жемчужинах» архитектуры ПНР. Архитекторы считали, что к ним следует относиться как к памятникам и охватить реставрационной опекой. Владельцы Центрального Комитета и Дворца Культуры и Науки^[115] были в панике — если им придется выдирать разрешение на всякую дыру в стене, то никто у них не снимет в аренду даже однокомнатного помещеньца, так что дома превратятся в безлюдные призраки. Шацкий кисло подумал, что если бы сразу после восемьдесят девятого года Дворец Культуры снесли, не было бы никаких проблем, а в Варшаве, возможно, случился бы самый настоящий центр. Или же еще более крупный Купеческий Товарный Дом.^[116] Черт его знает, в этом городе, порожденном Третьим миром, ни в чем быть уверенным было нельзя.

В полдень объявили перерыв до часу дня. Олег появился на работе, но Шацкий не желал говорить ему по телефону, к каким заключениям он пришел. Он лишь просил, чтобы не наскокивать на Рудского с компанией и продолжать копать в прошлом Теляка, поскольку именно оно, наверняка, является ключом ко всему делу. Кузнецову не хотелось говорить о следствии, зато признался, что на работу опоздал, что у них с Натальей имеется традиция: каждый второй вторник месяца устраивать себе «веселые игры в постели до полудня».

В час дня судебное заседание почти что началось, подсудимого, в конце концов, доставили, зато не хватало пана адвоката, который «на минутку выскочил в канцелярию» и застрял в пробке, за что от всего сердца просил прощения. Женщина-судья со стоическим спокойствием объявила перерыв до четырнадцати ноль-ноль. Едва живому от бешенства Шацкому пришлось потратиться на «Ньюсвик», чтобы хоть чем-то занять себя. Он пролистал журнал и уже собирался позвонить издателю, чтобы ему вернули четыре с половиной злотых, которые он потратил на «Портрет современной польской проститутки» — внешне привлекательной, образованной, всей в работе.

В четырнадцать ноль-ноль он наконец-то зачитал обвинительный акт. Глинский в своей вине не признался. Ничего более на заседании не произошло, поскольку, как для варшавских судов, время было довольно позднее, а защитник обвиняемого выдал из себя полтонны формальных заключений, о которых Шацкий позабыл сразу же после их прочтения, но их хватило, чтобы отсрочить судебное рассмотрение на полтора месяца. Теодор поднялся и вышел, не ожидая, пока высокий суд покинет зал заседаний. Лишь с огромным трудом ему удалось не грохнуть дверь.

Когда за дворником ситроена обнаружился штраф за неоплаченную стоянку, Шацкий лишь пожал плечами. Он закурил третью сегодняшнюю сигарету и подумал, что ему глубоко плевать на собственные принципы, что он свободный человек, и что будет дымить столько, сколько ему захочется.

Сконцентрироваться на работе он не был в состоянии. Мысли приходили то об убийстве Теляка, то — гораздо чаще — о Монике. С трудом он сдерживался, чтобы не позвонить ей только лишь затем, чтобы услышать ее голос. Он запустил Гугль, чтобы найти о ней хоть какие-нибудь сведения, но нашлись только тексты в «Жепе» и старинная страница, на которой ее фамилия имелась в составе студенческого самоуправления на отделении польского языка и литературы. И никаких фотографий, к сожалению. Было бы невежливым с его стороны, если бы он попросил Моника выслать свою фотку на электронную почту? Прокурор чувствовал, что сами размышления по данной проблеме уже не совсем приличны, но сдержаться не мог. Несколько секунд стыда казались ему небольшой ценой за снимок Моника, в особенности, в том самом платье, что было на ней вчера. Эту фотографию он мог бы сделать обоями рабочего стола, в конце концов, никто не пользуется этим компьютером, кроме него; Вероника же в прокуратуру никогда не приходила.

Его представления были чрезвычайно пластичными, и Шацкий начал размышлять, что, если прямо сейчас он отправится мастурбировать в туалете районной прокуратуры, не будет это означать, что следовало бы обратиться за помощью к специалисту. Колебался он не дольше пяти-шести секунд. Встал, надел пиджак, чтобы спрятать стояк.

И тут она позвонила.

— Привет, что делаешь? — спросила Моника.

— Думаю о тебе, — ответил он в соответствии с правдой.

— Обманываешь же, но мне приятно. У тебя электронная почта имеется, или бюджетники не могут позволить себе Интернет?

Шацкий сообщил адрес своей почты и спросил, что Моника собирается ему прислать.

— Уж-жасный вирус, который всех вас обвинит в противоправительственной деятельности и вышлет на пятидневный семинар в Лодзь. Каждый день по восемь часов обязательных лекций с Миллером, Яскерней и Калишем, а под конец Пенчак^[117] станцует у шеста. Сам увидишь. Что, не желаешь иметь сюрпризов?

У Шацкого вырвалось, что он не слишком любит неожиданности.

— Не ври, все любят, — легко заметила Моника, — но я звоню не затем. Утром я разговаривала с Гжесем — представь себе, он до сих пор еще любит меня — так он обещал, что с удовольствием поможет. Вот буквально только что позвонил и сказал, что даже чего-то там нашел, и что он предпочел бы с тобой встретиться. Я не хотела давать ему номер твоего сотового, так что сообщаю тебе его номер. Можешь позвонить за счет налогоплательщика. То есть, за мой.

Шацкий начал было благодарить, но Моника сообщила, что как раз начинается редакционная планерка, на котором она обязательно должна быть, и отключилась, не успев Теодор пригласить ее на кофе.

После того он быстро договорился с «Гжесем» и отправился в туалет.

Полное имя Гжеся было Гжегож Подольский, и выглядел он весьма симпатичным типом, хотя вызывал впечатление существа, которое в биологическом смысле до сих пор не в состоянии выйти из периода созревания. Высокий, непропорционально худой, сгорбившийся, со слишком длинными руками и ногами, к тому же слегка прыщеватый и гладко выбритый. Одет он был неожиданно старомодно, словно герой ГДР-овских молодежных фильмов семидесятых годов. Теннисные туфли, штаны из бурого неизвестно чего, зеленая рубашка с коротким рукавом, подтяжки. Шацкий не знал, что эта стилизация «под старину» стоила Подольскому большей части его зарплаты архивиста.

— Пан знает, чем был отдел «Цэ»? — спросил Подольский, когда они только обменялись поздравлениями.

Шацкий не знал.

— Это, можно сказать, была нервная система службы безопасности, нейроны, соединяющие каждого функционера, каждый департамент и отдел. Информационная мега-сеть. На официальных документах имелось название «Центральный архив МВД», но в фирме все это называли не иначе как «Цэ». Сам я интересуюсь этим уже много лет, и должен пану сказать, что если бы у красных были такие компьютеры, как у нас сейчас, они бы могли раздавить нас как клопов, одним щелчком. Мало того, я считаю, что тогдашняя система регистрации и дополнения информации с помощью фишек была гораздо лучше супер-пупер-современной компьютерной системы ZUS.^[118]

Шацкий лишь безразлично пожал плечами.

— Интересно, но ведь давно уже известно, что бюрократия — это черта любой тоталитарной системы.

— Вот именно, — для Подольского эта тема, и вправду, была захватывающей. — Без бюрократии, без учета информации, без порядка в бумагах никакая подобная система долго бы не удержалась. Потому-то у немцев все хорошо шло — потому что у них был порядок, на все имелись квитанции. Но у всякой палки имеются два конца. С одной стороны, благодаря бюрократии, тоталитарная система способна функционировать, с другой — она оставляет от себя кучу бумаг для тех, кто будет сводить счета с этой же системой. В данном случае: для нас. Вот вам пример...

Шацкий пытался перебить парня робким жестом, но Подольский этого вообще не заметил.

— Пану известна история Малешки? Наверняка ведь, ее каждый знает.

Малешка был известным оппозиционером, понятное дело, у него имелся свой номер в списке интернированных, как и каждый, за кем следили, на кого завели папку оперативной разработки и т. д. Понятное дело, первый попавшийся эсбек или милиционер не могли заглянуть в бумаги СС^[119] «Збышека», то есть, именно Малешки, все было засекречено, все имело особое значение. Но, прошу себе представить, что в совершенно не секретных отчетах оперативного фонда имеется заметка, сколько было выплачено «Збышеку» за доносы, и там имеется тот самый номер Малешки. Вы считаете, бессмысленно? Отчего же! Просто, в бумагах должен был быть порядок. Один человек — один номер. Потому-то меня и бесит, когда каждый сексот начинает плакаться, что ему гадкие коммуняки подделали папку, чтобы теперь, понимаешь, обвинить во всех грехах. У всех функционеров было выше крыши

работы с заполнением бланков. Только лишь тот, кто понятия обо всем этом не имеет, может утверждать, будто бы по вечерам красные фабриковали левые расписки. Эсбеки были злыми, иногда глупыми, но вот недоразвитыми они точно не были. Представьте себе, что всякого человека, к которому был проявлен интерес — пуская по самому мелкому поводу — сразу регистрировали под порядковым номером в ОИК, обще-информационной картотеке. Это при условии, что данная личность не была зарегистрирована там ранее, что, естественно, необходимо было проверять с помощью специальных проверочных карточек. Как только человека регистрировали, то всякий раз, когда с ним что-то происходило, необходимо было заполнять дополняющие листы, попадавшие потом в специальные картотеки и и алфавитные указатели.

— Зачем? — автоматически спросил Шацкий, когда архивариус на мгновение остановился, чтобы сделать вдох. Хотя, говоря по правде, ему вовсе не хотелось знать ответа на этот вопрос.

— Как это: зачем? Да затем, что когда пан поедет в отпуск в Лебу, [\[120\]](#) а там эсбеки, следящие за местным «врагом», узнают, что пан ел с ним камбалу с бумажной тарелки, они сразу же захотят узнать, а кто пан такой. Они подадут запрос в «Цэ». Там кто-нибудь проверит, имеется ли пан в ОИК, какой у пана номер, «открыто» ли ваше дело и находится ли оно в распоряжении, к примеру, какой-нибудь из воеводских комендатур или же лежит в архиве. И отдел «Цэ» даст соответствующие сведения, если, естественно, сможет — так как пан, вполне возможно, является очень ценным СС, материалы которого, понятное дело, существуют, но предоставление сведений, заключенных в них, обусловлено различными...

Шацкому все это было совершенно до лампочки. Он отключился и погрузился в эротические фантазии.

Разговаривали они уже целый час. За это время, среди всего прочего, он узнал, чем различались регистрационные формуляры ЕО-4 и Е0-13-S, и последний символ Шацкий запомнил только лишь потому, что тот ассоциировался с аппаратами EOS фирмы Canon. Хотелось бы ему иметь себе такой... Может, в рассрочку? Нужно будет поговорить с Вероникой, в конце концов, цифровой аппарат они просто должны были иметь. У каждого имеется, а у них... Ему были скучны все эти сведения о карточках и формулярах службы безопасности, хотелось взять собеседника за шиворот, хорошенько потряхнуть и заорать: «мужик, мне нужно поймать и посадить за решетку убийцу, а ты мне тут про какие-то фишки пиздишь!».

— Прощу меня извинить, пан Гжегож, — вежливо перебил Шацкий лекцию о том, что практика не всегда поспевала за теорией, дела переезжали, придерживались, их «на минутку» присоединяли к другим делам, и временами у него, архивариуса Гжегожа Подольского, складывалось впечатление, что легче было бы найти в один день Ковчег Завета и Священный Грааль, чем долбанную гэбитстскую папку.

— Только мы все время их находим, — поднял он указательный палец, — так что пускай они не рассчитывают.

Шацкий даже не пытался задумываться, кем для Подольского являются «они».

— Я ужасно извиняюсь, — вмешался прокурор уже более решительно, — и весьма благодарю за то, что пан мне сейчас рассказал, но что с папкой Камиля Сосновского. Она есть? Или ее нет? Что такого случилось, что пан не мог сказать этого по телефону?

Гжегож Подольский повел себя словно человек, которого ни с того ни с сего ударили в лицо. Он спрятал голову в плечи, сложил руки на груди, губы свернул в куриную гузку. Но,

по крайней мере, замолк.

— Ее нет, — ответил он через какое-то время.

Шацкий вздохнул и начал массировать себе виски большим и указательным пальцами левой руки. Он чувствовал, что близится головная боль.

— Благодарю за то, что пан побеспокоился приехать. Я поражен вашими знаниями и с удовольствием бы поговорил еще какое-то время, но, прошу понять меня правильно, у меня куча работы.

С большей охотой он выгнал бы этого зануду Подольского пинками, но сдерживал себя, поскольку знакомый мастер-архивариус из ИНП мог бы еще пригодиться.

— Папки нет, — Подольскому явно хотелось попытать Шацкого этим утверждением. — Но это вовсе не означает, будто нет иных сведений. Я понимаю, что пану скучно, но скажу еще, что, прежде всего, следует знать, в каких списках искать. Моня говорила мне, что ваш фигурант был молодым, ненамного старше двадцати лет, так что, скорее всего, сложно было бы предполагать, чтобы он был СС или кандидатом в СС — тогда он учитывался под символом «I», который означал СИИ, кандидатов в СИИ, владельцев КЗ или КК...

— Не понял? — Шацкому все эти аббревиатуры ничего не говорили.

— Специальные источники информации, контактные заведения и конспиративные квартиры. Мне казалось, что это очевидно. — Подольский с превосходством глянул на хозяина кабинета. — Во всяком случае, я сразу же начал искать в списках «II», где учитывались материалы оперативных разработок.

Шацкий принял мужское решение, что все-таки выбросит зануду за дверь. Он даже встал.

— И нашел. Вашего фигуранта, Камиля Сосновского, информационно разрабатывала варшавская служба безопасности. В ОИК он был зарегистрирован под сигнатурой 17875/11. Дело было заведено в 1985 году, за два года до смерти парня. Тогда ему было двадцать лет. Он должен был быть довольно активным в студенческих организациях, или же его родители были оппозиционерами — на таких молодых людей папки заводили крайне редко.

Шацкий сел на место.

— Вам удалось узнать чего-нибудь больше?

— Из перечня можно узнать только то, как перемещались материалы — кто и когда их брал, когда возвращал. Ничего более.

— А эти перемещались?

Гжегож Подольский закинул одну худую ногу в немодных штанах на другую и откинулся на спинку стула.

— Ну? — подогнал его Шацкий.

— Из перечня следует, что в июле восемьдесят восьмого материалы были взяты департаментом «D».

— То есть? Это какой-то другой вид архива?

— Да нет, скорее всего — нет. Я ничего о них не знаю. То есть, кое-что знаю, кое о чем догадываюсь. Но мне не хочется об этом говорить.

— Потому что?

— Потому что не хочется. Не знаю, я в этом не разбираюсь, ведь я только архивариус. Я могу дать пану координаты того, кто этим занимается. Вот он настоящая гончая на эсбеков, ничего не боится. Холостяк, бездетный, родители у него умерли, некоторые говорят, что у него рак. Такой-то может рисковать.

Последние слова Подольский произнес с явной завистью, что Шацкому показалось странным.

— Пан предпочел бы быть одиноким и умирающим, чтобы иметь возможность вылеживать сотрудников бывшей безопасности? — вырвалось у него.

— Нет, конечно же, нет. Но если бы пан видел, что в тех папках находится... Если бы пан знал столько же, что я, осматривал снимки, читал доносы, пролистывал расписки. Причем, все время с сознанием, что наверняка всего этого наверняка никто не увидит, что правда никогда не выйдет наверх, что все заметут под подстилку во имя спокойного сна истеблишмента всяческого происхождения... Вильдштейн вроде как и опубликовал эти списки, только что это дало? Пан смотрел фильм «Бойцовский клуб»? Или, может, читал книгу Паланика?

Шацкий и не вдел, и не читал. Ему сделалось стыдно, так как название было вроде как знаменитым.

— Там обычные люди объединились ради того, чтобы взорвать весь этот мир лжи, мошенничества и бабок. Я иногда мечтаю, как было бы здорово создать такую вот организацию, захватить архивы ИНП, сосканировать все за неделю и выставить на сервере в какой-нибудь по-настоящему демократической стране. Ой, что бы творилось...

— Не все тайны должны стать явными. Иногда цена ущерба слишком высока, — осторожно заметил Шацкий.

Подольский фыркнул и поднялся, собираясь уходить. Он подал прокурору листок м именем и фамилией «гончей на эсбеков». Кароль Венцель.

— Курва мать... — сказал Шацкий.

— И такие вот слова высказал прокурор Республики Польша? Тогда я, в таком случае, эмигрирую к брату в Лондон. И что, что курва мать? Как пан мог? Ведь даже чтение комментариев Петра Стасиниского^[121] не должна убить в пане прокуроре жажды установления истины любой ценой. Для этого пан здесь и сидит — не глядеть на баланс потерь и ущерба, но только устанавливая правду, Курва мать, да я просто не верю.

Молодой человек покачал головой и вышел перед тем, как Шацкий смог что-либо ответить. Ему следовало сразу же позвонить Венцелю, но вместо того он проверил почту, было любопытно, прислала ли Моника свой сюрприз.

Прислала. Фотография с моря, она была в том же платье, что и вчера. Снимок, должно быть, сделали год назад — Моника была более загорелой, с более короткими волосами. Она босиком бродила в мелкой воде, весь подол был мокрым. Девушка с кокетством улыбалась в объектив. Или мужчине? Шацкий почувствовал укол ревности. Ревности иррациональной, принимая во внимание факт, что это у него имелись дочка и жена, с которой в последнее время исключительно регулярно спал, а не она.

Еще минутку он поглядел на снимок, пришел к выводу, что под платьем, скорее всего, никакого купальника нет, и отправился в туалет. Неплохо, неплохо. Он уже и не помнил, когда в последнее время занимался сексом дважды в день.

Беседа с Каролом Венцелем пошла совершенно не так, как Шацкий себе представлял. Он ожидал, что просто-напросто прикажет пожилому человеку как можно скорее прибыть к нему, тем временем, голос в трубке был молодой, и его владелец не имел намерения прибывать в прокуратуру.

— И только не надо меня смешить, — убедительно говорил Венцель. — В перечне мест, в которых я не хотел бы с вами разговаривать, — Венцель выговаривал «р» вибрируя звуком, по-школьному верным образом, — ваша контора находится в первой пятерке. Ну, может быть, десятке.

— Почему? — спросил Шацкий.

— А как пан считает?

— Если пан скажет, что опасается клопов, то я подумаю, что годы общения с гебисткими папками вогнали пана в нечто вроде паранойи.

Шацкий жалел, что не может напрямую оценить психическое состояние своего собеседника.

— Не собираюсь я пану объяснять очевидное, — обрушился Венцель. — Но по доброте сердца советую, что, раз уже пан в своем следствии — чего бы оно ни касалось — добрался до того, что пан желает побеседовать со мной, то я рекомендовал бы сохранять осторожность. Никаких допросов в прокуратуре, разговоры исключительно посредством частного телефона, максимальная осторожность в отношении коллег, начальства и полиции.

Неожиданно Теодор Шацкий почувствовал, что телефонная трубка делается очень тяжелой. Ну почему? Почему это встречает именно его? Почему в этом следствии не может быть одного-единственного обыкновенного элемента? Порядочного трупа, подозреваемых из преступного мира, нормальных свидетелей, которые с боязнью в сердце приходят к пану прокурору на допрос. Зачем весь этот зоопарк? Почему каждый очередной свидетель более странен, чем предыдущий? Ему-то казалось, что после котоподобного доктора Яромира Врубеля его уже ничего не удивит, а тут пожалуйста: поначалу сумасшедший люстратор, а теперь еще и охваченный манией преследования псих.

— Алло, вы еще слушаете?

— Да, прошу прощения, сегодня у меня был тяжелый день. Я крайне устал, извините, — сказал Шацкий, лишь бы что угодно сказать.

— Кто-нибудь уже расспрашивал про пана?

— Не понял?

— Кто-нибудь приходил уже к вашим родным или знакомым, расспрашивая о вас по каким-то несерьезным причинам? Это могли быть Агентство внутренней безопасности, Управление по охране государства, полиция? Так как, случалось что-либо подобное?

Шацкий сообщил, что нет.

— Тогда все еще может быть не так и паршиво. Но встретимся завтра. Обязательно заскочите ко мне после десяти. Буду ждать.

Прокурор Теодор Шацкий автоматически кивнул. Ему не хотелось ссориться. Вместо этого ему хотелось прочитать новое письмо от Моники.

Год назад над нашим морем. Солнце было фантастика, как в Греции. Вчера я заметила, что платице тебе понравилось, так что voilà: можешь иметь его постоянно. А если бы

хотел увидеть живьем какие-нибудь другие мои тряпки (признаюсь, сейчас их немного), то встретимся после полудня в городе.

Они встретились на минутку в Уяздовском парке. ^[122] То было первое место, которое пришло ему в голову, неизвестно почему. Он рос в этой округе и, если верить детским фотографиям, то в этом парке бывал вначале в обычной, потом в прогулочной коляске, потом с мамой за ручку, в конце концов — сам приходил сюда с девушками. Чем сам он делался старше — тем прекрасный городской парк становился миниатюрнее. Когда-то он казался наполненным тропинками, ведущими в никуда и не открытых и не исследованных мест, теперь же, входя в ворота, Шацкий словно на ладони видел все парковые закоулки.

Он пришел пораньше, чтобы немного побродить. Старую детскую площадку с выгнутыми металлическими лестничками, с которых слезала краска, заменили более современные игрушки. Веревоочная пирамида и целый запутанный городок для лазания с мостиками, спусками и качелями. Все это с подстилкой их мягких плит, чтобы падения были не такими болезненными. Одна только песочница стояла в том же самом месте, что всегда.

Теодор помнил, что всякий раз, когда приходил сюда с матерью, он нерешительно останавливался с игрушками в руках и глядел на детей, которые уже игрались вместе. Он дрожал, поскольку знал, что произойдет через мгновение. Мама осторожно подталкивала его в сторону детей, говоря: «Ну что, иди, поиграйся с ребятами. Спроси, не хотят ли они с тобой подружиться». Вот он и шел, словно на казнь, уверенный, что прямо сейчас его высмеют и отвергнут. И хотя никогда такого не случалось, всякий раз, когда он с мамой проходил через калитку парка, его давил один и тот же страх. И до сих пор, когда на приеме он подходил к группе неизвестных себе людей, первым появляющимся в голове вопросом было: «Привет, меня зовут Теодор. Могу я с вами подружиться?».

Кто-то закрыл ему глаза ладонями.

— Грошик за твои мысли, прокурор.

— Ничего интересного, как раз мечтал про секс с теми вот людьми в песочнице. ^[123]

Девушка засмеялась и убрала руки. Теодор глянул на нее и почувствовал себя совершенно беззащитным. Он отступил на шаг. Моника заметила этот жест.

— Ты меня боишься?

— Как и всякую *femme fatale*. Но я хоте поглядеть, как ты сегодня выглядишь, — соврал Шацкий.

— Ну, и как? — спросила она, становясь в контражуре. На ней была апельсинового цвета рубашка с подвернутыми рукавами, белая юбка и тапки-японки. Моника выглядела словно аллегория лета. Ее свежесть и энергия были буквально невыносимыми, и Шацкий подумал, что необходимо бежать, в противном случае он будет не в состоянии сопротивляться и превратит свою выстраиваемую с такими трудами жизнь в кучку дымящихся углей.

— Необычно, — сказал он наконец, зато от всего сердца. — Похоже, что для меня очень даже необычно.

Они прогуливались, болтая о несущественных вещах. Шацкому доставляло удовольствие слушать голос Моника, потому-то он подначивал, чтобы девушка говорила как можно больше. Он даже слегка подразнил ее своим столичным превосходством, узнав, что родилась она в Пабьанице. ^[124] Моника рассказывала о своей семье, о том, что ее отец недавно умер,

о младшем брате, о старшей бездетной сестре, связавшейся с наркоманом, и о матери, что решила на старость вернуться в Пабьянице. Ее рассказы рвались, им не хватало завершения. Шацкий не всегда поспевал за ними, но это ему не мешало.

Они прошлись вокруг пруда, где дети бросали куски булок безразличным от переедания уткам, перескочили по камушкам искусственный ручей, источник которого был в ржавой трубе — уж слишком заметной — и выбрались на небольшое возвышение, увенчанное памятником чему-то неопределенному. Это была современная скульптура, немного походящая на пончик, только без морщин. Вся статуя была покрыта признаниями в любви, и Шацкий вспомнил, что и сам когда-то вырезал свои собственные инициалы и своей «симпатии» из восьмого класса.

Теодор оперся о статую, Моника присела в ее углублении. Внизу в своем ущелье шумела Лазенковская трасса, с другой стороны от них находился Уяздовский замок, [\[125\]](#) слева же красовался — а как еще — замок-костёл, в котором еще несколько дней назад он сидел на корточках возле трупа Хенрика Теляка.

Они ничего не говорили, но Шацкий знал, что если вот прямо сейчас не поцелует Моника, то — несмотря на все последующие объяснения и попытки рационализации поведения — никогда не перестанет об этом жалеть. Так что он преодолел стыд, страх перед тем, что его высмеют. Он наклонился и неуклюже поцеловал девушку. Губы у нее были большими и более твердыми, чем у Вероники, раскрывала она их меньше и вообще не была чемпионкой в поцелуях: либо стояла, застыв на месте, либо крутила головой и резко совала свой язык в рот. Теодор чуть не фыркнул от смеха. А вот вкус ее был классный — что-то сигаретное, что-то от плода манго и арбуза. Но она быстро отпрянула.

— Извини.

— За что?

— Я же знаю, что у тебя семья. Знаю, что у тебя сломано сердце. Знаю, что мне не следовало бы, но сдержаться не могла. Извини.

Шацкий подумал, что Моника права. Он и хотел сказать, что все это не так, но не мог. Во всяком случае — столько.

— Пошли, — сказала Моника чуточку веселее и схватила Теодора за руку. — Проведешь меня на остановку.

Они спустились с горки — когда-то она казалась ему такой огромной — и шли по аллее вдоль стоящих за оградой сборных домиков, живого доказательства того, что временное сохраняется дольше всего. Поначалу они ничего не говорили, вдруг девушка сильно ущипнула Теодора в бок. Он даже перепугался, что останется след.

— Эй, пан прокурор, мы только что целовались в романтических декорациях, так что, похоже, нечего отчаиваться? Мне понравилось, а тебе?

— Улет! — соврал Шацкий.

— Скажу больше: мне и на самом деле понравилось. Возможно, мне даже удалось бы это полюбить, хотя до сих пор считала, что поцелуи — это такой скучный момент перед сексом, — громко рассмеялась Моника. Прозвучало это как-то натянуто. — Мне не следовало бы тебе об этом говорить, но раз уж мы стали почти любовниками, то, наверное, можно. — Снова смех. — Похоже, что вскоре тебя повьсят.

— Почему ты так считаешь? — спросил Теодор, имея в виду, что они почти что стали любовниками.

— Сегодня меня про тебя спрашивали люди из АВW. В свою очередь, они должны

были проверять тебя уже какое-то время, раз знают, что мы встречаемся. Дебилы, они расспрашивали про такие глупости, что я чуть не умерла от смеха. Не знаю, какое значение это может иметь для безопасности страны, но...

Шацкий ее не слушал. Возможно ли, чтобы Венцель был прав? Неужели он коснулся вещей неприкасаемых? Но ведь это же чушь, простое стечение обстоятельств. Он встряхнулся и довольно резко начал расспрашивать Монику о подробностях. Девушка была удивлена, но отвечала. Через минуту он уже знал, что их было двое, довольно молодые — меньше тридцати лет — одетые словно агенты ФБР в сериалах. Удостоверения предъявили. Люди конкретные, спрашивали коротко и точно. Некоторые вопросы: не разбрасывается ли он деньгами, не рассказывает ли о преступниках, вроде как, были обоснованными. Другие — относительно политических взглядов, навыков, вредных привычек — уже в меньшей степени. Вопреки самому себе, прокурор все сильнее нервничал. Он не мог успокоиться. Раз нашли Монику, то с еще большей легкостью доберутся и до его семьи.

Романтические настроения неожиданно испарились. Они уже почти выходили — Моника все сильнее изумленная его настырными расспросами — когда вдруг ему вспомнилось, что это все-таки свидание. И он предложил девушке взвеситься на старинных весах, стоящих у входа в парк.

Это был аттракцион — один из значительнейших в его детстве. Поначалу обслуживающий весы старичок измерял рост, затем усаживал на сидение, какое-то время перебирал гирьки, затем резко дергал за вытертый рычаг и подавал картонный билетик, на котором были выдавлены — только выдавлены, без краски — дата и вес. Смешно, сколько у него было таких картонок, и все куда-то пропали. А может, сохранились у родных?

— Не смейся, — возмутилась девушка. — Чтобы ты убедился, какая я малорослая, а к тому же толстая? Не может быть и речи.

Шацкий засмеялся, но на душе сделалось неприятно.

А дома у него снова получился обалденный секс. Чем чаще он виделся с Моникой, чем больше о ней мечтал, тем лучше получалось с Вероникой. И он понятия не имел, почему так получается.

Шацкий лежал рядом со спящей женой и размышлял.

Во-первых, нужно признать, что это не АВW выпытывало Моника, и узнать у Венцеля, кто его загоняет за флажки и зачем. Проверить в самом Агентстве и, возможно, подать рапорт о совершении преступления. Это последнее ему как раз не было и нужно, принимая во внимание Веронику. Как правило, будут какие-то утечки, и про его роман — квази-роман пока что — супруга может узнать из прессы.

Во-вторых, является ли Камиль Сосновский, таинственный покойник из конца восьмидесятых годов, от которого всякий след простыл, его отсутствующим звеном? Тем человеком, которого заставил его найти Еремияш Врубель? Тем самым упырем, в которого с таким страхом всматривался в течение всей психотерапевтической сессии Хенрик Теляк? Шацкий понятия не имел, что бы все это могло означать. Из теории терапии расстановок следовало, что исчезнувшей особой должна была быть женщина, первая и большая любовь Теляка — с утратой которой он так никогда и не согласился. И в смерти которой чувствовал себя виновным. Чувство вины и утраты было бы тогда причиной, по которой дочь Теляка — идентифицируя себя с покойницей и одновременно желая облегчить отцу его страдания — покончила с собой. А сейчас? Трудно было даже догадываться о чем-либо, раз о Сосновском было известно только то, что его убили во время взлома. И ничего более. Мог ли Теляк быть убийцей, одним из взломщиков? Весьма сомнительно. Собственно говоря, даже невероятно. Вопросы, вопросы, сплошные вопросы...

В-третьих, действительно ли он сам влюбился в эту девушку с маленькими грудями? Наверное: нет. Но раз нет, то почему же она все время стояла у него перед глазами? Почему она была последней мыслью перед сном и первой после пробуждения? Шацкий фыркнул. Текст, помилуй Боже, ну прямиком из Мнишкувны.^[126] Все это либо так, что любой роман — это подлая эмоциональная графомания, либо сам он способен все переживать это словно пацан. А тут нечему и удивляться, раз в последний раз он влюбился, будучи пацаном, в своей нынешней жене. Быть может, пришло время влюбиться как мужчина? Тут мелькнула мысль, что, быть может, необходимо испытать новую влюбленность как раз на супруге, но он быстро ее отбросил. Мир такой огромный. А жизнь всего лишь одна.

Шацкий пошел отлить перед сном, осторожно захватив с собой и лежащий на столике у кровати мобильный. С недавнего времени, дома он всегда отключал вызов, так как боялся вопроса: «кто на этот раз» и своей лжи.

Сообщение было коротким: «Что же ты наделал. Я сейчас сойду с ума. М». Укрывшись в безопасных внутренностях туалета, Шацкий набрал ответ: «Я? Это ты перестань подсыпая мне наркотик в кофе» и счастливый вернулся в кровать.

Там прижался к Веронике и моментально заснул.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

среда, 15 июня 2005 года

Японцы построили машину, которая просверлит насквозь земную кору. Испанцы арестовали 16 человек, подозреваемых в исламском терроризме. Голландцы сожгли мечеть. «На меня производит впечатление и развитие событий в Польше, и вокруг Польши, и те различные аргументы, которые ко мне поступают», сказал депутат Цимошевич; он не исключает, что, все же, стартует в выборах. Его коллега по правительству, Магдалена Шрода, в свою очередь, находится под впечатлением польских учебников, в которых мама мечется по дому с тряпкой и готовит еду, а папа — это милостиво приходящий на обед бизнесмен. И она объявляет феминистический крестовый поход. А Лех Качиньский, еще недавно убеждающий, будто бы сексуальная ориентация не может быть предметом публичной манифестации, согласен с гомофобными крестовыми выступлениями Всепольской Молодежи — Парад Нормальности. Ведущая в течение 120 минут в Гродзиску Велькопольским «Легия» сыграла вничью с Гроцдином 1:1 и позорно проигрывает по штрафным путевку в финал Кубка Польши. В Варшаве либо солнце и почти тридцать градусов, либо же небо настолько темное, что зажгут фонари, и неожиданные грозы. От удара молнии гибнет тридцатипятилетняя женщина.

Шацкий скривился, пристраивая ситроен возле аптеки на углу Жеромского и Макушинского на Белянах. Бордюры в этом месте были слишком высокими даже для гидравлической подвески французского внедорожника. Он быстро нашел низкое здание, в котором проживал Венцель, и бегом поднялся на третий этаж. Прежде чем нажать на кнопку звонка возле защищенных на удивление толстой броней дверях, он стиснул большие пальцы в кулаках и глянул в потолок. Если сейчас он не получит чего-то, что позволит ему решить дело Теляка — это конец.

Карел Венцель открыл, сразу же дважды удивляя прокурора: за дверью была установлена солидная решетка, которая дополнительно отделяла квартиру от коридора, сам же Венцель выглядел как человек, которого никто не мог бы подозревать, что он на должности в Институте национальной памяти. Скорее уже, что он работает менеджером в процветающем рекламном агентстве. Венцель обладал довольно никчемным ростом, ненамного выше — если вообще выше — Тома Круза, но больше ни в чем ином обвинить его было нельзя. Босой, в шортах и белой рубашке-поло он казался человеком, состоящим только и исключительно из мышц. Но не избыточно, как культурист, но как человек, проводящий всякое свободное мгновение в занятиях спортом. Загорелый, гладко бритый, с черными густыми волосами, подстриженными под еж. Наверное, ему было столько же лет, сколько и Шацкому, но прокурор рядом с историком выглядел словно его дядя.

— И вы не спросите, не следил ли кто за мной? — спросил Шацкий, более злораднее, чем собирался, одновременно думая о том, что если бы сам он поднялся на цыпочки, Венцель мог бы пройти у него под мышкой.

— Им известно, где я проживаю, — отрезал Карел.

Любая мелочь внутри квартиры, казалось, кричала: здесь проживает холостяк. Общая площадь не могла превышать тридцати квадратов, и когда-то квартира наверняка состояла из комнаты и кухни. Теперь же оба помещения были объединены в одно целое. Два окна выходили на ту же, западную сторону. Между ними на стене было нарисовано еще одно, а в нем — горы. Шацкий не был уверен полностью, но, похоже, то были Высокие Татры с Козим верхом и Замарлой, видимыми со стороны Гусеничного пруда. Давно уже не наслаждался этим видом. Жизнь проходит, а он только: работа, жена, работа, дочка, жена, работа. Но все это изменится. Уже меняется.

Одна стена помещения была полностью закрыта стеллажом с книгами и папками — только это свидетельствовало о профессии хозяина. Все остальное — небольшой письменный стол, объединенный с раскладной лежанкой, телевизор, компьютер и звуковая аппаратура, колонки в каждом углу, плакаты всех серий «Звездных войн» на стенах и дизайнерская кофе-машина на почетном месте в кухонном углу — все это были игрушки взрослого мальчишки, проживающего в одиночку.

— Кофе хочешь? — спросил Венцель, указывая на эспрессо.

Шацкий кивнул. Он подумал, что хозяин мог бы, по крайней мере, ради формальности, предложить переход на «ты», хотя они были плюс-минус ровесниками и работали в одной профессии. Пока Венцель крутился возле кофе-машины, прокурор размышлял, то ли вначале рассказать историю про дело, то ли о том, что его уже вычислили. Выбрал первое.

Он тщательно сообщил о ходе терапии, описал потенциальных убийц: Рудского, Ярчик,

Каима, Квятковскую; кратко изложил разговор с Врубелем, который предложил ему искать недостающего человека; он рассказал про «счастливые» номера Теляка, про газеты и про странное убийство Камиля Сосновского, о котором в полицейских архивах не осталось и следа; о беседе с капитаном Мамцажем и картотеке, вычищенной департаментом «D», о котором Подольский не желал говорить.

Венцель какое-то время молчал, а потом расхохотался.

— Как по мне, так ты уже все знаешь, — сказал он. — Нужно лишь объединить факты.

— Умоляю, только без загадок.

— Этот Сосновский, в ванне, с перерезанным горлом, со связанными вместе руками и ногами. Ты наверняка знаешь, кого еще связали точно таким же образом в восьмидесятых годах, только несколькими годами ранее. Все знают.

— О Боже!

— Тепло.

— Ксёндз Ежи.^[127]

— Вот именно.

— Хочешь сказать, что Сосновского убила гэбня? Зачем?

Венцель пожал плечами.

— Либо затем, чтобы заставить его стариков умерить свою деятельность, либо просто ошиблись. Такие вещи случались. Я вкратце расскажу, кому ты наступил на мозоль, чтобы ты понимал, о чем речь. Схему их организации ты более-менее знаешь. Департамент II занимался оппозицией, департамент IV — церковью, затем наблюдение за фигурантами, выработка личных источников информации, центральная картотека, система папок и так далее...

Шацкий кивнул.

— Народ считает, будто бы это была подобной милицейской бюрократия, ну а эсбеки походили на поручика, которого Ковалевский играл в «Контролируемых разговорах», такие себе неуклюжие функционеры, собирающие никому не нужные данные. Кстати, Барюю я терпеть не могу. А Хенчиньского^[128] за эти разговоры тоже не люблю.

— Потому что?

— Потому что все это ложь. Ложь, которая к тому же на руку всем тем сволочам. И которое им на руку все время. Ложь, из-за которой люди поверили будто бы ПНР — то была такая чудаковатая страна, где, возможно, и не было легко, но, по крайней мере, смешно, так все замечательно веселились.

— А разве немного было не так? — Шацкий лично просто обожал фильмы Барей.

Историк вздохнул и глянул на гостя так, словно собирался покинуть дом.

— Спроси у Камиля Сосновского. Ты и вправду считаешь, будто бы это единственная жертва? Да почему же, черт подери, никто не желает понять, чем была ПНР! Так вот, это была тоталитарная система, основанная на репрессиях и угнетении граждан посредством самых различных средств, где наибольшее право голоса имел — как бы патетически это не прозвучало — аппарат террора, то есть присутствующие повсюду, следящие практически за каждым и в любой момент готовые отреагировать службы! Курва, — Венцель явно завелся, — неужто ты не понимаешь, что они все время желают, чтобы ты верил в «Мишку» и «Брюнета вечерней порой»? Ничего удивительного. Ведь там ничего не говорится про тюрьмы, несчастные случаи и исчезновения людей. Нет Третьего отдела, шантажа, продажных тварей. Нет там и Департамента «D».

— Извини, — сдался Шацкий. — В восемьдесят девятом году мне было всего семнадцать лет.

— А мне было восемнадцать. Так что с того? Разве это освобождает тебя от знания истории? Разве позволяет свести твоё детство и жизнь твоих стариков к «последней сосисочке»?^[129] Поздравляю можешь купить полкило сарделек и положи на могилу Куроня.^[130] Пускай посмеется.

— Изю всех сил извиняюсь, — процедил Шацкий, — только я не работаю в ИНП. Не узнаю ежедневно про гэбистские преступления. А когда прихожу, чтобы узнать, так вместо того, чтобы получить информацию, меня посылают нахуй. Хочешь, чтобы я ушел, так и скажи. Не хочешь — расскажи, что знаешь. Остальным можешь заткнуться.

Венцель сморщил брови и прошелся рукой по волосам.

— «D», то есть дезинформация и дезинтеграция. То была самая закамуфлированная структура во всем МВД, они сами говорили: «конспирация в конспирации». Отдел существовал как в центре, так и в воеводствах в виде отдела «D». То были спецы по грязной работе. Их действия заключались в распространении сплетен, попытках рассорить оппозицию, очернить ее деятелей. Ну и более простые вещи: шантаж, похищения, избиения, а так же убийства. Я понимаю, что ты об этом не слышал, но ведь существование таких людей просто логично. Ты способен поверить в аппарат террора, который ограничивается исключительно доносами и признаниями сотрульников? Вот именно...

Теодор Шацкий никогда об этом не задумывался. Ба, он даже не слышал никогда о ком-либо, кто бы о подобном размышлял. Но должен быо признать, звучало все это весьма достоверно.

И он спросил, а чего гэбистские убийцы могли хотеть от молодого студента.

— Как я уже и говорил: либо его старики, либо это была ошибка. Чем занимались его родители?

— Это тоже странно, — буркнул Шацкий. — Понятия не имею. То был интеллигентский дом, они могли быть юристами, врачами. Мне их не удалось пока что найти, исчезли. Есть у меня определенные фантастические подозрения, но, скорее всего, они взяли дочку и выехали с ней за границу. Это было самым лучшим, что они могли сделать в этой ситуации.

— Наверняка так оно и случилось. Во всяком случае, ты должен знать, что дебилы у красных не работали. Непосредственное покушение, как произошло в случае Попелушки, означало скандал, судебное расследование, бурю на Западе. А вот если у кого-то во время грабительского нападения убили мать — именно так ведь погибла Анеля Песевич^[131] — ну что же, бывает. У кого-то пропал ребенок или пострадал в ходе несчастного случая, у другого жена сгорела во время пожара квартиры... Просто неудача. Но те, которые должны были прочитать данное сообщение — наверняка его поняли. Знаешь, когда убили мать Песевича?

— Ну?

— Двадцать второго июля.^[132] Думаешь, это случайность? Некоторые аспекты этих убийств — как они связывали жертв, важная дата — были словно подпись красных бандитов. Когда убили твоего Сосновского?

— Семнадцатого сентября.

— Ну, сам видишь, еще вопросы есть?

У Шацкого пересохло в горле. Он попросил стакан воды.

— Ты два раза повторил, что это могло быть случайностью. Такое и вправду бывало?

— Да. К сожалению. Не забывай, офицеры не ходили «на работу». Иногда через различных посредников нанимали самых обычных преступников, чтобы не марать себе рук. А бандюга, он бандюга и есть. То неправильно прочитал адрес, то этажи спутал, то офицеры плохо расследовали дело и послали не туда, куда нужно. У нас подобные случаи задокументированы. Потрясающе! Тем более потрясающе, что те, которые сражались, в том числе и их семья, знали, что рискуют. А те не имели со всем этим ничего общего, жили себе спокойно. Но это означает еще и то, что во времена тоталитаризма никто не может жить спокойно. И что отказ от борьбы, прятанье головы в песок как не оправдывает тебя, так и не защищает.

Теодор Шацкий укладывал в мыслях полученные сведения. Можно принять, что Сосновский был убит людьми безопасности. Возможно, в связи с деятельностью родителей, о которой сам он не имел понятия. Дата его убийства стала счастливой для Теляка. Почему? Был ли он каким-то образом замешан в убийство? Или на этой смерти чего-то заработал? Прокурор прямо спросил об этом у Венцеля.

— А где этот Теляк работал?

— Он был директором полиграфической фирмы со звучным названием Польграфекс. Довольно процветающей, мы узнали, что он отложил приличную сумму, и застрахован был на немногим большую сумму.

Венцель в очередной раз за этот день расхохотался.

— Знаешь, чьей собственностью был этот Польграфекс?

Шацкий отрицательно покачал головой.

— Польских Азартных Предприятий. Известных тебе, возможно, тем, что обладают практически, монополией на ведение казино в Польше. А так же тем, что никакой прокурор или налоговый инспектор не в состоянии схватить их за задницу. А кроме того тем, что там полно бывших гэбистов. Если ты задумывался над тем, был ли Теляка замешан в службы безопасности, то можешь быть уверен. Наверняка был. Вопрос, был ли он замешан в убийство парня. И потому ли был теперь убит. Но вот тут я тебе уже не помогу. Можно еще попытаться проверить был ли он офицером СБ в восьмидесятых годах, но если работал в «D», то все наверняка было вычищено подчистую.

— Уничтожено?

— Не шути. Такие вещи не уничтожают. Наверняка лежит в сейфе какой-нибудь виллы в Констанцине. [\[133\]](#)

Шацкий спросил, можно ли ему закурить. Можно, но только снаружи. Он вышел на узенький балкончик. Было душно и почти безветренно, все казалось липким. Небо затягивалось чернильными тучами, так что была надежда, что это безобразие закончится порядочной грозой. Все ждали этого с нетерпением и точкой. Он же испытывал спокойствие. С каждой мыслью очередной элемент вскакивал на свое место, в кубике Рубика два цвета уже были сложены. Правда, многие части были объединены его предположениями, даже не уликами, не говоря уже о доказательствах и фактах, но он уже чувствовал, что дело это не будет очередным «всяком» на полке. Теперь же следовало поговорить с Венцелем о другом.

— А обо мне уже спрашивали, — сказал он, вернувшись на лежанку.

Венцель причмокнул.

— Это можно было предвидеть. Думаю, что за тобой приглядывали с того самого момента, когда узнали, что это ты будешь вести следствие. Теперь желают сблизиться, чтобы, в случае чего, молниеносно отреагировать.

— И сколько им известно?

— Лучше всего предположить, что все. Даже если и ошибешься, то незначительно.

Шацкий покачал головой. Господи, он никак не мог поверить, что все это происходит на самом деле.

— Кто такие «они»? — задал он вопрос.

— Хороший вопрос. Я уже много чего о них знаю, но все еще недостаточно. Ты «Досье «ОДЕССА» Форсайта читал?

Прокурор кивнул.

— Так что знаешь, что «ОДЕССА» — это было объединение бывших офицеров СС которые после войны создали тайную организацию, чтобы поддерживать старых товарищей по оружию.^[134] Деньги, должности, бизнес, помощь в укрытии, запутывание следов, левые бумаги, иногда — ликвидация тех, которые слишком о многом догадывались. Либо тех, которые слишком настроены на раскрытии правды. И хотя я знаю, что эта аналогия может многим показаться грандиозной, у нас тоже имеется своя, назовем ее, «ОДЕСБА». Которая, возможно, функционирует значительно лучше, чем «ОДЕССА». Нашим офицерам не нужно было бежать в Аргентину, на них никогда по-настоящему не охотились, различные робкие следствия умирали в зародыше. Ведь даже заказчиков убийства Попелушки нам посадить не удалось, не говоря уже о сотнях — кто знает, а вдруг их и тысячи — дел поменьше. Подумай только: прекрасно организованная сеть, масса информации с крючками на практически всех, извлекаемые в соответствующий момент папки, крупные деньги — как из прошлого, так и полученные из грабежа государственной собственности, а так же от бизнес-деятельности, что ведется уже шестнадцать лет. Тебе известно, каким словом называют такую организацию.

— Мафия.

— Именно. Похоже, единственная, которая может равняться с наилучшими итальянскими образцами. И как раз это «они» и есть. Так что если тебе хочется каким-то образом добраться до них, сразу же забудь об этом. Ты только подумаешь об этом утром, а вечером зарыдаешь рядом с трупом собственной дочери. А если без этого не сможешь решить свое дело — отложи его в долгий ящик. Жизни жалко.

— А ты?

— Я — один из нескольких человек, которые занимаются преступлениями службы безопасности; на самом деле окружение считает меня психом и долбаным охотником на гэбню. Никто меня не поддерживает, мои исследования игнорируются. И я этому не удивляюсь. ИНП — это учреждение номер один в списке зараженных «ОДЕСБой». Причем намного сильнее, чем — со всем моим уважением — прокуратура. Понятное дело, им известно обо всем, что я делаю, но они считают, что я не опасный. Помимо того, я смертельно болен — хотя сейчас это трудно заметить — у меня есть года два, не больше. Знаю я прилично, но прекрасно понимаю, что при жизни всего не опубликую. Может быть когда-то, когда все они вымрут, какой-нибудь историк воспользуется тем, что я собрал.

— Ты преувеличиваешь, — сказал Шацкий. — Здесь тебе не Сицилия. Наверняка мы говорим о нескольких типах, которые снимают под прикрытием какую-то контору в Варшаве, где они играют в стр-р-рашных эсбеков, потому что они вынесли из картотеки

несколько папок. Я же буду делать свое.

Венцель скривился.

— Преувеличиваю? Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве восемьдесят девятом году взорвалась некая бомба «К», которая вызвала, что неожиданно испарились все ёбаные красные аппаратчики, дворняжки на советских поводках, эсбеки, персональные источники информации, секретные сотрудники и вообще вся эта тоталитарная чернь? Я вот что тебе скажу: тебя подкупят или запугают. Может даже еще сегодня, как только они узнают, что ты со мной беседовал. Просто так, на всякий случай.

— Ты не знаешь меня.

— Я знаю тех, что были здесь перед тобой. Все такие же стойкие и непоколебимые. Все они говорили, что я их не знаю. С той поры я не слышал ни про них, ни про дела, которыми они занимались. Я без претензий. Такова жизнь: если в частном порядке есть что терять или есть что получить, свое мнение очень легко поменять.

На работе он начал с того, что договорился на следующий день с доктором Еремияшем Врубелем. У него в голове появилась безумная идея процессуального эксперимента, но чтобы его провести, вначале нужно было уточнить все подробности с доктором. Забавно, но Врубель, который так раздражал его проявлением превосходства и глупыми шуточками в ходе беседы, записался в его памяти человеком симпатичным и достойным доверия. И он с охотой встретится с ним.

После того он позвонил Кузнецову. Полицейский звонок принял, но, как и всегда, он был в паршивом настроении.

— Теоретически кое-чего есть, а практически — ноль настолько громадный, что в него можно вложить все бабки, прокрученные бандой Пискорского, [\[135\]](#) в банкнотах по десять злотых, — ответил он на вопрос о продвижениях в исследовании прошлого Теляка. — Мы нашли соучеников из лица, которые помнили только то, что такой был. Нашли студентов из его группы, которые помнили то же самое. Нашли его сотрудников по Варшавскому графическому предприятию, куда он попал после института. Большая часть его вообще не помнила, только один мастер припомнил, что парень быстро учился и желал экспериментировать с новыми технологиями. Что тогда, наверняка, означало струйные принтеры, впрочем, не имею понятия.

— Можешь забыть про Теляка, — после некоторого колебания сказал Шацкий. — Там мы ничего не найдем. Похоже на то, что мы касались в прошлом не тех людей, что следовало.

— Отлично! — Олег не скрывал разочарования. — Но если ты желаешь, чтобы теперь мы искали его дружков по начальной школе или кого-то другого, то для этой работы найди себе другую районную комендатуру или попроси поддержку со стороны столичной комендатуры.

— Да ты не бойся. Это все мелочи. И, возможно, последние проверочные действия в данном следствии. Слушай, — снизил он голос и осмотрелся по кабинету; тут вспомнились все рассказы Подольского и Венцеля, — а вернее, не слушай, так как это не телефонный разговор. Нам нужно поговорить лично.

— О'кей, я и так собирался ненадолго выйти, могу заскочить и на Кручую.

— Нет, это не совсем хорошая идея. Встретимся ненадолго на ступенях перед Министерством сельского хозяйства. Через четверть часа.

Кузнецов театрально вздохнул, прошептал замученным голосом «ладно» и положил трубку.

Шацкий посвятил эту четверть часа на то, чтобы кратко записать то, что услышал от Венцеля, и на проектирование собственных гипотез.

Он размышлял над тем, чего конкретно хочет от Кузнецова, и что, собственно, должен ему сказать. Неужто он уже сам мыслит словно параноик? Похоже на то. Понятно, что он ему все расскажет, и они вместе подумают, как действовать. Ведь они же всегда так делали. Шацкий вырвал листок из блокнота и разделил его на две половинки. На одной он выписал фамилии лиц, выступающих в деле, на второй — лозунги, соответствующие людям, имеющим связь с убийством 1987 года. Можно ли их каким-то образом объединить? Существуют ли — кроме, скорее всего, Теляка — какие-то общие моменты? Сейчас он был

уверен, что, как минимум, один. Но вовсе не исключал, что этот след фальшивый. Или же, что человек, объединяющий эти две истории, вовсе не будет тем, о котором он сейчас думает. К счастью, у него имелась идея, как это узнать.

И, как обычно, когда он уже стоял в двери, зазвонил телефон.

— Это пан прокурор Теодор Шацкий? — спросил мягкий голос, принадлежащий пожилому мужчине. Шацкому этот голос не был известен.

— У телефона. Кто говорит?

— Я старый знакомый Хенрика Теляка, когда-то мы работали в одной фирме. Думаю, нам следует поговорить. Через полчаса я буду ждать вас в итальянском ресторане на Журавей, в том самом, что между Кручей и Братской. Надеюсь, что пан сегодня еще ничего не ел, так что с удовольствием приглашаю пана пообедать.

Венцель был прав. Еще сегодня.

Мужчина заказал воду и ждал. Хотелось кофе, но уже выпил два, а сегодня давление — как атмосферное, так и артериальное — металось во все стороны. Все равно же он не откажется выпить маленький эспрессо после еды, а пить дополнительный кофе сейчас было бы глупо.

Он знал об этом, но, тем не менее, страдал. Забавно, как мелкие привычки способны превратиться в одержимость.

Прокурор Теодор Шацкий прибыл пунктуально в срок. В костюме цвета водянистого серебра, выпрямленный, уверенный в себе. Не раздумывая и не разглядываясь по залу, он подошел к столу мужчины и уселся с другой стороны. Руки мужчине не подал. Из него получился бы неплохой офицер. Прокурор не заговаривал, мужчина тоже молчал. В конце концов, он решил тишину прервать, у него не было времени играть в буку до вечера.

— Не знаю, известно ли пану это место, но лучше отправиться к повару, чем ожидать официанта. Можно присмотреться, что он там делает, поговорить, выбрать. А прежде всего: самому собрать салат.

Шацкий кивнул. Мужчина — очередная привычка, перешедшая в манию — взял немножечко рукколы и моцареллы, прокурор выбрал жареные на решетке артишоки и баклажаны, римский салат, немного вяленых помидоров. Для основного блюда — все еще не обменявшись ни словом — тортеллини с рикоттой и грибами, а еще каннелони, фаршированные шпинатом, в соусе из горгонзолы.^[136] Похоже, только лишь в Краковских аллеях подавали пасты, лучше чем здесь.

— Вы меня будете пытаться подкупить или запугать? — спросил Шацкий, когда они вернулись к своему столу.

Балл в его пользу. Если молчал так долго, поскольку раздумывал, как начать разговор, то оно этого стоило. Такого начала мужчина не ожидал. Теперь необходимо было слегка отступить, что сразу же ставило его в худшей позиции. Руккола показалась мужчине более горькой, чем обычно.

— Я вижу, что пан привык одеваться опрятно, — сказал он, указывая на костюм Шацкого.

— Лично я предпочитаю определение: элегантно.

Мужчина усмехнулся.

— Элегантность начинается с десяти тысяч. Пан всего лишь опрятен.

— Следовательно: взятка. Говоря по правде, с какого-то времени мне интересно, сколько вы мне предложите. Так что, может пропустите вступления и обозначите сумму. Мы будем знать исходные позиции еще до того, как принесут заказ.

Второе очко То ли он и действительно с ним играет, либо и вправду для него важны деньги. Неужто все было бы так просто? Мужчина уже столько знал о прокуроре Шацком, что позабыл: он плохо оплачиваемый государственный служащий, столь же жадный к деньгам, как и все остальные. Он чувствовал себя разочарованным, но, и действительно, можно устроить все дело перед тем, как принесут макароны. Мужчина глянул на сидящего несколькими столиками далее мужчину. Тот кивнул, давая понять, что на прокуроре нет подслушки или какого-либо иного оборудования для записи.

— Двести тысяч. За пятьдесят вы отправитесь с семьей в поездку вокруг света. Разве что

пан предпочтет с любовницей; говоря по правде, как развернется ваш роман после вчерашнего нежного поцелуя. За остаток пан может купить дочке небольшую квартиру, чтобы та ждала девочку и только увеличивала стоимость.

Шацкий вытер губы салфеткой.

— И пан еще отчислит себе из этой суммы за инвестиционное консультирование? — заявил он с издевкой. — Или же данный подарок обусловлен тем, каким образом мне можно потратить эти деньги?

Третье очко. Слишком много сказал, вот и получил по лапам. Самое время перехватывать контроль.

— Двести тысяч и, естественно, мы поможем пану задокументировать эти доходы. Предложение серьезное, так что свои шуточки можете пропустить.

— Я отвечу вам через неделю, в четверг.

Ошибка.

— Нет, ответ мне пан даст сейчас. Ведь это уже не беседа по вопросу трудоустройства, а предложение гигантской взятки. Пан должен принять решение без консультаций с приятелями, женой, любовницей, родственниками или кем там еще. И времени у пана до — скажем — завершения прощального «экспрессо».

Шацкий кивнул. Официант принес заказанные макароны, они занялись едой. Оба еще заказали по стакану воды: несмотря на кондиционеры, сорочки прилипали к спинам. Небо было черное, где-то вдаль гремело и сверкало, тем не менее, не пролилось ни капли.

— А если нет? — спросил Шацкий.

— Лично мне будет неприятно. Прежде всего, потому что вы замечательный прокурор и, вроде как, симпатичный человек, но по случаю пан коснулся того, чего касаться не следует. Думаю, что те деньги пану быгодились, облегчили жизнь. Впрочем, глянем правде в глаза — дело и так отправится в долгий ящик.

— В таком случае, почему бы пану просто спокойно не подождать?

— Говоря осторожно, моим приоритетом является покой для самого себя и своих товарищей. Мы не чувствуем для себя угрожаемыми, так что не льстите себе. Мы опасаемся того, что если пан, даже не желая того, чего-то намешает, нам это будет стоить больше энергии, больше тысяч злотых, больше действий, которые — вопреки широко распространенным представлениям — мы всегда рассматривали как необходимое зло.

— Выходит, все-таки угрозы. Как же это дешево...

— Я это понимаю гораздо лучше пана, прошу мне верить. Я слишком уважаю пана, чтобы рассказывать, что мы можем, что мы знаем о вашей семье, о приятелях, знакомых, коллегах по работе, свидетелях, подозреваемых и так далее. Мне бы только хотелось, чтобы у вас не появилось ошибочное мнение о нашей слабости. Поскольку, руководствуясь подобным убеждением, пан мог бы натворить чего-то такого, чего нельзя было бы повернуть назад, чего нельзя было бы обговорить за столиком в симпатичном ресторанчике.

Теодор Шацкий не ответил, не говоря ни слова, он закончил есть, после чего спросил:

— А пан не боится, что я записываю нашу беседу?

Мужчина чуть ли не выплюнул на тарелку кусочек замечательного пирожка. Всякого он ожидал, но не такого пацаньего отзыва, словно из шпионского фильма, снятого группой любителей из начальной школы. Он чувствовал себя смущенным необходимостью ответа.

— Я знаю, что пан не записывает. Это очевидно. Вопрос в другом: а не записываю ли эту беседу я? Не смонтирует ли мой коллега из столичной Криминалистической

лаборатории ее столь совершенно, что другой его коллега, который будет анализировать запись по заказу окружной прокуратуры, не узнает, что это монтаж. А ваши коллеги с Краковского будут ломать голову, ну как пан мог быть настолько наглым, чтобы требовать полумиллионную взятку.

— Это блеф.

— В таком случае, пан может меня проверить.

— Следующий блеф.

Мужчина вздохнул и отодвинул от себя пустую тарелку. Соус был таким вкусным, что хотелось вытереть остатки пальцами. Поэзия. Он подумал, а не пора ли продемонстрировать силу. Подошел официант, у которого он заказал маленький черный и порцию тирамису. Шацкий десерта не желал. Очередная ошибка: этим он показал, что боится. То есть, нужно его еще чуточку прижать, и дело сделано.

Мужчина осмотрелся по залу. Несмотря на обеденное время, в ресторации было довольно пусто, большинство клиентов занимало столики на улице, отсюда они были почти не видны. В их части зала было только двое бизнесменов в дорогих, хотя и уродливых костюмах, беседующих о чем-то, что видели на экране ноутбука. Парочка лет тридцати с пиццей, похоже, иностранцы, когда заговаривали громче, мужчина различал английские выражения. И одинокий тип в льняной рубашке, полностью поглощенный чтением газеты.

Официант принес кофе. Мужчина добавил в микроскопическую чашечку две ложки тростникового сахара и тщательно перемешал. Получилось нечто, похожее на ириску, оставленную в машине в жаркий день. Сделал глоточек.

— Так пан говорит: блеф. Тогда послушайте. Прямо сейчас я мог бы вынуть оружие, которое имеется со мной, и пристрелить пана. Вот так, запросто. Понятное дело, пришлось бы потрудиться, сделалось бы замешательство, пресса, громкое следствие. Говорили бы, что это мафия, расчеты между бандитами, что пан наступил кому-то на мозоль. И тут оказалось бы, что пан вовсе не был таким белым и пушистым, как все перед тем считали. Появилась бы некая странная запись. В конце концов, наверху пришли бы к выводу, что, возможно, во всем этом лучше и не копать. Понятное дело, что лично я никогда бы ничего такого не сделал — то была бы крайняя глупость. Но теоретически я бы и мог...

Шацкий одним глотком выпил кофе, снял салфетку с коленей, сложил ее и положил на краю стола.

— Это самый дурацкий блеф, который я слышал во всей своей жизни, — устало сказал он. — Мне весьма жаль, что у пана поехала крыша, если что, то я с охотой я помогу пану найти специалиста, в последнее время я часто разговариваю с психологами. В любом случае, мне пора бежать. Благодарю за обед, надеюсь, что больше мы уже не увидимся.

Теодор Шацкий отодвинул стул.

Мужчина вытащил из кобуры под мышкой небольшой пистолет с заводским глушителем и приставил Шацкому к сердцу.

— Садись, — шепнул он.

Шацкий побледнел, но марку держал. Он медленно придвинул стол к столу.

— Не знаю, насколько вы сумасшедший, — спокойно произнес он. — Но, похоже, не настолько, чтобы убирать меня при свидетелях.

— А что, — спросил тот с легкой усмешкой, — если тут никаких свидетелей нет? Если здесь одни только мои люди?

Как по команде парочка иностранцев, тип в льняной рубашке и пара бизнесменов

подняли головы и весело помахали Шацкому. Официант помахал точно так же весело, как и остальные.

Мужчина снял пистолет с предохранителя и сильно втиснул дуло в грудь прокурора. Он понимал, что на белой рубашке останется след и запах смазки. Ну и замечательно, пускай помнит.

— Так у пана еще имеются вопросы? Или еще раз пану бы хотелось сказать, будто бы я блефую? Или подчеркнуть, насколько я стукнут?

— Нет, — ответил Шацкий.

— Прекрасно, — произнес мужчина, спрятал пистолет в кобуру и встал из-за стола. — Декларации я не ожидаю, зная, насколько это было бы для вас унижительно. Но я верю, что это была наша последняя беседа.

Он вышел, давая знак мужчине в льняной рубашке, чтобы тот оплатил счет. Когда он шел к автомобилю, подул сильный ветер, а на пыльный город упали крупные капли, обещая ливень. Где-то очень близко ударила молния.

Шацкий был мокр от пота и дождя, когда, стоя на коленках, блевал в туалете Районной прокуратуры Варшава-Центр, не в силах сдержать рвоту. Уже вышли кофе, каннеллони и жареные на решетке артишоки, за ними пошел завтрак, из горла лилась едкая желчь, а Теодор не мог сдержать ее. У него крутилось в голове, перед глазами мелькали черные точки. Наконец-то ему удалось сделать глубокий вдох, спустить воду и усесться прямо на полу туалета. Шацкий уткнулся лбом в холодную глазурь плитки и пытался медленно дышать. Началась чудовищная икота, но содержимое желудка удержать удалось. Он снял заблеванный галстук и выбросил его в ведро рядом с унитазом. Еще несколько вздохов. Он поднялся на ноги, с подгибающимися коленями вернулся в кабинет и запер двери на ключ. Нужно было подумать.

Он поднял трубку, чтобы позвонить Олегу, но положил ее на место, не набирая номера. Во-первых: никому он не сможет этого рассказать. Никому. Никогда не было беседы в итальянском ресторанчике, никогда не было «ОДЕСБЫ», никто и никогда не вытирал пистолетного ствола о его рубашку, на которой все еще был виден бледный бурый след. Он еще придумает, как схватить этих сволочей за задницу, когда-нибудь он разотрет их в мелкую пыль, но вот сейчас — никому ни слова. Всякий, кто с ним контактировал, сейчас находился в опасности. С тем, кто что-нибудь узнает, может произойти несчастный случай. Одно лишнее слово может означать, что его близким может грозить опасность всякий раз, когда они тронутся на зеленый свет светофора. Вероника, малышка Хеля, а еще Моника. Ну да, Моника, необходимо как можно скорее покончить с этим стеснительным романом, чтобы отобрать из их рук орудие шантажа.

Шацкий позвонил ей. Сказал, что хотел бы ненадолго встретиться. Сообщил он это самым официальным тоном. Та смеялась, говоря, что чувствует себя обвиненной в человекоубийстве. Он же этой теме не развил. Оказалось, что в гнрорд выскочить она не может, сидит дома, пишет текст и никуда не двинется, пока нее закончит.

— Так сожет я заскочу на кофе, — предложил Теодор, не веря в то, что делает. Из всех возможных способов прекращения данного знакомства этот — заскочить на чашечку кофе — был, вне всякого сомнения, наихудшим.

Понятное дело, что Моника была восхищена. Он спросил адрес и не мог сдержать смешок, когда девушка сказала.

— Ты над чем смеешься?

— Андерсена? Сразу видно, что ты не из Варшавы.

— Почему же?

— Ты же говорила, что живешь на Жолибоже.

— Ну ладно, пускай будет, что на Белянах. [\[137\]](#)

— Белянах? Девушка, ведь Андерсена — это провинция, крупноблочная Хомичувка.

— Административно — это еще гмина Беляны. И должна тебе сказать: ты не слишком мил.

— А если привезу пончиков к кофе?

— Тогда, возможно, и прощу. Надо подумать.

Близился шестой час. Шацкий стоял в пробке на Банковой площади и слушал радио. Дворники работали на всю катушку, молнии били в самый центр города, ему же казалось,

что каждая вторая метит прямо в антенну Citroena. На пассажирском сидении лежал сверток с пирожными. Вроде как он недавно рвал, теперь же казалось, что мог бы слопать их все и закусить приличным куском мяса. Рядом со свертком лежала купленная по дороге мятная жидкость для устранения запаха изо рта. Ею он воспользовался только раз на стоянке, чтобы избавиться от привкуса рвоты во рту. Пшикнул в рот еще раз, приоткрыл двери и выплюнул на мокрый асфальт. Стоящие на остановке люди удивленно глянули на него.

Шесть часов. Шацкий сделал звук погромче и переключился с «Атирадио» на «Зет», чтобы послушать новости.

— Начинаем с трагедии в Варшаве, — радостно сообщил ведущий, а Шацкий подумал, платит ли станция «Зет» меньшие налоги, раз принимает на работу людей с ограниченными умственными способностями и имеет ли статус защищенного работодателя. — В центре города, в окружении высоких деревьев и высотных жилых домов, молния убила женщину, которая шла забрать из садика семилетнюю дочурку. Наш репортер находится в районе Прага-Север.

Теодор Шацкий почувствовал, что прекращает существовать. Он был только органом слуха, отчаянием и надеждой, что то не она. Заехал в «автобусный карман» и выключил двигатель.

— Грохот был ужасный. В жизни не слышал ничего подобного, — рапортовал возбужденный пожилой мужчина. — Мы стояли с женой у окна и наблюдали за молниями, нам обоим это очень нравится. Видели мы и ту женщину, как она бежала, как будто перескакивал от дерева к дереву, чтобы поменьше намокнуть, только она и так была уже вся мокрая.

Шацкий глазами воображения видел всю эту сцену. Видел Веронику: в джинсах, в мокрой футболке, приклеивающейся к телу, с потемневшими от воды волосами, с каплями дождя на очках.

— Вдруг вспышка и сразу же загрохотало, я уже думал, что мне конец, весь двор осветило, меня ослепило, а она так вроде и даже не вскрикнула. Как только зрение вернулось, то увидал, что она лежит.

Репортер: — То был пан Владислав, живущий на улице Щимановского. Скорая помощь прибыла молниеносно; к сожалению, никакие действия по реанимации уже не смогли спасти женщину. Ее дочка в настоящее время находится под опекой полицейских психологов. С варшавской Праги для «Радио Зет» — Марек Карташевский.

Ведущий: — К этому делу мы еще вернемся в новостях в девятнадцать ноль-ноль; гостем «Радио Зет» будет профессор Варшавской Политехники, специалист по атмосферным разрядам. Маршалек^[138] Влодзимеж Цимошевич на сегодняшней пресс-конференции заявил, что...

Шацкий не слушал. Уже в пятый раз он набрал номер Вероники, и пятый раз все заканчивалось предложением оставить сообщение. На автопилоте он связался со справочной и получил телефон детского сада, в который ходила Хеля на Шимановского, и позвонил. Там было занято. Теодор попеременно набирал оба номера. Первый не отвечает, второй занят. Он уже собирался звонить Олегу, когда услышал сигнал ожидания, только неизвестно, по какому из номеров.

— Детский сад, слушаю вас.

— Добрый день, Теодор Шацкий, моя дочка у вас в четвертой группе. Мне хотелось бы

узнать, моя жена уже забрала ее...

Он был уверен, что женщина сейчас ответит: «Как, пан ничего не знает?». Он практически слышал эти ее слова и уже собирался отключиться, чтобы оттянуть тот момент, когда на все сто станет уверенно, что его жена лежит мертвая на асфальте двора на Праге, сам он сделался вдовцом, а его самая любимая на свете доченька — сироткой.

Он представил, как живет сам с Хелей, как они возвращаются в пустую квартиру. Неужто после чего-то такого таинственный эсбек продолжал ему угрожать? Хотела бы Моника с ним встречаться? Полюбила бы ее Хеля? Он сам был зол на себя за эти дурацкие мысли.

— Минуточку, сейчас выясню, — сказала сотрудница детского сада и отложила трубку.

Шацкий подумал, что та наверняка отправилась за полицейским: сама боялась сообщить. Кто-то взял трубку.

— Привет, Тео, — услышал прокурор мужской голос, и ему тут же захотелось завывать. Слезы ручьем текли по лицу. — Конрад Хойнацкий, Прага-Север. Мы работали вместе где-то год назад по делу скупщика лома, помнишь?

— Курва, да ты просто мне скажи, — прохрипел Шацкий.

— Что я тебе должен сказать?

— Правду, курва, что еще... — начал он рыдать прямо в трубку. Он не мог выдавить из себя уже ни слова больше, желая, наконец-то услышать страшное сообщение.

— Боже, Тео, да что с тобой? погоди, сейчас дам тебе жену.

Жену, какую еще жену? О чем он говорит? Шацкий услышал какие-то перешептывания.

— Пан Шацкий? — тот же самый женский голос, что и раньше. — Хели нет, мама забрала ее полчаса назад.

Он ничего из всего этого не мог понять.

— А молния? — спросил он, все еще рыдая.

— Ах, ну да, ужасная история. Конрад мне рассказывал. Божечки, как подумаю, что это могло случиться в нашем детском саду, что могла погибнуть мама нашего ребенка... Рыдать хочется... Такая трагедия. Но даю вам Конрада.

Шацкий отключился. Ему не хотелось беседовать сейчас со старым приятелем, который появился в самом худшем месте, в самое неподходящее время. Он опустил голову на руль и плакал, что было сил, только теперь от облегчения. Зазвонил телефон.

— Ну, привет, ты чего так звонишь и звонишь? Что-то случилось? Мы были в магазине, не слышала звонка.

Шацкий сделал глубокий вдох. Ему хотелось во всем признаться, но вместо того он соврал:

— Знаешь, иногда я занимаюсь такими делами, о которых не могу сказать даже тебе.

— Такая у нас работа. Меня бы тоже уволили за сообщения тебе о некоторых процессах.

— К сожалению, сегодня я должен остаться допоздна, и объяснить тебе не слишком-то могу.

— До какого времени?

— Не знаю. Буду в Национальном совете по судопроизводству. Если смогу, вышлю тебе эсэмэску.

— Что тут поделаешь, вот Хеля опечалится. Только поешь что-нибудь нормальное, не кола с батончиком... А то вырастет у тебя пузо, а мне не нравятся типы с барабанами спереди. Договорились?

Шацкий пообещал, что съест салат, сообщил, что любит, и что на выходные возместит Хельке сегодняшнее отсутствие. После чего запустил двигатель и влился в поток машин, направляющихся в сторону Жолибожа.

Крупноблочный дом на Хомичувке был громадным и отвратительным на вид — как и все крупноблочные дома на Хомичувке — а вот квартирка была очень даже ничего, хотя и низкая. И удивительно большой как на одного человека. Метров как бы не шестьдесят. Шацкий держал в руке стакан белого вина со льдом и позволял себя вести. Забитый книгами салон с допотопным телевизором и огромным, мягким диваном в главной роли; в двух комнатах поменьше Моника устроила спальню и гардероб-свалку. Было видно, что эта съемная квартира, меблировка кухни, шкафы и полки говорили каждому: привет, нас изготовили семидесятые годы, когда еще не было Икеи». Прихожая была обита — а как же еще — сосновыми панелями.

И повсюду были фотографии. Приклеенные, закрепленные кнопками, висящие в фоторамках. Почтовые открытки, снимки, сделанные в поездках, снимки каких-то мероприятий, газетные вырезки. Но большинство — все же частные. Моника — совсем еще малыш с надувным слоном; Моника на верблюде; Моника спит на полу с чьими-то (своими?) трусами на голове; Моника на лыжах, Моника на море, обнаженная Моника читает книжку на траве. Был и тот самый снимок, который она присылала — в белом платье на морском берегу. Шацкий глядел, какая она молодая и свежая и молодая на этих фотографиях, так что почувствовал себя ужасно старым. Словно дядюшка в гостях у племянницы. Вот что он здесь делает?

Раньше, еще в автомобиле, он снял пиджак, расстегнул рубашку и подвернул рукава. Но рядом с Моникой — босой, в джинсовых шортах и футболке с репродукцией «Полуночников» Хоппера — он все равно выглядел госслужащим. Эта мысль заставила его усмехнуться. Ведь он и был госслужащим, так на кого ему было походить?

— Я тут думала, не снять ли половину всех этих снимков, когда узнала, что ты приедешь. Даже уже начала, потом махнула рукой и отправилась в магазин. Тебе макароны со шпинатом нравятся?

— А что?

— Что ни говори, время обеденное, так я подумала, что перед кофе стоило бы что-то перекусить.

Девушка была ужасно зажата. В глаза ему не смотрела, голос ломался, кусочки льда в стакане грохотали. И все время она ходила вокруг, чуть ли не подскакивала. Сейчас же побежала в кухню.

— А зачем ты хотела снять эти снимки? — крикнул Шацкий ей вслед.

— На некоторых из них я паршиво выгляжу. Или слишком худая, или слишком толстая, или веду себя как дитя, ну или еще чего-то не так. Ты же сам видишь.

— Вижу классную девчонку в тысяче воплощений. Ну вот тут, правда, прическа ужасная. Ты не слишком молода для афро?

Моника прибежала.

— Ну вот. По крайней мере, эту следовало снять.

И снова убежала в кухню. Шацкому хотелось ее поцеловать, но он предпочел бы, чтобы это возникло само, как вчера. Чтобы все случилось само. А кроме того, он ведь приехал сообщить, что это конец. Он вздохнул. Лучше, когда это уже произойдет. Он направился в кухню. Моника вынула из кастрюли макаронину и попробовала.

— Еще минутку. Можешь вытащить тарелки из шкафчика над холодильником?

Шацкий оставил стакан на столешницу и взял две глубокие тарелки с голубой полоской по краю, как в общепите. Кухня — пускай и длинная — была ужасно узкой. Шацкий с тарелками в руках обернулся, и впервые за этот вечер они поглядели друг другу в глаза. Моника тут же отвела взгляд, но в это мгновение она показалась мне красивой. Он подумал, что ему хоть раз хотелось бы проснуться рядом с ней.

Устыженный, он забрал стакан и отправился в салон, чтобы покопаться на полке с книжками. Вся эта ситуация показалась ему смешной. Ну вот что он делает? Несколько лет назад договорился на кофе с миловидной девушкой, и вместо того чтобы попросту трахнуть ее, забыть и заняться женой — как делают это все остальные — он глядит ей в глаза и мечтает о совместном завтраке. Невозможно поверить!

При мысли о Веронике и Хеле Шацкий почувствовал укол печали. Чувство вины? Не обязательно. Скорее — печали. Все в его жизни уже произошло. Никогда уже не будет он молодым, никогда не влюбится любовью двадцатилетнего пацана, никогда не влюбится, не считаясь с чем-либо другим. Столько эмоций всегда будут вторичными. Что бы ни произошло, навсегда он останется типом — пока что среднего возраста, а потом все старше — после всяческих переживаний, с бывшей женой и бывшей дочкой, с изъязом, заметным для всякой женщины. Какая-то из них, возможно, и захочет его по расчету — ведь он все еще ничего выглядит, потому что худошавый, потому что имеет постоянную работу, и потому что с ним можно поговорить. Быть может, и он сам на какую-то из них согласится, ведь, в конце концов, вдвоем живется легче, чем одному. Но вот сойдет ли кто-то по его причине с ума? В этом он сомневался. Сойдет с ума сам? Шацкий только лишь горько усмехнулся, ему хотелось плакать. Его возраст, его жена, его дочка — сейчас все это вдруг показалось ему приговором, неизлечимой болезнью. Диабетик не может есть птифуры, гипертоник не может скакать по горам, Теодор Шацкий не может влюбиться.

Моника подкралась сзади и закрыла ему глаза своими ладонями.

— Грошик за твои мысли, — шепнула она.

В ответ он лишь покачал головой.

Девушка прильнула к его спине.

— Все это ужасно несправедливо, — произнес он наконец.

— Эй, только без преувеличений, — заявила Моника с деланной веселостью.

— Тут нечто большее, чем ничего.

— Меня это «нечто» не интересует.

— А больше не всегда удается. Бывает, что и никогда.

— Ты пришел, чтобы сказать это мне?

Какое-то время он колебался. Как всегда, хотелось соврать. С каких это пор это удается с такой легкостью?

— Да. И дело здесь не только в... — снизил он голос.

— В твоей семье?

— Да. Случилось еще кое-что, подробностей я рассказать тебе не могу, я увяз в мрачной афере, и мне не хочется запутывать во все это еще и тебя.

Моника сжалась, но гостя не отпустила.

— Ты меня дурой считаешь? Почему бы тебе не сказать правду, что влюбил меня в себя ради забавы, что все это было ошибкой, а теперь необходимо заняться женой? Зачем ложь? Сейчас ты скажешь, что работаешь на правительство.

— В каком-то смысле это правда, — усмехнулся Шацкий. — И клянусь, что не вру. Боюсь, что тобой смогут воспользоваться, чтобы ударить в меня. Если же речь идет о влюбленности — поверь мне, все совершенно не так.

Моника еще крепче прижалась к нему.

— Но ты останешься? Ну хоть это ты же мне должен...

Ранее он представлял эту сцену во всех возможных вариантах, но такого сценария просто не предвидел. Сейчас он шел за девушкой через коридор в спальню, и внезапно ему захотелось расхохотаться. Шаркаешь, подумал он. Шаркаешь ногами, словно сатир с кривыми волосатыми ногами. Шаркаешь и топчешься словно вечно желающая трахаться обезьяна конобо с красным задом. Слово старый пес, почувствовавший суку. Слово идиот среднего возраста. Нет в тебе ничего человеческого.

Когда же Моника открыла перед ним дверь в спальню и кокетливо усмехнулась, Шацкому пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не рассмеяться во все горло.

Они были очень нежными, искали себя словно старшеклассники, но не как зрелые люди, решившие отправиться друг с другом в постель. Расстегивая пуговицы ее шорт, глядя, как Моника приподнимает попку на кровати, чтобы стащить их с себя, как впоследствии стаскивает через голову футболку с репродукцией Хоппера — Шацкий испытывал лишь хладнокровную заинтересованность. А через мгновение, лежа голым рядом с Моникой и поглаживая ее тело — он перестал чувствовать что угодно.

Прокурор был перепуган. Он знал, что Моника очень красива. Что она молодая. Что она аппетитная. Что она другая. И прежде всего — иная. Он сам видел, как оглядываются на нее мужчины. Десятки раз он представлял себе все участки ее тела. А теперь, когда это тело лежало перед ним с надеждой на секс, ему сделалось совершенно все равно. И Шацкий был перепуган тем, потому что неожиданно до него дошло, что может не справиться как мужчина. Его тело не желало ее тела и совершенно безразлично воспринимало все предпринимаемые мозгом усилия. Его тело не желало изменять. И если бы не мысль, что ничего из всего этого не получится, все, возможно, пошло бы иначе. Но та наихудшая из мыслей, какие могут появиться в мыслях мужчины, вызвала, что он одеревенел. К сожалению, не в ключевых зонах. Всего его наполовину заполняла паника, а наполовину — стыд. Телесному желанию места не оставалось.

Ему хотелось исчезнуть.

В конце концов, Моника заставила Шацкого поглядеть на него. Удивительно, но она улыбалась.

— Эй, дурачок, — сказала она. — Ты знаешь, я бы могла лежать вот так рядом с тобой неделями, и я была бы счастливейшей женщиной на свете?

— Я болен, — подавлено выдавил он из себя. — И принеси бритву. Я уже не хочу жить.

Моника рассмеялась.

— Глупышка ты и зажатый словно гимназист. Прижмись ко мне, и мы поспим несколько часов. Вот уже сколько дней я мечтаю лишь о том, чтобы проснуться рядом с тобой. Тебе никогда этого не понять.

А он и не понимал. Ему хотелось умереть. Моника заставила его повернуться на бок, сама прижалась к нему и практически сразу же заснула. Странно, но и он сам, раздумывая, спит ли она настолько крепко, чтобы можно было смыться, сам тоже провалился в сон.

Очнулся Шацкий через несколько часов, весь вспотевший от жаркой ночи. В первый момент он не мог понять, где находится. Перепугался. Но ненадолго.

Было — ну что же — быть может, и не фантастически, но прилично. В ключевой момент ему вспомнился рассказ знакомого по лицу, что наконец-то добрался до девушки, о которой мечтал много лет, пришел на следующий день на занятия и все еще задумчивый, на перекуре признался.

— А знаете, пацаны? Гораздо больше было кайфа, когда я в сортире дрочил на нее в кулак.

Снова пришлось прикусить губу.

Часы в ситроене показывали начало шестого, солнце стояло довольно высоко, когда Шацкий парковался у своего дома на другом берегу. Он тихонечко зашел в квартиру, разделся в прихожей, запихнул белье на самое дно корзины, чтобы Вероника не почувствовала запаха другой женщины. В их салоне-спальне на столе лежала перевязанная тонкой ленточкой компьютерная игра — новейшая часть Splitter Cell. И записка:

«Моему шерифу. В».

Шацкий горько усмехнулся.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

суббота, 18 июня 2005 года

Санитарные службы всех стран Европейского Союза выводят из продажи все потребительские продукты, содержащие перец чили, куркуму и пальмовое масло. Они были заражены канцерогенными красителями. По результатам исследований можно сделать вывод, что россияне не замечают жестокой цензуры в государственных средствах массовой информации. Врачи на конференции в Торунь признали, что польки менее сексуально активны, чем немцы или француженки. Вот уже тридцать процентов женщин страдает от фригидности. Команда IPN победила в стрелковых соревнованиях сотрудников охранных фирм. Леппер дает понять, будто бы Белька, Бальцеревич^[139] и Цимошевич сотрудничали со Службой Безопасности. Последний из вышеуказанных тем временем развлекается вместе с семейством Квасьневских на именинах у Леха Валенсы. Действующий президент вручил президенту бывшему бутылку красного вина. В Варшаве, лидеры нормальности — Роман Гертых, всеполяки и скинхеды из ONR^[140] — маршировали на устроенном ими же параде. При этом они кричали: «Педофилы и педерасты — Европейского Союза энтузиасты!». Варшавяне и гости столицы этой ночью могли посещать музеи и художественные галереи, а в метро послушать, как названия станций на корявом польском языке объявляют дети беженцев. Максимальная температура — 18 градусов, пасмурно, небольшой дождь.

То, каким образом Шацкому удалось пережить пятницу, даже для него оставалось загадкой. Он проснулся — а точнее, его разбудили — с головной болью и температурой чуть ли не тридцать девять градусов. Когда он сполз с кровати, чтобы вырвать, то по дороге в туалет чуть не потерял сознание, пришлось усесться на полу в прихожей, чтобы исчезли черные пятна перед глазами. Он позвонил на работу, что будет позднее, принял две таблетки аспирина и вернулся в кровать, где — вот в этом был уверен — не уснул, а просто провалился.

Проснулся Теодор в два часа дня, принял душ и поехал в прокуратуру. Во время подъема на свой третий этаж ему пришлось останавливаться каждые несколько ступенек, чтобы отдышаться. Сам он себе объяснял, что с ним ничего не случилось, что это реакция организма на концентрированную порцию эмоций, которую обычно получаешь в течение нескольких лет — и никак не одних суток. Но после того лучше он себя никак не почувствовал.

Только лишь усевшись за столом, он включил мобилку. Проигнорировал эсэмэски от Моники и прослушал сообщения от Олега, который уже несколько раз записывал их на голосовую почту; каждый раз все более сердито, в последний раз он уже чуть ли не орал, что если Шацкий немедленно не ответит, он объявит его в розыск.

Шацкий позвонил полицейскому и узнал то, о чем подозревал еще со времени визита у капитана Мамцажа. То есть, теоретически он и не должен был испытывать чувство, будто все это застало его врасплох, тем не менее, по спине пробежал холодок. Всегда, когда правда о преступлении делалась явной, Шацкий чувствовал не удовлетворение, но тошнотворную печаль. В очередной раз оказывалось, что людское существо погибло не случайно. Что чьи-то воспоминания и надежды погасли в то краткое мгновение, которое было нужно острому концу вертела, чтобы продырявить глаз и пробить тонкую в этом месте кость черепа. Можно ли что-то почувствовать в такой момент? Долго ли еще сохраняется сознание? Врачи говорят: умер мгновенно. Но вот только кто это может на самом деле знать? Что сам бы он почувствовал, если бы гэбистский сукин сын потянул вчера за спусковой крючок?

Шацкий отогнал от себя мысль, вызвавшую, что его дыхание вновь сделалось неглубоким, быстро записал на листке перечень дел, которые следовало устроить, и позвонил Кузнецову, чтобы тот приготовил место, необходимое для проведения процессуального эксперимента. После того он поочередно связался с Цезарием Рудским, Эзуебиушем Каимом, Ханной Квятковской, Барбарой Ярчик и Ядвигой Теляк. На сей раз все пошло легко.

Все приняли звонок. Вот интересно, если что не идет, то не идет ничего, а если начинает складываться — то неожиданно все нам способствует.

— Дай Боже, чтобы это оказалось правдой, — произнес Шацкий вслух, нервно перебирая пальцами. — Дай Бог.

Он лаконично отчитался перед своей начальницей в том, что собирается сделать, ничего не упоминая о событиях предыдущего дня и не ожидая, пока ее изумление переродится в ярость, и вышел на заранее договоренную встречу с Еремияшем Врубелем. К котоподобному докторишке у него еще оставалось несколько вопросов.

Шацкий играл ва-банк. Если все пройдет, до вторника следствие будет закрыто. Если

нет — придется отложить его на полку. Понятное дело, что иным путем было бы отслеживание «ОДЕСБЫ», но вот этого, к сожалению, он сделать не мог.

И снова его потянуло на рвоту.

Но то было вчера. Сейчас же близилось одиннадцать утра субботы. Шацкий сидел в ситроене, припаркованном под домом культуры на Лазенковской, и пытался понять, почему так часто включается насос, регулирующий давление гидравлической жидкости в системе кровообращения его французского чудища. После отключения радио, регулярные сосательные звуки, повторяющиеся каждые несколько секунд, были по-настоящему раздражающими. И прокурор выключил мотор, чтобы только не слышать рвущие нервы звуки.

То был один из тех мокрых летних дней, когда сырость, вместо того, чтобы спадать с неба, вздымается в воздухе, ослепляя все и вся. Мир за окнами ситроена был затуманенным и нерезким; стекающие время от времени по стеклу капли только сильнее нарушали его структуру. Теодор Шацкий вздохнул, взял зонтик и очень осторожно вышел из автомобиля, стараясь не загрязнить светло-серых брюк. Лавируя между лужами, он прошел через улицу, остановился под кирпичной химерой костёла и — изумляя самого себя — перекрестился. Давным-давно, еще будучи ребенком, Теодор имел привычку, вынесенную еще из родительского дома — он крестился всякий раз, когда проходил мимо церковного здания. В период созревания он начал стыдиться этой — как ему казалось — нахальной религиозной манифестации, и лишь временами ему вспоминался тот детский навык, когда проходил мимо католического святилища. Почему именно сейчас он не был в состоянии удержаться? Он понятия не имел.

Из-под зонтика он наблюдал за уродливым, мрачным зданием. Да будет проклят этот костёл, Хенрик Теляк и убийство, вызвавшие то, что его жизнь уже никогда не будет тем, что было раньше. Он желал как можно скорее забыть об этом деле, и не важно, каким будет результат. Я становлюсь похожим на других, терпко подумал он. Еще пара минут, и я буду сидеть за столом, с тоской глядя на часы и размышляя над тем, заметит ли кто-то, если я смоюсь без четверти четыре.

— Предъявите документы, — загремел у самого уха голос Кузнецова.

— Вали, — буркнул Шацкий в ответ. У него не было желания шутить.

Вместе они вошли в здание при костёле, через тот же самый вход, что почти что две недели назад, когда в небольшом зале для обучения катехизису на полу лежал труп Хенрика Теляка, а серо-вишневое пятно у него на щеке напоминало Шацкому болид Формулы I. На сей раз зал был пустым, не считая нескольких стульев и ксёндза Мечислава Пачка, лицо которого в синем свете ламп дневного света казалось еще более мягким, чем в прошлый раз.

Шацкий недолго переговорил с священником. В течение этого времени Кузнецов с техником с Вильчей устанавливали камеру на штативе и размещали в темном помещении дополнительные прожектора, чтобы иметь возможность зарегистрировать процессуальный эксперимент.

Без четверти двенадцать все было готово, не хватало лишь главных героев драмы, которые должны были появиться ровно в полдень. Ксёндз с неохотой ушел к себе, техник неохотно бросил свои игрушки, не успокоенный заверениями Кузнецова, что с электронным оборудованием он умеет обходиться лучше, чем с женщинами.

На маленьких, уродливых стульчиках с металлическими ножками и коричневой обивкой, мусор и прокурор молча сидели рядом друг с другом. Погруженный в размышления

Теодор Шацкий тихо рассмеялся.

— Чего? — спросил Кузнецов.

— Тебе будет смешно, но я думал о том, как Хелька будет выглядеть через пятнадцать лет. Думаешь, она все так же будет походить на меня?

— Судьба не может быть уж настолько жестокой.

— Очень смешно. Я думаю вот о чем: как такое возможно, что дети могут быть такими не похожими на своих родителей.

— Наверное, потому что, в первую очередь, они являются сами собой, а только потом — чьими-то детьми?

— Наверное.

Они появились пунктуально, практически одновременно, как будто бы сюда приехали на одном автобусе. Ядвига Теляк, как обычно, печальная, в льняных брюках бежевого цвета, гольфе такого же цвета и элегантных туфлях на каблуках. Волосы ее были сплетены в косу, и впервые за все время этого следствия она выглядела притягательной, следящей за собой сорокалетняя женщина с элегантным, вызывающим типом красоты — а не как старшая лет на пятнадцать своя сестра. Цезарий Рудский уже пришел в себя. Вновь он был королем польским терапевтов — густые седые волосы, седые усы, пронзительный взгляд светлых глаз и усмешка, побуждающая к признанию «что, собственно, чувствуете, когда об этом рассказываете». Хорошие джинсы, спортивная рубашка, застегнутая под самой шеей. Темно-синий твидовый пиджак тесно обтягивал широкие плечи. Не говоря ни слова, все уселись на уродливых стульчиках. Все ждали. Прокурор чувствовал, что атмосфера накалилась.

Ханна Квятковская этой атмосферы не нарушила. В женщине уже не было традиционной дерганности, может быть, потому, потому что она казалась совершенно обессиленной, косметика не была в состоянии скрыть темных теней у нее под глазами. Волосы были такими же мышинными, жакет все так же ничем не отличался на фоне десятков тысяч других жакетов из столичного города, но уже декольте блузки и высота шпилек приказали Шацкому подумать, а не слишком ли поспешно оценил он ее, когда приклеил ей этикетку асексуальной скрытной монашки. Вместе с Квятковской в зал вошла и Барбара Ярчик — в очередной раз она выглядела точно так же, как и тогда, когда Шацкий видел ее в первый раз, даже и одежды, похоже, были те же самые. Она улыбнулась прокурору, который подумал, что когда-то она должна была быть очень красивой, да и теперь — если бы не полнота — заслуживала бы звание красивой женщины. Эuzeбиуш Каим пришел последним — в одну минуту первого. Как обычно, он лучился уверенностью в себе. Его предназначенный для выходного дня костюм даже гэбистским сукиным сыном был бы признан элегантным — а вовсе не опрятным. Туфли и брюки по отдельности должны были стоить столько же, сколько и весь костюм Шацкого. Толстая белая рубашка с подвернутыми рукавами выглядела взятой из шкафа Бреда Питта.

Когда все уселись, Шацкий спросил, не надо ли кому-нибудь в туалет. Никому не было нужно.

Прокурор сделал глубокий вдох и начал говорить:

— Я собрал всех вас, чтобы провести процессуальный эксперимент, который поможет мне и присутствующему здесь же комиссару Кузнецову лучше понять, что же произошло в этом зале две недели назад. Понятное дело, что я знаю все ваши рассказы, мне знакома теория расстановок — за пояснение которой я от всего сердца благодарю вас, пан Рудский — но, тем не менее, проведение такого эксперимента, как мне кажется, необходимо. Прошу прощения у всех вас за то, что вам еще раз пришлось появиться в месте, которое, вне всякого сомнения, вызывает у вас отрицательные эмоции. Я понимаю, что пребывание здесь должно быть для вас малоприятным, но я обещаю сделать все возможное, чтобы все это продолжалось как можно короче.

Шацкий провозглашал приготовленную заранее речь, прекрасно понимая то, какая та деревянная, но ее стиль был ему до лампочки. Главным для него было обмануть их бдительность, сделать так, чтобы все они поверили, что речь идет о простом повторении

сессии двухнедельной давности. Теодор старался не смотреть на Олега, который стоял в уголке и заядло обкусывал ногти.

Рудский поднялся с места.

— Должен ли я расставить пациентов тем же образом, как они стояли тогда? — спросил он.

— Нет необходимости, — спокойно ответил ему Шацкий. — Этим займусь я, благодаря этому, мне будет легче понять функционирование механизма.

— Ну, не уверен... — с превосходством в голосе начал было Рудский.

— Зато я уверен, — довольно грубо продолжил прокурор. — И это процессуальный эксперимент, проводимый прокуратурой в связи со следствием по уголовному преступлению, а не лекция для первокурсников. И перед тем была не вежливая просьба, но информация о том, что я стану делать, так что прошу не мешать мне работать.

Шацкий перегнул палку с суровостью, но ему необходимо было поставить докторишку с самого начала, в противном случае, тот ставил бы под сомнение каждый его шаг. А вот этого прокурор позволить не мог.

Психотерапевт пожал плечами и скорчил неодобрительную гримасу, но замолчал. Шацкий подошел к нему, взял за руку и поставил посредине помещения. Издевательски усмехающийся Цезарий Рудский наверняка не подозревал, что место, в котором сейчас стоит — равно как и места всех остальных — не является случайным, но выбрано в результате очень длительного разговора, который Шацкий провел вчера с доктором Еремияшем Врубелем.

Он же взял за руку Барбару Ярчик и поставил ее справа от Рудского. Теперь они стояли плечом к плечу и глядели в сторону дверей. Усмешечка уже исчезла с лица психотерапевта, он с беспокойством поглядел на прокурора. Шацкий позволил себе подмигнуть ему.

После того он расставил Ханну Квятковскую напротив Рудского и Ярчик — так, чтобы она глядела в их сторону. Каима поставил сбоку, несколько за границами расстановки и приказал ему глядеть в точку, находящуюся приблизительно на полпути между Квятковской и Ярчик с Рудским. Рядом с этой точкой он выставил Ядвигу Теляк — которая удивленно глянула на него. Но послушно встала возле точки «х», повернувшись в его направлении, настолько сбоку, что Квятковская, Ярчик и Рудский могли свободно друг друга видеть.

Рудский был бледен, словно стенка. Он наверняка уже знал, к чему ведет Шацкий. Но у него все время оставалась надежда, что все это случайность, что прокурор действует на ощупь, пытаясь на что-либо попасть.

— Пан доктор, — сказал Шацкий, — скажите, пожалуйста, всем, какой самый главный вопрос в ходе расстановок. Во всяком случае, какой один из наиболее важных. Из тех вопросов, которые вы бы задали самому себе, если бы кто-то показал вам такую расстановку, как здесь.

В почти пустом зале любое высказывание звучало неестественно громко, к тому же оно сопровождалось эхом. Тем более пронзительной оказалась тишина, воцарившаяся после вопроса Шацкого.

— Мне трудно сказать, — отозвался в конце концов Рудский, пожимая плечами. — Все здесь мне кажется довольно случайным, я никакого порядка не вижу. Пан должен понять, что...

— В таком случае, скажу я, раз пан не желает, — вновь перебил его Шацкий. — Этот вопрос звучит так: кого нет? Кого не хватает? И действительно, похоже на то, что все вы

выискиваете сейчас кого-то, кого здесь нет. Вместо этого человека — пустота. Но мы легко можем это исправить, поставив в этом месте комиссара Кузнецова.

Шацкий подошел к полицейскому и взял того за руку, на что тот тихонечко причмокнул губами. Шацкий дал про себя страшную клятву, что впоследствии мусора обязательно прибьет, но сейчас провел его в точку «х», точно между Квятковской и Ярчик с Рудским, очень близко с Ядвигой Теляк. Он поставил Олега так, чтобы они с Ядвигой глядели друг на друга. Женщина сглотнула и сделала движение, как будто собралась отступить.

— Оставайтесь на месте! — рявкнул Шацкий.

— Немедленно откройте мне ее, — крикнула Ярчик, пытаясь выглянуть, чтобы посмотреть на Квятковскую. — Откройте мне ее, пожалуйста. = Голос ее дрожал, он был на грани плача.

— Вы начали красно опасную забаву, пан прокурор, — прошипел Рудский, в то же самое время обняв Ярчик рукой. Женщина прижалась к нему. — Вы понятия не имеете, с какими силами играетесь. Я рад, что весь этот ваш «эксперимент» записывается, надеюсь, вы знаете, что я имею в виду, говоря эти слова. И поспешите, пожалуйста.

— Эт'точно, мог бы и поспешить, — буркнул Кузнецов, глотая слюну. — В сказки я не верю, но если сейчас же не сойду с этого места, то потеряю сознание. Чувствую себя и вправду ужасно, как будто жизнь из меня вытекает.

Шацкий кивнул. Победа была близка. Кузнецов глубоко заглывал воздух, у стоящей напротив него Ядвиги Теляк из глаз лились слезы. Она выполнила указание Шацкого и стояла на месте, но неестественным образом отклонила туловище, стараясь быть как можно подальше от Кузнецова. Тем не менее, глаз она не отвела. Ярчик пыталась сдержать спазмы в объятиях Рудского, который теперь всматривался в прокурора с ужасом. Теперь-то у него не было никаких сомнений, к чему прокурор ведет. Квятковская, легко улыбаясь, даже на миг не перестала всматриваться в широкую спину Кузнецова. Каим стоял спокойно, скрестив руки на груди.

— Ну ладно, но разве сейчас мы играем семейство пана Теляка, а пан комиссар является Хенриком Теляком? — спросил Каим. — Говоря по правде, я не до конца понимаю, кто есть кто.

Шацкий снял пиджак и повесил его на спинку стула. К чертовой матери элегантность, он ужасно вспотел. Сделал глубокий вдох. Это был ключевой момент. Если после того, как он им скажет, кого они изображали, все сохранят спокойствие, если они все это предвидели и знают, как себя повести — то конец, ему останется лишь вежливо распрощаться со всеми и отправиться писать решение о прекращении дела. Если же он застанет их врасплох, и они расколются — кто-то из них покинет этот зал в наручниках.

— Комиссар Кузнецов на самом деле является ключевым элементом данной расстановки, — сказал он. — Хотя он и не является Хенриком Теляком. В каком-то смысле, все даже наоборот — он представляет мужчину, погибшего из-за Хенрика Теляка.

Ядвига Теляк ойкнула, но Шацкий это проигнорировал и продолжил:

— Пан, — указал на Каима, — являетесь лучшим приятелем этого мужчины, его доверенным лицом, исповедником и опорой. Вы двое, — обратился он к Ярчик с Рудским — являетесь его родителями. — Пани, — повернулся он к Квятковской, — его сестра, которая в драматических обстоятельствах открыла смерть собственного брата. — А пани, — глянул он с печалью на Ядвигу Теляк, — наибольшая, истинная и откровенная любовь этого мужчины, которого звали... — он указал на женщину рукой, желая, чтобы та сама закончила.

— Камиль, — прошептала Ядвига Теляк и рухнула на колени, влюбленно всматриваясь в лицо Кузнецова, у которого самого слезы катились из глаз. — Камиль, Камиль, Камиль, любимый, как же мне тебя не хватает, как сильно. Ведь все должно было случиться не так...

— Откройте мне мою дочку, — провопила Ярчик. — Я не вижу своей дочки, он не может заслонять мне мою дочку, ведь он же мертв, его нет в живых уже столько лет. Умоляю, откройте мне мою дочку, я хочу ее видеть.

Шацкий сдвинул Кузнецова на пару шагов назад, чтобы тот не стоял между Ярчик и Квятковской. Ханна, не говоря ни слова, все время с ее лица не сходила меланхоличная улыбка, повела глазами за полицейским; супруга Теляка протянула к нему руки, как бы желая того удержать; Ярчик, глядя на дочку, успокоилась. Один лишь Рудский с ненавистью вглядывался в стоящего сбоку прокурора.

— Я требую немедленно прекратить это, — холодно заявил он.

— Не думаю, чтобы в нынешней ситуации пан мог что-либо от меня требовать, — спокойно ответил на это Шацкий.

— Пан понятия не имеет, что это означает для этих женщин. Ваш эксперимент может оставить нестираемый след в их психике.

— Мой эксперимент? — Шацкий почувствовал, как у него подскочило кровяное давление, он с трудом себя контролировал. — Мой эксперимент? Здесь только что выяснилось, что вот уже две недели проведения следствия вы все обманывали полицию и прокуратуру. Я здесь не для того, чтобы заботиться о психике, тем более — о вашей, но для того, чтобы поставить перед судом тех, кто нарушил кодекс. Кроме того, мы еще не узнали ответ на самый важный вопрос: кто же из вас совершил убийство Хенрика Теляка в этом вот помещении, в ночь на пятое июня текущего года? И я уверяю, что не прерву свой «эксперимент», пока не буду уверен, что одного из присутствующих сегодня не задержит полиция.

— Мы не хотели его убивать, — Ханна Квятковская заговорила в первый раз, с тех пор как вошла в зал.

Прокурор Теодор Шацкий медленно выпустил воздух.

— А что же вы хотели сделать?

— Мы хотели, чтобы он понял, что наделал, и после того покончил с собой.

— Заткнись, девица, ты понятия не имеешь, о чем говоришь! — взорвался Рудский.

— Ой, папа, перестань! Нужно признавать, когда проигрываешь. Ты что, не видишь, что им обо всем известно? Мне уже осточертели все эти постоянные планы, вся эта ложь. Много лет я жила словно в спячке, прежде чем, в конце концов, согласилась со смертью Камилля; ты понятия не имеешь, сколько мне это стоило. И когда, наконец-то, я начала жить нормально, появился ты со своей «правдой», своей «справедливостью» и своим «удовлетворением». С самого начала мне не нравился план этой твоей идиотской мести, только все вы были такими уверенными, такими убежденными, такими убеждающими, — разочарованно махнула она рукой; Шацкий никогда не слышал столько горечи в чьем-либо голосе. — И ты, и Эузбек, и даже мама. Боже мой, я как подумаю о том, что мы натворили... Прошу тебя, папа. Хоть сейчас веди себя прилично. Если мы еще глубже увязнем во всю эту ложь, тогда, и вправду, на психике у нас останутся «нестираемые следы». И поверь мне, что это не будет вызвано действиями пана прокурора.

Махнув рукой, она уселась на полу и спрятала лицо в руках. Рудский глядел на нее с печалью и любовью, выглядел он совершенно разбитым. Тем не менее, он молчал. Все

молчали. Недвижимость и тишина были идеальными; у Шацкого на какое-то время создалось впечатление, что он не участвует в реальном событии, а смотрит на трехмерную фотографию. Сейчас же он глядел на Рудского, который, в свою очередь, всматривался в него, стиснув губы, и ждал. Психотерапевт должен был начать говорить, как бы ему того не хотелось. Он был обязан, ведь другого выхода у него не было. Оба не спускавшие друг с друга глаз мужчины прекрасно об этом знали.

Наконец Рудский глубоко вздохнул и заговорил:

— Ханя права, мы не хотели его убить. То есть, хотели, чтобы не жил, но вот убивать его не желали. Это трудно объяснить. Впрочем, наверное, мне следовало бы говорить за самого себя — это я желал, чтобы он не жил, и это я заставил остальных, чтобы приняли в этом участие.

Не говоря ни слова, Шацкий приподнял одну бровь. Все они смотрели слишком много американских фильмов. Убийство — это не стрельба жеваными бумажками в классе. Нельзя, вот так, взять вину на себя, чтобы коллеги были довольны, а женщина и так не проболтается.

— И как все это должно было выглядеть конкретно? — спросил он.

— То есть как? Не понял? Как должно было выглядеть самоубийство?

Шацкий отрицательно покачал головой.

— Как это должно было выглядеть сначала, с тех пор, как вам пришла в голову идея довести Хенрика Теляка до самоубийства. Как я понимаю, что такие вещи за выходные не приготовить.

— Самым сложным было начало, то есть, сближение с Теляком. Я заказал в его фирме листовки к лекции о жизни после смерти ребенка — чтобы его заинтересовать. Потом устроил в «Польграфексе» скандал, что они их сделали не так — что, конечно же, не было правдой. Я потребовал встречи с директором. Мне удалось направить разговор таким образом, чтобы тот начал рассказывать о себе. Потом предложил встретиться в моем кабинете. Он сопротивлялся, только я его убедил. И он пришел. Приходил потом в течение полугода. Пан может понять, сколько мне этого стоило, чтобы неделю за неделей выдержать целый час с этим гадом, убийцей моего сына? Проводить его долбаную «терапию»? Я сидел в кресле и все время размышлял, а не стукнуть ли его по голове, и гори оно все огнем. Я непрерывно, неустанно представлял это.

— Как я понимаю, слово «терапия» можно поставить в кавычки, — вмешался Шацкий. — Ведь целью ваших сессий никакое лечение не было.

— Хенрик после этих встреч был в ужасном состоянии, — тихо заговорила Ядвига Теляк, не спуская глаз с Кузнецова. — Мне казалось, что после каждой сессии ему становится все хуже и хуже. Я говорила ему, чтобы он прекратил это, но он мне объяснял, что так и надо, что так все это и действует, что перед выздоровлением кризис всегда усиливается.

— Пани знала, кем является Цезарий Рудский?

— Нет, тогда я не знал.

— А когда пани узнала?

— Незадолго перед расстановкой. Чарек пришел ко мне, представился... Он призвал всех призраков прошлого. Действительно, что всех. Он рассказал, что натворил Хенрик, и что они хотят сделать. И он сказал, что они оставят его в покое, если я того захочу.

Она замолчала, прикусила губу.

— Пани этого хотела?

Та отрицательно покачала головой.

— Пан прав, целью данной терапии никакая терапия и не была, — быстро продолжил свой рассказ Рудский, явно для того, чтобы отвлечь внимание прокурора от Теляковой. ^[141] Поначалу мне хотелось узнать, точно ли он виновник того, что я потерял сына. Сведения у меня были достаточно надежными, но мне хотелось удостовериться. Сукин сын признался во всем уже на первой сессии. Понятное дело, как-то он все обстроил, возможно, боялся, что я пойду в полицию, но его признание было однозначным. Потом... Ладно, не стоит о мелочах, но моя цель заключалась в том, чтобы возбудить в Теляке как можно большее чувство вины за смерть дочери, и внушить ему, что если он уйдет сам, это может спасти его сына. Что, впрочем, было правдой.

— Ну а о Камиле, вашем сыне, вы впоследствии разговаривали?

— Нет. Возможно, и могли бы, если бы нажимал, но я боялся, что не буду в состоянии. Я сконцентрировался на его родственниках, на его нынешней семье, несколько раз подбросил кое-что, чтобы усилить в нем чувство вины. В глубине души я рассчитывал на то, что мне удастся так повернуть, чтобы он покончил с собой без расстановки, но сукин сын крепко хватался за жизнь. Спрашивал, когда ему станет лучше. Бог свидетель, для меня то были тяжелые минуты.

В конце концов, я подготовил расстановку. Долго писал ее сценарий, различные варианты, в зависимости от различных вариантов поведения Теляка. Десятки раз я анализировал сессию, которая довела до самоубийства пациенток Хеллингера в Лейпциге, выискивал самые сильные эмоции, слова, их вызывающие. Все это мне необходимо провести «всухую», невозможностью и жестокостью было бы испытывать всего этого на людях. С Басей мы пришли к выводу, что этому трусу будет лучше проглотить порошки, поскольку он вряд ли решится на повешение или на то, чтобы перерезать себе вены. Потому-то, после того, как терапия была прервана в наихудший для него момент, мы предложили ему таблетки, ужасно сильные.

— Мы шли по коридору, — неожиданно вмешалась Ярчик, не обращая внимания на осуждающий взгляд мужа, — я едва живая, он — серый лицом, сгорбленный, отчаявшийся, свесивший голову. На какой-то миг мне даже сделалось его жалко, мне хотелось от всего отказаться, сказать ему, чтобы держался. Но тут я вспомнила Камилу, своего первородного сына. Тогда я собралась и сказала, что мне весьма жаль относительно его детей, что на его месте я бы, наверное, предпочла умереть, чем жить со всем этим. Тут он признался, что и сам подумывал о том же. Что раздумывает лишь о том, а как это осуществить. Тогда я ответила, что лично я выбрала бы таблетки. Что в моем случае это было бы довольно просто, поскольку и сама принимаю сильное успокоительное, что достаточно было бы принять на несколько штук больше... И еще я сказала ему, что эта смерть даже красивая. Спокойно заснуть и попросту не проснуться. И тогда он взял у меня бутылочку.

Ярчик замолчала, пугливо глянула на мужа, который провел рукой по седым волосам, — Шацкий подумал, что и сам делает точно так же, когда приходит усталость — и продолжил излагать план изощренного убийства:

— Я бы и не говорил об этом, если бы не его чертов диктофон и мания записывать все на свете, но раз все это вышло на свет божий, я обязан. Идея с Ханей, изображающей покойную дочку Теляка, была несколько театральной, — Квятковская поглядела на отца так, что это не оставляло сомнений в том, что «несколько» не было подходящим словом, — но я посчитал, что это будет той самой соломинкой, которая переломит спину верблюду. Что

после чего-то такого Теляк побежит в туалет, выпьет порошки, и все. И месть свершится.

Теодор Шацкий слушал с кажущимся спокойствием. Он держал себя настолько, чтобы не показать отвращения. Снова почувствовал, что его тянет на рвоту. Отвращение к Рудскому он воспринимал чуть ли не физическим образом. Ну что за трусливый старикан, думал он. Если бы хотел отомстить, мог бы дать по голове, тело закопать, рассчитывать на то, что все удастся. Как правило, все удается. А он — нет, втянул во все это жену, втянул дочку — тем самым делаясь подобным Теляку — втянул Каима. А зачем? Чтобы распылить ответственность? Чтобы обременить их виной? Хрен его знает.

— Можете поздравить себя, — саркастически заявил он. — Хенрик Теляк записал на диктофон прощальное письмо жене, в котором сообщил, что намеревается покончить с собой ради добра Бартека, после чего вернулся к себе и принял таблетки. Всю упаковку. Вам почти что удалось.

Цезарий Рудский выглядел потрясенным.

— То есть как это? Не понимаю... Но в таком случае, почему...

— А потому, что сразу же после того он поменял взгляды, таблетки вырвал, собрал вещи и вышел из комнаты. Может — струсил, а может — просто отложил все это на несколько часов, чтобы попрощаться с семьей. Этого мы уже никогда не узнаем. Впрочем, это и не важно. Важно то, что Хенрик Теляк около часа ночи завершает собирать чемодан, надевает пальто и тихонько выходит. Проходит коридор, выходит в зал, где еще несколько часов назад проходила терапия, и... — тут он ободрительно махнул рукой Рудскому. И снова во рту он почувствовал вкус желчи. И снова перед его глазами встало пятно в форме гоночного болида.

Психотерапевт полностью потерял энергию. Обтягивающий гордо выпрямленную фигуру пиджак неожиданно сделался слишком большим, волосы сделались матовыми, взгляд утратил надменность и сбежал в сторону.

— Я расскажу, что произошло дальше, — тихо произнес он, — но если вы поначалу ответите на пару моих вопросов. Мне хочется знать, откуда вы знаете.

— Только не смешите меня, — возмутился Шацкий. — У нас здесь процессуальный эксперимент, а не детективный роман. Я не стану подробно рассказывать вам о ходе следствия. Хотя бы потому, что кропотливое следствие — это сотни элементы, а не один блестящий следователь.

— Вы лжете, пан прокурор, — деликатно усмехнулся психотерапевт. — А я не прошу, а только ставлю условие. Пан желает узнать, что было дальше? Тогда ответьте на мой вопрос. Или же начну повторять, что ничего не помню.

Шацкий колебался, но только очень недолго. Ему было известно, что если присутствующие пойдут в отказ, будет невозможно доказать из вину в суде. У него возникла бы проблема даже с юридической квалификацией их запутанной мести.

— Четыре элемента, — сказал он наконец. — Четыре элемента, которые мне следовало бы сопоставить значительно раньше. Что интересно, два из них — совершенно случайны, они могли бы появиться когда угодно. Первый элемент — это терапия расстановок, которая для вас оказалась обоюдоострым оружием. Вы могли управлять всеми, но не Теляком.

— С кем пан консультировался? — вмешался Рудский.

— С Еремияшем Врубелем.

— Хороший специалист, хотя на лекцию в духовной семинарии я бы его не пригласил.

Шацкий даже не усмехнулся.

— В ходе всей терапии Теляк упорно в кого-то вглядывался. В кого? Я не понятия не имел. Мне был внушен принцип, что более ранние партнеры, если им не было разрешено уйти, заменяются детьми. А так же тем, что ребенок от последующей связи символизирует утраченного партнера. И я был уверен, что у Хенрика Теляка ранее была любовница или любимая женщина, которую он потерял в трагических обстоятельствах.

Я подозревал, что он мог чувствовать себя виноватым в ее смерти. Вместе с доктором Врубелем мы определили, что это более всего вероятно. И что Кася, совершенно неосознанно, настолько сильно идентифицировала себя с его утраченной любовью, что даже отправилась за ней в смерть. А Бартек стремится к тому же, чтобы снять с отца вину и исполнить его мечту соединиться с любимой. Но крайне трудоемкое копание полиции в прошлом Хенрика Теляка никакого результата не принесло. Не было выявлено следов любовницы или какой-либо большой любви. Похоже на то, что единственной женщиной в жизни Хенрика Теляка была пани, — указал он на вдову. — То был бы тупик, если бы не бумажник Хенрика Теляка — оставить его было громадной ошибкой с вашей стороны. И это является вторым элементом. Самым любопытным в бумажнике были купоны спортлото, на которых повторялся один и тот же набор цифр. Мне он ничего не говорил, пока я не узнал дату и время смерти Каси Теляк. Тогда до меня дошло, что цифры на купоне являются датой — конкретно: 17 сентября 1978 или же 17 сентября 1987 года — и время: 22–00, десять часов вечера. В тот же самый день, в то же самое время, в двадцать пятую — или шестнадцатую — годовщину этого события девушка покончила с собой. Я стал просматривать газеты и среди массы информации обнаружил сведения про убийство Камиля Сосновского. Теоретически, ничто этих дел не объединяло, но в какой-то момент я начал размышлять: а не может ли отсутствующим звеном быть мужчина? Может ли это означать, что Хенрик Теляк был геем? Но, может, вообще все время я концентрировал внимание не на той половинке супружества Теляков, что следовало? А что если отсутствующим звеном расстановки является умерший любовник пани Ядвиги? Соперник Теляка? Ведь его смерти была бы для Теляка одним из счастливейших моментов в его жизни. Настолько счастливым, что на него можно было ставить в спортлото.

На этом этапе я считал, что во всем этом имеется некий закрученный смысл, а вся терапия и вправду обладает действенной силой. Хеллингер утверждает, что человек, желающий сохранить верность умершему партнеру, идет за ним — в смерть, в болезнь. Подобное бы сходилась, вот только в данном случае дочь выручила пани Ядвигу. Помимо того, азбукой расстановок является принцип, что если перед тем женщина очень сильно любила какого-то мужчину, то часто видит его в сыне. Что, в свою очередь, объясняло бы болезнь Бартека. Ведь к вашего сына тоже было больное сердце, я прав?

Рудский кивнул.

— Сам не знаю, — продолжал Шацкий, — как такое возможно, но я поверил в фантастическую гипотезу: Хенрик Теляк каким-то образом — может быть, и самым непосредственным — был замешан в смерть любовника собственной жены конца восьмидесятых годов. В ходе терапии он узнает, что совершенное им преступление довело до самоубийства дочку, и что оно же связано со смертельной болезнью сына. Каким-то необъяснимым образом, благодаря «знающему полю», это же чувствует и его жена. Эмоции пани Ядвиги, среди которых ненависть и желание мести, настолько сильны, что их воспринимает ее заместительница в терапии, пани Барбара Ярчик, которая и совершает убийство. Весьма стройно, но у меня не было ни единой улики, которая бы объединяла

Теляка с Сосновским, равно как и пани Теляк жертвой из прошлого. Полиция не смогла найти его родных, материалы старого следствия исчезли — так что тупик. Опять же, что-то снова не давало мне покоя, все эти мелкие шероховатости. Ваши ошибки в ходе проведения расстановки, таблетки, запись на диктофоне. Слишком уж много стечений обстоятельств. И вот тут приходит третий элемент — моя дочка.

Кузнецов обеспокоенно глянул на приятеля. Шацкий, делая вид, будто этого не замечает, продолжил:

— Конечно же, она не имеет ничего общего с этим делом, просто, она очень сильно похожа на меня и совершенно не похожа на свою мать — рядом с ней она выглядит приемным ребенком. Удивительно, как сильно дети могут быть не похожими на своих родителей. Однажды я размышлял об этом, думал и о том, насколько сын пани, — он вновь указал на Ядвигу, — выглядит не так как пани и пани муж. Иногда лишь мелкие жесты, применение тех же речевых оборотов, интонация, вещи, которые осознанно не замечаются, свидетельствуют о родстве. И внезапно что-то щелкнуло, перед глазами у меня встали допросы вас обеих, — он отдал легкий поклон Квятковской и Ярчик. — Две совсем различные личности, разные типы внешности, различные — теперь-то мне кажется, что, возможно, излишне преувеличенные — словари и способы выражаться. Зато идентичный изъян зрения — легкий астигматизм — и на сто процентов идентичный жест, когда дамы поправляли очки. Наклон головы влево, наморщенные брови и прищуренные глаза, оправа поправляется обеими руками, под конец — большой палец прижимает очки к носу.

— И раз уже мы говорим о моей дочке, — прокурор на миг улыбнулся, вспомнив о своей принцессе, — то отцов и дочерей объединяет исключительная, особого вида связь. Это тоже дало мне пищу для рассуждений, когда во время одной из наших бесед пан бросился на меня, чтобы защитить пани Квятковскую. В первый момент мне показалось, будто бы вы любовники, только потом до меня дошло. Как оно часто бывает, когда что-то не идет — то не идет и все остальное. Но когда все начинает складываться, то складывается тоже все. Одновременно оказалось, что Хенрик Теляк был замешан в убийство Камиля Сосновского, хотя совершил его и не своими руками — вполне возможно, то дело будет выделена в отдельное следствие, и всех вас еще будут допрашивать. — Шацкий врал как по нотам, зная, что «в отдельное следствие» ничего выделено не будет, а если даже и так, делу скрутят шею уже в первую же неделю. Все это время он тщательно следил за тем, чтобы самому не сказать и не допустить того, чтобы другие сказали чего-нибудь, способное вызвать, что необходимо было бы заводить расследование убийства из прошлого.

— Полиция проверила материалы ЗАГС. Барбара Ярчик (родившаяся в 1945 году) и Влодзимеж Сосновский (родившийся в 1944 году), вступили в брак, будучи молодыми; в 1964 года невесте было всего девятнадцать лет. Через год у них родился сын, Камиль. В том же самом году родился и Эузебиуш Каим, впоследствии его приятель по средней и старшей школе, а потом и по институту. Мальчикам было по пять лет, когда на свет появилась Ханя Сосновская. Когда в сентябре 1987 года Камиль трагически погиб, его семья выехала за границу — сходится?

Рудский пожал плечами.

— А что еще мы могли сделать в этой ситуации?

— Возвратились они, вероятно, в середине девяностых годов, поскольку именно тогда появились очередные записи в материалах ЗАГС. Барбара Сосновская и Влодзимеж Сосновский развелись, она приняла свою девичью фамилию. Он же сделался Цезарием

Рудским — чиновники без особых проблем выполнили его просьбу, раз именно под этим псевдонимом публиковался перед 1989 годом, эту же фамилию использовал и во Франции. Ханна Сосновская вышла замуж за Марчина Квятковского, но их союз продолжался недолго, развелись они уже в 1998 году, но фамилию мужа она сохранила. Не знаю, то ли все эти перестановки фамилий являются результатом того, что уже тогда вы планировали месть, либо же то было случайностью, неожиданным подарком судьбы, который так вам пригодился.

— Второе, — сообщил Рудский.

— Я тоже подумал так же. Что же касается пана Каима, то в первый момент, когда читал некролог, написанный в 1987 году, подписанный «Зиби», до меня вообще не дошло, что речь идет об имени «Эзузебиуш» — обычно, это прозвище для Збигнегов, иногда так же могут называть Зыгмунта. И лишь потом — уже когда я догадался, что все вы между собой связаны, этот «Зиби» мне припомнился. Полиция с легкостью проверила, где пан учился. И с кем. Ваши соученики подтвердили, что с Камилом вы были единым целым. Я прав?

Каим усмехнулся и сделал жест, будто бы снимает шляпу с головы.

— *Chapeau ras*, — сказал он.

— Правильно говорится: «*chapeau bas*», ^[142] баран, — буркнула Квятковская.

Прокурору Теодору Шацкому уже не хотелось продолжать. Он знал, что кто-то из собравшихся здесь покинет этот мрачный зал в наручниках. Другим ему тоже придется выдвинуть обвинения, но, скорее, в психологическом издевательствах над Теляком и затруднении в следствии, чем в соучастии в убийстве. В конце концов, лишь один человек встретился той ночью с Теляком, только один человек его убил. Все остальные — даже если и желали ему смерти, и если хотели довести до нее — непосредственно в этом участия не принимали. Но прокурору Шацкому и не хотелось говорить далее, поскольку в очередной раз его человеческая совесть болезненно столкнулась с совестью государственного служащего. Он подумал о трупке Камиля Сосновского — окровавленное тело в ванне, со связанными за спиной руками и ногами. Он подумал об останках нафаршированной таблетками Каси Теляк. Подумал о слишком быстро катящемся к жизненному краю Бартеке Теляке. Шацкий верил в то, что не было бы трупа девочки и болезни парня, если бы не ужасное деяние, которое цинично и с расчетом совершил когда-то их отец для того, чтобы завоевать их мать. Как это произошло? Тогда, в восьмидесятые? Он не мог спросить об этом. Не сейчас. Ему нельзя было даже упоминать об этом.

— Мы уже можем сесть? — спросил Каим.

— Нет, — ответил прокурор Шацкий. — Поскольку у нас до сих пор нет ответа на самый главный вопрос. А пан Рудский все еще не закончил давать свои показания, — в самый последний момент он чуть не сказал: «свой рассказ».

— Я бы предпочел сделать это сидя, — сказал терапевт и глянул на Шацкого так, что заставило прокурора сморщить брови. Что-то пошло не так. Что-то явно было не так. Он почувствовал, что может утратить контроль над происходящим, что Рудский готовит какой-то финт, предвосхитить который он будет не в состоянии, но который будет запечатлен на пленке, так что отмотать назад ничего не удастся. Соберись, Теодор, повторял он про себя. Он согласился на то, чтобы все уселись, только лишь для того, чтобы потянуть время. Успустя несколько секунд все сидели полукругом. Так, чтобы камера видела их всех. А прокурор Теодор Шацкий начал дрожать, стараясь, чтобы этого никто не заметил, так как все еще не знал, что же пошло не так.

— Вся идея принадлежала мне, — начал Рудский. — Это я, по совершенно невероятной случайности узнал о том, почему погиб мой сын и кто в этом виноват. Поначалу я пытался с этим согласиться, рационализировать, ведь, в конце концов, я получивший образование психолог, время, проведенное мною в супервизиях, [\[143\]](#) складывается уже в годы. Но я не мог — не мог. Потом хотел его попросту убить — пойти, стрельнуть, забыть. Только такое было бы слишком простым. Моего сына пытали два дня, а эта сволочь должна была умереть в долю секунды? Невозможно! Я размышлял об этом долго, очень долго. Как сделать так, чтобы он страдал. Чтобы страдал так, чтобы в конце сам решился о собственной смерти, будучи не в состоянии вынести боль. Так я придумал ту психотерапию. Я понимал, что она может и не удалась, что Теляк не покончит с собой, что он может попросту вернуться домой, как будто бы ничего не произошло. И я соглашался с этим. Соглашался на это, поскольку знал, что после этой терапии он и так всегда будет страдать.

Той ночью я не мог заснуть. Я ходил по своей комнате и раздумывал: Так как? Уже все? Проглотил он уже порошки? Заснул уже? Уже умер? В конце концов, я вышел в коридор, прокрался под двери. Было тихо. Я наслаждался этой тишиной, как вдруг услышал шум спускаемой воды, и из туалета в конце коридора вышел Теляк. Он был очень бледен, но, вне всякого сомнения, совершенно живой. В костюме, в туфлях, готовый выйти. Он сморщил брови, когда увидел меня, спросил, что я делаю под его дверью. Я солгал, что беспокоился о нем. Это он не прокомментировал, лишь сказал, что прекращает терапию и валит их этого ёбаного бардака как можно дальше — прошу прощения, но это цитата.

И вошел в комнату за чемоданом. Я понятия не имел, что делать. Мало того, что он был жив, так вовсе не казался умирающим от боли и вины. С этого гада все стекало, словно с гуся. Я пошел в кухню, чтобы напиться воды, успокоиться, увидел этот вертел... дальше уже почти ничего не помню, мозг не пропускает подобных картин. Я пошел в зал, а он был там. Наверное, я хотел ему пояснить, зачем это делаю и кто я на самом деле, но когда увидел это ненавистное лицо, этот циничный блеск в глазах, эту издевательскую усмешечку... И тогда я просто ударил. Прости меня, Боже, за то, что я сделал. Прости меня, но я не чувствую себя виноватым. Прости меня, Ядзя, за то, что я убил отца твоих детей, и не обращаю внимания на то, кем он был.

Цезарий Рудский — а может, скорее, Влодзимеж Сосновский — театральным жестом скрыл лицо в ладонях. В этот момент в помещении должна повиснуть тишина, настолько плотная, что ее можно было бы порезать на кусочки и нанизать на вертел, только ведь это был самый центр города. По Лазенковской проехал старенький «малюх», разболтанный икарус с грохотом остановился на остановке возле костёла, как всегда шумела Вислострада, стучали чьи-то каблуки, плакал ребенок, которого ругала мать, но Теодор Шацкий и так услышал, что в его голове все заскочило на свое место. Совесть человека и совесть прокурора, подумал он, заколебался — но всего лишь на миллисекунду — и кивнул Кузнецову, который поднялся и выключил камеру. Затем он вышел и вернулся в компании двух полицейских, которые вывели Рудского.

Несмотря ни на что — без наручников.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

понедельник, 18 июля 2005 года

Международный День Судов и Прокуратуры. За границей суд в Белграде приговорил к лишению свободы на 40 лет знаменитого «Легию» за убийство президента Сербии в 2000 году.^[144] Саддам, в конце концов, был формально обвинен, пока что в уничтожении ишиитского поселени в 1982 году. Роман Поланский из Парижа давал показания лондонскому суду по делу против «Вэнити Фейр», так как в журнале было написано, будто бы сразу же после трагической смерти своей жены, Шэрон Тейт,^[145] он пытался соблазнить королеву красоты Швеции. В Польше суд во Вроцлаве запретил некоему издательству печатать «Mein Kampf», а белостоцкая прокуратура обвинила Александру Якубовскую^[146] в подделке проекта закона о средствах массовой информации. В Варшаве прокурор потребовал пожизненное заключение для бывшей продавщицы, обвиняемой в загадочном убийстве в магазине «Ультимо». Адвокат требует полного снятия всех обвинений. Помимо того, на улице Ставки была открыта памятная табличка в честь солдат АК, которые в первые же часы Восстания освободили 50 евреев, а «Захента»^[147] решила рекламировать себя конфетами, которые можно будет приобрести в продуктовых магазинах. Дворец Культуры и Науки готовится к большому празднеству — 22 июля ему исполнится 50 лет. На улице 25 градусов, без осадков, практически безоблачно.

Было начало четвертого вечера. Прокурор Теодор Шацкий сидел в своем кабинете и наслаждался тишиной, воцарившейся в тот самый момент, когда его соседка по кабинету улетучилась с работы, чтобы идти с ребенком к аллергологу. Сам он ее ухода комментировать не стал. Уход коллеги означал, что ему больше не придется слушать голос Кэти Мелуа, сочащийся из ее компьютера («Думаю, тебе же не мешает, когда вот так тихонечко играет?») и телефонных разговоров, которые она вела с матерью («Тогда скажи, что за восемьсот злотых ты и сама можешь выбить эти золотые буквы у папы на памятнике. Так им и скажи! Грабители, кладбищенские гиены!»).

Ровно месяц назад Цезария Рудского полиция вывела из монастыря на Лазенковской. Несколькими днями позднее Шацкий допросил его в «следствии против Цезария Рудского». Терапевт слово в слово повторил то, что сказал перед камерой в небольшом зале комплекса, прокурор все это тщательно запротоколировал, делая вид, что принимает все за добрую монету. Но ему пришлось спросить, почему Рудский был настолько уверен в вине Теляка. Что он знает о кулисах убийства собственного сына?

— Как я уже говорил ранее, то был случай, одно из тысяч непонятных стечений обстоятельств, с которыми мы встречаемся ежедневно, — говорил в зале для допросов учреждения предварительного заключения на Раковецкой Рудский, одетый в бежевый тюремный комбинезон. Он выглядел будто столетний старец, от его гордой фигуры и пронзительного взгляда не осталось и следа. — Я вел терапию больного раком костей мужчины, уже в терминальном состоянии, месяца через три он скончался. Человек он был бедный, из низов общества, я принял его бесплатно, только для того, чтобы оказать услугу приятелю из Института онкологии. Тот мужчина хотел кому-нибудь исповедаться. Преступник, можно сказать, медкий, настолько мелкий и осторожный, что за решетку никогда не попадал. И на его совести был только один грех — он принимал участие в убийстве моего сына. Возможно, непосредственно во всем он и не участвовал, но это он вместе с убийцей вломился в нашу квартиру, был свидетелем пыток и убийства. Так он весь дрожал от испуга, утверждал, будто бы им заплатили только для того, чтобы поугатать и побить, но под конец его «шеф» посчитал, что Камиля следует убрать, «на всякий случай». Для меня это был шок. Я совершенно расклеился перед этим бандитом, сказал, кто я такой, вместе мы рыдали часами. Он обещал мне помочь найти «заказчика». Он его очень тщательно описал, описал все обстоятельства их встреч, все из разговоры. Он сказал, что речь могла идти о женщине, у заказчика как-то раз вырвалось, что «вот теперь у меня к ней никаких преград не будет». Я сразу же подумал про Ядзю — Камиль был в нее ужасно влюблен, хотя она и была старше него на несколько лет. Я нашел ее, к тому же сделал снимок Теляка. Несчастный воришка узнал его на все сто процентов.

Теодор Шацкий, не мигнув глазом, тщательно внес в протокол ложь подозреваемого. Тот подписал признания, не выдав себя даже малейшей гримасой. Оба знали, что грозит их семьям в случае выявления правды — но прежде всего, в случае начала следствия. Но под конец Теодор Шацкий рассказал пожилому терапевту, что знает о работе Хенрика Теляка в коммунистических службах безопасности, о «департаменте смерти», о до сих пор действующих структурах гэбистов. И попросил рассказать правду.

Правдивым был пациент с раком костей, правдивой была его вина и его исповедь.

Правдивыми были случайно услышанные слова «вот теперь у меня к ней никаких преград не будет». Но вот заказ был другим. Парня следовало напугать и «как можно сильнее» избить — что было однозначным приказом убийства — чтобы отец Камиля прекратил деятельность, способную подорвать безопасность государства. Бандитов уговаривали, что речь идет о крайне важных вещах, что они станут героями, что их, возможно, даже тайно наградят. На медали им было наплевать. За исполнение задания они получили кучу денег и гарантии безнаказанности, к тому же, им разрешалось забрать из квартиры все, чего им только пожелается. Поначалу — когда никакие конкретные вопросы еще не рассматривались — они встречались с тремя офицерами, в том числе и Теляком. Потом дважды с ними встречался уже только Теляк. Передал все подробности, сообщил точную дату и время, проинструктировал, как следует связывать и пытаться.

После того, как задание было выполнено, и они пришли за деньгами, Теляк страшно нервничал. Он говорил, что случилась ошибка при наводке. Он дал им больше денег, чем было договорено, и заявил, что если эта пара не сгинет года на два без вести, кто-то другой найдет их, как они сами нашли парня. Вот они и сгинули.

Шацкий рассказал то, о чем сам слышал от Кароля Венцеля: операции Департамента «D» были настолько секретными, что, действительно, случались ошибки в наводках и посылках людей на акции. Наемные бандиты и сами совершали ошибки. Вероятно, именно этим Теляк на «фирме» мог обосновать, что убит был невиновный человек. Бывает, несчастный случай на рабочем месте.

Прокурор и терапевт крепко пожали друг другу руки. Оба оставались должны кое-что. Прежде всего — обязанность молчания.

А через две недели после допроса в КПЗ Цезарий Рудский скончался. Он почувствовал себя плохо, его отослали в изолятор, там он почувствовал себя еще хуже. Он умер еще до того, как приехала скорая помощь. Обширный инфаркт. Теодор Шацкий наверняка даже и поверил бы, что это случайность, если бы не то, что на следующий день курьер доставил ему бутылку двадцатичетырехлетнего виски. Все ее содержимое прокурор вылил в раковину, а бутылку выбросил в урну у перехода для пешеходов возле прокуратуры. Он ожидал подобного. Шацкий верил гэбистской сволочи, когда тот заявлял, что сам он и его коллеги включаются в дело тогда, когда другого выхода нет. И еще он верил, что те любят спокойствие. А вот человек, находящийся в тюрьме, такого спокойствия не гарантирует. Уж слишком ему скучно, слишком много разговаривает, уж слишком вероятно то, что в один прекрасный день он может посчитать, что его свобода стоит какого-то риска. А вот он сам, Шацкий, мог чувствовать себя в безопасности? До тех пор, пока не сотворит какой-нибудь глупости — скорее всего, да. Так что на похороны он не пошел.

В тот же самый день он позвонил Монике. Хотя и ругал самого себя за собственную глупость, кто-то направил его руку, которая набрала номер, и кто-то другой произнес за него слова с предложением встречи. С той поры он встречался с журналисткой неоднократно, и хотя каждый раз Шацкий ехал к девушке с уверенностью, что это их уже последняя встреча, и что уж на этот раз этот роман следует прикончить, ведь во всем этом никакого смысла не было, он все сильнее и сильнее терял над ситуацией контроль. Теодор боялся того, что будет дальше, и в то же самое время ему было любопытно.

Шацкий выключил компьютер и подумал, что на самом деле ничего особого и нет. Хорко была в отпуске, народ выехал их города на отдых, Варшава на какое-то время перестала быть столицей преступлений. Обвинительный акт против Каима, Ярчик,

Квятковской и Теляковой был практически закончен. Всю тяжесть вины прокурор перевел на Рудского, что позволило ему обвинить остальных лишь в укрывании сведений перед органами юстиции. Укрыл он и факт, что в ночь убийства терапевт со своими «пациентами» стояли над трупом и размышляли над тем, что теперь делать. В соответствии с официальной версией, про убийство Теляка Квятковская, Ярчик и Каим узнали лишь тогда, когда Барбара Ярчик обнаружила останки воскресным утром. Шацкий редко когда восхищался преступниками, но, когда узнал, что Рудский запретил им об этом разговаривать, и приказал всем вести себя за завтраком так, словно они ни о чем не знали — чтобы потом, на допросах, выглядеть в лучшем свете — он чуть ли не снял шляпу. Знание человеческой психики в руках убийцы — это самое могучее оружие.

Шацкий считал, что кодекс необходим для того, чтобы каждый его нарушивший был государством со всей строгостью наказан — чтобы остальные четко увидели, чем заканчивается преступление. Теперь же он подделал дело об убийстве Хенрика Теляка в пользу лиц, в следствие замешанных. И в то же время он презирал себя, поскольку знал, что это не в состоянии искупить его главную вину — отказ от действия. Поскольку у него не было намерения делать что-либо, что могло бы ударить в ОДЕСБУ.

Теодор поднял телефонную трубку, ему хотелось поболтать с Вероникой и Хелей, которые с субботы загорали в Олецке на Мазурах, и предпочел бы сделать это сейчас, а не тогда, когда жене захотелось бы сделать то же самое, когда сам он будет у Моники.

Он уже наполовину набрал номер, когда в его кабинет кто-то вошел. Это была Ядвига Теляк.

Как всегда — печальная, как обычно — элегантная, как и всегда — в первый момент бесцветная, но уже через мгновение производящая ошеломляющее впечатление.

Когда она вытащила из сумочки сигареты, Шацкий чуть не фыркнул. Ну как такое случилось? Опять же, из всех завшивевших контор всех паршиво оплачиваемых прокуроров этого испорченного города, она должна была выбрать именно меня. Он вынул из ящика стола пепельницу и закурил сам. Это уже вторая, подумалось по привычке, хотя со времени встречи в итальянском ресторане он уже перестал позволять себе курево порционно. Теперь же не заговаривал, ждал.

— Ведь пан знает, правда? — сказала женщина.

Тот кивнул. Не то, чтобы уже давно, но когда все собрались месяц назад в небольшом зальчике архитектурной уродины на Лазенковской — уже знал. Поскольку верил Врубел., утверждавшему, что никто из участников расстановки не был бы склонен совершить убийство, поскольку такой поступок уничтожает порядок. А расстановка срабатывает исключительно потому, что ее участники стремятся к порядку. Поскольку именно она более всего выигрывала от смерти собственного мужа — и в жизненном, и в эмоциональном, и в финансовом смыслах. Поскольку во время убийства смотрела по телевизору фильм, который — как Шацкий выяснил — показывали днем ранее. Поскольку слышала, как ее сын в своей комнате играет в гонки, а Бартек резался в Call of Duty. А звуки пулеметной стрельбы, гранатных взрывов и стоны умирающих невозможно спутать с ревом автомобильных двигателей. Сплошные тебе улики. Немного интуиции. Запомненное предложение: «если уж речь идет о том, кто хороший, а кто плохой — то почти всегда случается наоборот». Ну и щекотание в голове, когда Рудский брал вину на себя.

— Мне показалось, что теперь, когда дело уже закрыто, необходимо перед паном объясниться.

Шацкий все так же ничего не говорил. Ему не хотелось.

— Не знаю, любил ли пан когда-нибудь. По-настоящему. Если да — тогда пан счастливчик. Если нет — тогда ужасно пану завидую, ведь перед вами — возможно — величайшее в жизни приключение. Пан понимает, о чем я говорю? Это как с книгами. Клёво было прочитать «Мастера и Маргариту» в средней школе, только меня от зависти всю скручивает при мысли, что имеются взрослые, которым только предстоит открыть эту книгу. Иногда я задумываюсь: как бы оно было, прочитать Булгакова впервые? Ну ладно, это неважно. В любом случае, если пан хочет ответить «не знаю», это значит, что пан еще не любил.

Любопытно, подумал Шацкий, именно это я бы и сказал, если бы захотелось ответить. Он пожал плечами.

— А я любила. Мне было двадцать пять, когда я познакомилась и полюбила, взаимно, Камиля Сосновского. Он был на три года моложе. Сейчас мне страшно смешно и подумать, что я спать не могла из-за разницы в возрасте. Я страшно боялась, что эти три года все испортят. Все время боялась, что испортит что-то другое, что все это невозможно, что такие вещи попросту не случаются. Нет смысла все это пану описывать, это состояние описать невозможно. Но пан должен знать, что прошло почти что два десятка лет, а я могу тщательно описать каждое мгновение нашего знакомства и повторить каждое высказанное между нами

слово. Прекрасно помню, какие книжки я тогда читала, какие видела фильмы. Каждую мельчайшую подробность.

Женщина закурила следующую сигарету. У Шацкого желания курить не было.

— А вы знаете, что тогда он ждал меня? В тот самый день, когда к нему пришли? Мы договорились вместе поужинать. Он должен был что-нибудь сварганить поесть, я же должна была притащить чего-нибудь выпить и «варшавский деликатес». Пан помнит такой? Какао-масса с вафельной крошкой в середине, немного похоже на «сказочный» шоколад из ассорти Веделя.^[148] Понятное дело, все было завернуто в пергамент с надписью «заменяющая упаковка». Наша волшебная сладость. У кого-то есть «песни», а у нас был — десерт. Когда я прибежала, вне себя от счастья, они уже были там. Я стучала-стучала, только никто не открывал. Я постояла час, может два, только он не приходил. Я вернулась домой, звонила каждые полчаса. До меня дошло, что явно что-то случилось, и ему пришлось выехать с родителями и сестрой, но, тем не менее, звонила и ходила. Когда однажды позвонила, трубку сняла Ханя. Все остальное пан может представить. Самым паршивым было осознание того, что он был там все время, они были все это время и издевались над ним. Если бы мне, идиотке, пришло в голову сообщить в полицию... все могло быть иначе.

Все-таки Шацкий закурил. А что ему еще оставалось делать? Вот не мог он со всем сердцем воспринять всю эту мелодраму.

— Каким-то образом, я умерла вместе с ним. Хенрик все время был при мне. Ласковый, сочувствующий, понимающий, готовый все простить. Мне он был безразличен, но он имелся. Я привыкла к нему. Вышла за него замуж. Очень быстро забеременела. Родилась Кася и я стала жить ради нее. Потом Бартек. Бывало то лучше, то хуже. Ну, семейная жизнь. Со смертью Каси все кончилось. Мне стыдно, если бы мне было дано воскресить только одного человека — я воскресила бы Камиля. А потом появился его отец — будь он проклят — со своей правдой и со своей справедливостью. Как бы мне хотелось, чтобы тот день никогда не наступал.

Женщина закурила следующую сигарету, в небольшом помещении было полно дыма. Вместе с тяжелой жарой вынести эту смесь было невозможно.

— Даже и не знаю, зачем поехала тем вечером на Лазенковскую. Просто не могу объяснить. Но поехала. В середину зашла, когда он собирал чемодан. Признался, о чем узнал в ходе расстановки. Он весь трясся, плакал, говорил, что чуть не покончил с собой. Я подумала, что это было бы самым лучшим, что мог бы сделать; и тогда я спросила, не следовало бы закончить терапию в связи с Бартеком. Он не хотел. Я выскочила из его комнаты и помчалась в кухню напиться воды, потому что меня тошнило. Все остальное пану известно.

Еще недавно, несмотря ни на что, ему хотелось поставить бы ее перед судом. Теперь ему на все это было наплевать. Настолько сильно, что даже не хотелось ей отвечать. Телякова еще поглядела на него, ничего не говоря, покачала головой и поднялась.

— Хотелось бы узнать, были ли мотивы пани чисто эмоциональными? — спросил Шацкий наконец.

Та лишь усмехнулась и вышла.

Прокурор Теодор Шацкий встал со стула, снял пиджак, широко распахнул окно и высыпал окурки в мусорную корзину. Он уже открыл было ящик стола, чтобы спрятать пепельницу, но тут его взгляд остановился на листке, на котором он сам переписал фрагмент интервью с Бертом Хеллингером, похоже, для «Газеты Выборчей»:

«От меня всегда требуют, чтобы я проклял всех совершивших всяческие преступления, я же знаю, что единственным путем, как можно справиться с наличием зла, это признаться, что и они — что бы там не думали — тоже люди. Так что и для них мы тоже обязаны найти место в своих сердцах. Ради нашего же собственного добра. Я вовсе не снимаю с них ответственности за их поступки. Но если мы исключаем кого-то, отказываем ему в праве на принадлежность, тогда мы сами становимся на месте Бога, сами решаем, кто должен жить, а кто — нет. А ведь это что-то неслыханное».

Направляясь к Монике на Хомичувку, Шацкий остановился на площади Вильсона, чтобы купить в «Бликле»^[149] два эклера — то были их любимые пирожные. Стоя в очереди, он подумал о Ядвиге Теляк, о «варшавском деликатесе» и почувствовал себя страшно, да что там — чертовски уставшим. Уставшим от всего этого дела, уставшим от своей работы, любовницы, которая — если подумать — была ему совершенно до лампочки. Чего-то снова не хватало, вот только чего?

Справедливости, подумал он и перепугался этой мысли. Как будто бы кто-то, стоящий рядом, произнес это слово вслух. Шацкий огляделся, только жолитобожские пенсионеры покорно стояли в очереди, в немой концентрации осматривая витрины с пирожными и полки с выпечкой. Справедливости, то есть, чего конкретно? Прокурор надеялся, что голос ему ответит. Но на сей раз слов он не услышал — зато появилась картинка. Изображение металлического цилиндра, из которого он вынул бутылку двадцатичетырехлетнего виски. Он подумал о Кароле Венцеле, который жил по дороге к Монике. Может быть, стоило бы заехать к нему в гости? Быть может, имеется какой-нибудь способ противодействия отправителям эксклюзивного шотландского спиртного? Ну что мешает проверить? Всего один разговор со слегка свихнувшимся историком — этого ведь слишком мало, чтобы его ликвидировали?

Он купил эклеры, позвонил Венцелю, который как раз был дома, и направился на Жеромского. Выходя из машины, он забрал пирожные с собой, ведь глупо было явиться с пустыми руками. Он шел к дверям подъезда между гаражами и мусорными баками, как вдруг с боковой дорожки вылетела на самокате девчонка возраста Хельки и чуть не протаранила его. Сам он отскочил, но вот руль зацепил пакет с эклерами. Бумага разорвалась, одно пирожное упало и разбилось об асфальт. Девочка, и вправду очень похожая на его дочку, остановилась, когда же увидела на потрескавшемся асфальте пирожное, ее губы выгнулись в плачливую гримасу.

— Ужасно извиняюсь, малышка, — быстро сказал Шацкий. — Я тут не заметил, что ты едешь, задумался, вот и стукнул тебя пирожными. С тобой ничего не случилось?

Та отрицательно покачала головой, но в ее глазах стояли слезы.

— Уф, ну прямо камень с сердца. А я уже боялся, что какой-нибудь эклер тебя обидел. Ты знаешь, что эти пирожные могут быть ужасно злорадными. Они нападают совершенно неожиданно, ну прямо как ласки. Потому-то я и держу их в пакете. Но этот, похоже, нам уже не страшен, ты как считаешь? — склонился он над пирожным и боязливо оттолкнул его пальцем.

Девочка рассмеялась. После этого Теодор вынул из разорванного пакета уцелевший эклер и подал ей.

— Держи, это в качестве извинений, — сказал он. — Только кушай осторожно, чтобы он не разозлился.

Девчонка неуверенно огляделась по сторонам, взяла у Шацкого пирожное и уехала, с трудом удерживая равновесие. Она и вправду была страшно похожа на Хелю.

Действительно ли он желает сейчас подняться к Карелу Венцелю, копаться во всем этом деле, рискуя жизнью своих ближних? Ему вспомнилось, как историк сказал во время из беседы: *«Так что если тебе хочется каким-то образом добраться до них, сразу же забудь*

об этом. Ты только подумаешь об этом утром, а вечером зарыдаешь рядом с трупом собственной дочери».

И тут он замер.

Он никогда не говорил Венцелю, что у него дочка.

И он подумал о маленькой Хелене Шацкой, о запахе свежего хлеба, о черепе, что вскрывается с отвратительным чмоканьем на столе патологоанатома.

Еще секунду назад он был уверен, что эта история обязана иметь свое продолжение.

Он ошибался.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

От всего сердца благодарю женщинам-прокурорам, которые рассказали мне о своей тяжелой и, к сожалению, недооцениваемой работе. Надеюсь, они не станут обижаться на все то, что я выдумал и переиначил, чтобы лучше приспособить действительность к потребностям сюжета. Приношу свои благодарности и Дороте Ковальской из «Ньюсвика» за текст «На службе преступления» — без него эта книга была бы совершенно иной. Всех заинтересовавшихся терапией установок отсылаю к «Порядкам любви» Берта Хеллингера (в русском переводе — «Порядки помощи»), а желающих узнать о службах ПНР — к превосходной «Тайной полиции за работой» Хенрика Глембоцкого (Arcana, Краков 2005).

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книги Зыгмунта Милошевского, в особенности — трилогия о прокуроре Шацком, в Польше пользуются заслуженным успехом, недаром две первые части экранизированы (правда, первый фильм, по мнению переводчика, с книгой имеет мало общего, он превратился в банальный боевик). Все потому, что автор не боится обращаться к больным и «стыдным» для поляков темам. И делает это не в публицистической, жаждущей сенсаций манере, но выстраивает по-настоящему интересный детективный сюжет, погруженный в реалии той Польши, к которой желают приблизиться страны из бывшего СССР.

Конкретно же этот перевод посвящаю своей Люде.

Надеюсь, что переводческая история Теодора Шацкого на «Флибусте» будет продолжена.

28.08.2016

Переводчик: Марченко Владимир Борисович

Общепольское Прослушивание Музыки Молодого Поколения в Яроцине, который позже принял название Фестиваля рок-музыкантов, был основан в 1980 году, хотя первые концерты проходили здесь уже с 1970. Мероприятие на протяжении длительного времени являлось самым значительным для молодёжной рок-сцены восточного блока советских стран.

В советское время он был своего рода анклавом свободы, позволяющим уйти от серой реальности. Хотя бытовало мнение, что концерты организовывались властями с целью контроля бунтарского духа молодёжи субкультур. Случалось, что некоторые группы не допускались к участию в Яроцинском фестивале за чересчур радикальный характер своих выступлений.

На концертах звучали ритмы панк-рока, рока, хеви-метала, блюза и регги, а участие в них принимали зачастую практически все популярные группы, играющие такого рода музыку в Польше. Характерным элементом мероприятий была так называемая «альтернативная» сцена, предназначенная для музыкантов, которые больше нигде не могли рассчитывать на столь большую аудиторию.

«Джем», «Армия», TSA — польские рок-группы, популярные в 80-е годы. Последние даже в Днепр приезжали. — Прим. перевод.

Поколение Иоанна-Павла II — молодежное католическое движение.

Збигнев Релига (16 декабря 1938 — 8 марта 2009) — польский кардиохирург и политик. С 2005 по 2007 год — министр здравоохранения Польши. 15 августа 1985 провел первую операцию на сердце, 5 ноября 1985 года вместе с командой врачей успешно выполнил первую в Польше пересадку сердца. Жизни Збигнева Религи посвящен художественный фильм — биография «Боги» (2014) — Википедия

Так в тексте — Прим. перевод.

Мокотув (польск. *Mokotów*) — южный левобережный район столицы Польши г. Варшавы, расположенный вдоль реки Вислы (Верхний и Нижний Мокотув). Мокотув считается вторым по престижности после центра города. — Википедия

Лазенковская Трасса (Trasa Łazienkowska) — скоростная трасса, соединяющая центр Варшавы с правобережной частью города. Ее построили в 1971–1974 гг. (торжественное открытие состоялось 22 июля 1974 г.) как часть окружной дороги центра Варшавы. Состоит из улиц Вавельской, ал. Армии Людовой, Лазенковского моста (в 2015 году был закрыт на ремонт по причине сильного пожара, повредившего опоры моста) и ал. Соединенных Штатов. Длина: 8,1 км. — польская Википедия

Имеется в виду крипта святого Леонарда в под Вавелем, пример романской архитектуры начала XII века. В крипте захоронены король Ян III Собеский, Тадеуш Костюшко, генерал Владислав Сикорский — <http://www.krakow4u.pl/wawel-krypta-leonarda.html>

Скорее всего, имеется в виду Павел Пискорский, мэр Варшавы в 1999–2002 годах (Швентокшыжский мост был открыт в 2000 году); в 2007 году был обвинен в получении прибыли от незаконной собственности. Выступал со стороны «Гражданской Платформы», противников «Права и Справедливости» Ярослава Качинского (Kaczor — Селезня). — Прим. перевод.

Район Варшавы на правом берегу Вислы. Долгое время (да и сейчас) считался «рассадником элемента». — Прим. перевод.

Театр находится в варшавском районе Повисле, в «Доме железнодорожника» — здании, построенном в 1928 году. Основателем театра был Стефан Ярач, великий польский актер и режиссер, называемый «бунтовщиком и мечтателем». Несмотря на отсутствие государственных субсидий и сильной конкуренции других театров, Ярач не отказался от своих художественных амбиций. Театр приобрел общенациональную известность.

Послевоенный «Атенеум» — это эпоха Януша Варминьского, в течение 44 лет он создавал коллектив театра и его репертуар. Почти все известные актеры послевоенного польского театра выступали в «Атенеум» Януша Варминьского. Почти все известные польские режиссеры работали с ним. Многие молодые драматурги, режиссеры, актеры делали в театре свои первые шаги. После смерти Варминьского в 1996 году художественным руководителем театра стал Густав Холоубек, который продолжал важнейшие традиции «Атенеума»: труппа из самых талантливых актёров.

«Антигона в Нью-Йорке» — пьеса Януша Гловацкого. Герои пьесы — эмигранты-бомжи еврей из России Саша, поляк Блошка и пуэрториканка Анита оказались на нижайшей ступеньке нью-йоркского дна. Они ведут нищенское существование под открытым небом, любыми способами зарабатывая на жизнь. Каждый из героев добровольно выбрал путь бродяги-эмигранта, у каждого из них были на это свои причины. У каждого есть своя заветная мечта — вернуться назад. На ассоциативном уровне сценическое произведение вызывает самые разные размышления и чувства. Это и размышления про драматизм жизни эмигрантов, и утверждение высокого достоинства человека, даже, когда он оказался на самом дне, и осмысление свободы, как философской категории, которая не зависит от внешних обстоятельств, а определяется внутренним состоянием души.

Самоназвание краковской футбольной команды «Висла» — Прим. перевод.

Персонаж культового романа Леонида Тырманда о борьбе с бандитизмом в Варшаве 50-х годов. — Прим. перевод.

На улице Розбрат размещается дорогое кафе «Бельведер», как видно по названию (Бельведер — местоположение президента Польши), место встречи политиков. — Прим. перевод.

Для Варшавы ул Маршалковская играет ту же роль, что для Одессы — Дерибасовская, для Москвы — ул Горького (Тверская), для Днепропетровска — пр. Карла Маркса... В каждом городе имеется своя Маршалковская. Кстати, вопреки иногда встречающимся в последние десятилетия домыслам о связи названия улицы с деятелем XX века Юзефом Пилсудским (1867–1935), улица ещё до его рождения была поименована по воинскому званию другого маршала — Франтишека Белинского (1683–1766). Улица была проложена при участии этого государственного деятеля Польши в 1757 году. В то время она была несколько короче, и шла от Королевской улицы до улицы Видока (Widok)

В оригинале: Rusek. В польском языке названия национальностей пишутся с большой буквы. Слово не является оскорбительным. — Прим. перевод.

Копа Кондрацка (пол. Кора Kondracka, слов. *Kondratova kopa*, 2005 метров над уровнем моря) — вершина в Западных Татрах, принадлежащая к группе Красных Верхов, самая невысокая из них и наиболее выдвинутая к востоку. Киры — расположенная у выхода Кошчелиской долины часть подхальской деревни Кошчелиско, именно там находится точка выхода для туристов, идущих по этой долине — польская Википедия.

Чемняк (пол. *Ciemniak*, слов. *Temniak*, 2096 м. над уровнем моря) — далее всего к западу выдвинутая вершина, принадлежащая к массиву Красных Верхов в Западных Татрах. Словацкие источники подают высоту 2090 м. — польская Википедия. Перевод на русский — Темняк, Темная вершина. Малолончняк (по-словацки: Малолучняк) — еще одна вершина из массива Красных Верхов (высота 2096 м.), соседствующая с Копой Кондрацкой. Ирония фрагмента заключается в том, что восхождение на него не представляет никакой трудности, местные жители занимали всю гору под выпасы. Кондратова = долина Кондратова. Пекло — небольшая котловина, названная так по причине постоянно гуляющих там ветров. Стражиска — долина Стражиска, неподалеку от Закопане.

Регловая поляна — поляна, образовавшаяся после вырубki местных деревьев, например, кедровой сосны (халя), располагающаяся в Долине Быстрой. Со всех сторон окружена лесом, с видами на Каспшовы Верх (одну из вершин Татр). На поляне располагается гостиница «На Калятувках». — польская Википедия

«maluch» («малыш») — польский фиат 126р, производимый в Польше с 1 июня 1973 года по 22 сентября 2000 г.

Парк Лазенки (польск. *Park Łazienkowski* или *Łazienki Królewskie*) — крупнейший парк в Варшаве, столице Польши, занимающий 76 гектаров в центре города. Дворцово-парковый комплекс лежит в центральном городском районе (*Средместье*), на Уяздовской аллее (*Aleje Ujazdowskie*), части «Королевского тракта», связывающего Королевский дворец в центре Варшавы с дворцом в Вилянуве на юге. — Википедия

Конрад Хеймо, точнее же, Станислав Хеймо (6 апреля 1936 г.) — польский католический священник, доминиканец. В 2005 году был обвинен в том в том, что в 1980–1988 сотрудничал со Службой Безопасности, передавая данные о деятельности духовных лиц. В настоящее время работает в Италии, но его деятельность не связана ни с Ватиканом, ни с польской Церковью. — польская Википедия

Йоанна Райковская (Joanna Rajkowska, род. 1968 г., Быдгощ) — польская художница, когда-то поразившая Варшаву тем, что установила огромную пальму в самом центре города. Этот нашумевший паблик-арт проект Greetings from Jerusalem Avenue был воспринят горожанами по-разному, но в итоге работа была взята под охрану самого президента Польши. Сейчас Йоанна живет в Берлине и активно выставляется по всему миру.

Ассессор — чиновник суда, прокуратуры или нотариата, который уже прошел требуемую практику и сдал соответствующие экзамены, но еще не получил назначения. — Словарь Польского Языка SJP <http://sjp.pl/asesor>

Синдром дефицита внимания и гиперактивности (сокращённо СДВГ; англ. *attention deficit hyperactivity disorder (ADHD)*) — неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность. При неприспособленности к СДВГ у взрослых возможны снижение интеллекта и трудности с восприятием информации.

Лешно (польск. *Leszno*), Лисса (нем. *Lissa*) — город в Польше, входит в Великопольское воеводство. Занимает площадь 31,9 км². Население 63.970 человек (на 2006 год).

Очень дорогой комплекс из вилл и бунгало, располагающийся в Сенкоцинском лесу (Sękosyn Las), в 16 км от центра Варшавы, рядом с конечной остановкой Магдаленка (ул. Солнечная 324).

Швидер (Świder) — река на Мазовии, правый приток Вислы.

Варшавский небоскреб (восьмой по высоте в городе), ул. Ставки 2.

«Przylądek pozerów» — книга Ярослава Клейноцкого (1963 г.), сотрудника факультета полонистики Варшавского Университета, а так же поэта, эссеиста и литературного критика. На русском языке не издавалась. Похоже, в 2005 году наделала шуму, но сейчас ее в электронных библиотеках нет, что уже о чем-то свидетельствует... Кстати, сейчас автор является директором Музея Литературы в Варшаве! — Прим. перевод.

Rzeczpospolita (в русскоязычных источниках название нередко передаётся как «Речьпосполита» «Речь Посполитая») — одна из крупнейших польских ежедневных газет со средним тиражом ок. 160 тысяч экземпляров, хотя несколько лет назад он достигал даже 260 тысяч. Название может быть переведено как «Общее дело» или «Республика». Политически Rzeczpospolita является умеренно консервативной, но не в пользу какой-либо партии в рамках нынешнего политического ландшафта в Польше.

Системно-семейные расстановки («расстановки по Хеллингеру», «семейные расстановки») — альтернативный, не признаваемый классической психологической наукой, но признаваемый Общероссийской профессиональной психотерапевтической лигой (ОППЛ), являющейся представителем Европейской ассоциации психотерапии (ЕАР) метод системной семейной терапии. Данный метод предназначен для работы с системными семейными травмами (системными динамиками). Целью метода является исправление последствий данных динамик.

«Семейная расстановка» (нем. *familien-stellen*) — авторский термин, он описывает суть происходящего во время работы по этому методу: людей («заместителей») расставляют в рабочем поле группы. Расставленные фигуры (заместители) передают происходящее в семейной системе, базируясь на информации рабочего поля. Данное явление было открыто Бертом Хеллингером и описано во многих его трудах («Долгий Путь» и др.)

Практикующие по данному методу специалисты (терапевты) обнаружили, что многие из существующих у людей проблем и трудностей связаны с травмами, перенесёнными семейной системой в прошлом, а также с нарушением порядков иерархии и «брать-давать» (подробнее дальше в этой статье). К подобным травмам относят следующее: убийство, самоубийство, ранняя смерть, изнасилование, иммиграция, потеря имущества, разрыв семейных отношений и так далее. К нарушениям порядков иерархии и «давать-брать» относят: желание родителей «брать» у детей, а также мнение детей, что они лучше своих родителей (неуважение родителей).

На основании многих работ с людьми Берт Хеллингер обнаружил (труд «Долгий Путь»), что семейные травмы являются причиной практически любых проблем: здоровье, работа, семейные отношения, несчастные случаи и так далее. Самым главным корнем всех проблем, как объясняет Берт Хеллингер, является исключение (желание забыть) участников семейной травмы из семейной системы (как пострадавших, так и виновников). Именно исключение вызывает проблемы у последующих поколений (см. Системы совести далее в этой статье). В результате работы по данному методу происходит обнаружение скрытых системных динамик и клиенту предлагается решение.

Данный метод работы является краткосрочным разовым методом работы, что отличает его от существующих долгосрочных способов работы психотерапевтов с пациентами.

В своих работах Берт Хеллингер относит данный метод к духовным практикам (труд «Богомысли» и др.).

В оригинале: «poskładać wszystko do dupy» и «poskładać wszystko do kupy».

Александр Квасьневский (польск. *Aleksander Kwaśniewski*; р. 15 ноября 1954 года, Бялогард, Кошалинское воеводство) — польский государственный и политический деятель, президент Польской Республики в 1995–2005 годах (переизбран в 2000 году на пятилетний срок).

Влодзимеж Цимошевич (польск. *Włodzimierz Cimoszewicz*, род. 13 сентября 1950, Варшава) — польский государственный и политический деятель. Премьер-министр Польши в 1996–1997 годах. Был министром иностранных дел в правительстве Лешека Миллера (2001–2004), а затем в правительстве Марка Бельки (2004–2005). Маршал (председатель) Сейма Польши (2005) и один из кандидатов на пост президента в 1990 (в первом туре получил 9,21 % и занял 4 место) и 2005 (отказался).

В октябре 2007 года был избран в Сенат как единственный беспартийный кандидат.

Green Day — американская панк-рок группа. «Блюдце» («Сподек») (*польск.* Spodek) — спортивно-концертный комплекс в польском городе Катовице. Открыт в 1971 году, обновлялся в 2011 году. Вместимость 11 500 человек.

Вот уже девять лет в первое воскресенье января начинает играть самый большой в мире оркестр — Большой оркестр рождественской помощи. В этот день по улицам идут толпы людей с прицепленными к пальто и курткам сердечками из красной бумаги. Сердечко означает участие в удивительно благородном предприятии. Чтобы стать участником «оркестра горячих сердец», не обязательно уметь играть на каком-нибудь инструменте, можно даже хот не знать: достаточно одного лишь желания помочь человеку, а если точнее — больным детям. Большой оркестр рождественской помощи — это стихийно возникшая общепольская благотворительная акция, цель которой — собрать деньги, необходимые для спасения жизни и здоровья самого младшего поколения. «Финал Большого оркестра» — ежегодный праздник любви, дружбы и музыки. Сотни концертов по всей стране, миллионы зрителей перед экранами телевизоров и благородное соперничество: кто соберет или даст больше денег. На экранах с головокружительной скоростью растет сумма, на которую закупят совершенное медицинское оборудование. В этот день мы не только замечательно отдыхаем, но и чувствуем гордость за то, что мы поляки, и надеемся, что оркестр на самом деле будет играть, как обещает его создатель и вдохновитель Юрек Овсяк, «до конца света и еще один день». И мы вместе с ним!

О себе Овсяк недавно сказал, что «такую рожу с другой не спутаешь». Когда я увидела его впервые по телевизору, то подумала, что так мог бы выглядеть современный клоун: пухловатое лицо, стрижен под ежик, большие очки в красной оправе, желтая рубаша и красные брюки. Теперь я думаю, что в его облике не было ничего деланного. Он не придумывал себя — такой он и есть. Сошедший с ума от безумной любви к жизни и демонстрирующий эту любовь на все лады. Но самое главное — он настоящий. И дефект речи у него настоящий, хотя кое-кто думает, что это поза. Настоящий и его язык, ядреный и сочный, не без крепкого словца, с выражениями, да простит меня переводчик, типа: «Все путем», «Ой, что щас будет!», «Чего хотите, то и ворочайте!» Такого языка не устыдился бы и Рабле, будь он нашим современником. Но он совершенно не притворяется — просто он такой. В этом весь Юрек Овсяк. За это мы его и любим.

В ряду нравственных авторитетов молодежь ставит его на второе место — сразу после Иоанна Павла II. Такое обязывает. Но этот выбор отнюдь не случаен: Овсяк олицетворяет все, что молодежь безуспешно ищет во взрослых. Его принципы — честность, правда, логика и — не соваться в чужие дела. Он ненавидит хамство, высокомерие, агрессивность, двурушничество. Его жизнь — в музыке: классический рок, панк, фолк, рэги, джаз. Он ездит на велосипеде, но в то же время обожает большие машины, особенно трайлеры и вездеходы. Верит в Бога, но ценит Далай-ламу и восхищается им. И при всем при этом он ужасно остроумен — абстрактным, первобытным и диким остроумием. Он не только музыкальный ведущий на радио и телевидении, но и *spiritus movens* музыкальных фестивалей, путешественник, создатель витражей и, наконец, душа ежегодной благотворительной акции, размах которой кажется безграничным! Ему скоро пятьдесят, но жизни в нем больше, чем в любом двадцатилетнем! Даже те, кто его лично не знает, называют его только «Юрек», словно он их приятель. Я не удивлюсь, если и в его паспорте вместо положенного «Ежи» записано «Юрек».

Górka Szczyliwicka — горнолыжная трасса с подъемником прямо на территории Варшавы!

Вы, конечно же, уже догадались, что все это время в машине Шацкого звучит The wall группы Pink Floyd.

Вкусное пирожное, состоящее из шоколадного бисквита, варенья (джема или творожного крема), взбитых сливок и шоколадной помадки. Пирожное считается типичным для Варшавы, его можно встретить практически в каждом городском кафе. Название взялось от трассы W-Z (ву-зет, восток-запад), хотя некоторые утверждают, что это всего лишь аббревиатура WZK от слов «wypiek z kremem». Независимо от происхождения названия, wuzetka — это очень вкусный торт, к тому же, несложный в приготовлении.

Адам Малыш (польск. *Adam Małysz*; род. 3 декабря 1977, Висла, Польша) — польский прыгун с трамплина, четырёхкратный чемпион мира, четырёхкратный обладатель Кубка мира и четырёхкратный призёр Олимпийских игр.

Komenda Stołeczna Policji — столичное управление (комендатура) полиции.

997 — телефон экстренного вызова полиции.

Жолибож (польск. Żoliborz) — дзельница (район) Варшавы, расположенная в северо-западной части города на левом берегу Вислы. В настоящее время является самой маленькой по площади дзельницей города.

«Двери закрывали уже издавна. Поначалу палочкой, потом придумывались все новые и новые запоры: крючок, изогнутый гвоздь, в какой-то момент, как говаривали в селе, двери прикрывали снопиком соломы. Этого было достаточно, чтобы холодный ветер не гулял по дому». <http://www.otwieranie-zamkow.pl/> По другим версиям, двери зимой уплотняли сплетенной «косичкой» соломой.

(?) на ул. Хожей (район Южное Средместье) располагается физический факультет Варшавского университета. На этой же улице располагаются дорогие гостиницы, бутики и рестораны. Но, возможно, автор имеет в виду что-то другое.

Населенных пунктов с названием Новы Двур (Nowy Dwór) — винительный падеж: Двоже (Dworze) имеется несколько (мазовецкое, опольское и др. воеводства). Похоже, Биньчик родом из какого-то Нового Двора.

Empik — это самая большая система супермаркетов в Польше принадлежащей Empik Media & Fashion Group. Сегодня эта сеть насчитывает более 70 магазинов, в которых такой стандартный набор товаров: электроника, товары для детей, спортивные товары, книги, колоссальный выбор печатных СМИ (как польских так и зарубежных), компакт-диски, аудио-видео кассеты, игры и мультимедийные программы, газеты, гаджеты, товары для интерьера, билеты на мероприятия и духи.

«Tom Clancy's Splinter Cell» — серия компьютерных игр в жанре стелс-экшена, курировавшаяся американским писателем Томом Клэнси. Благодаря успеху серии в её составе представлено уже несколько игр и книг по мотивам.

Главный герой серии — Сэм Фишер, специальный агент вымышленного подразделения АНБ «Третий эшелон», специализирующийся на скрытном проникновении. В ходе нескольких игр Фишер разрушает планы террористов, угрожающих безопасности США. Сэм Фишер озвучен актером Майклом Айронсайдом, в Blacklist его озвучивает Эрик Джонсон.

Думаю, что источник цитаты указывать нет смысла. Любопытно другое, что в польском переводе подбой плаща не кровавый, а «цвета сердолика» (koloru krwawnika), и походка «плавная» (posuwisty krok, хотя наиболее верный перевод был бы «приставной шаг»), а не «шаркающая». И вообще, у польских интеллигентов определенного возраста «Мастер и Маргарита» чрезвычайно популярная книга. Кстати, очень интересен разбор этой, одной из самых знаменитых, фразы романа: http://www.netslova.ru/ab_levin/5strok.html

Переводчик сам столкнулся с кофе-заливайкой, когда первый раз поехал в Польшу в 1989 году. Очень хороший итальянский кофе, очень грубого помола, в стакане (!) заливали кипятком (понятное дело, гуща тут же выплыла пробочной крошкой наверх, настой был еле-еле желтоватым — и это кофейная страна!!!). «Собеские» — марка не самых дорогих сигарет.

Деннис Лихэйн (Dennis Lehane) Американский писатель ирландского происхождения. В 1990 году начал писать рассказы. Дебютный роман Лихэйна — «Глоток перед битвой» — вышел в 1994 году и получил награду «Shamus» (вручается за создание интересного образа частного сыщика). Однако этот роман был написан раньше, еще в 1991 г., когда Деннис был студентом колледжа. Лихэйн работает в стиле *hard-boiled*, признавая влияние на свое творчество другого бостонского мастера детективного жанра — Роберта Паркера. Большинство романов писателя входят в серию о дорчестерских детективах Патрике Кензи и Энджи Джиннаро. Внесерийный роман «Mystic river» в 2002 году был экранизирован Клинтом Иствудом. В 2007 году роман «Gone, Baby, Gone» был экранизирован Беном Аффлеком, это был его режиссерский дебют. Помимо награды Shamus, книги Лихэйна удостоивались наград Энтони, Dilys и Ниро Вульфа.

Донна Леон (англ. Donna Leon) Американская писательница ирландско-испанского происхождения. Обращение Леон к детективу началось с шутки. Прослушав оперу в венецианском театре «Ла Фениче», они с другом остались недовольны немецким дирижером до такой степени, что пришли к выводу, что его стоило бы убить и долго обсуждали каким способом это лучше сделать. Так родился сюжет романа «Смерть в Ла Фениче» (1992 г.). К моменту дебюта Леон исполнилось 50 лет. Появившийся в романе комиссар венецианской полиции Гвидо Брунетти стал серийным героем писательницы. «Смерть в Ла Фениче» — театральный роман.

Не вышедший после второго антракта на сцену знаменитый дирижер оперного театра найден мертвым в своей гримерной. В воздухе еще витает аромат миндаля, и это добавляет новизны не только современному детективу (все-таки яд больше подходит старинным особнякам, где жаждущие немедленного раздела имущества наследники пытаются увеличить свою долю с помощью этого оружия), но и следовательской работе. Так уж сложилось, что и Брунетти, и доктора не сталкивались с цианидом на практике. Несмотря на должностные чины (кстати, из романа мы узнаем, что итальянский комиссар соответствует всего лишь европейскому инспектору) расследование Брунетти протекает в классическом стиле. Он работает практически в одиночку, старательно избегая помощи недалеких подчиненных, а результаты его трудов служат основой репутации начальства. Еще одна черта классического направления ярко проявляется в финале — комиссар Брунетти предстает перед нами в образе отца Брауна (часто ограничивающего рамки законодательства самостоятельными решениями), что предназначено для повышения читательских симпатий к только что родившемуся серийному герою.

Свидетельство международного признания Леон — две престижнейшие награды: «Серебряный кинжал» Британской ассоциации авторов-детективщиков и японская премия «Сантори».

В Германии снят сериал с Иоахимом Кролем в роли обаятельного комиссара.

Андреа Камиллери (Andrea Camilleri) — итальянский писатель. Первый роман писателя был опубликован в 1978 году, но известность к Камиллери пришла в 1994 году с выходом романа «Форма воды» — первым из серии об инспекторе Монтальбано. Камиллери стал всемирно знаменитым, когда придумал своего хитроумного и неподкупного инспектора Сальво Монтальбано, который всегда и в любых обстоятельствах непременно докопается до

сути, до правды. Хотя не всегда и не всем эта правда бывает нужна. Вместе с сыщиком Камиллери придумал и место преступлений, которые Монтальбано предстоит расследовать: приморский городок Вигата.

Мафиозные шайки, продажные городские власти, преступления, след от которых тянется вглубь веков — вот мрачноватая атмосфера этого милого городка.

Иэн (Йэн) Рэнкин (Ian Rankin) Печатается также под псевдонимом Джек Харви (Jack Harvey). Шотландский писатель. Славу ему принесла серия романов об инспекторе Ребусе. Произведения Иэна Рэнина дважды получали награду Золотой кинжал Ассоциации детективных писателей Великобритании.

Хеннинг Манкелль (швед. Henning Mankell, 3 февраля 1948, Стокгольм — 5 октября 2015, Гётеборг) — шведский писатель и драматург. В 1991 году писатель начал работать в жанре детектива. Первый роман «Убийца без лица» (Mördare utan ansikte) стал началом небольшой серии о шведском полицейском Курте Валландере. Детективное творчество не означало отход от социальной тематики. Все романы серии и внесерийные произведения наполнены размышлениями о путях развития Швеции, о проблемах эмигрантов, о необходимости борьбы с любыми видами экстремизма вообще и с фашизмом в частности. Творчество Манкелля получило широкое признание во всем мире. Его произведения входили в списки лучших детективов ведущих газет и журналов, а роман 1995 года «Ложный след» (Villospår) отмечен наградой Золотой кинжал.

В Швеции близится к завершению грандиозный общескандинавский телепроект с бюджетом в 20 миллионов евро — съемки «валландеровского» сериала из тринадцати кинофильмов, где главную роль исполняет знаменитый шведский актер Кристер Хенриксон.

Существует даже специальный тур для туристов — «По стопам Курта Валландера в Истаде» — в городе, где происходит действие основных книг об этом полицейском.

Рассказывать о Раймонде Чендлере считаю не обязательным. Его должны знать все интеллигентные люди. — Материалы библиотеки Флибуста.

В оригинале именно так, в действительности же, боюсь, там воняло формалином —
Прим. перевод.

Астрид Линдгрен «Братья Львиное Сердце».

См. текст и примечания на стр. 23.

Агентство внутренней безопасности (польск. *Agencja Bezpieczeństwa Wewnętrznego*, *ABW*) — спецслужба Польши, в задачи которой входит обеспечение внутренней безопасности, включая контрразведку, борьбу с терроризмом, контрабандой оружия, незаконным оборотом наркотиков, организованной преступностью, коррупцией и экономическими преступлениями.[2] Его полномочия включают в себя проведение расследований, оперативно-розыскную работу, аресты подозреваемых, проведение контртеррористических операций с участием антитеррористических подразделений.[3] Штаб-квартира ABW находится в Варшаве на улице Раковецкая в районе Мокотув. Руководитель ABW подчиняется непосредственно премьер-министру Польши, который в свою очередь, обеспечивает контроль за ABW. — Википедия

Для тех, кто не в танке: имеются в виду братья Качиньские, прославившиеся очень давно в фильме «О двоих, что украли Луну», а уже в наши дни — в политике.

У польских прокуроров тесьма на тогах красная, у адвокатов — зеленая.

Возможно, имеется в виду спортивный клуб «Варшавянка».

Биполярное аффективное расстройство (сокр. БАР; ранее — маниакально-депрессивный психоз, МДП) — эндогенное психическое расстройство, которое проявляется в виде *аффективных состояний* — маниакальных (или гипоманиакальных) депрессивных, а иногда и *смешанных* состояний, при которых у больного наблюдаются быстрая смена симптомов мании (гипомании) и депрессии, либо симптомы депрессии и мании одновременно (например, тоска со взвинченностью, беспокойством либо эйфория с заторможенностью — так называемая *непродуктивная мания* — или другие). Возможны многообразные варианты «смешанных» состояний.

Эти состояния, называемые *эпизодами* или *фазами* заболевания, периодически сменяют друг друга, непосредственно или через «светлые» промежутки психического здоровья (интермиссии, называемые ещё *интерфазами*), без или почти без снижения психических функций, даже при большом числе перенесённых фаз и любой продолжительности болезни. В интермиссиях психика и личностные свойства больного полностью восстанавливаются. Следует, однако, отметить, что пациенты с биполярным расстройством часто (примерно в 75 % случаев) страдают и другими, сопутствующими, психическими расстройствами (это может быть, например, тревожное расстройство).

Дворец Мостовских, Мостовский дворец — дворец в Варшаве, первое после войны отреставрированное здание на Банковской площади. В настоящее время дворец используется как штаб-квартира Варшавской полиции.

Институт психиатрии и неврологии, ул. короля Яна III Собеского 9, Варшава.

Дэвис Н., Мурхауз Р. *Микрокосмос: История центральноевропейского Города* / Пер. с англ. — М.: Летний сад, 2013. — 720 с.: илл.

Для тех, кто не в танке, солист ирландской группы U2, более чем музыкой прославился деятельностью по помощи голодающим Африки.

Дариуш Павел Дзекановский (польск.*Dariusz Paweł Dziekanowski*; родился 30 сентября 1962, Варшава) — польский футболист, бывший игрок сборной Польши. В Англии и Шотландии он был известен как Джеки Дзекановски. Является действующим председателем общества почётных игроков сборной Польши по футболу. Кстати, в материалах Wikiwand указано 44 гола и участие в 95 матчах (для клуба Легия).

Историческая, старая часть в польских городах.

Болеслав Берут (польск. *Bolesław Bierut*, псевдонимы Яновский, Иванюк, Томаш Беньковский, Рутковский; 18 апреля 1892, Руры Иезуитске — 12 марта 1956, Москва) — польский партийный и государственный деятель, первый президент Польской Народной Республики.

Прага (польск. *Praga*) — исторический район польской столицы — предместье Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы. Статус города предместье получило 10 февраля 1648 года указом короля Владислава IV Вазы. 18 апреля 1791 года город Прага был упразднён, став одним из исторических районов Варшавы. Ныне его территория разделена на дзельницы Прага Северная и Прага Южная. Этимология означает «место прежде занятое лесом, который сожгли, чтобы подготовить землю для посева» (ср.: прах). На территории исторического района находятся Ружицкий рынок и корпус бывшего водочного завода «Конесер» («Гурман»). Так что, сами понимаете, район населяли разнообразнейшие... элементы.

Карменер (carmenere) — красное сухое вино из Чили; Примитиво (Primitivo) — красное сухое вино из винограда сорта Примитиво, родиной которого является юг Италии. Вина недорогие.

Четырёхцветная автотипия (СМУК: Cyan, Magenta, Yellow, Key color) — субтрактивная схема формирования цвета, используемая прежде всего в полиграфии для стандартной триадной печати.

Цветовая модель Пантон, система PMS (Pantone Matching System) — стандартизованная система подбора цвета, разработанная американской фирмой Pantone Inc в середине XX века.

Для закраски замкнутой области используют инструмент Заливка.

«Нокаут фонтов» (так у автора — прим. перевод.) — скорее всего, шрифт «Knockout».

Так в тексте. Странно, и выше в тексте и чуть ниже говорится, что супругу Теляка зовут Ядвигой.

Ядзя = уменьшительно-ласкательное от имени Ядвига.

Зузя = уменьшительное от Сусанна.

Ars therapeutica = искусство терапии; *Ars amandi* — искусство любви.

Имеется в виду психолог Войцех Эйхельбергер (Wojciech Eichelberger) — сооснователь и директор варшавского Института психоиммунологии.

В Польше среднее образование школьники получают в течение 12 лет. Система обучения в школе разбита на три этапа:

1. Базовая школа (6 лет).
2. Гимназия (3 года).
3. Лицеи, техникумы (3 года).

Последний этап получения среднего образования предусматривает выбор:

- классическое образование, позволяющее поступить в общеобразовательный вуз;
- аттестат о законченном среднем образовании плюс профессиональная подготовка (профильная рабочая специальность), после которой можно поступить не только в общеобразовательный вуз, но и в технический институт на льготных условиях.

Периоды в существовании Земли в так называемую палеозойскую эру: девон — 360–420 млн. лет назад; силур — 420–444 млн. лет назад; кембрий 485–540 млн. лет назад. Короче, страшно давно...

Наверное, нет смысла напоминать, что гербом Польши является белый орел (снова в короне).

Ротонда ПКО (польск. Rotunda PKO) является банковским зданием на самом главном перекрёстке Варшавы — Рондо Дмовского.

Роман Дмовский (польск. *Roman Dmowski*, в русских документах Роман Валентьевич Дмовский; 9 августа 1864, Камёнка близ Варшавы — 2 января 1939, с. Дроздово близ Ломжи) — польский политический деятель и публицист. Был политическим противником Юзефа Пилсудского, последовательно выступал за создание польского национального государства.

Международный аэропорт Варшавы (Океcie).

Национальная галерея искусств «Захента» (Zachęta Narodowa Galeria Sztuki). один из старейших выставочных салонов и крупнейшая галерея современного искусства в Польше.

Огруд Саски — Саксонский сад (Ogród Saski) Саски сад, как часть дворцового комплекса Саская ось, был заложен в начале XVIII века и стал самым большим парком на тот момент, затмив по размерам Сад Красинских.

Название парк получил от имени короля Польши Августа II Саса (Саксонца). До войны парк был с одной стороны ограничен большим дворцом, состоявшим из двух зданий, соединенных двухэтажной колоннадой. К сожалению, во время Второй мировой войны дворец был полностью разрушен. На месте зданий так ничего и не построили, нет даже деревьев — просто газоны. А вместо былой колоннады, создан мемориальный комплекс Могила неизвестного солдата с вечным огнем и почетным караулом. Вечный огонь находится под одноэтажным фрагментом колоннады. Памятные надписи на колоннах отдают дань памяти солдатам, погибшим в войнах за всю историю Польши. Почетный караул лицом направлен к памятнику отцу современной Польши Йозефу Пилсудскому, а парк находится за их спинами. Несмотря на грустную историю, парк по-прежнему прекрасен. Великолепный фонтан-чаша запускается первым из всех Варшавских фонтанов. В парке есть типичные для паркостроения XVIII века аллея античных скульптур, пруд с лебедями и ротонда над прудом. А в тени огромных деревьев всегда приятно спрятаться в жаркий летний день. Огруд Саски находится в самом центре Варшавы в 5 минутах ходьбы от Президентского дворца и Оперного театра.

???

Славомир Мрожек (польск. *Sławomir Mrożek*; 29 июня 1930, Боженчин, Малопольское воеводство — 15 августа 2013, Ницца) — польский писатель, драматург, эссеист, художник. Большинство работ Мрожека выполнены в откровенно абсурдистском стиле; драматург часто стремился шокировать аудиторию откровенно нереалистичными приемами и откровенными пародиями, сильно оттеняющими отсылки на последние события. В 1963 выехал из страны (но с сохранением гражданства), жил в Париже, США, Германии, Италии и Мексике. С 1978 — гражданин Франции. В начале 1990-х пьесы С. Мрожека были поставлены во многих советских театрах, но быстро сошли со сцены из-за низкой посещаемости.

Плянты (Planty) — бульварное кольцо, окружающее старую, историческую часть Кракова. Плянты разбиты на месте старой крепостной стены Кракова с ее сторожевыми башнями.

Служба безопасности в Румынии эпохи Чаушеску. Понятное дело, никто эту службу не любил.

Вшехполяцы (Млодзех Вшехпольска — Młodzież Wszechpolska (MW) — «Всеполюска: молодежь») действующая в Польше, начиная с 1989 года, молодежная организация с националистической основой. В своих программных документах она декларирует, что ее целью является воспитание молодежи в национал-католическом и национал-солидарном духе. Организация продолжает деятельность довоенного «Студенческого Союза «Всеполюска: молодежь», который действовал в 1939–1989 годах. «Млодзех Вшехпольска» считает себя наследницей польского Национального лагеря, прежде всего — Романа Дмовского.

«Млодзех Вшехпольска» является (в соответствии со своим уставом) общественной организацией идейно-воспитательного характера, действующей на территории всей Польши и собирающей лицеистов и студентов. Насчитывает около 3 тысяч членов. В идейной декларации, принятой в декабре 1989 года, при участии Романа Гертыха, среди всего прочего написано, что организация ссылается на *канон принципов единственной истинной, святой католической веры*, что она *объявляет войну доктринам, провозглашающим произвол, либерализм, терпимость (и политкорректность) и релятивизм*, что она *стремится к построению католической державы польского народа*. Народ в организации признан наивысшей ценностью в этой жизни, ну а над народом находится Бог.

Игра слов. «Pedałować» = заниматься гомосексуализмом. Pedal, pedel = гомосек.

Chłopak i dziewczyna — normalna rodzina.

Кшиштоф Ибиш — польский актер и телеведущий. Тадеуш Мазовецкий — польский политик, один из лидеров движения «Солидарность» и первый послекоммунистический премьер-министр Польши. Ежи Пильх — польский писатель, прозаик, драматург, сценарист и фельетонист; также работал журналистом и актёром.

По поручению Пилсудского в Варшаве 17 ноября (1918 г.) было сформировано правительство во главе с одним из лидеров ППС — Е. Морачевским. Правительство прокламировало введение гражданских свобод, объявило о выборах в сейм, издало декрет о 8-часовом рабочем дне. В то же время оно развернуло борьбу против революционного движения внутри страны и заняло враждебную позицию по отношению к Советской России. Перед этим, Регентский Совет (учрежденный в сентябре 1917 г.) передал Пилсудскому 11 ноября 1918 г. всю военную, а 14 ноября — всю гражданскую власть.

Автор не знал тогда о Чемпионате Европы 2012 года, проходившем в Польше и Украине. — Прим. перевод.

То, что в нашей пропаганде называлось «Освободительным походом Красной Армии 1939 года, в результате которого СССР были возвращены Западная Украина и Западная Белоруссия».

Станислав Баря, польский режиссер культовых кинокомедий, высмеивающих извращения и «прелести» польского социализма («Плюшевый мишка», «Рейс», «Брюнет вечерней порой», «Сменщики», «Нет розы без огня» и др.). Барю иногда сравнивают с Леонидом Гайдаем. Кто знает?... Но многие поляки старше пятидесяти лет с удовольствием процитируют фразы из фильмов Барей.

У Майкла Джексона не было хита «Библиотекарша» (Librarian Girl). Его песня называлась «Девушка из Либерии» (Liberian Girl). А жаль, красивая ассоциация...

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0,_%I

Премьер-министр Польши в 2001–2004 гг.

Польское светлое пиво. Качества... скажем, среднего (потому и усиленно рекламируют).

А вот поляки такие «комбайны» называют «таксой» (jamnik).

Слова Христа, который обещал: «Вы познаете истину, и истина освободит вас» (Иоанна 8:32)

Психоанализ существует для того, чтобы определить, дать анализ причине появления психического заболевания или расстройства, поведению человека в конкретной ситуации. Психотерапия же направлена на лечение, профилактику психических расстройств, корректировку модели поведения и мироощущения человека.

Так что Рудский мог бы рекламировать психоанализ, но сам психоаналитиком не был.

Кайзерслаутерн (нем. *Kaiserslautern* — город в Германии на юго-западе земли Рейнланд-Пфальц, на краю Пфальцкого леса. В прошлом — одна из императорских резиденций («кайзерпфальцев») на территории Курпфальца. Город расположен в 459 километрах от Парижа, 117 километрах от Франкфурта-на-Майне, и 159 километрах от Люксембурга.

Между 1950 и 1955 Кайзерслаутерн превратился в крупнейшую американскую военную базу за пределами Соединенных Штатов. По этой причине Кайзерслаутерн также называют «К-город» — термин, введённый американскими военными, которые с трудом произносили название города. Военное сообщество Кайзерслаутерна (КИК) представляет собой комбинированные части, состоящие из армии и военно-воздушных сил. В Кайзерслаутерне проживает 99 790 человек. В самом городе и его окрестностях (*Landkreis Kaiserslautern*) проживают приблизительно 45 000 НАТОвских военных (в основном, американцев), которые фактически составляют временное население Кайзерслаутерна и привносят в экономику города до 1 миллиарда долларов США.

Также город знаменит своим университетом и промышленностью. Футбольная команда «Кайзерслаутерн», за которую выступал Фриц Вальтер, — неоднократный чемпион Германии, причём это самый небольшой по населению город, чей футбольный клуб становился чемпионом Германии.

Вот только откуда такие ассоциации у Шацкого, который к футболу, тем более германскому, вроде как равнодушен?

Аксиология изучает вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности. Аксиология как особый раздел философского знания возникает тогда, когда понятие бытия расщепляется на два элемента: реальность и ценность как возможность практической реализации. Задача аксиологии в таком случае — показать возможности практического разума в общей структуре бытия. (...) Проблема ценностей в острой форме возникает в обществе, в котором обесценивается культурная традиция и идеологические установки которого дискредитируются.

Так в оригинале. Хотя советской сказкой был коммунизм. А сказка про хитрую девочку имеется и у чехов, и поляков.

Цитата из комедии Ж.Б. Мольера «Жорж Данден или Одураченный муж». Богатый крестьянин Данден воображал, что, женившись на дворянке, он обретет полное счастье. Достигнув цели, он горько разочаровался: жена принесла ему бесконечные неприятности и хлопоты. «Tu l'as voulu Georges Dandin!» (Ты этого хотел, Жорж Данден!) — воскликнул он в крайнем огорчении. С легкой руки Мольера, Данден стал образцом попавшего впросак простака, а его восклицание теперь означает: «сам виноват в своих бедах».

См. сноску на стр. 10.

Гоцлав (польск. *Gośćlaw*) — микрорайон на юге дзельницы Прага Полудне в Варшаве на восточном берегу реки Висла.

Анджей Самсон (Andrzej Samson) (11 августа 1947 г. — 8 марта 2009 г. в Ченстохове) — польский психолог и психотерапевт, занимающийся терапией семей и детей, один из пионеров польской психотерапии. в 2004–2009 годах против Самсона велось уголовное судопроизводство по обвинению в растлении несовершеннолетних.

26 июня 2004 г. Самсон был задержан после того, как на свалке возле его дома на варшавском Мокотове было найдено несколько сотен снимков с детской порнографией. С психологом снимки связали на основании руки, видимой на снимках. В ходе обыска на его квартире полицейские обнаружили очередные фотографии.

Анджей Самсон не признался в вине, за исключением фиксации изображений, имеющих порнографический характер. Он защищался, утверждая, будто бы разработал новаторскую терапию, позволяющую выводить детей из состояния аутизма.

9 января 2007 года (то есть, после того, как происходит действие книги — Прим. перевод.) Районный суд для Варшавы-Мокотов вынес неправомочный вердикт, осуждающий Самсона, признавая его вину по всем четырем предъявленным ему обвинениям. Обоснование, равно как и весь процесс происходили в закрытом режиме. Было разрешено лишь открыть данные и фотографию обвиняемого. Суд посчитал его виновным по всем обвинениям и назначил общее наказание в виде 8 лет лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме. Суд назначил 7 лет наказания за то, что, с 1999 по 2004 год, в соответствии с заранее принятым намерением, Самсон в своем жилище неоднократно использовал болезнь мальчика и девочек, которых он лечил, и совершал с ними так называемые «иные сексуальные действия». Снимки с детской порнографией Самсон размещал на американских серверах. (...) Помимо того, суд наложил на Самсона средство наказания в форме запрета заниматься профессией психолога на срок в 10 лет.

21 января 2009 года суд освободил Самсона из-под ареста по причине болезни почек (...).

Аконкагуа (исп. *Aconcagua*) — гора в Аргентине, самый высокий в мире батолит. Высота 6962 метров. Является высшей точкой Южной Америки, западного и южного полушарий.

Происхождение названия горы точно неизвестно, существующие выводы его из арауканского языка («с другой стороны реки Аконкагуа») или от Аскон Сагуак, что на языке кечуа означает «Каменный страж!».

Юлиан Тувим «Опоздавший соловей»

Плачет пани Соловьяха, в гнёздышке рыдает:
Соловей до пол-восьмого где-то пропадает.
Обещал домой вернуться в три часа к обеду.
Вот уже подходит вечер — Соловья всё нету.
Всё остыло: суп из мошек, пойманных в осоке,
Шесть комариков, варёных в ландышевом соке,
Шашлыки из мотылёчков с терпким вкусом леса,
Торт-десерт из ветерочков «лунная принцесса».
Может, что-нибудь случилось, на него напали?
Перья выдрали из крыльев, голосок украли?
Это зависть! В небе кружат жаворонков банды.
Перья — мелочь, отрастут ведь, перья — не таланты!
Вдруг под елью Соловей наш по дорожке скачет...
— Где ж летал ты?! Где ты прыгал?! Я сижу и плачу!!..
Соловей вздохнул: «Родная, не ругай дружочка.
Так на улице чудесно, я прошёл пешочком».

<http://zabytki.in.ua/ru/1628/strelkovie-tovarishchestvo>

Институт национальной памяти — Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП) (польск. *Instytut Pamięci Narodowej — Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu (IPN)*) — государственное историко-архивное учреждение, занимающееся изучением деятельности органов госбезопасности Польши в период 1944–1990 гг., а также органов безопасности Третьего Рейха и СССР с целью расследования преступлений по отношению к польским гражданам в этот период, а также осуществления люстрационных процедур. В руках политиков правого толка институт стал важным элементом, орудием для осуществления исторической политики.

В середине января (2005 года) польский журналист Бронислав Вильдштейн опубликовал в интернете список людей, которые могли сотрудничать со службой безопасности Польши в годы коммунистического режима. Он включает около 240 тыс. фамилий людей, дела которых находятся в Институте национальной памяти Польши (IPN), распоряжающемся архивами службы безопасности страны. В список входят штатные сотрудники, осведомители и лица, которых собирались завербовать. Публикация списка Вильдштейна вызвала большой резонанс в Польше и сильно встревожила польские спецслужбы, поскольку, по некоторым данным, наряду с именами бывших сотрудников были обнародованы имена ныне действующих агентов. 2 февраля Бронислав Вильдштейн был уволен с работы в газете Rzeczpospolita за поведение, «противоречащее журналистской этике».

Дворец культуры и науки (польск. *Pałac Kultury i Nauki*, часто сокращают как *PKiN*) — здание в Варшаве, являющееся самым высоким зданием в Польше. Расположено в центре города на площади Парадов, 1. В наши дни дворец входит в десятку высочайших небоскрёбов Европейского Союза. Построено по образцу так называемых «сталинских высоток» в качестве подарка Советского Союза польскому народу (возведено на советские деньги советскими строителями). Сегодня небоскрёб выполняет функции офисного здания и выставочного центра, является штаб-квартирой ряда компаний и государственных учреждений. Кроме того, в нём находятся музеи, кинозалы, театры, рестораны, книжные магазины, научные институты, бассейны и выставочные пространства. Кстати, В здании Дворца культуры и науки в 1967 году выступали Rolling Stones. Это было первое выступление ведущей западной рок-группы в социалистической стране.

На 30-м этаже здания (на высоте 114 метров) имеется свободная для посещения терраса со смотровой площадкой, откуда открывается панорама города. У неё дурная слава: в 1956 году началась серия самоубийственных прыжков с неё: первым прыгнул француз, потом ещё семеро поляков. После этих инцидентов террасу огородили решеткой.

В музее выставлены уникальные коллекции произведений из стекла, а в планетарии можно посмотреть на звезды.

В 2009 году, когда Европа отмечала 20-летие падения Берлинской стены, в Польше опять забурили разговоры о сносе высотки. Инициировал полемику глава МИД Польши Радослав Сикорский, в одном из своих выступлений заявивший, что поляки должны разрушить Дворец культуры в Варшаве так же, как немцы разрушили Берлинскую стену.

В феврале 2007 года Дворец Культуры и науки был внесён в реестр архитектурных памятников. В настоящее время здание находится в собственности мэрии Варшавы. Объектом управляет транспортная компания «*Zarząd Pałacu Kultury i Nauki*» Sp. z o. o. (ООО «Правление Дворца Культуры и Науки»).

Фирма «Купеческие Товарные Дома» была учреждена в 1999 году в силу договоренности между тогдашним вице-президентом Павлом Пискорским и союзом торговцев. Участок под застройку был выделен прямо на Площади Парадов, рядом с Дворцом Культуры. Он представлял собой временный павильон из жести площадью более 10 тыс. кв. метров, где работало от 600 до 700 предпринимателей-торговцев. После длительных дискуссий павильон в 2009 году был снесен.

Лешек Цезарий Миллер (польск. *Leszek Cezary Miller*, 3 июля 1946, Жирардув, Мазовецкое воеводство) — польский политик, премьер-министр Польши с 19 октября 2001 по 2 мая 2004. Депутат Сейма I, II, III и IV созывов (до 2005 года). На посту премьер-министра Миллер столкнулся с экономическими проблемами (безработица, низкий рост ВВП, значительный государственный долг), которые сумел разрешить лишь частично. Считается «отцом» польских экономических реформ, и для решения экономических задач приглашался президентом Порошенко в правительство Украины. Миллер согласился стать консультантом.

Е. Яскерня — председатель Комитета по иностранным делам Сейма Республики Польша.

Рышард Роман Кáлиш (польск. *Ryszard Roman Kalisz*) (26 февраля 1957 года в Варшаве) — польский политик, юрист, депутат польского парламента, бывший министр внутренних дел. С 2000 года — член Комитета государственной безопасности. Калиш — известный оратор и полемист, участник многих телевизионных программ.

Войчех Пенчак (*Wojciech Pięczak*) — польский публицист, с 1989 года публикуется в издании *Tygodnik Powszechny*, в котором руководит разделами «Мир» и «История».

ZUS (Zakład Ubezpieczeń Społecznych) — (в Польше) управление социального страхования, являющееся государственной организационной единицей со статусом юридического лица, которое занимается сбором взносов на социальное и медицинское страхование граждан, а также выдачей пособий (таких как пенсии, пенсии по инвалидности, пособий по временной нетрудоспособности или по беременности и родам) в размере и на условиях, установленных в общепринятых положениях.

CC (TW = Tajny Współpracownik) = секретный сотрудник.

Леба (Łeba) — наделенный статусом городской гмины польский город Поморского воеводства, сумевший сегодня совместить в себе противоречивые, казалось бы, объекты — морской порт и экологически безупречный курорт. Расположившийся между Сарбско и Лебско — двумя озерами у впадения в Балтику давшей городу название реки Лебы — курорт носит неформальное наименование «летней столицы Польши». Популярность его основана, в первую очередь, на исключительных климатических условиях, обеспеченных сосновым лесом, окружающим полосу прибрежных дюн, плавно переходящих в обширные песчаные пляжи.

Польский журналист, публицист, заместитель главного редактора «Газеты Выборчей».

Самый центр Варшавы. 500 метров от Лазенковского парка. Парк был заложен в XIX веке в модном тогда пейзажном стиле. Самые интересные элементы: пруд, скала с водным каскадом, смотровая площадка.

???

Пабьянице (польск. *Pabianice*) — город в Лодзинском воеводстве, в Пабьяницком повяте, недалеко (около 3 км) от центра воеводства — Лодзи. Второй по населению город Лодзинской агломерации и третий по населению после Лодзи и Пётркув-Трыбунальски.

Город расположен среди обширных лесов, из которых берёт начало река Нер. Благодаря этим лесам П. исстари представлял все удобства для охоты и короли польские приезжали сюда для отдыха, развлечений (*robawic się*, откуда, по преданию, произошло древнее название города *Robawianice*).

Уяздовский замок (польск. *Zamek Ujazdowski*) — варшавская резиденция польского короля Августа II, которая занимает участок между Уяздовским и Лазенковским парками. Её история восходит к XVI веку, однако нынешнее здание было в основном сооружено в конце XVII века.

Король Станислав Понятовский надстроил дворец ещё одним этажом, но после раздела Польши он был перестроен под казармы и военный госпиталь. Во время фашистской оккупации дворец был сожжён, а его стены в 1954 году решено было снести, несмотря на протесты архитекторов и историков искусства, чтобы по приказу главнокомандующего польской армии, Константина Рокоссовского, построить здание театра польской армии.

В 1975 году, однако, замок был вновь отстроен в том виде, который он должен был иметь во времена Августа II. В настоящее время в нём размещён центр современного искусства.

Хелена Мнишек (настоящая фамилия Мнишек-Тхожницка) (в первом браке — *Чижинская*, во втором — *Равич-Радомыская*) (польск. *Helena Mniszek*; 24 мая 1878, Курчице, Волынская губерния, Российская империя — 18 марта 1943, Сабне (ныне Мазовецкое воеводство Польши) — польская писательница. Автор популярных романов и повестей о светской жизни аристократического общества Польши и Литвы. Уже при жизни писательницы несколько её произведений были экранизированы. Самый знаменитый роман: «Прокаженная» (1909, до 1938 года вышло 16 изданий!).

Почему Мнишкувна. Сегодня в польском языке, как и в русском, у фамилий-прилагательных есть форма мужского и женского рода. Например, Ковальский — Ковальская. Однако раньше система образования женских фамилий была более сложной: по суффиксам можно было определить, замужем женщина или нет.

Незамужняя девушка: Девушка, которая никогда не была замужем, носила фамилию отца с суффиксом — увна или — анка/-янка, в зависимости от конечного звука мужского варианта фамилии (-увна для фамилий, оканчивающихся на согласный, — анка — на гласный). Например, Кордзяк (отец) — Кордзякувна (дочь), Морава (отец) — Моравянка (дочь).

Жена: Замужняя женщина или вдова получала фамилию мужа с добавлением суффикса — ова или — ня/-ына: Новак — Новакова, Коба — Кобина, Пухала — Пухалина.

Эта традиция в XX столетии начала постепенно угасать. Сегодня она сохраняется разве что в речи пожилых людей.

Ежи Попелушко (польск. *Jerzy Popiełuszko*; при рождении Альфонс Попелушко, польск. *Alfons Popiełuszko*; 14 сентября 1947, Окопы, Подляское воеводство — 19 октября 1984, Влоцлавек) — римско-католический священник из Польши, капеллан и активный сторонник профсоюза «Солидарность». Был убит сотрудниками Службы безопасности МВД Польской народной республики. Мученик католической Церкви, причислен к лику блаженных 6 июня 2010 г.

Относительно Барей см. сноску на стр. 77. «Контролируемые разговоры» — своеобразное продолжение фильма «Мишка» Барей. «Разговоры» снял в 1991 году режиссер Сильвестр Хенчиньский. В отличие от «Мишки» — это сильно политизированный фильм (ИМНО) и не такой смешной.

Отсылка к фильму «Последняя сосисочка графа Барри Кента», съемки которого ведутся в фильме «Мишка».

Яцек Куронь (польск. *Jacek Kuron*), 3 марта 1934 года, Львов — 17 июня 2004 года, Варшава) — польский диссидент и государственный деятель, выдающийся представитель оппозиции властям ПНР. (...)Под конец жизни Куронь критически оценивал результаты рыночных преобразований в Польше и Восточной Европе. В интервью 2001 года он заявил следующее: *«Я хотел создать демократию, но не продумал, каким образом. И вот доказательство: я думал, что капитализм может реформировать сам себя, всё необходимое, например самоуправление рабочих... Вот доказательство моей слепоты... Единственное, о чём я сожалею — это о своём участии в правительстве. Моё правительство помогло людям принять капитализм»*. В последней своей речи в апреле 2004 года он обратился к альтерглобалистам, протестовавшим против Всемирного экономического форума в Варшаве, со словами: *«Это вам, мои дорогие друзья, предстоит совершить то, на что не способны нынешние политические элиты: создать новое понимание общественного сотрудничества, внедрить идеалы свободы, равенства и социальной справедливости»*.

Мать известного журналиста, сценариста (соавтора К. Кешлевского), сенатора Кшиштофа Песевича была убита 22 июля 1989 года точно тем способом, которым был убит ксёндз Ежи Попелушко. Преступников так никогда и не нашли. Впоследствии сам Песевич неоднократно становился жертвой шантажа со стороны спецслужб.

1944 — Созданный днем ранее в Хелме близ Люблина Польский комитет национального освобождения издал Манифест к польскому народу, в котором сформулировал программу построения народно-демократической Польши. Через четыре дня правительство СССР подписало соглашение с Комитетом, которым признавалась его власть на освобождаемой польской территории. В конце года Комитет был преобразован во Временное правительство Польской Республики.

1952 — Принята конституция Польской Народной Республики.

1983 — В Польше отменено военное положение, введенное генералом Ярузельским.

Правильнее, Констанцине-Езерне (Konstancin-Jezerne). Курортное место в 20 км от центра Варшавы, где находятся виллы «столичной элиты» — артистов, политиков, бизнесменов, дипломатов, врачей.

ODESSA (нем.«Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen», «Организация бывших членов СС») — название, часто употребляющееся для обозначения международной нацистской организации-сети, основанной выжившими после Второй мировой войны бывшими членами СС.

См. сноску на стр. 5.

Очень-очень коротко: тортеллини — итальянская разновидность пельменей, рикотта — сыр, с которым тортеллини готовят; каннеллони — толстые макароны, которые, как правило, фаршируют мясом, рыбой или овощами.

Беяны (польск. *Bielany*) — дзельница (район) Варшавы, самая северная из расположенных левом берегу Вислы. До введения нового административного деления Варшавы (1994) входила в состав дзельницы Жолибож. Так что Беяны нельзя назвать гминой. Гміна (польск. *gmina* — волость) — наименьшая административная единица Польши.

Здесь имеется в виду спикер парламента.

Анджей Збигнев Леппер (польск. *Andrzej Zbigniew Lepper*, Стовенцино, Поморское воеводство — 5 августа 2011, Варшава) — польский политик, лидер партии Самооборона Республики Польша, бывший вице-спикер Сейма, заместитель премьер-министра и министр сельского хозяйства Польши с мая по сентябрь 2006 и с октября 2006 по июль 2007 года. Занял третье место во время первого тура президентских выборов в 2005 г... Получил известность благодаря организованным им скандальным акциям гражданского неповиновения и радикальным высказываниям в адрес своих оппонентов.

Марек Белька (польск. *Marek Belka*, родился 9 января 1952, Лодзь) — польский экономист и государственный деятель. Премьер-министр Польши в 2004–2005 гг.

Лешек Бальцерович (польск. *Leszek Balcerowicz*; 19 января 1947 года в Липно) — польский экономист и политик, представитель монетаризма. Организатор и идейный вдохновитель польских экономических реформ (так называемой «шоковой терапии» или «Плана Бальцеровича») — ускоренного перехода страны с плановой экономикой в страну с рыночным хозяйством. В настоящее время — консультант президента Украины.

ONR — Obóz Narodowo-Radykalny = Национал-Радикальный Лагерь (по названию сразу все становится ясно).

См. примечание на стр. 102.

Chapeau bas — Молодец! Молодца (буквально: «шляпу долой») фр.

Один из методов подготовки и повышения квалификации в области психотерапии; форма консультирования психотерапевта в ходе его работы более опытным, специально подготовленным коллегой, позволяющая психотерапевту (супервизируемому) систематически видеть, осознавать, понимать и анализировать свои профессиональные действия и свое профессиональное поведение. С. направлена на психотерапевтический процесс и имеет своей целью развитие знаний, навыков и умений, способствующих совершенствованию профессиональной деятельности психотерапевта. В процессе С. психотерапевт получает возможность рефлексировать и интегрировать свои личные способы реагирования, объективные знания, субъективный опыт и конкретные психотерапевтические ситуации для совершенствования своей психотерапевтической работы. В ходе С. психотерапевт может осознать, как он работает, находясь в данной психотерапевтической ситуации и являясь при этом конкретным человеком со своими собственными способами поведения и непосредственным субъективным опытом, а также с определенными профессиональными знаниями, навыками, умениями и опытом.

Милорад Лукович — больше известный по его прозвищу «Легия» (Легион), которое он получил во время службы во Французском иностранном легионе — признан виновным в убийстве бывшего президента Ивана Стамболича в августе 2000 года. Стамболич был похищен во время совершения пробежки; затем его убили, а тело захоронили в лесу.

Бывший шеф тайной полиции Раде Маркович и еще шестеро сотрудников получили тюремные сроки от четырех до 40 лет.

В обвинении говорится, что Слободан Милошевич считал Ивана Стамболича возможной угрозой своей политической власти. Однако сам Милошевич отрицает свое участие в планировании убийства своего политического соперника.

Шэрон Мари Тейт (англ. *Sharon Marie Tate*; 24 января 1943, Даллас, Техас, США — 9 августа 1969, Бенедикт-Кэньон, Лос-Анджелес, Калифорния, там же) — американская актриса и модель. С детства участвовала в конкурсах красоты, регулярно появлялась на обложках и страницах глянцевого журналов. (...) В 1968 году номинировалась на премию «Золотой глобус» за роль Дженнифер Норт в фильме «Долина кукол» (1967); на церемонии вручения премии была провозглашена одной из самых многообещающих молодых голливудских актрис года. В том же году вышла замуж за кинорежиссёра Романа Полански. Год спустя, находясь на восьмом с половиной месяце беременности, была зверски убита в собственном доме членами преступной коммуны («Семьи») Чарльза Мэнсона.

Бывшую заместительницу министра культуры Польши Александру Якубовскую приговорили к восьми месяцам тюрьмы.

Ее обвиняют в превышении служебных полномочий и в деятельности в ущерб общественным интересам. Окружной суд Варшавы установил, что в 2002 году она внесла незаконные изменения в проект нового закона о телевидении и радиовещании. Если бы закон был принят с ее учетом, — приватизация региональных телевещателей оказалась бы невозможной. На этом основании Якубовскую приговорили к восьми месяцам тюрьмы с задержкой отбывания наказания на два года.

Перед началом процесса 20 июня она заявила в интервью сайту Gazeta.pl, что действовала как раз в интересах общества, защищая региональных вещателей от возможных имущественных посягательств со стороны потенциальных покупателей.

Вместе с бывшей заместителем министра на скамье подсудимых оказались экс-сотрудники министерства культуры и Национального совета Польши по вопросам телевидения и радиовещания — Ивона Галиньска и Томаш Лопакский. Их приговорили к трем и шести месяцам тюрьмы за то, что в том же 2002 году убрали из статьи законопроекта о приватизации национального телевидения фразу «... или журнала».

См. сноску на стр. 66.

Карл Ведель приехал в Польшу из Берлина и в 1851 г. открыл в Варшаве собственное дело.

В со вкусом обставленной кондитерской на ул. Мёдовой Карл Ведель вместе с супругой Каролиной подавал питьевой шоколад. Кроме сладких десертов в «Кондитерской Э. Ведель» продавалась также аптекарская продукция: солодовый сироп, лечебная карамель и мятные пастилки.

Десерты Веделя пользовались огромной популярностью среди местного люда, который толпами валил в кондитерскую, пробуя интересные, ранее неизвестные вкусовые композиции.

Одно из любимых варшавянами кафе Blikle, которое находится по адресу Nowy Świat 33, было открыто в 1869 году Антони Казимежем Бликле. С момента своего основания и до нынешних дней здесь мало что изменилось. По крайней мере, дизайн внутренних помещений продолжает носить отпечаток стиля и шарма традиционных венских кафе позапрошлого века. http://www.turizm.ru/poland/warsaw/places/kafe_blikle/ Здесь же упоминается кафе «Бликле» (сеть?) на площади Вудро Вильсона (Старый Жодибож).